Рассказы бывалых людей

В. С. Емельянов

О времени, о товарищах, о себе

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Настоящая книга представляет собой первую часть воспоминаний одного из организаторов советской промышленности, известного ученого, члена-корреспондента Академии наук СССР, Героя Социалистического Труда Василия Семеновича Емельянова. Кинозрители нашей страны и за рубежом знакомы с автором по одному из больших эпизодов фильма «Русское чудо». Книга посвящена в основном тридцатым годам, когда закладывался фундамент сегодняшнего индустриального могущества Страны Советов. Рассказывает В. С. Емельянов и о более раннем периоде — работе в Баку в первые годы Советской власти, учебе в Московской горной академии, встречах с И. Ф. Тевосяном, А. А. Фадеевым, А. П. Завенягиным. С большим интересом читаются страницы, посвященные пребыванию В. С. Емельянова в 30-х годах в Германии, где он работал на заводах Круппа. Автор — человек, много повидавший на своем веку, с точным пониманием людей и событий. Поэтому за отдельными фактами, характерами, судьбами перед читателем встает огромный исторический фон, интереснейшее время первых пятилеток.

- Василий Емельянов
  - ИЗ БЕРЛИНА В МОСКВУ
    - Домой
    - Утром ничего не ешьте
    - Пасс контролле
    - Вы должны получить разрешение на проезд
    - С нами здесь считаются
    - Польша Пилсудского
    - «А мотоцикл вы везете?»
    - И такое случается
    - Под стук колес
    - «Может быть, и выучишься на писаря»
    - А кто же будет восстанавливать Советскую власть!
    - Не уберег!
    - Первое знакомство с Тевосяном
    - Нужны специалисты
    - Будущий писатель
    - Студент-проректор
    - Борьба с оппозицией
    - Дни всенародной скорби

- Мы будем это делать первыми
- Борьба за кадры
- Мы снова учимся
- В другом мире
- Чего-то мы не уловили
- Ложь и цинизм
- Осколки разбитого вдребезги
- Хуберт на распутье
- В лабораториях крупповского завода
- В исследовательском институте
- — Ziehe mal auf![23]
- Проекты будущих заводов
- В Главспецстали
- «Поезжайте в Италию»
- Выстрел за дверью
- В Швеции и Норвегии
- Первое знакомство с Англией
- Спасибо!
- На металлургических заводах Шеффилда
- Они хотели поставить нас на колени
- А может быть, согласиться?
- Из «голодающей» России
- «Warum tanzen Sie nicht?»[36]
- «Sind Sie von Tscheka?»[41]
- Что скрывается за фразой «кризисные явления»
- Фабрикант
- Художник
- «Здесь я пропаду»
- У них нет целей
- Овладеем ли мы новой техникой!
- О болтах и гайках
- Ну что же, посмотрим
- Гитлер рвется к власти
- Они подожгли рейхстаг
- Надо все видеть
- Где же Гейне!
- Заплеванный Hitlerjugend[80]
- Judisches Geschäft[81]
- Wer ist arisch?[82]
- Wissen Sie, was «Volksgrenzen» bedeuten?[84]
- Напрасно их считают людьми
- Напряжение в стране растет
- Знакомство с гестапо
- «У нас это четко определено»

- У начальника гестапо
- Снова у директора завода Геренса
- У Германа Рохлинга
- Неужели я от него не отделаюсь!
- Героизм коммунистов
- Wir sind Ausländer[109]
- Коммунистическая партия Германии живет
- Гитлер на заводе Круппа
- «Ночь длинных ножей»
- Многому еще надо учиться
- Ребенок должен сегодня умереть
- В Берлине
- Земляки
- Кого убили!
- В ночь под Новый год
- Главные трудности у нас позади
- Мы и они
- А вы на земле проживете…

○ В МОСКВЕ И ЧЕЛЯБИНСКЕ

- В Москве
- Рубли из копеек складываются
- «Подопытные кролики»
- Взлет промышленности
- Успехи и неудачи
- Энтузиасты-мечтатели
- В чем же дело!
- На пути в Челябинск
- Челябинск
- Пельмени
- Оливки
- У нас будет все
- Как ликвидировать брак!
- У Серго на приеме
- Рискованный опыт
- Что значит личная заинтересованность!
- О штатах и их сокращении
- Борьба за план
- Мелочи жизни
- Старатели
- Доллар на заводской свалке
- Премия за снижение себестоимости
- Самые простые гвозди
- О шлаке
- Обойдемся

        - Челябинский Архимед
        - Жизнь бьет ключом
        - Триумф советской авиации
        - Первая елка
        - Директор должен быть директором
        - На Западе собирается гроза
        - Проверка партийных документов
        - Серго пятьдесят лет
        - Но не всегда все шло гладко
        - О бдительности
        - Первые тревоги
        - Из Челябинска в Москву
    - Иллюстрации
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30

- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74

- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118

- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121

Василий Емельянов
О времени, о товарищах, о себе

ИЗ БЕРЛИНА В МОСКВУ

Домой

Ну вот, кажется, и все. Все дела сделаны. Нанесены последние прощальные визиты, сборы закончены. Сколько же времени я пробыл в Германии?

Впервые я попал туда в феврале 1930 года как практикант и проработал в Эссене на заводе Круппа семь месяцев, а затем в марте 1932 года снова очутился на этом же самом заводе, но уже в качестве руководителя советских инженеров и техников, направленных в Германию для изучения крупповских методов производства стали.

Сегодня, 21 апреля 1935 года, — последний день моего пребывания за границей. За эти годы мне пришлось много поколесить не только по Германии, но и по другим странам Европы.

До отъезда за границу у меня — да и у многих моих сверстников — было самое смутное представление об этом чуждом для нас мире. В общем, он представлялся нам каким-то абстрактным миром насилия.

На всех собраниях, митингах, конференциях, съездах мы с первых дней революции с воодушевлением пели:

Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим…

Там, за рубежами нашей страны, находится этот мир насилья. На одной шестой части планеты мы его уже разрушили, разрушили от вершины и до основания. Мы еще пылали огнем недавних боев. Ведь прошло всего восемь лет после того, как отзвучали последние выстрелы гражданской войны и вместе со многими другими я сменил воинский билет красноармейца на диплом инженера-металлурга, закончив Московскую горную академию. А вот теперь я попал в такой же самый мир, который мы у себя разрушили.

Все страны Европы в те годы потрясал жестокий экономический кризис сбыта. Они не знали куда девать то, что производилось на их заводах и фабриках, добывалось на шахтах и рудниках, выращивалось на полях и в садах, вылавливалось в море. Кризис сбыта накладывал свой отпечаток на все области жизни Запада.

О кризисе писали газеты. Их страницы были заполнены

тревожными сообщениями о ликвидации многих, десятилетиями существовавших фирм, о прекращении или значительном сокращении выпуска промышленной продукции, о банкротствах банков и предприятий, о безработице и самоубийствах.

«Спасайте Европу от гибели», — писала английская газета «Дейли геральд», сообщая о том, что Европе «грозят голод, восстания, революция, гражданская и всеобщая война». «Сейчас уже приходится бояться не внезапного банкротства одной лишь нации, — в тревоге предупреждала газета, — а гибели целого континента».

«Международная торговля Европы умирает» — эта фраза часто повторялась многими газетами. «Вернутся ли средние века?» — ставило вопрос агентство Рейтер и приводило многочисленные факты «борьбы с машиной» как средство борьбы с кризисом. Агентство сообщало о принятых законах, предписывающих ряду производств не приобретать новые машины, запрещавших применение грузовых машин, так как перевозки на лошадях «требуют больше рабочих рук».

Мюнхенский корреспондент этого агентства указывал на то, что в Баварии значительные слои населения «стали заменять газ и электричество более дешевыми средствами освещения».

И только из нашей страны шли совсем другие вести. Редактор американского еженедельника «Нью рипаблик» Брюс Блайвин, вернувшись из Советского Союза, опубликовал, например, статью, в которой писал, что «ни одна капиталистическая страна никогда не осуществляла и не может осуществить такого строительства, какое имеет место в России как по объему, так и по темпам». В те годы у нас в стране шло интенсивное строительство, возникали новые фабрики и заводы, производилась реконструкция и расширение старых предприятий.

Опережая установленные планами сроки, успешно выполнялась первая пятилетка.

Но мы хотели двигаться еще быстрее, еще стремительнее. Ведущееся в стране строительство постоянно испытывало в чем-нибудь нужду. Не хватало машин, приборов, материалов. Многое из того, в чем мы нуждались, в старой России никогда не производилось, и никто из нас не знал, как эти нужные нам машины, приборы и материалы изготовляются.

Промышленность старой России была многочисленными нитями связана с индустрией Запада. На всех наших железных дорогах, например, использовались тормоза американской фирмы Вестингауза, по нашим городам ходили бельгийские трамваи, мы пользовались голландскими телефонами, шили на швейных машинках Зингера, во всех наших лабораториях велись

измерения немецкими приборами Сименса и Шуккерта, и все студенты, выполняя свои дипломные проекты, чертили рейсфедерами и циркулями из готовален Рихтера.

Революция разорвала эти связи, что привело к многочисленным затруднениям.

Останавливались машины, так как заменять изношенные или поломанные части было невозможно — их не было, а получить машины там, откуда они поступали раньше, стало или очень трудно или даже невозможно. Найти нужный для работы прибор, материал или инструмент было проблемой.

Мы практически чувствовали нашу зависимость от Запада и острую необходимость избавиться от нее.

Поставленная задача — индустриализация страны — потребовала не только восстановления и приведения в порядок существовавших производств, но и создания многих новых, таких, о которых мы ранее не имели никакого представления. Мы знали о них только по сообщениям иностранной печати или из рассказов тех, кто бывал за границей и видел их там, да еще по отдельным, случайным образцам, поступавшим к нам из-за рубежа.

В те годы много необходимого покупалось за границей, а молодых специалистов направляли в страны Европы и Америки для изучения нужных для нас производств.

…Мы и они представляли собой два мира, в которых бурно развивались диаметрально противоположные процессы. Развал экономики капиталистических стран — рост и укрепление экономики единственной в то время социалистической страны.

У нас были ясные цели, а план развития определенна пять лет вперед.

У них не было ни планов, ни перспектив. Наиболее реакционные круги Германии искали выход в войне.

В марте 1933 года они поставили у власти Гитлера. Все это происходило в те четыре года, что я провел за рубежами Родины, и волей судеб стал свидетелем происходящих событий.

Теперь домой.

Надо сдать багаж. Немецких денег — марок — мало. Для работающих за границей установлены скромные оклады. Иностранная валюта нужна на покупку оборудования. Мы экономили марки, франки, фунты и доллары на всем. Где можно обойтись без траты валюты — обходились. Мне легче заплатить вдвое, втрое больше советскими деньгами, нежели марками.

Когда на вокзале Цоо в Берлине я сдавал свой багаж, работник багажного отделения, старый опытный чиновник железной дороги, посоветовал мне сдать его до Минска. Сдавать

багаж до Москвы мне не хотелось — дорого.

— До станции Негорелое мы отправить ваши вещи не сможем, — сказал мне чиновник. — Эта станция не числится в наших документах, и до нее не установлен тариф. До Столбцев я могу принять, но имейте в виду, что у вас будет много хлопот. На польской границе весь багаж вам придется переоформлять — это не только лишнее время, но и дополнительные расходы. Конечно, если вы хотите, я приму у вас и до Столбцев, но советую сдать до Минска.

— Но ведь мне нужно его доставить в Москву, а не в Минск, — возразил я своему советчику.

— Ну и что же, переоформите его в Негорелом до Москвы. Потеряете немного на том, что дважды заплатите за отрезок пути от Негорелого до Минска. Но ведь в марках я с вас возьму только до Минска. Игра стоит свеч, — и чиновник понимающе улыбнулся. — Уверяю вас, что если вы сдадите до Столбцев, то намучаетесь, а расходов будет больше.

Я внял совету чиновника и потом не раз поминал его добрым словом.

Утром ничего не ешьте

…Вагон сильно качало. На Западе железнодорожная колея уже, а скорость движения поездов больше, кроме того, на некоторых участках профиль пути извилист — поэтому качает значительно сильнее, нежели на дорогах Советского Союза.

Путь из Берлина в Москву мне хорошо известен, я уже несколько раз совершал поездки по этому маршруту и все поездом — лететь мне довелось всего один раз, в 1934 году. Полет был неудачен. Мы — группа советских работников торгового представительства в Берлине — были направлены тогда в Москву на ноябрьские праздники. Рейсовый самолет «юнкерс» компании «Дерулюфт» путь от Берлина до Москвы совершал обычно за день. В пути были две остановки — одна в Данциге и вторая в Великих Луках. Самолеты летали низко, и в них отчаянно болтало.

В этот свой первый полет я был подробно проинструктирован нашим консулом в Берлине:

— Утром ничего не ешьте. Можно выпить стакан жидкого чая с лимоном и в крайнем случае съесть один бутерброд с сыром.

Совершенно голодным я занял место в самолете. Мой «инструктор» — консул — также летел с нами. От Берлина до Москвы самолет все время проваливался в воздушные ямы. У всех пассажиров были бледно-зеленые лица. Все молчали и, вероятно, думали то же, что и я, — когда же закончатся эти муки.

Я не страдал морской болезнью, и поэтому мое самочувствие, кажется, было лучше, чем у многих других моих попутчиков, но этот первый полет не доставил мне никакого удовольствия, и я, поминутно посматривая на часы, ждал, когда же он придет к концу.

В Данциге сделали посадку.

Нам предложили выйти из самолета и отдохнуть в зале аэровокзала.

Мы вышли вместе с консулом, но не успели дойти до помещений аэровокзала, как он вдруг остановился — лицо его и без того бледно-зеленое стало мертвенно бледным.

— Что же это с вами? Вы же летаете не первый раз?

— Двенадцатый. И каждый раз одно и то же, — пролепетал мой советчик.

После короткого отдыха в Данциге, во время которого были пополнены запасы топлива, мы снова поднялись в воздух.

На полпути между Данцигом и Великими Луками сидящий рядом советский заместитель директора компании «Дерулюфт»,

наклоняясь ко мне, шепотом произнес:

— Левый мотор вышел из строя. Летим на двух, — и он беспокойно посмотрел из окна на расстилающиеся внизу болота.

С большим трудом мы дотянули до аэродрома в Великих Луках.

Из Великих Лук до Москвы добирались уже поездом и прибыли в Москву только на следующий день.

Через тридцать лет мне пришлось лететь в США. Полет от Москвы до Парижа занял три с половиной часа, а от Парижа до Нью-Йорка шесть с половиной.

Пассажирам был предложен обильный обед, включающий разнообразные холодные закуски и горячие блюда, а после него всем раздали наушники и предложили просмотреть кинокартину. Полет по этой трассе происходит на высоте девять-десять тысяч метров, и обычно внизу, кроме пелены густых белых облаков, ничего не видно. И вот одна из авиакомпаний, для того чтобы пассажиры не скучали в пути, создала специальную киноустановку.

Самолеты идут спокойно, без качки и провалов в воздушные ямы. Только шум реактивных моторов вызывает некоторое раздражение. Тогда — тридцать лет назад — все было совершенно иначе. О человеке, совершающем полет, беспокоились и родственники, и знакомые. Долетит ли?

В день прилета редко кто из воздушных пассажиров находился в рабочем состоянии…

Железнодорожный транспорт в те времена был значительно надежнее, и все свои путешествия по Европе я совершал по железной дороге.

И вот теперь — после длительного проживания в Германии — возвращение в Москву.

Думалось, с пребыванием за рубежом покончено навсегда. Тогда мне в голову не приходило, что я вновь вернусь в эти места, но уже через двадцать лет.

За окнами мелькают знакомые картины хорошо обработанных полей, аккуратные ленты обсаженных фруктовыми деревьями дорог. Небольшие городки с узкими улочками, извивающимися между кирпичными домами с остроконечной черепичной кровлей. Черепица потемнела от времени и свидетельствует о долговечности не только строений, но и сложившегося уклада жизни. В этой части Германии — протестанты. Об этом можно судить по их киркам — неизменной принадлежности всех городков. Эти простые строения из кирпича, с узкими прямоугольными башнями колоколен выделялись среди жилых строений, но не господствовали над ними. Кирки резко

отличаются от католических храмов с их вычурной архитектурой и резьбой из камня. Отличие резко бросается в глаза. Там, на католическом Западе, я не встретил ни одного одинакового храма — здесь кирки похожи одна на другую.

Пасс контролле

Река Одер, короткая остановка во Франкфурте-на-Одере и, наконец, граница — станция Стенч. Строгие лица контролеров. Сколько раз мне приходилось пересекать границы Германии, границы с Польшей, Бельгией, Данией, Голландией, Швейцарией, Австрией.

Поездки меня не утомляли. Ездить я любил и неизменно восторгался порядками на железных дорогах — строгим соблюдением графика движения, простой системой проверки билетов и контроля на границах, вежливым обращением персонала.

В вагонах немецких поездов пассажиры обычно вели оживленные разговоры и обсуждали все события местной и международной жизни. Такие разговоры помогали мне, в частности, изучать немецкий язык и позволяли иногда устанавливать полезные знакомства. При этих коротких встречах и беседах выявлялись взгляды людей, оценки ими происходящих событий, их настроение. Можно было чувствовать пульс общественной жизни и знать, что происходит в стране не только из газет и радиосообщений, но путем непосредственного общения с ее населением.

С приходом Гитлера к власти все изменилось. Народ стал остерегаться говорить, в особенности в присутствии штурмовиков. При их появлении беседы, если они и шли, стихали. В вагонах нередко производились аресты.

— В конце 1933 года, когда я проезжал из Кельна в Эссен, штурмовики вытащили из соседнего купе старого еврея. Они потребовали у него документы, а когда старик в растерянности произнес, что паспорт он с собой не носит и никогда его не носил, то молодой штурмовик — еще совсем мальчишка — предложил ему выйти из вагона. У дверей он толкнул старика в спину, на платформе высаженный из вагона сказал: «Зачем же толкаться? Ведь я иду, как вы мне приказали». Тогда второй штурмовик ударил его по лицу.

Всю эту сцену наблюдали с окаменевшими лицами стоявшие у окон пассажиры.

Несколько позже, когда я возвращался из Парижа, в поезде, при остановке его в Аахене, я наблюдал сцену издевательства штурмовиков над пассажиром-французом. Француз ехал из Парижа в Варшаву. Двое штурмовиков вошли в купе и предложили ему открыть чемодан. Когда он сказал, что таможенный контроль уже все проверил, ему нагло заявили:

— А вот мы еще не проверили — вы никуда дальше не поедете, пока мы не проверим.

Француз открыл свой чемодан, и штурмовики стали рыться в нем. Казалось, что они умышленно хотели разворошить все.

Затем один из них вынул из чемодана рубашку и произнес:

— А вот ее мы разрешим вам провезти только в том случае, когда вы заплатите пошлину. Новые вещи ввозить нельзя — это товар.

— Но ведь это моя рубашка. Я не собираюсь ее продавать. А кроме того, я еду транзитом прямо в Польшу и нигде в Германии не останавливаюсь.

— Вы ее можете продать где-то на станции, поезд делает до Варшавы шесть остановок.

— Но ведь такое предположение нелепо. Зачем же я буду продавать одну-единственную рубашку, да и практически это невозможно — поезд на каждой станции стоит всего несколько минут.

— Вы должны или заплатить пошлину или сдать свой чемодан в багажный вагон до польской границы, а там можете его получить обратно, — упрямо твердил штурмовик.

Я видел в его глазах какое-то злорадство: он — представитель высшей расы, почему бы ему не позабавиться над нижестоящими? Ему дозволено все.

Француз с остервенением захлопнул чемодан и, забрав его, пошел сдавать в багажный вагон.

Аресты, допросы, обыски, избиения стали обычным явлением. В Министерство иностранных дел Германии стали поступать массовые протесты иностранцев против действий штурмовиков — об этом мне рассказывал наш посол в Германии Суриц.

Правительство выпустило специальный циркуляр об отношении к иностранцам. Явные издевательства стали реже, но надменное, высокомерное отношение к представителям других, «не арийских», народов сохранилось. Разница с тем, как обстояло дело раньше, была такой, что, если бы я уехал из страны до прихода Гитлера к власти, мне трудно было бы верить тому, что писали и рассказывали о Германии этих коричневых лег.

…Раньше на всех границах проверка документов и таможенный контроль проводились опытными, вышколенными чиновниками. Они были хотя и сухи, но вежливы, не придирались по пустякам, но и не отступали от установленных правил. Все стало иначе, когда их заменили штурмовики. Они особую ненависть питали к советским людям. Их годами убеждали в том, что советский народ является врагом немецкого.

Вот они входят в вагон. Массивные, в форме, плотно

обтягивающей тучные тела. На головах форменные фуражки с лакированными козырьками. На околыше большой орел с распластанными крыльями.

— Pass Kontrolle![1] — разносится по коридору вагона, когда пограничники подходят к очередному купе. У контролеров бесстрастные лица и выработанные автоматические жесты. Два пальца слегка касаются лакированного козырька фуражки. Руки перебирают листы документов. Нажатие печатки о подушку с краской, удар ею по странице паспорта — виза погашена. Рука протягивает документ, и два пальца вновь слегка касаются блестящего козырька.

Вот, наконец, и у моего купе также раздается «Pass Kontrolle!». Пограничник формально вежлив, но он каждым своим действием хотел причинить неприятность. Рассматривая через стекла пенсне паспорт, он, кажется, замер над раскрытыми красными обложками документа, напоминая застывшую в ожидании добычи змею. Я бы не удивился, если бы он вдруг раскрыл рот и длинным тонким язычком поболтал над его страницами.

Накипело раздражение, но надо сдерживаться и ждать. Вот наконец пограничник вынул печатку, стукнул ею по страничке паспорта, с шумом захлопнул его и, не глядя на меня, протянул документ. Два пальца отработанным движением коснулись козырька форменной фуражки.

Через минуту его голос был слышен у следующего купе: «Pass Kontrolle!».

Контролеры ушли. Раздражение улеглось. В купе я один, и хотя уже поздно, но спать не хочется. В памяти воскресли другие встречи на границах.

Вы должны получить разрешение на проезд

Осенью 1932 года я возвращался в Германию из Англии. Пересек на пароходике Ла-Манш и из Дьеппа рано утром в субботу прибыл в Париж.

На северном вокзале сдал чемодан в камеру хранения. С этого вокзала вечером того же дня я должен был выехать дальше в Германию, в город Эссен.

В Париж я попал впервые, и весь день прошел в беготне по городу. Площадь Бастилии, кладбище Пер-Лашез, Собор парижской богоматери, Эйфелева башня… Ну вот, кажется, основное из того, что я наметил, осмотрено, и день закончился. Уже вечер, а у меня во рту с утра маковой росинки не было.

Недалеко от вокзала в маленьком ресторанчике я наконец расположился за столиком и заказал обед. Когда официант записал в блокнотик заказанные блюда и отошел, я решил проверить, все ли у меня в порядке с документами.

Железнодорожный билет на месте и в порядке. Паспорт у меня распух от большого количества вклеенных дополнительных листков, заполненных различными визами.

Французская транзитная виза выдана на сутки, германская въездная виза получена еще в Эссене. Но где бельгийская транзитная виза — Лессе-Пассе? Она дается на отдельном листке. Ее в паспорте нет! В Лондоне забыли взять бельгийскую визу.

Что же делать мне? Завтра воскресенье, и все учреждения закрыты. Оставаться до понедельника не могу: у меня могут возникнуть недоразумения с французскими властями.

Пойти в посольство и посоветоваться там? Но кого, кроме дежурного, я найду там в субботу вечером?

Вот так ситуация!

И оставаться нельзя, и ехать без визы невозможно.

А может быть, все-таки рискнуть? Я еду транзитом, у меня спальное место. Неужели бельгийцы высадят? Неужели будут беспокоить ночью? Поеду! Ведь рано утром я буду уже на германской границе в Аахене.

Самочувствие неприятное. Проводник вагона предлагает отдать ему билет и паспорт и лечь спать, границу будем пересекать во втором часу ночи.

Но разве заснешь? Беру книгу, но читать не могу. Неотступно преследует мысль — проеду через Бельгию или задержат? И вдруг вспоминаю, что у нас нет с Бельгией дипломатических

отношений. Стало еще тоскливее.

Вот и граница. Если поезд отойдет и в мое купе никто не явится, то лягу спать, — ноги гудят, и их хочется вытянуть. Каждая минута кажется вечностью.

Вдруг легкий стук, в дверях появляется проводник. У него растерянное лицо, а в руках мой паспорт:

— У вас паспорт не в порядке.

Только он успел произнести эти слова, как за ним выросла мощная фигура бельгийского жандарма. У жандарма круглое мясистое лицо, украшенное мощными кустистыми черными усами, кончики которых нафабрены и подняты кверху, что делает его удивительно похожим на Вильгельма Второго.

Он подносит руку к козырьку фуражки и хрипло произносит:

— Вам надо получить разрешение на проезд через Бельгию, — и он берет паспорт из рук проводника.

А в это время я мучительно искал выхода. Ведь у меня французская-то виза есть. Отношение Франции и Бельгии близкие, раз французы выдали мне визу, чего же бельгийцам-то беспокоиться?

И под влиянием этих мыслей, я выпалил:

— Mais j'ai le visa français![2]

И тотчас же понял, какую глупость я совершил.

Жандарм покраснел и с раздражением произнес:

— В вашем паспорте я видел визы многих стран мира, вы считаете, вероятно, необходимым их получать. А разве Бельгия не такая же страна, как и другие, в которых вы побывали?

Его голос был полон гнева: «Нет, я не могу вас пропустить без разрешения бельгийских властей».

Что же теперь мне делать? Помимо того, что у меня нет визы, я еще умудрился обозлить жандарма. Только этого мне и не хватало.

Как же быть? Меня высадят на этой маленькой пограничной станции. Надо находить выход из этого положения.

Дать ему на чай? Но как это сделать? Да и возьмет ли он? Можно еще больше осложнить все дело.

А жандарм продолжал твердить: «Вы должны получить разрешение у представителей бельгийской власти на проезд через территорию Бельгии».

Мне показалось, что он как-то подчеркивал слова — «представителей бельгийской власти», а раздражение у него как будто бы улеглось.

И вдруг выход нашелся! Обращаясь к жандарму, я произнес:

— Вот, как к представителю бельгийских властей, я и обращаюсь с просьбой разрешить мне проехать через вашу страну.

Жандарм поднял руку и тронул пальцами кончик уса.

— Конечно, я могу это сделать, но я принужден буду вас оштрафовать.

Ну, как будто бы появляется какая-то надежда.

— Раз я допустил нарушение установленных правил, конечно, у вас есть основания наложить на меня штраф.

По глазам жандарма я видел, что он доволен моим ответом.

— Но я вас крепко оштрафую.

У меня упало сердце. Хватит ли денег? Только бы хватило.

— Я рассчитываю на вашу справедливость.

Казалось, жандарм оценивал ситуацию. Он окинул взглядом купе, посмотрел на полку, где лежал мой чемодан, и затем произнес:

— Я возьму с вас десятикратную стоимость визы.

«Только-то!» — подумал я.

Виза стоила восемь с половиной французских франков, а за обед в самом дешевеньком ресторанчике Парижа в то время надо было заплатить не менее двадцати франков.

Следовательно, сумма моего штрафа не превышала стоимости пяти посредственных обедов.

Я вынул из бумажника стофранковый билет и передал его жандарму. Он поспешно вынул из кармана портмоне и слегка дрожащей рукой попытался вынуть из него деньги для сдачи.

Я сразу же почувствовал уверенность и, улыбаясь, сказал ему:

— Да вы не беспокойтесь — это такая мелочь.

И жандарм сразу же преобразился. Он принял форму странно изогнутого толстого бревна, — я даже не понял, как ему удалось так выгнуться.

— Желаю вам счастливого пути, ложитесь спать, уже поздно.

Потом он выпрямился и, обращаясь к проводнику, резко произнес:

— Вы не знаете своих обязанностей. В купе горит яркий свет — это беспокоит господина. За этим надо следить, а вы этого не делаете. — Низко поклонившись, жандарм вновь пожелал мне счастливого пути и сказал, что я могу спокойно ехать через всю Бельгию, — меня больше никто беспокоить не будет.

Никакой квитанции на получение денег он мне не дал. Таким образом, за сто франков я получил разрешение проехать через всю страну без визы.

С нами здесь считаются

Вторично неприятные минуты на границе мне пришлось пережить в том же 1932 году.

Нами только что был заключен договор с заводами Рохлинга. Начальник Главспецстали Иван Тевадросович Тевосян направил в Германию своего заместителя Пипикова для ознакомления с производством заводов Рохлинга. Втроем — Пипиков, я и один из наших инженеров Васильев — поехали на заводы фирмы, сначала в город Вецлар, а затем в Саарскую область, в город Фольклинген. Пипиков и Васильев проехали в Вецлар из Берлина, а я из Эссена.

Проведя два дня в Вецларе, мы выехали в Саарскую область. Саарская область в то время находилась под управлением Комиссии Лиги наций. Я не проверил паспорта своих спутников и, уже подъезжая к границе спросил их:

— А визы для въезда в Саарскую область вы взяли в Берлине? — и попросил показать паспорта.

В паспорте Васильева не только не было визы, но и сам паспорт оказался просроченным.

У Шишкова также не было въездной визы. Я начал громко высказывать свои соображения о легкомысленности некоторых людей и сравнивать их отношение к поездке в другую страну с поездкой к теще на блины в Конотоп.

На мой разговор с Шишковым и Васильевым обратил внимание сопровождавший нас в этой поездке представитель фирмы Рохлинга.

— В чем дело, профессор? — спросил он меня.

— У них виз нет для въезда в Саарскую область.

— Ну ничего, к нам пропустят, а обратную визу для въезда в Германию мы получим: у меня знакомый консул на французской границе, возьмем через него.

В Саарскую область мы въехали действительно без труда, но, когда дело дошло до выезда, появились осложнения. Оказалось, что французский консул уехал на несколько дней в другой город, а пользующийся большим влиянием владелец завода — Герман Рохлинг — находился в эти дни в Женеве.

Одним словом, перед нами были только две возможности: или ждать возвращения Рохлинга, или пересекать границу без виз. Собственно, у меня документы были в полном порядке, но Пипикова и Васильева могли ждать неприятности.

Главный инженер завода предложил нам свою машину и сказал:

— Поезжайте на машине до Цвайбрюкена. Вас никто не

остановит, мою машину знают, и пограничный контроль не осмелится ее остановить, а если вы во время пути будете разговаривать друг с другом, то вас никто и не рискнет прервать. Мы здесь пользуемся все-таки известным уважением. С нами здесь считаются.

Мы решили ехать.

Утром, когда мы выезжали из Фольклингена, шел мелкий дождь. Узкая автомобильная дорога шла вначале через виноградники, а затем через сосновый лес. Контрольный пограничный пункт находился на опушке этого леса.

У контрольного пункта нас остановили таможенники. Обычные для этих мест вопросы:

— Haben Sie Zigarren, Zigaretten, Tabak, Kognak, Parfüm?[3]

— Nein[4].

Таможенник открыл дверцу машины, заглянул внутрь, приподнял крышку багажника, захлопнул ее и, козыряя, отошел в сторону, а мы двинулись дальше.

Я спросил сопровождающего нас представителя фирмы:

— А где же будут проверять документы?

— Должны были бы здесь. Но пограничник играл в карты. Он их сдавал как раз, когда мы подъезжали. Я видел это через окно домика контрольного пункта, — разъяснил мне представитель фирмы. — По-видимому, он не хотел выходить в дождь из помещения и прерывать игры, — добавил он, уловив мой недоуменный взгляд. — Кроме того, нас здесь знают. Эта машина им знакома.

Так мы проехали без затруднений границу.

Это было лишним свидетельством влияния магнатов промышленности. Контролировать тех, кто контролирует всю страну, никто не решался.

Польша Пилсудского

На польской границе все повторяется заново. Только вместо немецкой речи звучит польская.

Старик таможенник. Он, безусловно, знает русский язык, но обращается ко мне по-польски. Я отвечаю ему по-русски, чувствую, что он понимает, но не хочет этого показать и повторяет свой вопрос по-немецки. Вопросы тривиальные, которые задают все таможенные чиновники на границах всех стран мира.

Прошли пограничники, сделали в паспорте отметки, и поезд тронулся. Мы на территории Польши Пилсудского.

Имя Пилсудского было синонимом лютой враждебности по отношению ко всему прогрессивному и революционному.

Впервые я это имя услышал в 1920 году, когда был еще в Баку и белопанская Польша напала на Советское государство. Была объявлена мобилизация, и мы, группа бакинской молодежи, пошли на призывной пункт, записались добровольцами и попросили отправить нас на Польский фронт.

Мы знали, что организатором этого нападения был Пилсудский.

В газетах Советского Союза часто появлялись статьи о преследовании польских революционеров и жестокостях в польских тюрьмах, а убийство двух польских революционеров Вечоркевича и Багинского в марте 1925 года вызвало волну возмущения по всей Советской стране.

Они были убиты на польско-советской границе, когда их должны были обменять. Известие об этом убийстве всколыхнуло Москву. Начались митинги и демонстрации. В 1931 году в печати появился ряд статей о страшных зверствах в польских тюрьмах.

В памяти сохранилась статья Д. Заславского «Пытки и палачи «культурного барьера». Она начиналась словами: «На буржуазную Польшу международным империализмом возложена высокая миссия, о которой с гордостью говорят каждый раз польские буржуазные политики, когда им надо оправдать свои воинственные замыслы против Советского Союза. Польша должна служить «культурным барьером», отгораживающим просвещенную Европу от большевистского варварства».

Дальше Заславский приводит выдержки из писем заключенных в Луцкой тюрьме и в тюрьме — в Острове Мазоветской. Молодой рабочий, кузнец — ему 17 лет — пишет:

«Шесть раз вливали мне через нос воду, смешанную с керосином, рот при этом затыкали тряпкой».

«Зверства их и садизм не поддаются человеческой речи», — пишет один из перенесших пытку.

«Польша Пилсудского давно стала тем, чем была прежде царская Россия — беспросветной тюрьмой народов. И об этом заговорит рабочий класс Польши, которого не запугают любые пытки». Этими словами Заславский закончил свою статью.

Вот она, эта Польша, передо мной.

На одной из станций, перед Варшавой, в купе вошли трое — довольно пожилая женщина и двое мужчин. Женщина, поправляя нитку бус, висевших на шее, разорвала шнурок, и бусы рассыпались.

Я наклонился и стал собирать их, а затем, протягивая ей бусинки, произнес:

— Пожалуйста.

И вдруг услышал в ответ:

— Спасибо.

А затем последовал вопрос:

— Вы русский?

— Да.

— Из Москвы?

— Да, из Москвы.

— Я влюблена в Большой театр. Так хотелось бы заглянуть туда, хотя бы одним глазком. До 1917 года я вместе с родителями часто бывала в Москве. Мы обычно останавливались в гостинице «Париж». Я помню, что недалеко от нее находилась большая церковь и торговые ряды. Есть сейчас такая гостиница в Москве?

Во время ее рассказа передо мной вставали картины старой Москвы. Охотный ряд, церковь Параскевы Пятницы, часовня.

— Этот район Москвы полностью перестроен. Нет больше ни торговых рядов, ни гостиницы «Париж», ни церкви. На месте Охотного ряда выстроена большая гостиница «Москва».

— Как я жалею, что не прослушала все, что тогда исполнялось в Большом театре, — со вздохом произнесла моя собеседница.

Тоска по Москве, восхищение театрами и, наконец, теплые человеческие чувства к русским — все это было большим контрастом тому, что питали те официальные лица панской Польши, с которыми мне приходилось встречаться.

Когда я проезжал через Польшу летом 1934 года, у меня возник конфликт с польскими чиновниками на немецко-польской границе.

Таможенники заставили меня тогда сдать в багаж пакет с лекарством, который работники советского посольства в Берлине просили доставить в Москву. Все мои попытки объяснить, что я

везу лекарства для очень больного человека и боюсь сдавать их в багажный вагон, ни к чему не привели. Холодное безразличие чиновников и их пренебрежительное отношение к просьбе запомнилось. Тем более, что в соседнем купе тогда ехали немцы, у них было много различных пакетов и чемоданов, но контролеры только заглянули к ним и не задали и и одного вопроса. У меня же потребовали открыть чемодан.

Эта разница в отношении к нам и представителям других стран, проезжавших через Польшу, бросалась в глаза.

Вот и теперь. Во всем проявляется неприязнь, любая услуга, даже самая незначительная, делается только за деньги.

…По вагону проходит девушка и, заглядывая в каждое купе, предлагает наушники. Можно послушать радиопередачу, но за это надо платить.

Затем появляется вторая — с корзиной. В корзине два термоса с кофе и бутерброды. Открывая дверь в купе, она произносит одно слово — кава.

Один из моих соседей берет чашку кофе и бутерброд, платит, но девушка не уходит — она ждет, когда освободится чашка.

Пассажир не торопится выпить кофе, и девица, потеряв терпение, говорит:

— Скорее, поезд отойти может, мне нужна чашка.

Начинается перебранка. Возмущенный пассажир, обращаясь к присутствующим, говорит:

— Мало того, что кофе плохой и дорогой, но его еще надо немедленно и выпить…

От немецкой границы картины меняются. Вместо чистеньких и аккуратных немецких городков перед окнами вагона мелькают убогие, покосившиеся домишки польских деревень.

При остановках поезда к вагонам подходят ребятишки в рваной одежонке, а также взрослые в таком одеянии, по которому трудно определить не только покрой, но и первоначальный цвет материи, из которого было когда-то скроено это подобие пиджака или пальто.

У всех взрослых угрюмые лица. Дети везде и всегда наполнены энергией. Они и здесь, как стайки воробьев, порхают мимо вагонов, шалят и смеются. Среди тех и других много просящих милостыню.

У взрослых глаза наполнены просьбой и тоской, а их фигуры — олицетворение безнадежности.

На всем протяжении пути от границы и до границы не видно ни одной стройки. Казалось, что все застыло в какой-то унылой бесперспективности.

Остановка в Варшаве. Через купе от меня едут еще трое

советских инженеров. Они были членами закупочной комиссии и пробыли в Германии несколько месяцев. Мы знакомимся и вчетвером отправляемся осматривать Варшаву. Поезд стоит недолго, и мы смогли пройти только но Маршалковской улице. Оживленная торговая улица, застроенная большими красивыми домами, производила приятное впечатление. Тогда я даже не предполагал, что больше ее мне не придется увидеть и что вскоре она исчезнет навсегда. Через двадцать лет я увидел груды кирпича и щебня там, где стояли большие дома, а тротуары заполняла веселая нарядная толпа. В третий раз я увидел новую Маршалковскую улицу в 1958 году, застроенную уже новыми домами…

К границе подъехали в конце дня. Я в купе остался один, а к инженерам подсел в Варшаве ксендз, — он едет в Барановичи. В вагоне, по мере приближения к границе, народу становилось все меньше. В Барановичах сошел со своим чемоданом и ксендз, и мы остались вчетвером: три инженера из закупочной комиссии и я.

Граница. Столбцы. У меня багаж сдан до Минска, и мне нечего беспокоиться. Мои же попутчики сдали его до станции Столбцы, и им надо все переоформить до станции Негорелое. Это оказалось делом сложным и дорогим. Я это видел по их беготне по перрону между товарными вагонами и конторкой для приема багажа к отправке.

— Вы только представьте себе, что они придумали, чтобы сорвать с нас возможно больше. Нас заставили весь багаж выгрузить из товарного вагона, перетаскать его к весам, взвесить и снова поднести к товарному вагону. Мы убеждали, зачем же снова взвешивать — ведь наши вещи нигде не перегружались, они идут прямо из Берлина. Их вес отмечен в документах и в пути не изменился. Но с нами никто не хотел даже разговаривать. «Делайте то, что вам предлагают, иначе мы отправлять ваши вещи не будем», — вот все, что мы слышали в ответ на все наши доводы. Весь багаж таскали мы, но нас заставили заплатить носильщикам за погрузку и разгрузку, весовщику за взвешивание. Немецкие марки нам обменяли по какому-то невероятному курсу. Одним словом, ободрали нас как липку.

— А как у вас с багажом? — спросил один из них.

Я сказал, что весь свой багаж, по совету немецкого железнодорожника в Берлине, я сдал не до Столбцев, а до Минска.

— Сколько же вы заплатили за это?

Я назвал сумму. Она была почти в три раза меньше топ, что заплатил каждый из них.

Поезд трогается. С подножек соскакивают пограничники.

Широкая распаханная полоса ничейной земли. Полосатые столбы. Граница.

«А мотоцикл вы везете?»

Поезд снова останавливается. В вагон входят советские пограничники. Раздается волнующее: «Здравствуйте, товарищи!» Мы предъявляем паспорта.

Поезд медленно подходит к перрону — станция Негорелое. Мы выходим из вагона, — необходимо пройти таможенный осмотр и на противоположной стороне вокзала пересесть в другой состав — там уже стоят вагоны широкой колеи.

Направляемся в зал таможенного контроля. На длинные столы прибывшие пассажиры устанавливают свои чемоданы, саквояжи, сумки.

— А мотоцикл вы везете? — спрашивает меня молодой таможенник.

— Нет.

— Почему же? Вам полагается. Кто прожил за границей более года, для тех нормы установлены значительно выше. Можно везти мотоцикл, охотничье ружье. Ружья тоже нет?

— Ружья тоже нет, — отвечаю я, улыбаясь.

— Я бы на вашем месте обязательно мотоцикл купил. Мотоцикл — это вещь! — не унимался таможенник. У него от возбуждения заблестели глаза.

Мотоциклов в то время у нас в стране изготовлялось мало, и приобрести их было очень трудно.

Как-то уже в конце пятидесятых годов я летел в Нью-Йорк. В одном из наших аэропортов мы разговорились с одним из летчиков. Погода была отвратительной, и отлет самолета несколько задерживался.

У стойки регистрации пассажиров шли какие-то распри с двумя вновь подошедшими для регистрации билетов и взвешивания багажа. Служащие аэропорта не хотели принимать их багаж.

Летчик сказал мне:

— Замучили эти спекулянты.

— А что такое? Какие спекулянты?

— Видите ли, у нас очень дешевые мотоциклы, так вот, наши доморощенные бизнесмены покупают мотоциклы, разбирают их на части, грузят в самолеты, везут за границу и там продают. На этом зарабатывают большие деньги.

…В 1958 году один из американцев, уезжая из Москвы, на все оставшиеся у него неизрасходованные рубли купил театральные бинокли, — набрал он их более тридцати штук.

— Зачем же вам столько? — спросил я его.

— Подарю знакомым! За такую цену у нас, в США, я смогу купить, вероятно, не более пяти или шести штук. Вот если бы вы еще отделку их улучшили. Оптика великолепная, и очень уж дешевы они у вас!

Три десятка лет тому назад при возвращении домой командированные за границу везли с собой патефоны, пластинки, часы, фотоаппараты, радиоприемники, отрезы на пальто, платья и костюмы и много, много других необходимых в быту изделий промышленности.

Теперь все совершенно иначе.

В последние годы многие из иностранцев, приезжающих в Советский Союз, покупают у нас часы. У них точный ход, и они дешевы.

В Европе часовое производство держалось на высокой квалификации мастеров: часы — это индивидуальное творчество. У нас — это технология. Новый технологический процесс. Мы создали технологию массового автоматического производства деталей. Это отличает наше часовое производство от изготовления часов на старых прославленных заводах Европы.

Теперь дело за внешним оформлением. Нужно создать большее разнообразие форм корпусов и улучшить их отделку.

Но главное все же разрешено — часовое производство у нас в стране создано.

Многие иностранцы охотно покупают наши патефонные пластинки. Советская музыка и песни всегда были популярны во многих странах мира. Но хорошие пластинки мы не умели делать. И лишь в последние годы научились.

Недавно мне пришлось побывать в Риге на фабрике грамзаписи «Мелодия». На этой фабрике при производстве пластинок введена самая совершенная методика контроля за технологией — радиоактивные изотопы. Совершенствование производства и здесь позволило значительно понизить цены. Таких дешевых пластинок нет ни в одной стране.

Многие, возвращаясь из-за границы, по-прежнему везут с собой пластинки, но, во-первых, они покупают только такие, которые у нас не производятся, и, во-вторых, ввозят их в значительно меньшем количестве.

Вместе с тем стало нормальным, что при возвращении из Советского Союза иностранцы везут от нас многие изделия нашей промышленности: фотоаппараты, радиоприемники, даже стиральные машины.

Как же все изменилось за последние тридцать лет!

И такое случается

В зале досмотра багажа, через одного пассажира от меля, у раскрытых чемоданов стояли инженеры — члены закупочной комиссии.

— А это что такое? — спросил таможенник, поднимая голову от раскрытого чемодана. В его голосе было и изумление и растерянность.

Инженер, владелец чемодана, от потрясения ничего не мог ответить. В чемодане лежала сутана, распятие и еще какие-то предметы религиозного культа.

В разговор вмешался второй инженер:

— Я тебя предупреждал, что ты спутаешь свой чемодан с чемоданом ксендза. Вот это и случилось. Это его чемодан — он забрал твой, а тебе свой оставил. Я не думаю, чтобы это было умышленно сделано. Ваши чемоданы были похожи один на другой как две капли воды.

Что же теперь делать?

Вопрос разрешил телефонный звонок из Столбцев. Там предлагали обменяться чемоданами. Чемодан инженера, увезенный ксендзом, был доставлен в Столбцы, и местные власти предлагали произвести обмен чемоданами. Поскольку дело касалось чемодана духовного лица, оформление передачи было произведено удивительно быстро и без излишних формальностей, хотя сам ксендз придал этому небольшому недоразумению политическую окраску. Он изобразил дело так, что советские агенты будто бы хотели сорвать у него службу. Он ехал на исповедь к тяжело больному, и вот большевик совершил коварнее дело — подсунул ему свой чемодан и увел его багаж со всем тем, что необходимо, для совершения обряда.

Даже видавший виды старый таможенник на станции Негорелое разводил руками и, качая голевой, повторял: «Надо же такое выдумать».

В, этом эпизоде отражалось отношение к советским людям. Враждебное отношение к нам имело везде одни и те же корни. Причины своих собственных неудач все эти злопыхатели пытались объяснить действиями советских людей.

Признать свои собственные ошибки и пороки своей государственной системы не хватало мужества.

Поэтому шквал ненависти обрушивался на нашу страну, которая «стояла, как утес среди бушующего моря».

Но вот досмотр законней. Все пассажиры переходят на другую сторону станции и размещаются в вагонах. Нам

возвращают паспорта.

Получив паспорта, все быстро направляются в комнату «Интуриста», где предъявляют аттестаты и получают по ним советские деньги. Создается очередь.

Получив деньги, все толпой бегут к телеграфу, чтобы направить телеграммы и известить семьи о приезде. Опять создается толчея. Паспорта выдают за двадцать минут до отхода поезда, и за эти двадцать минут нужно успеть получить по аттестату деньги и послать телеграммы. Все это вызывает справедливое возмущение. Возникает сразу уйма вопросов.

— Почему нельзя паспорта выдавать раньше? Почему нельзя разрешать брать с собой за границу небольшую сумму советских денег?

Поезд стоит на границе несколько часов. Если бы были деньги, можно было бы без спешки отправить телеграммы, письма, сходить в парикмахерскую, пообедать.

Но ничего этого сделать нельзя, потому что кем-то установлен нелепый порядок, как будто бы специально разработанный чтобы раздражать людей.

Такой порядок сохранялся долгое время, и лишь несколько лет назад он изменен. Вновь установленные правила не только не создают больше прежних неудобств, а, наоборот, более демократичны, нежели во многих странах капиталистического мира, границы которых мне часто приходится пересекать.

…Все формальности закончены. Больше беспокоить никто не будет, можно отдыхать. Поезд трогается. Скоро Минск. Завтра будем в Москве.

Под стук колес

В купе я один. Под стук колес начинаю слегка дремать, и в памяти, как на экране кино, проходят одна за другой картины прошлого.

Старый вагон поскрипывает, а колеса ритмично стучат — тук, тук, тук. Мне казалось, что это телеграфный аппарат на бесконечно длинной ленте выстукивает прошлое.

В эти однообразные звуки иногда врывался скрежет реборд о рельсы.

Вот так и в жизни, в зависимости от того, в каком темпе она совершается, то ли протекает медленно по ровной дороге, то ли проходит на большой скорости по извилистому пути, когда вот так же, как и здесь, в этом вагоне, трясет и бросает из стороны в сторону, при резком торможении бьет головой о стенку вагона и на голову летят чемоданы.

Для быстрого движения вперед следует разгрузиться от наиболее тяжелого и ненужного для дальнейшего пути груза прошлых лет.

Мне двигаться было легко — в прошлом у меня не было никакого груза. Вспомнил отца и деда.

Перед глазами проплывает мощная фигура деда — Петра Антоновича. Окладистая седая борода спускается почти до самого пояса. Длинные волосы, смазанные лампадным маслом, тщательно расчесаны. На нем рубашка в мелких крапинках, рассеянных по синему полю ситца.

Когда крестьян освобождали от крепостной зависимости, деду было шестнадцать лет, а бабушке Ульяне четырнадцать. Они много помнили и были живыми свидетелями жизни и быта тех времен. Дед подолгу с эпическим спокойствием рассказывал об изуверствах помещицы.

После освобождения крестьян дед земли не получил и приобрел единственное право — свободно умереть от голода. Забрав семью из деревни Белые Ключи, он перебрался в село Алексеевку.

Вся семья стала батрачить в имении графа Воронцова-Дашкова. Поденщики. Для них самым важным было получить работу. Работу искали и принимали ее как большую милость, как счастье. Работа давала возможность жить, а не умирать голодной смертью.

Право на труд, записанное в конституции, для меня звучит по-особому. Дед, а также отец красноречиво объясняли мне, что значит лишиться работы и не иметь возможности получить ее.

Из единственного богатства, которым обладал дед, — кучи детей вымерло восемь, четверо перебрались в Баку. Прибыли в разгар забастовочной борьбы рабочих нефтяных промыслов. Шел 1905 год.

В памяти сохранилось несколько картин. Залитая нефтью земля, воздух, пропитанный газом фонтанирующих вышек, и отсутствие воды. В летний зной, когда за глоток воды можно отдать все, приходилось терпеть.

На нефтяных промыслах Апшерона не было пресной воды. В Баку была небольшая опреснительная установка, но этой воды не хватало для всех. Кое-кто из рабочих брал воду из колодцев, но ее трудно было пить — она была насыщена сероводородом.

На некоторые промыслы воду привозили с реки Куры, в железнодорожных цистернах. Часто для доставки воды использовались цистерны, в которых до этого перевозили нефтепродукты. Вода была с сильным запахом нефти. Но и такая вода доставлялась с перебоями. Прибытие цистерн с водой было событием. Мне кажется, что у меня с самого детства в ушах застыл крик:

— Воду привезли! Скорее бегите за ведрами! Во-о-ду привезли!

И все-таки сюда стекался народ — здесь можно было получить работу.

Семья росла, у отца было уже шесть человек детей, когда разразилась первая мировая война. Жить было трудно. На девяносто три копейки в день, которые он получал, нужно было прокормить и одеть восемь человек, оплатить жилье.

За всю свою трудовую жизнь отец смог купить всего один костюм-тройку: пиджак, брюки и жилет. Это было еще перед его женитьбой. На свадьбу полагалось надевать сапоги и тройку. Все остальные годы штаны и рубахи ему шила мать. Тогда все жены рабочих были портнихами. Шить самим было много дешевле.

В 1914 году я сдал экзамены во второй класс реального училища. На экзаменах я получил по всем предметам пятерки и был принят.

Радость от сознания, что я смогу учиться, все время омрачалась тревогой — смогу ли окончить школу? Обучение было платное, а отец был не в состоянии платить за него. Для меня был только один шанс оставаться в школе — иметь пятерки по всем предметам. Это давало право на получение стипендии.

«Может быть, и выучишься на писаря»

Отец часто приходил с работы весь в нефти, с красными воспаленными глазами. В доме, сложенном из тесаных камней известняка, уложенного на глине, не было ни водопровода, ни канализации, ни освещения. Стояла плита, отапливаемая нефтью, на ней готовили пищу, и она же служила средством обогрева. На плите мать нагревала воду. Скорчившись в оцинкованном тазу, экономя каждую кружку воды, отец старался отмыть нефть. У него слипались пропитанные нефтью волосы. Водой удалить нефть из бороды и волос головы было невозможно, и он отмывал их керосином.

Потом, отдышавшись, он подходил ко мне и, заглядывая в мои книги и тетради, с надеждой и тоской произносил:

— Может быть, все же выучишься на писаря. Все-таки у писаря чистая работа, не то что у нас — плотников.

Как же трудно приходилось отцу! Его тянуло к земле: Всю жизнь он мечтал вернуться в деревню и работать в поле — и всю жизнь пришлось прожить на нефтяных промыслах Апшерона.

Жизнь была монотонно однообразной, и дни протекали медленно. Мне и сейчас представляется, что тогда — в 1913 и 1914 годах дни были намного длиннее.

Время мучительно долго тянулось до обеда, а от обеда до ужина. Обеды же и ужины были удивительно короткими.

В те годы я, кажется, никогда не был сытым. Поэтому, вероятно, и запомнилось это деление дня на два периода — до обеда и после обеда. Обед и ужин в нашей семье всегда состояли из одного блюда — супа или щей.

Когда вся семья собиралась за столом, мать ставила на середину стола большое эмалированное блюдо, и все сидящие деревянными ложками вычерпывали его содержимое.

Нож был один. Его клали на стол для того, чтобы резать хлеб. Впервые я получил отдельную тарелку в студенческой столовой Московской горной академии в 1921 году. До этого мне тарелкой, ножом и вилкой пользоваться не приходилось — их у нас попросту не было, а кроме того, они и не нужны были. Такие блюда, где требовались нож и вилка, у нас в семье не готовились. В Красной Армии я ел или из солдатского котелка или из бачка — один бачок на десять человек.

На всю семью было одно полотенце. Оно висело у умывальника.

Во всех рабочих семьях пользовались самым дешевым мылом — обычно кусочком, обмылком, который оставался после стирки

белья. Теперь такое мыло называется хозяйственным.

Мыло, упакованное в цветную бумагу, называлось тогда у нас «личным» или «духовым», оно было недоступно по цене. Такое мыло попадало в руки очень редко. В нашей семье только тетки иногда получали в качестве подарка на день рождения по куску такого мыла.

Зубных щеток и порошка для чистки зубов и в заводе не было — зубы никто вообще не чистил.

Я не помню, чтобы до революции у меня или других членов семьи были когда-нибудь покупные носки или чулки. Их всегда вязала мать, она же их и штопала. Покупные были дороги. А когда носки или чулки нельзя было больше чинить, мы их распускали и сматывали нитки в клубок. Смотанная старая пряжа использовалась для вязки новых чулок.

Отец вообще не носил ни чулок, ни ноской — он пользовался портянками.

— Да разве носков-то напасешься, — можно было слышать от него, когда мать предлагала связать носки для него.

Из детей новые ботинки, как самый старший, получал только я, другие донашивали мои. Для того чтобы удлинить срок носки обуви, отец шурупами привертывал к каблукам и на подошву железные пластинки, которые он нарубал из старых бочарных обручей. Ботинки становились тяжелыми и при хождении издавали железный лязг.

Так как не все пластины хорошо закреплялись, то некоторые хлюпали и звенели, что напоминало мне звон кандалов, который я слышал как-то, когда по улице гнали арестантов.

В первые же месяцы после революции я сменил свою обувь на солдатскую, вступив добровольцем в ряды Красной гвардии, и больше уже никогда не носил обуви с «кандальным звоном».

Верха ботинок обычно чинились, и они пестрели заплатами разного размера и формы. В заплатах обычно были также рубашки и брюки. Заплаты часто ставились из материи другого цвета, и такая одежда производила странное впечатление своей пестротой.

Я был сильно поражен, когда, будучи в 1960 году в Нью-Йорке, в центральном парке города встретил большую группу молодых людей в длинных куртках, на которых были нашиты цветные лоскутки. Вид этих молодых людей — небритых, с длинными, нерасчесанными волосами — в этом необычном пестром одеянии, свидетельствовал не о нужде — одежда была новой, она говорила о желании обратить на себя внимание, о каком-то манерничаньи, желании произвести впечатление необычной вычурной одеждой и всем своим обликом.

Пестрота наших рубах, штанов и обуви в те годы была вынужденной. Нужда заставляла мастерить одеяла из полотнищ, в свою очередь сшитых из мелких разноцветных лоскутков, квадратов, уголков, полосок. Для этого использовались все мелкие кусочки материи, остающиеся от выкройки кофточек, рубашек, платьев.

Дети рабочих рано начинали трудовую жизнь. Когда школьников распускали на летние каникулы, мне нужно было искать временную работу. В эти каникулярные месяцы необходимо было заработать на обувь, одежду, книги. Позже пришлось и в учебное время искать работу — отцу было трудно. Нужно было помогать. Из детей я был старшим. Воспоминания о детстве связаны с поисками платных уроков.

Затем война. Глухое брожение среди рабочих на промыслах, и, наконец, взрыв и водоворот революционных событий в 1917 году.

Демонстрации, митинги, собрания. Казалось, что люди, молчавшие всю свою жизнь, не могут наговориться.

Но война еще не окончена. На Баку движется турецкая армия Нури-паши. Поднимает голову внутренняя реакция. Она пытается задушить революционный порыв народа.

Мы, взрослые члены семьи — отец, я и брат Николай, худенький паренек, годом моложе меня, — уходим добровольцами в Красную Армию.

Силы революции и контрреволюции не равны.

Арестованы 26 бакинских комиссаров. Многих из них я знал лично, часто видел на митингах и собраниях. Слушал их пламенные речи.

Власть захватили муссаватисты. Большевики уходят в подполье.

Первая встреча с представителями подпольной организации. Нас — четырнадцать рабочих телефонной станции — принимают в партию. В восемнадцать лет я был избран секретарем подпольной партийной ячейки.

В то время люди созревали рано — условия жизни и сами события были стимуляторами роста.

А кто же будет восстанавливать Советскую власть!

При образовании партийной ячейки на телефонной станции представитель подпольной большевистской организации сказал:

— Если хотите вновь установить Советскую власть, то надо самим и действовать. Кто же за вас будет ее восстанавливать? За нее надо бороться.

И мы боролись. Днем работали — отец, брат и я — на телефонной станции. На сильном ветру в холод и дождь лазили по столбам, натягивая телефонные провода. Телефонная станция — собственность датского консула Бьеринга. Платили мало. Заработка еле хватало, чтобы прокормиться.

Я не помню, чтобы мы покупали в то время мясо, оно было не по деньгам, хотя в семье и работали уже трое. Особенно трудной была зима 1919 года.

Отец где-то по дешевке купил два мешка мелких сушеных груш, изъеденных червями. Мать варила их, мяла, и получалось что-то вроде повидла. Эта темно-коричневая масса намазывалась на ломтики темного хлеба, испеченного из муки, в состав которой входили зерна всех злаков, за исключением пшеницы. Грушевый отвар с несколькими плавающими в нем грушами заменял традиционные щи.

Как-то вечером отец, сидя за столом, произнес:

— Эх, вот теперь бы жареной картошки поесть!

Мне было до боли жаль отца.

Я слышал, как он говорил матери: «А ты помахай весь день-то топором, конечно, есть захочется».

Это на ее сообщение о том, что кормить ей нас сегодня вообще нечем.

Из гардероба у каждого из членов семьи было по одной паре штанов, рубахе и по паре нижнего белья. Мать стирала белье вечерами, с тем чтобы за ночь оно могло просохнуть — смены не было.

Все дети спали на полу, под головы собирали всю имеющуюся в семье одежонку: подушек было всего две — для родителей.

Все дни наполнены тяжелым трудом по прокладке и ремонту телефонных сетей, а вечером — занятия в школе. Все-таки очень уж мне хотелось получить хотя бы среднее образование.

Каждый четверг вечером партийные собрания — политучеба и обсуждение политических событий. Наша партийная организация несла ответственность за весь рабочий коллектив

станции.

Весь 1919 год и начало двадцатого проходит в упорной борьбе — забастовки и демонстрации, как раскаты грома и сполохи, свидетельствовали о приближающейся грозе.

Генерал-губернатор Баку Тлехас свирепствует, в городе непрерывно происходят аресты.

В конце 1919 года стали готовиться к захвату власти. Я был секретарем подпольной ячейки.

В апреле 1920 года власть перешла в руки бакинских рабочих. Ну теперь ее у нас зубами не вырвешь! Вся ответственность лежит на нас. Спрашивать некого. Надо действовать так, как подсказывает сознание.

А сознание все время твердило: за нас никто ничего делать не будет. И мы брались за все и шли туда, где требовалось вмешательство. На нас никто не мог оказывать никакого давления, никто нас не принуждал делать то, что мы делали. Мы все находились под сильным давлением своей собственной совести.

Реакционные силы вновь пробуют организоваться и дать бой. В 1920 году происходит восстание остатков бывшей дикой дивизии. «Дикие» устраивают резню. Вновь открыт фронт и бои. И мы — группа молодежи — снова в армии.

Не уберег!

Положение тяжелое. Разваленное хозяйство. Голодные дни 1920 года. В семье 8 человек детей — двое совсем маленькие. Самому младшему — Косте — три года. Хлеба дают по маленькому ломтику на день. Сколько в нем — в этом кусочке? Говорили, что одна восьмая фунта. Может быть, и так. К хлебу добавить нечего. Взрослые, правда, могли еще где-то в столовой получить немного супа, но домой, кроме хлеба, принести нечего. Получаемый мною хлеб я не ел, приносил брату Косте.

Все взрослые старались растянуть полученный кусочек хлеба на целый день. Резали его на небольшие дольки и прятали.

Костя тоже прятал свои дольки, он не съедал все сразу.

До сего времени передо мной стоит образ мальчика с удивительно серьезными глазами на бледном, без кровинки, лице. Он целыми днями сидел на деревянной лошади-качалке, которую соорудил ему отец и, обняв обоими ручонками шею лошади, тихо раскачивался.

Я не помню, чтобы он чего-то просил или плакал.

Дети рабочих учились терпению с пеленок.

В эти годы у нас поселилась сестра отца — тетя Анюта. У нее был туберкулез, или чахотка, как тогда называлась эта болезнь. У Анны был сильный красивый голос. Когда дома никого не было, из комнаты доносилось ее пение. Она, сидя на кровати, пела, вкладывая в свое пение всю безнадежность и тоску.

«…Не для меня придет весна!», — неслись звуки ее чудесного голоса.

Я любил слушать ее.

Я относился к тете Анюте с особым благоговением. Совершенно неграмотная деревенская девушка, выучившись читать у псаломщика, она, приехав в Баку, с жадностью стала учиться. Работая прислугой, она сумела окончить вечерние курсы кройки и шитья и стала великолепной портнихой.

А сколько книг она перечитала!

Никто не верил, что она ни одного дня не была в школе.

Спасти Анну не было средств. Она в 1920 году умерла на наших руках.

Из детей — двоих спасти также не удалось. Сначала умерла Нина, а затем Костя.

В нашей семье не было привычки плакать и причитать. Но я видел, как мать уголок фартука украдкой прикладывала к глазам.

Похоронив детей, отец долго ходил сумрачным.

Обычно, вернувшись с работы, умывшись и расчесав волосы,

он или рассказывал о том, что у него интересного было на работе, или же просил почитать газету.

Теперь он замолк. Молча ходил по комнате, смотрел по сторонам, и мне казалось, что он ищет что-то.

Иногда он сурово произносил: «Не уберег. Силы не хватило» — и уходил из дома.

Первое знакомство с Тевосяном

Впервые я встретился с Тевосяном в вечерней гимназии. В те годы работай молодежи учиться было очень трудно — на весь город Баку была всего одна вечерняя гимназия. Она размещалась в здании 4-й гимназии на Канитапинской улице. Школа была платной, и никаких льгот учащиеся не получали ни по службе, ни в школе.

Вот там-то я впервые и увидел Тевосяна. Он в это время работал в одной из контор.

— У тебя нет учебника по истории? — спросил он как-то меня.

— Есть, но он не подходит для нас. Я сам пытаюсь найти подходящий для нас учебник, но пока не могу.

— Если достанешь, может быть, дашь мне дня на два, а если я раньше достану — то дам тебе.

Во время нашего разговора Тевосян разглядывал меня с головы до ног, и мне показалось, что он усмехнулся, когда произнес:

— Передай Бутикову, чтобы он повидался со мной. — Бутиков был председателем нашей партийной ячейки, тогда бюро у нас состояло из трех человек — председателя, секретаря и казначея. Бутиков — один из мастеров телефонной станции — был избран вместе со мной. Он был третьим грамотным человеком из четырнадцати членов подпольной партийной организации. Еще четверо могли читать, но писали плохо, и их каракули с трудом можно было разбирать. Остальные совершенно не владели грамотой.

Когда Тевосян произнес имя Бутикова, я понял все — он хочет этим сообщить мне, что он член партии. Но кто же он? На телефонной станции я его никогда не видел.

В то время мы не донимали друг друга вопросами. Спрашивали только о том, что нужно было для дела. Ведь организация находилась в подполье и расспросы могли нанести ей урон.

После этого знакомства мы стали с Тевосяном регулярно встречаться на занятиях в вечерней гимназии.

Вскоре я узнал, что это он и есть тот самый «Ваня», который подписывает поручения и решения нашей районной партийной организации. Как секретарь ячейки, я эти решения, получаемые нами через Бутикова, зачитывал на собраниях. Они печатались на тонкой папиросной бумаге и были очень короткими. В них обычно кратко излагались основные задачи, ставившиеся перед

ячейками Бакинским комитетом партии. Как-то весной во время перемены Тевосян отвел меня в сторону и спросил: «Как ты думаешь, все бастовать будут?»

Вся бакинская партийная организация в эти дни была занята подготовкой к всеобщей забастовке.

— Монтеры и рабочие на линии будут бастовать, а вот будут ли бастовать все телефонистки, сказать трудно — в нашей организации состоят всего две, ты знаешь. Они обе уверяют, что на работу никто из телефонисток не выйдет.

— А если начальство направит на телефонную станцию военных телефонистов, можно будет что-нибудь сделать, чтобы телефон все-таки не работал. Ведь так важно парализовать всю телефонную связь.

— Мы с Бутиковым думали об этом. Работать правительственные телефоны не будут. За все телефоны не ручаемся, но правительственные мы так отключим, что ни одна собака не сможет разыскать, где и что сделано.

Тевосян улыбнулся. А затем с тревогой спросил:

— А не попадетесь?

— Нет, ты не беспокойся.

Звонок на урок прервал наш разговор.

Потом вне гимназии мы с ним встретились во время подпольной городской партийной конференции, когда создавалась азербайджанская коммунистическая партия — сливались первичные организации трех большевистских организаций: Адалет («Справедливость»), Гуммет («Энергия») и РКП(б). Адалет вела работу преимущественно с рабочими, прибывшими в Баку из Персии, а Гуммет — с азербайджанцами.

Конференцию готовили тщательно, с большими предосторожностями. От нашей ячейки были избраны двое — Бутиков и я.

Нам сказали, чтобы мы ровно в десять утра явились в помещение профсоюза швейников «Игла», и нам скажут, что нам следует делать.

Когда я явился в союз «Игла», ко мне подошел один из находившихся в помещении и дал лист бумаги — это был мандат. В нем было написано, что я являюсь членом комиссии по разработке нового коллективного договора. Под этим наименованием значилось — Конференция.

— Ровно в полдвенадцатого надо быть на Каменистой улице, № 215, у входа во двор. Там тебя встретят и скажут, куда надо будет идти.

— А кто встретит? — спросил я и сразу же понял, что такой вопрос задавать не следовало.

Мой собеседник укоризненно на меня посмотрел и промолвил:

— Кому надо, тот и встретит. Иди, а то опоздать можешь.

Когда я подходил к воротам указанного мне дома, то увидел черную потертую кожаную куртку Тевосяна.

Он встречал делегатов и направлял их в зал заседания.

— Ты иди через двор — там есть вход в помещение профсоюза металлистов, — и он рассказал мне как пройти.

— А ты иди через вход прямо с улицы и, когда войдешь, сразу же входи в дверь направо, — сказал он второму, подошедшему вслед за мной.

Когда я вошел в большую комнату, где должна была происходить конференция, там было уже человек тридцать. Из них некоторые были мне знакомы — я их встречал несколько раз в рабочем клубе.

Здесь был Вираб — высокий костлявый мужчина в огненной шевелюрой, украшавшей его большую голову. Вираб писал стихи, и иногда они появлялись на страницах наших газет.

Толпа одета в красное,
Как мясо яркое, —

запомнил я строчки из его стихотворения, написанное им в дни первомайской демонстрации.

— Почему вы такое сравнение взяли? — донимал я его, после того как он опубликовал эти стихи.

— А что, плохо? — спросил он тогда меня.

— Да.

— А, мой критик явился! — протягивая руку и здороваясь, произнес Вираб.

Здесь был Полторацкий. Он был очень хорошим гравером и работал в Баку на монетном дворе. Выпущенные правительством деньги были изготовлены по его штампам. Брат Полторацкого, известный революционер, погиб в Закаспии, и его именем был назван Ашхабад. (Ашхабад в 1921–1924 годах назывался город Полторацк.) Выло много других, которых я ранее встречал в рабочем клубе.

Минут через двадцать в комнате появился Тевосян. Все, кто находился в смежной комнате, вошли вслед за Тевосяном и стали занимать места. Тевосян сел на стул за столом и положил перед собой лист бумаги, а один из сидящих за этим же столом сказал:

— Конференцию считаю открытой.

Но не успели мы начать обсуждение доклада о положении в партии Адалет, как открылась дверь и на пороге появились

околоточный надзиратель и полицейский.

— Что за собрание? — раздался резкий голос. Я не спускал глаз с Тевосяна, который сидел напротив меня.

Я видел, как он медленно стал разрывать лежащую перед ним бумагу.

«Протокол уничтожает», — мелькнула мысль.

— Бумаги не рвать, хуже будет, — раздался тот же резкий голос околоточного.

Околоточный надзиратель сделал от порога двери шаг вперед, но в растерянности остановился, когда увидел, сколько в комнате находилось народа.

Он явно был напуган.

Их всего двое — он и полицейский, а в комнате было около восьмидесяти человек.

Околоточный вновь отступил к двери и затем крикнул:

— Выходите сюда, все выходите!

Мы поднялись и двинулись один за другим во вторую смежную комнату, из которой было два выхода — один на Каменистую улицу, а второй через соседнюю комнату во двор.

Тевосян вышел вслед за мной и, проходя мимо, сказал: «Попытайся бежать через двор и парадный ход напротив. Если удастся, предупреди, что конференцию накрыли».

Я хорошо знал дом, где происходила конференция. Здесь в квартирах мы устанавливали телефоны, а когда делали телефонную проводку, то в подвале дома я нередко оставлял свою рабочую сумку с инструментом. Каждый день таскать ее домой и обратно было тяжело.

Под домом был очень большой подвал, и я, пряча в нем свой инструмент, облазил все закоулки подвала.

Когда я выскочил из помещения во двор, то услыхал свистки полицейских и крики: «Стой — стрелять буду!»

«Дом окружен полицией, — подумал я, — бежать бессмысленно. В подвал», — подсказало сознание.

Отсидеться в подвале, а ночью, когда стемнеет, можно будет выскользнуть.

Я стрелой устремился по лесенке вниз. По знакомым переходам в темноте пробрался к наружной стене дома, выходившей на Каменистую улицу. В то время из подвала на улицу выходили низенькие окна — щели, перекрытые железной решеткой. Когда уже в 1964 году я посетил этот дом, то окон не нашел — они были заделаны. Отсюда мне был слышен топот ног в комнатах и на тротуаре, а также голоса. Я даже узнал знакомый голос Оли Шатуновской (тогда мы ее все так звали по имени — Оля).

— Вы не имеете права, — раздавался на улице ее звонкий, протестующий голос.

— Построиться по двое, по двое! — кричал околоточный надзиратель. Его голос мне запомнился.

Вероятно, полицейский стал считать — первый, второй, третий.

— Двадцать второй не полный.

«Значит, сорок три человека все же схватили — это половина всей конференции», — подумал я.

Затем раздались шаги многих людей, удаляющихся от здания.

Пошали, что с ними будет?

«Захватили какие-нибудь документы или нет? Представитель партии Адалет, когда делал доклад, в руках держал целую пачку бумаг», — подумал я. И вдруг вспомнил, что на клочке бумаги я тоже делал заметки. Ведь после конференции предстояло сделать сообщение на собрании ячейки.

Где же записка? Вот она. Надо уничтожить. Как? Ведь записку могут найти — соберут даже клочки. И я решил записку разжевать и проглотить — так поступили, как мне рассказывали, старые революционеры.

Ну вот, записка уничтожена.

Я услышал, как дворник стал мести тротуар, а затем голоса:

— Что, никого, что ли, в профсоюзе нет? — спросил кто-то, видимо, дворника, так как шелест метлы прекратился.

— Никого нет. Полиция была здесь — арестовали более сотни, наверное. Какое-то собрание было. Всех забрали, — пояснил дворник.

Видимо, полиция ушла.

Можно выбираться.

Я осторожно выглянул из подвала, осмотрел двор — нигде ни души. Быстро перебежал от подвала до парадного и хотел было сразу же выскочить на улицу.

«Нет, так нельзя, — подсказывал рассудок. — А если у подъезда полицейский и он спросит, откуда я иду — из какой квартиры? Мне нечего ему даже ответить — я не могу назвать ни одной фамилии».

Вместо того чтобы выйти на улицу, я поднялся по лестнице почти до последнего этажа, читая фамилии проживающих.

На мое счастье, здесь была квартира врача, я запомнил фамилию и стал спускаться. Но у подъезда никого не было, и улица была тиха. Быстро пройдя ее, я вышел на Морскую и стал подниматься вверх домой.

…Мать сказала:

— А к нам двое с твоей работы заходили, им какие-то книжки очень нужны были. Я сказала: ну что же теперь делать? Раз нужно, то посмотрите. А ты где целый день пропадал? Верно, и не поел ничего?

— Кто был-то?

Судя по описанию матери, обыск делали свои. В одном из визитеров я узнал монтера, члена нашей ячейки. Значит, о полицейском налете уже известно. Все брошюры и книги, которые могли вызвать подозрения, исчезли.

Я направился к монтеру и, когда вошел во двор, где он жил, увидел у него еще двоих членов ячейки.

— У тебя обыск сделали и у Бутикова тоже. У него пришлось замок сломать — дома никого не было.

— Бутикова забрали, Олю Шатуновскую и еще человек сорок.

— Сорок три человека арестовано, — сказал я.

— Откуда ты знаешь?

Я рассказал, где я скрывался и все, что слышал из своего укрытия.

— Тевосяна не арестовали, а Вираб и Полторацкий даже и не пытались бежать — обоих околоточный признал.

Это случилось в воскресенье, а в понедельник вечером мы встретились с Тевосяном в гимназии, и он рассказал мне о том, как ему удалось избежать ареста.

— Я выскочил через двор на улицу. У ворот стоял полицейский, он бросился за мной, но я свернул на Торговую улицу и вбежал в шапочную мастерскую. Хозяин был армянин, и он вообразил, что начинается резня.

— Скорее сюда, — и он, спрятав меня за перегородку, запер дверь мастерской.

Полицейский не видел, куда я забежал, и через несколько часов, когда все успокоилось, я вышел из мастерской.

Через три дня полиции пришлось освободить арестованных. Никаких компрометирующих документов при них не оказалось, а удостоверения свидетельствовали о том, что собрание было посвящено рассмотрению вопросов коллективного договора и происходило в помещении, арендуемом профсоюзом металлистов.

Участие в забастовках, руководство партийной ячейкой, а позже подготовка к прямой борьбе за захват власти отнимали у меня все время. В конце 1919 года и начале 1920 вплоть до дня захвата власти мне очень часто приходилось видеться с Тевосяном и выполнять самые разнообразные его поручения.

Как-то он меня поймал в рабочем клубе, который в то время был своего рода революционным штабом.

— У тебя паспорт не засвечен?

— Что это значит?

— Ну, в полицию тебя с ним не таскали?

— Нет, а что?

— Нам срочно нужен «чистый» паспорт. Через границу требуется переправить одного парня, примерно твоих лет — с докладом к Ленину направляем. Ты и без паспорта обойдешься — все равно эти паспорта не нужны будут, когда мы власть заберем.

Паспорт я отдал, а 26 апреля — новое поручение: необходимо к границе в сторону Хачмаса направить несколько человек.

Нужно было прервать всю телеграфную и телефонную связь.

Тевосян подробно объяснил задание, которое возлагалось на партийную ячейку телефонной станции, и назвал лицо, у кого я получу более подробные инструкции.

Для выполнения этого задания мне нужно было ехать в сторону границы, а чтобы купить билет, необходим паспорт.

— Ну, паспорт мы тебе достанем — отберем у кого-нибудь из комсомольцев, — сказал мне, смеясь, Тевосян. — А твой паспорт теперь в Кремле. Попадешь ли ты когда-нибудь сам туда, еще не известно, а твой паспорт уже там.

Вспоминая насыщенные событиями апрельские дни 1920 года, когда партийная организация интенсивно готовилась к захвату власти, мне трудно теперь представить, что одним из активных организаторов подпольной работы в это время был худенький паренек с копной густых черных волос и большими серьезными, всегда наполненными заботой глазами. Его звали тогда Ваня или Вано.

Тевосяну в то время было всего восемнадцать лет.

Нужны специалисты

Власть завоевана. Бои закончились. Стоят новые задачи: требуется восстановить разрушенное хозяйство и начинать его перестройку на новый лад.

Нужны специалисты. Большое количество специалистов. Часть старой интеллигенции на предложение работать отвечает саботажем, часть еще не может определиться, а те, кто твердо встал в революционные ряды, не могут справиться с обилием стоящих перед страной задач.

Молодежь отзывают из армии и направляют в университеты, на рабочие факультеты — рабфаки. По огромной стране одно за другим возникают новые высшие учебные заведения.

Я был в военном госпитале, когда получил извещение, что мне предлагают пойти учиться. Малярия. Приступы через день. Хинина не было — меня поили настоем хинной корки. В ушах стоял постоянный звон, а во рту горечь и полная атрофия вкусовых ощущений. Но я хорошо усвоил сказанное когда-то дедом: «Были бы кости, мясо всегда нарастет».

Учиться в Москву я поехал вместе с Тевосяном. Горная академия была создана по декрету Совнаркома, подписанному Лениным. Это было совершенно новое высшее учебное заведение — без каких-либо традиций, а преподавательский состав состоял из самых различных по своим политическим убеждениям лиц.

Студенчество отображало весь сложный спектр самых различных политических концепций, сложившихся к этому времени в стране. В холодных аудиториях, плохо оборудованных лабораториях, в нетопленых и неуютных общежитиях, где часто портился водопровод и канализация, а электроосвещение отключалось, так как на станции не хватало топлива, — здесь, в стенах Горной академии, совершался тот сложный процесс, который значительно позже был назван в физике синтезом.

Сюда прибывала молодежь со всех концов страны. Они воевали с Деникиным, Колчаком, Врангелем, участвовали в создании первых органов Советской власти, совершали героические поступки, сами не сознавая своего героизма.

Почему-то вспомнился студент Петров — он никогда не улыбался.

Как-то я спросил:

— Почему это Петров всегда такой угрюмый?

— Будешь угрюмый, если с того света вернешься, — ответил близкий приятель Петрова.

И рассказал, как этого парня вместе с десятками других

большевиков белые расстреляли. Тех, кто остался жив, добили штыками, а Петров был без сознания и его сочли мертвым. Потом он очнулся и выбрался из кучи трупов — со дна оврага, куда сбросили после расстрела.

В числе студентов Горной академии находился Александр Фадеев — тогда просто Саша Булыга. Несколько лет мы провели вместе с ним и хранили дружбу вплоть до самой его смерти.

Среди студентов были и политкомиссары полков и дивизий, и секретари губкомов, укомов и райкомов партии, и председатели исполкомов. Иван Семенович Апряткин был руководящим деятелем профдвижения в Азербайджане, Авраамий Павлович Завенягин был секретарем укома, его всегда, даже в студенческие годы, звали — Абрам Павлович.

Хорошо в памяти сохранился Владимир Александрович Уколов — его все знали и звали Володей. В стенах академии он появился в длинной кавалерийской шинели и остроконечном шлеме. Он был неизменным организатором всех студенческих массовых мероприятий. Его можно было, кажется, одновременно видеть во всех местах — живой, энергичный, он везде поспевал, и его низкий голос можно было слышать во всех группах большого студенчества коллектива.

У некоторых из студентов на груди красовались боевые ордена. Таких было мало, не потому что среди ненагражденных мало было достойных быть награжденными. Нет, в те времена орденами награждали вообще не часто.

Будущий писатель

Булыга-Фадеев прибыл в Горную академию с Дальнего Востока. Никто из нас тогда, конечно, не предполагал, что этот юноша станет замечательным советским писателем.

…В общежитии Горной академии на Старо-Монетном переулке как-то сразу образовалась тесная студенческая группа из семи человек. В нее входили четверо бакинцев — Тевосян, Апряткин, Зильбер и я, двое костромичей — братья Блохины, Алексей и Николай, и бывший партизан амурского края — Саша Фадеев.

Некоторое время мы жили в двух смежных комнатах. Питались у нас, бакинцев. Во-первых, у нас комната была больше, а во-вторых, нас иногда бакинские организации баловали — присылали продуктовые посылки.

Саша был душой этой семерки. Он был чудесным рассказчиком, и, несмотря на голодное время (тогда студенческий продовольственный паек состоял из небольшого количества ржаной муки и селедки), я не помню, чтобы у Саши Фадеева было плохое настроение. Его звонкий заразительный смех рассыпался то в одной, то в другой комнате.

Это он придумал название суну из селедочных голов «карие глазки».

— А если обладать некоторым воображением, то это может войти в будущем в меню лучших ресторанов, — смеясь, утверждал он, когда мы поглощали соленую жидкость с плавающими в ней рыбьими глазами.

Помимо студенческих занятий, Саша все время вел партийную работу. Его несколько раз выбирали членом партийного бюро, а одно время он был секретарем партийной организации.

Писать начал он на наших глазах в общежитии, но мы не придавали серьезного значения его творческой работе. Написав первые главы своей повести «Разлив», он предложил нам прочитать, но, когда Саша вышел из комнаты за своей рукописью, мы решили, что надо как-то воздействовать на него и отучить заниматься глупостями.

— Пусть лучше зачеты сдает, — сказал Апряткин.

Когда Саша вернулся с объемистой папкой исписанных листов бумаги и начал читать главы своей повести, мы его прерывали своими резкими репликами и делали такие едкие замечания, что он не выдержал пытки, выскочил из комнаты, а рукопись порвал. С нами он не разговаривал несколько дней. Но

желание писать в нем было так сильно, что он восстановил все написанное и был прежним веселым общительным Сашей.

Как-то в нашу комнату, где мы жили вчетвером, комендант общежития студент Борис Некрасов захотел вселить пятого. Мы приуныли. Очень уж не хотелось иметь в своей комнате лишнего человека.

Вот тогда и вселили мы в свою комнату новое лицо, придуманное Зильбером.

Когда комендант, пришел к нам и спросил, сколько нас живет в комнате, Зильбер, не моргнув глазом, ответил — пятеро. Некрасов обвел глазами комнату и спросил:

— А где же спит пятый — у вас всего четыре кровати?

Зильбер, зная, что у коменданта нет ни одной запасной кровати, радостно произнес:

— Вот хорошо, Борис, что ты сам этот вопрос поставил, а мы как раз к тебе хотели идти — уже несколько дней на полу вертится человек. Дай нам еще одну кровать.

Некрасов понял, как некстати ом затеял разговор о кроватях, и постарался скорее ретироваться. А после его ухода Зильбер на двери нашей комнаты вывесил список жильцов:

И. С. Апряткин,
И. Т. Тевосян,
В. С. Емельянов,
Ф. Э. Зильбер,
Фома Гордеевич Кныш.

Так с тех лор Кныш и поселился в нашей комнате. Фамилия эта очень понравилась Саше Фадееву, и он как-то сказал: «Я его определю в писаря». Но затем передумал и отвел Кнышу место «хозяйственного человека» в рассказе «Против течения».

Большинство студентов жило в общежитии. Все «административно-технические» должности здесь, за исключением должности сторожа, занимали студенты. Кипяток в кубовой готовили по очереди, котлы отопления — так же. Ремонт освещения, водопровода, канализации проводился силами студентов.

Дров для отопления часто не хватало, и температура в комнатах нередко опускалась до нуля. Поэтому к экзаменам готовились, сидя за столами в меховых шапках и ватниках-телогрейках. Система отопления нередко портилась. Мы просто не умели топить, а перебои в снабжении топливом усугубляли дело.

Как-то дежурить у котла мне пришлось вместе с Сашей. Но когда мы спустились в подвал в котельную, то вместо дров

увидели огромные дубовые пни. Я не знал, как приступить к делу, и безнадежно ходил вокруг них с топором в руках.

Саша заливисто смеялся и подбадривал меня: «Наши предки, обладая только каменными топорами, не с такими чудовищами справлялись, а мы, живя в век электричества, владея высшей математикой и имея в руках стальные топоры, неужели не справимся с этими ихтиозаврами?»

И мы после невероятных трудов все же раскололи три пня.

Но и такие дрова не всегда удавалось доставать. Тогда воду из системы спускали, и студенты мерзли в неотапливаемом здании.

В один из таких дней из нашей семерки все разбрелись по городу в поисках тепла. Кое-кто ушел к знакомым в другие общежития, кто ночевал в отапливаемых лабораториях академии.

Мы с Фадеевым остались вдвоем.

— Я обнаружил какой-то архив, — сказал он мае, входя в комнату. — Огромное количество папок с документами Продамета. Их ценность, насколько я могу судить, в том, что они могут служить топливом. Мы можем здесь устроиться с большим комфортом. Одним одеялом заткнем щель у двери, чтобы сохранить в комнате тепло, которое мы будем производить, сжигая документы Продамета. Для того чтобы сохранить девственную чистоту комнаты, мы сжигание будем производить вот над этой кастрюлей.

Саша поставил единственную нашу кастрюлю посередине комнаты на пол, и мы с ним, стоя на коленях, сжигали лист за листом архивные документы Продамета. Температура в комнате стала заметно повышаться.

— Для того чтобы поднять в комнате температуру на один градус, нужно сжечь сорок листов калькуляций, — смеясь, сказал Саша.

…В таких условиях рождалась повесть «Разлив», о которой Юрий Лебединский позже писал:

«Если бы в природе существовал только «Разлив» Фадеева, мы бы исключительно на основании его утверждали начинающийся расцвет пролетарской литературы».

Студент-проректор

Завенягин прибыл в Горную академию из Донбасса, где он работал секретарем Юзовского укома. С юных лет у него была склонность к организационной работе и большие способности к ней.

Позже они раскрылись полностью.

Закончив обучение в Горной академии, Завенягин буквально через несколько дней был назначен директором Гипромеза — огромного института по проектированию новых металлургических заводов и реконструкций старых заводов Украины и Урала. Затем его назначили директором Магнитки — крупнейшего металлургического завода страны. Магнитогорский завод он проектировал, строил и затем руководил его работой.

В конце тридцатых годов он был послан за Полярный круг, где строил Норильский металлургический комбинат и возводил город Норильск.

Строительство и реконструкция многих заводов и создание новых производств в нашей стране связаны с именем Завенягина. Но талант организатора ярко проявлялся в нем уже в студенческие годы.

Он вошел в ту руководящую группу, которая взяла на свои плечи все формирование нового учебного заведения, налаживание политической работы среди студенчества.

Партийная организация в Горной академии была небольшой, среди студенчества были бывшие члены других политических партий. Мы знали, что студент Зильберблат был меньшевиком, студент Овечкин симпатизировал анархистам и в спорах нередко апеллировал к Михаилу Бакунину.

Я еще помню книжную лавку анархистов, находившуюся напротив здания старого университета. Площадь между гостиницей «Москва» и зданием Манежа была застроена, и в одном из домиков была эта книжная лавчонка. Я как-то из любопытства зашел туда. На пороге стоял высокий лохматый продавец. На полках было много старых потрепанных книг, а на стене висел большой портрет князя Петра Кропоткина — одного из главных деятелей и теоретиков анархизма.

Кое-кто из беспартийных студентов с явной враждебностью относился ко многим мероприятиям партии и правительства. Некоторые из них и не скрывали этого.

На вопрос в анкете «Ваше отношение к Советской власти» (были такие вопросы в анкетах того времени) — студент Солнцев писал — Советской власти не сочувствую, но как специалист

работать буду.

Среди профессорско-преподавательского состава было несколько коммунистов — одним из них был Иван Михайлович Губкин, вступивший в партию в 1921 году. Иван Михайлович с 1920 года читал курс по геологии нефтяных месторождений, будучи профессором академии.

В то время существовала автономия высшей школы. Ректор избирался сложной системой выборов от двух курий — профессорско-преподавательской и студенческой.

В 1922 году при выборах ректора началась борьба. Мы выдвинули кандидатом в ректоры Ивана Михайловича Губкина — группа реакционно настроенных студентов во что бы то ни стало хотела провалить его кандидатуру.

На студенческое собрание пришли учащиеся школы штейгеров — преимущественно молодые шахтеры из Донбасса. Они были нашей опорой.

Увидев штейгеров, группа студентов, подстрекаемая Зильберблатом, подняла шум.

Раздались их возмущенные голоса:

— Удалить со студенческого собрания всех посторонних!

— Кто это посторонние? — спросил, поднимаясь с места и оглядывая крикунов, шахтер с курсов, огромного роста, с кулачищами, как кувалды. — Это вы здесь посторонние. А мы — хозяева.

Шум и перебранки не позволяли приступить к голосованию.

Когда Зильберблат увидел, что большинство голосует за Губкина, он крикнул: «Нам здесь делать нечего — мы не можем признать эти выборы действительными. Я предлагаю покинуть аудиторию».

И его группа под шум, смех и острые реплики ушла с собрания.

Губкин был избран ректором. Вести дела в академии одному, без помощи, было невозможно. Помимо ректорства в академии, Губкин работал в ВСНХ, где руководил всей нефтяной промышленностью.

На следующий же день после избрания ректором он обратился за помощью в партийную организацию, попросив выделить из числа студентов для помощи ему кандидата в проректоры.

Выбор нал на Завенягина — студента первого курса. Ему пришлось все студенческие годы, помимо выполнения всего учебного плана, нести тяжелые обязанности проректора.

Холодные пустые запущенные помещения бывшего мещанского училища необходимо было превратить в аудитории,

химические, физические, металлургические лаборатории, создать минералогический музей и приобрести все приборы и экспонаты, необходимые для нормального учебного процесса.

Достать каждый прибор и станок в то время было проблемой. Денег у академик не было, и нечего было рассчитывать на их получение.

Мне вспоминается, как он нашел решение грудной задачи — достать необходимые средства на оборудование лабораторий института.

Завенягин попросил Губкина собрать руководящий научно-преподавательский состав академии и обсудить положение.

Я это совещание хорошо помню. Профессор Григорович предложил мне пройти на него вместе с ним — он был заведующим лабораторией электрометаллургии, а я — единственным штатным сотрудником.

Иван Михайлович Губкин, открывая совещание, сказал:

— Средств для оборудования лабораторий нет, и рассчитывать на их получение в ближайшие годы не реально.

11 своим сильно «окающим» ярославским говорком он закончил:

— Ищите заказы, выполняйте работы для промышленности и на заработанные деньги приобретайте оборудование для лабораторий. Установим такой порядок: сорок процентов от выручки пусть берут себе те, кто выполнял работы, а шестьдесят процентов — можно расходовать на приобретение оборудования.

Если мы как следует поработаем, то можно будет создать хорошие лаборатории. У нас есть главное — головы и руки.

Я знал, что за этим предложением стоит Завенягин, — он говорил мне об этом задолго до совещания. Он советовался со многими из работников академии и искал пути решения трудной задачи.

Когда решение о заказах и порядке расходования средств было принято, Завенягин приступил к практической деятельности. Он вызывал людей, ходил но лабораториям, звонил но заводам и на пустом месте стал создавать один за другим очаги кипучей деятельности.

Академия буквально превратилась в какой-то муравейник — все пришло в движение.

Через несколько месяцев в пустовавших ранее помещениях появились станки, приборы, разного рода приспособления и устройства для проведения работ но обогащению угля, графита, руд. Начались плавки свинца, латуни, ферросплавов. Появились установки для электролиза алюминия.

Началась полнокровная жизнь, и всей этой деятельностью

руководил двадцатидвухлетний студент-проректор Авраамий Павлович Завенягин — будущий заместитель председателя Совета Министров СССР.

Борьба с оппозицией

В конце 1923 года и начале 1924 года в стране шла борьба с троцкистской оппозицией. Горная академия так же, как и другие высшие учебные заведения, гудела, как улей. Собрания длились дни и ночи.

Как-то в одну из таких ночей шло бурное партийное собрание — местный лидер троцкистской оппозиции Штыкгольд бушевал, потрясая своим мощным басом самую большую аудиторию академии — вторую.

Попасть в аудиторию было нельзя — все места были заняты, проходы между скамьями и стенами были плотно забиты студентами.

Я сидел вместе с другими студентами на пороге двери. До нас доносились только отдельные слова выступавших и возбужденные реплики.

Около трех часов ночи перед дверью появился старичок с бородкой. Сняв очки, и протирая их, он спросил меня: «Пройти туда можно?» Я, не поднимаясь с места, взглянул снизу вверх на пришельца и сердито буркнул: «Не знаю, попытайтесь».

Он перешагнул через наши ноги и просунулся в помещение аудитории. Начались аплодисменты. Я поднялся со своего места, взглянул на того, кому аплодировали, и сразу узнал его. «Да ведь это же Калинин».

Калинин попросил слова, но оппозиционеры начали бесноваться.

— Никому из посторонних слова больше не давать! Хватит! Это студенческое собрание. Мы сами во всем разберемся! Только студентам предоставлять слово! — перекрывая всех, кричал Штыкгольд.

Калинин обвел глазами всю аудиторию. Потом опустил руку в карман и вытащил из кармана какую-то книжечку — он стоял в двух шагах от меня, и мне все хорошо было видно.

Улыбаясь, Калинин вновь поднял руку, на этот раз в ней была книжечка, и громко произнес:

— Я прошу слова как студент. Вот мой студенческий билет. Вы сами меня избрали своим студентом.

Аудитория стихла — даже Штыкгольд замер. А Калинин, протискиваясь через плотно утрамбованную студентами аудиторию, поднялся на кафедру и стал говорить.

Я смотрел на него как зачарованный.

— Вот здорово, — произнес один из рядом стоящих студентов.

За несколько месяцев до этого собрания у нас отмечалась какая-то юбилейная дата и к нам на собрание приехал Михаил Иванович Калинин; студенты его тогда встретили очень тепло — избрали почетным студентом и вручили ему студенческий билет.

Вот этим билетом он и воспользовался, чтобы получить возможность высказаться на нашем студенческом собрании.

…Но только партийные собрания, но и печать была заполнена острыми выступлениями, заявлениями, письмами и сообщениями о митингах и собраниях, происходивших на заводах и фабриках.

В номере «Правды» за первое января 1924 года девять работников ЦК и МК комсомола, а также Коммунистического Интернационала молодежи выступили со статьей «К вопросу о двух поколениях».

Троцкий до этого в ряде статей и выступлений пытался апеллировать к молодежи и настроить ее против старой партийной гвардии, против руководства ЦК. При этом он пытался создать впечатление, что его взгляды по вопросу о молодежи соответствуют взглядам Ленина.

Авторы статьи разоблачили утверждения Троцкого о том, что его взгляды соответствуют взглядам Ленина, и привели в статье то, что писал в 1916 году Ленин по поводу вышедшего в Швейцарии журнала «Интернационал молодежи»:

«Нередко бывает, что представители поколения пожилых и старых *не умеют* подойти, как следует, к молодежи, которая по необходимости вынуждена приближаться к социализму *иначе*, не *тем* путем, *не в той форме, не в той* обстановке, как ее отцы…

…За полную самостоятельность союзов молодежи, по и за полную свободу товарищеской критики их ошибок! Льстить молодежи мы не должны».

В этом же номере помещен ответ редакции газеты «Правда» Троцкому — «Долой фракционность».

Наша группа — Тевосян, Фадеев, я и другие — решила, что молчать нельзя — надо выступить и осудить тех, кто пытается столкнуть страну с пути строительства социализма.

Такой же точки зрения придерживались многие студенты других высших учебных заведений.

Появилась мысль обратиться с открытым письмом к Троцкому и изложить в нем наше мнение о его ошибках, предупредить его о том, как опасен тот путь, на который он толкает партию и страну.

Открытое письмо Троцкому членов РКП — учащихся вузов и рабфаков города Москвы было опубликовано в двух номерах «Правды» за 9 и И января 1924 года.

Мы писали, что обращаемся к нему в момент дискуссионной лихорадки, охватившей партию и чреватой в перспективе большими осложнениями как внутри, так и вне нашей страны.

В письме указывалось, что «мы, большевики, тем и сильны, что не фетишизируем свою партию, не смотрим на себя (свою партию) как на нечто обособленное от пролетариата, как на нечто, стоящее над ним. Мы не только заявляем себя авангардом рабочего класса, но и на деле выполняем историческую роль, так что неразрывно находимся в органической связи с рабочим классом. В этом корень понимания Маркса».

…«У нас нет преимуществ в правах, а есть и должны быть удесятеренные обязанности перед рабочим классом».

В конце письма сделаны выводы:

«1. Ваша неправильная постановка вопроса о периодах затушевывает роль и значение великого дооктябрьского прошлого партии, развивает у партийного молодняка невнимательное, безразличное отношение к этому периоду и неверное представление об удельном весе нового курса в историческом развитии партии.

2. Ваша постановка вопроса о поколениях находится в явном противоречии с обстановкой, в которой партия наша живет, объективно она ведет к вредному противопоставлению кадров партии и молодняка. Она не только не дает нам ничего конкретно-практического в смысле большею связывания различных поколении в партии; она, наоборот, нарушает преемственность партийного развития и мешает воспитанию партийного молодняка в духе большевистских традиций партии.

3. Неверная оценка взаимоотношения партийной массы и аппарата объективно дает пищу ликвидаторским — по отношению к аппарату — настроениям; эта оценка отнюдь не способствует и основной нашей задаче в области советского строительства — чистке госаппарата».

Письмо мы закончили словами:

«Боевое единство — наш оплот; залог нашей победы.

В духе этого единства мы будем вести свою работу…

Т.т., присоединяющихся к настоящему письму, просим сообщить об этом в редакцию «Правды».

Далее следовало 112 подписей.

Из нашей группы письмо подписали Тевосян, я, Фадеев (тогда он подписывался Булыга-Фадеев).

Тогда еще трудно было разглядеть всю пагубность действий Троцкого. В последующем они были раскрыты полностью. Троцкий и троцкисты стали синонимом предательства.

Дни всенародной скорби

С самого раннего утра 22 января 1924 года я находился в лаборатории электрометаллургии Московской горной академии. Мы проводили опыты по получению алюминия из отечественных бокситов. Страна никогда до того не производила алюминия, а покупала его за границей. Но технологии его производства у нас не было никакого опыта — мы знали о ней из книжек зарубежных авторов.

После проведенного ночью опыта электропечь остыла, и мы стали разбирать то, что образовалось в результате электролиза.

До этого нас преследовали неудачи. Нам не удавалось получить ни одной крупицы алюминия. В сплавленной массе криолита и окиси алюминия мы видели иногда какие-то блестки, похожие на металл, и больше ничего.

Что-то будет сегодня? — думал каждый из нас, разбирая выгруженную из печи массу. И вот среди теплой груды извлеченного из печи материала мы увидели бесформенный серый кусочек металла — алюминий!

Первая удача! Наконец-то мы нащупали путь! У нас от возбуждения даже руки дрожали, когда мы передавали друг другу первый кусочек алюминия, полученного нами из советского сырья.

И вот в этот самый момент к нам в лабораторию вошел студент нашего курса и тихо сказал:

— Умер Ленин. Мне только что сказал об этом Тевосян…

Он с большим трудом произнес эти несколько слов. Мы как бы окаменели. Радость бесследно испарилась. Известие было настолько страшным, что все остальное ушло на задний план. Сразу наступила тишина. Ее нарушил только один глухой звук упавшего на кирпичный пол драгоценного кусочка алюминия.

Его никто не поднял.

Никогда я не испытывал таких чувств, которые овладели в тот час мною. Казалось, внутри все оборвалось. Из головы не уходила мысль: что теперь будет? Как дальше жить?

Ведь в новый мир нас ввел он, Ленин. Все, чем мы жили и что делали, связано с его именем.

…Лично я с Лениным не встречался. Когда я приехал в Москву, он был уже болен, но я читал его статьи, речи, слушал рассказы товарищей, с ним встречавшихся. Волной нахлынули воспоминания. Они перенесли меня в Азербайджан, на нефтяные промыслы. Как-то раз, это было в 1913 году, зайдя за книжкой к одной школьнице, с которой мы вместе каждый день ездили в

ученическом вагоне в Сабунчи в школу, я встретился с ее отцом. Он работал на том же промысле, что и мой.

— Отец-то грамотный? — спросил он меня.

— Нет, — ответил я.

Грамотных среди рабочих на нефтяных промыслах было очень мало.

Он подошел к шкафу и вынул тоненькую книжку. «Что такое друзья народа?» — было написано на первом листе. К этому времени я прочитал уже много книг, но книг, напечатанных так, как эта, мне не приходилось видеть. Через несколько лет я понял, что это было гектографированное издание.

— Вот возьми и почитай отцу. Только смотри не оставляй эту книжку на виду, а держи ее так, чтобы другие не видели. А то греха не оберешься. Когда прочитаешь, верни ее мне…

Так впервые я познакомился с Лениным, хотя и не знал, кто он.

Летом 1914 года Михайленко, который давал мне книжку, арестовали. Он оказался совсем не Михайленко и приехал на нефтяные промыслы из центральной России, скрываясь от полиции.

Уже тогда у меня возникли первые мысли: почему так боятся этих книг? Почему эти книги прячут от полиции? Почему людей, которые их читают, сажают в тюрьмы?

А в 1921 году, когда мы, группа молодежи, уезжала из Баку для поступления в высшие учебные заведения, нас попросили оказать содействие одному иностранцу. Он прибыл в Баку из Турции. Это был турецкий коммунист, и он ехал к Ленину. Русский язык он знал плохо — всего несколько слов, и ему очень трудно было добираться до Москвы. Железнодорожный транспорт находился в хаотическом состоянии, а самолетов в то время у нас не было.

Нашу группу попросили помочь турецкому товарищу. Когда мы познакомились и спросили, как же он все-таки доехал до Баку, турок улыбнулся и сказал:

— Слово «Ленин» для меня было паролем. «К Ленину еду» — и этого было достаточно: мне помогали все…

Заботились о турецком товарище и мы так, как только могли, деля с ним скудные запасы пищи: он едет к Ленину…

И вот теперь Ленина не стало.

Что же будет?

23 января гроб с телом Ленина должны были доставить с Павелецкого вокзала в Колонный зал Дома союзов. Я пошел к вокзалу. Было холодно, и шел небольшой снег. Вдоль всего пути траурной процессии по обеим сторонам улиц стояли охваченные

глубокой скорбью люди. Опущенные плечи, понуро склоненные головы — казалось, все мы стали как-то меньше ростом. Было тихо. Это была тишина большой тревоги и невыносимого горя. По щекам некоторых идущих за гробом и стоящих на тротуарах людей текли слезы. Плакали на всем протяжении траурной процессии. Такого массового горя я никогда не видел, никогда о таком горе не читал и не слышал.

Так шли до Колонного зала Дома союзов. В этот день был открыт доступ к гробу. Все пространство улиц и площадей в районе Дома союзов было заполнено медленно движущимися лентами скорбящих людей. Казалось, что этому бесконечному людскому потоку ист ни конца ни края.

А мороз все крепчал. Ртуть в термометрах держалась на 30° ниже нуля. Вера Инбер писала:

Как будто он унес с собою
Частицу нашего тепла.

На улицах горели костры. Озябшие люди выскакивали из очередей и бежали к горящим дровам, протягивая окоченевшие руки к огню.

На шапках и воротниках висела замерзшая влага дыхания. На бровях блестели кристаллики льда. У некоторых лица бороздили, как раны, струйки застывших слез.

Мне было очень холодно, и я также несколько раз выходил из своей очереди и подбегал к огню. Часов в двенадцать ночи я прошел в первый раз мимо гроба Ленина, не спуская глаз с этого знакомого но фотографиям, такого подвижного и, увы, теперь мертвого лица.

Выйдя из здания Дома союзов, я опять включился в поток людей и в четыре часа утра снова увидел Ленина.

27 января в день похорон раздались разрывающие сердце гудки фабрик, заводов, электростанций. Гудели паровозы и автомашины.

Это были звуки невыразимого горя, такого горя, какое нельзя передать ни словами, ни голосом человека. Все движение замерло. Остановились пешеходы. Страна прощалась с Лениным.

Мы будем это делать первыми

Прошло почти четыре года со дня смерти Ленина.

В декабре 1927 года XV съезд партии принял постановление «О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства». Открылись величественные перспективы, предстояло заложить фундамент новой, социалистической экономики. Мы это будем делать первыми в мире. Мы должны будем превратить нищую крестьянскую страну, зависимую от милости капиталистических стран, в могучую индустриальную державу. Собрания, споры. Вместо пятилетки предлагается двухлетка. Кое-кто не верит, и то мы сможем построить социализм в окружении капиталистического мира.

Ложь! Построим. Обязательно построим!

Хотелось быстрее заканчивать курс обучения в академии и идти туда — на строительство, на практическую работу. По для того чтобы строить, надо много знать. Нужно учиться. Стране нужны грамотные люди. Надо заново создавать многие производства.

Свои природные богатства в сыром, необработанном виде мы везли в другие страны. Нам тогда еще было неизвестно, что во многих меднорудных месторождениях, помимо меди, содержится золото и серебро, а нам платили только за медь. На нашей марганцевой и хромистой руде богатели иностранные фирмы. Мы получали гроши за наши бесценные товары. Позже мы установили, что при плавке цинковых руд с газами в воздух летит нужный нам кадмий, но мы его не умели улавливать. Мы не владели ни техникой производства, ни умением еще торговать. Все эти вопросы горячо обсуждались на страницах наших газет, на собраниях и совещаниях. По ним шли непрерывные дискуссии.

Вот сейчас многое кажется смешным. Неужели это серьезно можно было обсуждать?

«Автомобиль или автотелега»? — ставил вопрос Осинский. Что следует делать — строить хорошие современные дороги и создавать автомобильную промышленность или же к существующему бездорожью приспосабливать транспорт — создавать специальную конструкцию телеги с механической тягой?

…Вместе с утверждением первого пятилетнего плана принимается решение командировать на обучение за границу группу молодых специалистов. С рядом иностранных фирм заключаются соглашения о технической помощи, поставке оборудования, строительстве предприятий.

На выучку на заводы Форда в Детройт направляется большая группа советских инженеров, техников, мастеров. Они должны изучить автомобильное и тракторное дело, чтобы руководить в последующем работой на строящихся заводах в Горьком и Сталинграде.

Молодые советские ученые и инженеры появляются в лабораториях Массачузетского технологического института в США, в Кембридже в Англии, в Гейдельберге в Германии, в лаборатории Марин Кюри в Париже и во многих других учебных заведениях и научных учреждениях Европы и Америки.

На строительстве новых заводов все чаще можно встретить инженеров и техников из США, Англии, Германии, Франции.

Нам необходимо быстро научиться все делать самим. По всей стране возникают новые фабрики и заводы. Вся страна участвует в их строительстве. Все учатся.

В 1929 году было заключено соглашение с фирмой Круппа. По этому соглашению Советский Союз имел право одновременно держать в качестве практикантов в цехах заводов до тридцати человек.

К этому времени мы с Тевосяном только что закончили Горную академию. После защиты дипломного проекта Тевосян был направлен на завод «Электросталь», меня оставили при лаборатории электрометаллургии. Утвержден институт аспирантуры — надо готовить не только инженеров, но и научных работников.

Борьба за кадры

Стране нужны были специалисты. Много специалистов.

«Положение продолжает оставаться серьезным.

Почти полное отсутствие членов партии среди специалистов с высшим образованием заставляет бить тревогу, — писала «Правда» 15 ноября 1929 года. — …Мы имеем среди членов и кандидатов партии, занимающих административно-технические должности в нашей промышленности, до 53 процентов лиц с низшим и домашним образованием, среди беспартийных — всего лишь 17,5 процента».

Особенно остро вопрос о кадрах специалистов возник, когда встала задача перестройки промышленности на новой технической основе и в стране стали создаваться новые отрасли техники.

Вопрос о подготовке кадров не сходил с повестки дня Пленумов ЦК, а XVI съезд ВКП(б) в 1930 г. поставил задачу решительного выдвижения на командные посты преданных делу социализма молодых инженеров, техников и молодых рабочих.

В речи на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 года И. В. Сталин сформулировал задачу, поставленную Центральным Комитетом партии перед всей партией:

«Большевики должны овладеть техникой.

Пора большевикам самим стать специалистами.

Техника в период реконструкции решает все».

Эти слова пламенели по всей стране на плакатах, полотнищах — в цехах, учреждениях, в клубах, а во время праздничных демонстраций — на улицах всех городов и поселков огромной Советской страны. Проблема технических кадров не сходила со страниц газет.

…В 1929 году после окончания Московской горной академии я некоторое время работал в одном из исследовательских институтов — в качестве заместителя заведующего лабораторией.

Я был единственным коммунистом, занимающим такой высокий научный пост, а вообще в институте на научно-административном посту, кроме меня, был еще один — директор института Миловидов.

Это тот самый, что входил в число 53 процентов — человек «с домашним образованием».

На наше несчастье, он еще был к тому же и очень недалеким человеком. Не умея разбираться в делах института и не желая учиться, он лез со своими нелепыми предложениями и

суждениями и был притчей во языцех.

О нем можно составить представление по истории, разыгравшейся на заседании Ученого совета.

По положению директор научно-исследовательского института являлся председателем Ученого совета. Как-то на Ученом совете института рассматривался вопрос о выписке иностранной литературы. Миловидов открыл заседание, и члены совета, обсуждая, что следовало бы выписать, стали называть журналы.

— Обязательно надо выписать на английском языке «Механикс», на французском «Ревю де Металлуржи», — сказал один из членов совета, кто-то назвал на шведском языке «Ерен конторетс анналер» и ряд других.

По мере того как называли журналы, я видел, как сардоническая усмешка расплывалась по лицу директора. Я чувствовал, что он сейчас скажет свою очередную глупость, и мне стало как-то не по себе. Я всегда испытывал чувство стыда за Миловидова. Но уговорить его стать более осмотрительным было нельзя, он не слушал советов и считал, что к нему напрасно придираются. Наконец Миловидов не вытерпел, поднялся со своего стула и, обведя присутствующих победоносным взглядом, произнес:

— Что же вы на главном-то иностранном языке не хотите выписывать ни одного журнала?

— На каком же именно? — спросил профессор Чижевский.

— А на американском.

В зале заседания раздался сдержанный смех.

Кое-кто замотал головой. Некоторые опустили головы.

— Такого языка нет, — сухо сказал Чижевский.

Миловидов с чувством собственного превосходства со злорадством выпалил:

— А как же американцы тогда разговаривают?

Это было уже слишком. Кто-то из членов совета вполголоса произнес:

— А не пора ли этот балаган кончать?

Чижевский, всегда сдержанный и тактичный, не выдержал:

— В таких случаях они предпочитают молчать, — резко ответил он Миловидову.

Как-то, осматривая лаборатории института, Миловидов зашел в металлографическую и, кивая в сторону большого горизонтального микроскопа Рейхерта, задал заведующему лабораторией вопрос:

— Ну, а просветиться на этой машине можно?

— Нет нельзя, для работы на ней надо уже быть

просвещенным, — ответил заведующий.

Но Миловидов был человеком без чувства юмора — он ничего не понял.

Наконец Миловидова убрали из института. Его сменил второй директор, также не ученый. Фамилию я его забыл. (По специальности он был судовым механиком и одно время служил на военном корабле.) В институте новый директор пробыл недолго.

На эту должность он был назначен как раз перед выборами партийного бюро, и на партийном собрании его выдвинули в члены бюро. Но так как для организации он был новым человеком, его попросили рассказать биографию.

Его эпический рассказ произвел колоссальное впечатление — говорил он, вероятно, часа два, повествуя о том, какие партийные поручения получал, где и когда его арестовывали и в каких тюрьмах сидел.

Он, кажется, побывал по всех тюрьмах страны, никогда не отсиживал до конца тот срок, на который его осуждали, и бежал из всех мест заключения, в которые его определяли.

Уже в конце он рассказал, как, получив заданно партии, организовал побег политических заключенных с военного корабля, на котором их возвращали из Франции в Россию.

Французские власти арестовали нескольких политических, бежавших из России во Францию. Правительство Франции выдало их царскому правительству. Арестованные были доставлены на борт военного корабля, на котором он был механиком.

На пути из Марселя в Одессу корабль зашел в Александрию, где и удалось организовать их побег. Все было организовано великолепно: арестованные исчезли, но сам организатор побега — механик — был арестован, и его поместили в ту же самую каюту, где до него сидели политические.

Ночью, когда корабль вышел в море, арестованный механик выпрыгнул в иллюминатор и проплавал более десяти часов, пока его не подобрал итальянский пароход.

— Так я попал в Италию и затем добрался до Капри, где слушал лекции Луначарского, — рассказывал затаившей дыхание аудитории новый директор.

После собрания по всему институту только и разговоров было о новом директоре, но сам он работой в институте тяготился.

— Не по Сеньке шапка, — как-то с грустью сказал он мне. — Ну что я могу вам подсказать, чем смогу помочь, если это дело для меня незнакомое? Здесь специалисты нужны — без них мы, как без компаса, весь институт на мель посадим — не туда уведем.

После него в институт пришел Ротенберг.

Ротенберг также не имел высшего образования и был просто администратором, опираясь по всем вопросам на суждения отдельных ученых института. Но когда по обсуждаемым вопросам не было единого мнения, то определиться ему было трудно, и он терялся.

То же самое, по с еще более плачевными результатами происходило на заводах и фабриках. Следует помнить, что на многих заводах старой России руководящие технические должности занимали иностранные специалисты, и когда они после революции покинули страну, то многие важные участки остались оголенными. Помимо того, что инженерно-технические кадры были малочисленны, многие из инженеров и техников отказались работать, часть ушла с белой армией, кое-кто из оставшихся саботировал.

Было очевидно, что без кадров, хорошо знающих технику, нельзя будет справиться с теми задачами, которые партия ставила перед страной.

В статье о перенесении заграничного опыта в нашу промышленность «Правда» И июня 1929 года писала: «Нет сомнений, что на протяжении первой пятилетки успех реконструкции будет в решающей степени определяться тем, с каким темпом мы будем переносить и внедрять в нашу промышленность достижения иностранной техники.

…Основными элементами, из которых слагается проблема перекачки к нам иностранной техники, являются: командировки работников нашей промышленности (инженеров, техников, рабочих и административного персонала) за границу для ознакомления и изучения процессов производства на заграничных предприятиях».

В середине 1929 года было принято постановление о командировании на обучение за границу большой группы молодых специалистов.

Нашему институту было предложено подобрать одного кандидата. Руководство института предложило поехать мне. Вначале сообщили, что я поеду в США на год, а затем решили послать меня в Германию на семь месяцев. Еще до меня туда выехали несколько моих однокашников, в том числе и Тевосян.

…В Горной академии я изучал английский язык. Преподавание иностранных языков было поставлено плохо. По окончании курса мы не умели говорить, и произношение у нас было ужасным.

Преподаватель английского языка не только никогда не слышал живой английской речи, но и не знал фонетики. Было

очень мало литературы для чтения на иностранных языках, и те студенты, которые все же хотели изучать язык, бегали по букинистическим магазинам и скупали старые книги и учебники.

Одним словом, по окончании института я мог только со словарем читать английские книги и журналы по специальности.

За три недели до отъезда мне сообщили, что я еду не в США, а в Германию, и мне пришлось бросить занятия английским языком и срочно приступить к немецкому.

Пришлось каждый день брать уроки и восстанавливать те знания, которые мною были приобретены еще за время пребывания в реальном училище в Азербайджане.

…А затем надо было одеться для поездки за границу. Достать костюм было проблемой, а ни одного костюма в то время у меня не было.

Самым нарядным из моего одеяния была толстовка из синего тонкого шевиота и единственный синий вязаный галстук.

Я очень любил и толстовку, и галстук и берег их, надевая только в редкие дни, когда мы с женой ходили в театр или в кино.

Но я знал, что в толстовке за границу ехать нельзя. Надо доставать костюм. Я обошел большинство магазинов и после больших трудов в одном из комиссионных нашел подержанный, но, как мне казалось, вполне приличный синий костюм. В нем я и поехал за знаниями в Германию.

Мы снова учимся

Перед отъездом в Германию учитель, занимавшийся со мной языком, сказал: «Помните: чтобы научиться говорить, необходимо перебороть себя и сломить робость. Советую вам, как только переедете границу, немедленно начинайте говорить. По всей видимости, вас не будут понимать, может быть, будут смеяться, не обращайте на это внимания, говорите и старайтесь понять то, что будут говорить вам. Только при этих условиях вы сможете быстро овладеть разговорной речью».

Этот совет я запомнил на всю жизнь.

По дороге из Москвы до Берлина мне не представилось ни одного случая для разговора. В моем купе ехала группа советских артистов, они направлялись на гастроли в Берлин. Один из артистов, уже пожилой человек, бывал в Берлине еще в дореволюционное время и мог немного объясниться по-немецки. С его помощью мы и отвечали на несложные вопросы, задаваемые нам при пересечении польско-немецкой границы у станции Стенч.

Утром, когда мы прибыли в Берлин, я распрощался со своими попутчиками и, решив здесь же, на вокзале, позавтракать, смело направился в буфет. Заняв место за столиком и используя знания, полученные из учебника немецкого языка Глезера и Петцольда, я смело произнес:

— Geben Sie mir bitte eine Portion Schinken und ein Glass Tee[5].

Когда я кончил выговаривать эту фразу, у меня захватило дух, а в голове промелькнуло — вероятно, официант ничего не понял.

Но, к моему глубокому изумлению, он ответил:

— Wir haben keine Gläser, aber Schalon[6].

Я понял все, что сказал официант, но не знал, что такое Schale?[7]

«У нас нет стаканов, — думал я, — а шале? Что же это такое?» Официант вопросительно смотрел на меня.

«Заказать бутылку пива? — подумал я, — Ведь немцы пьют пиво». Но я за всю свою жизнь только один раз пил пиво, и оно мне не поправилось. Кроме того, я совершенно не знал немецкого пива, может быть, оно крепкое и можно захмелеть. Как же быть?

И наконец я выпалил:

— Dann ich werde nicht trinken[8].

Я увидел изумление на лице официанта. Он пожал плечами и отошел от странного посетителя, который пьет чай только из стаканов и отказывается пить из чашек.

После соленой ветчины, которую мне принес официант, мне

очень хотелось лить. Но я терпел.

Перед отъездом из Москвы я получил письмо от Тевосяна. Он извещал меня о том, что договорился со своей квартирной хозяйкой и мне можно будет остановиться и той же самой квартире, где устроился и он. Поэтому, когда я прибыл в Эссен, то направился по адресу, полученному от Тевосяна. Он снимал комнату у бывшего мастера цеха огнеупорных материалов крупповского завода. Старик умер, вдова с детьми жила на пенсии и была, конечно, заинтересована в том, чтобы сдавать часть комнат своей большой квартиры.

Я приехал в воскресенье и застал Тевосяна дома. Рассказав ему последние московские новости, я стал расспрашивать, как проходит у него практика и что интересного на крупповском заводе.

— Сам процесс производства стали не представляет большого интереса. У нас технология ведения плавки поставлена лучше, мы грамотно подходим к этому процессу. А вот разливка стали у них организована очень хорошо. Поэтому я решил изучать разливку.

Тевосян, проработавший два месяца до моего приезда на завод, собрал уже обильный фактический материал по разливке различных марок качественной стали.

— В сталеплавильном цехе, где сейчас нахожусь, — рассказал он мне, — производится очень большое количество самых разнообразных марок стали, разливают их в изложницы различной формы, а слитки отливают различного веса. Из этого цеха стальные слитки поступают и в прокатные цеха, и в кузнечные. Так что учиться есть чему. Что я успел установить, так это то, что для каждого состава стали на заводе выработана определенная скорость заполнения изложниц жидким металлом. Они с определенной скоростью заполняют изложницу и очень медленно — прибыльную наставку. Это ведет к тому, что поверхность стальных слитков у них чистая, а усадочная раковина очень небольшая. Поэтому отходы стали составляют незначительную величину.

Надо иметь в виду также, что стенки изложниц на заводе смазываются специальным лаком и при определенной температуре, слой лака на поверхность наносится небольшой, и когда лак выгорает, то образуется очень мало продуктов сгорания. Это позволяет получать металл без газовых включений. Я попытался систематизировать весь материал по разливке и установить зависимость скорости разливки от химического состава стали и развеса слитков.

— Вот посмотри, — и Тевосян стал развертывать одну диаграмму за другой, составленные им с исключительной

тщательностью. Большое количество нанесенных на диаграммах точек свидетельствовало об огромной кропотливой работе, проделанной им в сталелитейном цехе завода.

— А как у тебя с языком? — спросил я ею.

— С языком? — и он улыбнулся. — Ведь я работаю в бригаде на литейной канаве. Если не знать языка, то не поймешь, что кричит крановщик, и он может или ударить крюком крана или опустить изложницу на ногу. Первый месяц трудно было, теперь ничего, лучше стал понимать, и меня понимают. Но приходится каждый день заниматься, без этого нельзя. Я тебе советую первые два-три дня осмотреться, познакомиться с мастерами, а затем приступать к работе. Начинай работу в дневной смене, с восьми часов утра.

Тевосян осмотрел меня с ног до головы и сказал:

— Первое, что тебе нужно будет сделать, — это купить костюм.

Перебивая его, я сказал:

— Я в этом буду ходить в цех.

Он еще раз посмотрел и сказал:

— Нет, тебе надо купить два костюма — в одном ты будешь работать в цехе, а второй должен быть выходным.

— Я хочу купить тетради для ведения записей, — сказал я Тевосяну. — Ты не знаешь, где их можно приобрести?

— За углом на следующей улице есть небольшой магазинчик, — сказал Тевосян, — там можно купить тетради и карандаши и вообще любые канцелярские принадлежности. Помочь тебе или сам справишься?

— Ну, тетради-то купить я сумею и без посторонней помощи, — уверенно ответил я и отправился в лавчонку. По совету Тевосяна я сказал не «Ich will», а «Ich möchte»[9]. (Это звучит более вежливо).

На произнесенную мною фразу: «Ich möchte ein Heft haben»[10], — полная пожилая женщина, хозяйка лавчонки, протягивая мне коробку скрепок для бумаги, сказала:

— Genug oder grösser?[11]

Я ничего не понимал. Как будто бы я сказал все правильно. Мне нужна тетрадь, почему же она предлагает скрепки?

Совсем растерявшись, я ответил:

— Genug[12].

Когда я вернулся, Тевосян спросил:

— Ну-ка покажи, какую тетрадь купил?

Я показал ему коробку скрепок.

— А зачем тебе скрепки?

— Мне они совершенно не нужны, но продавщица почему-то

дала скрепки вместо тетради.

— Как ты сказал?

Я повторил фразу, произнесенную в лавчонке. Все как будто правильно, почему же она дала скрепки?

Только позднее я понял, что хозяйке, видимо, послышалось не Heft, а Haft.

…Прошло три месяца. Каждый день мы ходили с Тевосяном на завод. Вставали в семь часов утра, быстро съедали свой скромный завтрак — пару бутербродов, выпивали по стакану чаю и направлялись в сталеплавильный цех.

В квартире, где мы жили с Тевосяном, у нас были смежные комнаты, соединенные дверью, по обеим сторонам которой стояли наши кровати. Как-то ночью я услышал голос Тевосяна:

— Ты не спишь?

Нет.

— Я хочу зайти к тебе. — Он вошел взволнованный и бледный.

— Мне кажется, что все, что я наносил на диаграммы по разливке стали, ерунда. Совсем другие соображения кладутся ими в основу процесса разливки. Я уже давно замечаю, что, когда изложница заполняется металлом, мастер обязательно заглядывает в нее и даже не один раз. Правда, он включает секундомер и отмечает время заполнения изложницы. Но мне кажется, что они руководствуются чем-то другим, а не временем. Сегодня я разговаривал с одним из мастеров — Борхардом. Он обещал мне завтра рассказать кое-что. Если хочешь, пойдем к нему вместе.

Я взглянул на часы, было два часа ночи. Желание раскрыть крупповский метод разливки стали не давало Тевосяну покоя.

На следующий день утром мы направились к Борхарду, опытному мастеру, всю свою жизнь проработавшему в этом цехе. Он стоял у печи, на которой только что была закопчена плавка. Ковш с жидким металлом был подан на канаву для разливки. Когда струя жидкого металла полилась в изложницу, Борхард, приложив к глазам темно-зеленое стекло, заглянул в нее.

Тевосян спросил Борхарда, за чем он наблюдает, заглядывая в изложницу.

— Прежде чем объяснить вам, за чем я наблюдаю, я хотел бы вам кое-что рассказать.

Он отвел нас от канавы и стал объяснять:

— Когда заполнение изложницы проводится медленно, тогда лак, которым смазываются стенки изложницы, успеет выгореть до того, как к этой поверхности приблизится жидкий металл. В этом случае металл будет приставать к стенкам изложницы, «мазать»

их и вся поверхность слитка в этом случае будет в складках, морщинах. Слитки с такой поверхностью нельзя пускать в прокатку, их поверхность должна быть предварительно очищена. А что произойдет, если скорость заполнения изложницы будет очень быстрой? В этом случае жидкий металл будет заполнять изложницу настолько быстро, что лак не успеет выгореть. Под слоем жидкого металла лак начнет вскипать. Часть газообразных продуктов не сможет пробиться через толщу жидкого металла и останется в слитке в форме газовых пузырьков, или, как их называют, «подкорковых» газовых включений.

Вот я и наблюдаю, что же происходит у стенки изложницы, «мажет» металл стенки или же он «кипит», то есть из него выделяются пузырьки газа. В первом случае я увеличиваю скорость разливки, во втором случае я снижаю ее, то есть направляю в изложницу большую или меньшую струю металла.

Одним словом, необходимо следить за поведением металла у стенки изложницы. В этом все дело.

— А почему вы всегда смотрите на секундомер? — спросили мы Борхарда почти в один голос.

Он улыбнулся и сказал:

— Это совершенно для других целен. Я просто собираю сведения о времени заполнения слитков различного развеса с тем, чтобы знать, сколько можно отлить слитков, не заморозив сталь в ковше. Это не имеет никакого отношения к самой технологии разливки. Ну, а теперь мы можем посмотреть на то, о чем я вам говорил.

Мы подошли к литейной канаве. Борхард попросил мастера по разливке передать ему ручку стопорного механизма, регулирующего скорость подачи из ковша жидкого металла. Мы вынули темно-зеленые стекла, такие же, как у Борхарда, и стали наблюдать.

— Вот смотрите, я снижаю скорость разливки.

Уровень металла стал подниматься медленнее. Но нам было ясно видно, что его движение у стенок как бы задерживалось. К стенкам изложниц устремлялись пленочки окислов.

— А вот теперь я увеличу подачу металла, — сказал Борхард.

Он нажал на ручку стопорного механизма. Металл стал подниматься быстрее, и мы отчетливо увидели бурление у стенки изложницы.

— Видите, вначале скорость была очень низкая, а затем я ее увеличил. И то и другое плохо. Нужно держаться между двумя этими положениями. Вот и все.

Это для нас был урок, преподанный нам хорошо разбирающимся в технологии производства мастером.

После разговора с Борхардом мы много дней сами наблюдали за разливкой и в конце концов постигли эту премудрость.

Возвратившись в тот день из цеха, Тевосян сказал:

— Вот видишь, как легко можно попасть впросак, не зная идеи, которая заложена в основу технологии. Можно собрать бесчисленное количество фактических материалов, но не уметь ими воспользоваться. Нам надо пересмотреть также и наше отношение к самой технологии плавки, может быть, и здесь, мы что-то недооцениваем и упускаем.

Через восемь лет, когда Тевосян был уже наркомом судостроительной промышленности, мне пришлось как-то вместо с ним поехать в Мариуполь, на металлургический завод имени Ильича, входивший в то время в состав Наркомата судостроительной промышленности. Большой группой вместе с директором завода, главным инженером и секретарем партийной организации мы вошли в мартеновский цех. Как раз в это время разливалась сталь. Тевосян подошел к мастеру по разливке, взял у него темно-синее стекло, заглянул в изложницу и сказал:

— У вас очень маленькая скорость разливки, слитки будут иметь шероховатую поверхность. Надо несколько увеличить скорость.

Затем спросил:

— Когда вы ведете разливку, на что обращаете внимание?

Мастер, видать, был задет за живое этим вмешательством пришедшего в цех незнакомого ему человека и с резкостью ответил:

— Не первый год разливкой занимаюсь. Чего в изложницу-то смотреть! Сталь, она сталь и есть. Какой ее в печах сварили, такой она и будет.

Тевосян стал ему объяснять, какие процессы происходят при разливке стали. Потом взял ручку стопорного механизма и, меняя скорость, стал практически показывать, что происходит у стенки изложницы.

Свои наблюдения по разливке стали Тевосян изложил в тоненькой книжечке, которая долго являлась основным руководством на всех заводах, производящих качественный металл.

В другом мире

Мы привыкли мало слать — рано вставать и поздно ложиться.

Здесь, в Германии, все было иначе. Другая жизнь с другим укладом, так не походит на то, что было у нас.

Из Москвы с ее кипучей жизнью, наполненной событиями, меняющими облик не только страны, но всей нашей эпохи, мы попали в город, живущий размеренной жизнью.

Все встают в семь часов утра. В одиннадцать вечера ложатся в постель. В эти часы гаснет не только свет в домах, но и газовые фонари на улицах. У каждого выключателя надпись: «Sparen Sie Licht»[13].

В шесть часов утра мусорщики забирают мусор, разгружают выставленные на тротуары железные круглые ящики с мусором. По субботам во всем городе уборка. Моют цоколи зданий. Окна открыты, через подоконники опущены для проветривания перины, одеяла, простыни. По воскресеньям на поездах, машинах, мотоциклах, велосипедах все устремляются за город. У многих за плечами рюкзаки, а сбоку болтаются фотоаппараты.

И так каждое воскресенье.

В понедельник можно слышать такие разговоры:

— Вчера хорошо провел день. Выпил две кружки пива и выкурил сигару. Слушал музыку. Было очень весело.

Каждое утро в начале восьмого мы выходили из дома, к восьми нам надо успеть переодеться в рабочий костюм и занять свое место в цехе.

Первые недели было очень трудно — надо было освоиться с чуждой для нас обстановкой и научиться понимать чужую речь. Рабочие говорят не на литературном немецком языке, а на плятдейтч — местном жаргоне.

После работы принимаем душ и идем обрабатывать собранные за день сведения о премудростях производства качественной стали. Надо многое записать, вычертить, подготовить вопросы для консультации с немецкими специалистами.

Я уже рассказывал, как мы изучали разливку стали.

Позже оказалось, что и в самом процессе сталеварения использовалось много новых, незнакомых приемов, способствующих тому, чтобы производить металл высокого качества. Опыт производства накапливался и передавался из одного поколения другому. Во время моего пребывания в Эссене, вместе со старшим мастером Хейнкелем в этой же смене работал его сын. Старшего же Хейнкеля двадцать восемь лет назад в этот

цех привел отец, который тоже был мастером сталеварения. Три поколения Хейнкелей передавали свои знания и приемы работы.

В перечень марок сталей, производимых заводом, входило несколько тысяч различных по составу и свойствам. Начальника нашего цеха Мюллера звали Stahl König[14]. Он создавал технологию производства и начинал первые плавки. Вот этот бесценный опыт нам и необходимо было перенять.

В первые дни трудно было установить контакт с мастерами, и особенно с инженерами. Вначале отношение к нам было настороженным. Наши разговоры с работниками цеха ограничивались лаконичными вопросами и ответами. К нам присматривались. Их следящие глаза как бы вопрошали: кто мы, эти пришельцы из чужого для них мира, из мира, о котором столько разноречивого пишется в газетах?

Чего-то мы не уловили

В начале двадцатых годов многие марки высококачественной стали на заводах Советского Союза совершенно не изготовлялись, и стояла задача организовать их производство. Работая в лаборатории электрометаллургии Московской горной академии, мне пришлось принять участие в разработке производственного процесса и определении основных показателей одной из новых марок стали.

Общим руководителем научно-исследовательской работы был профессор Н. А. Минкевич. Решили начать экспериментирование со сталью, содержащей, помимо других элементов, также и молибден. В то время молибденовые стали у нас в стране не производились, сведения о свойствах молибдена и его поведении в процессах сталелитейного производства были скудными.

Николай Анатольевич Минкевич предложил мне изучить сам процесс производства, и на первом же совещании исследователей, участвующих в работе, сказал: «Необходимо выплавить хромистую сталь с содержанием одного процента молибдена, какой угар молибдена вы думаете принять при расчете шихты?»

Я только год назад закончил курс обучения, а на всех лекциях по производству стали профессора и преподаватели академии утверждали, что угар молибдена достигает сорока процентов, и я уверенно ответил:

— Сорок процентов.

— Вы будете вести плавки в небольшой печи, у вас угар будет больше. Я советую вам принять в расчете не сорок, а пятьдесят процентов, — посоветовал Минкевич.

Так я и поступил.

После отливки первых слитков новой марки образцы были направлены в лабораторию для определения химического состава. Мы ожидали, что содержание молибдена будет в пределах одного процента, но, к своему удивлению, в полученном из лаборатории сертификате в рубрике «молибден» стояло два процента! Я никак не мог понять, откуда они взялись. С листом бумаги, полученным от химиков, я направился к профессору Минкевичу.

— Ну, какие тут исследования можно вести, если у нас даже молибден не могут определять! — в раздражении произнес Минкевич, выслушав мое сообщение о том, как я проводил расчеты и вел плавку. — Одним словом, «химики»!

Мы настолько верили в то, что молибден сильно окисляется в процессе производства стали, что не могли допустить, что

совершаем ошибку, принимая в своих расчетах такой высокий угар этого металла.

— Будем считать, что в стали содержится один процент.

— Другого выхода у нас нет, — решительно заявил Минкевич.

Прошло более двух лет. И вот как-то уже в сталеплавильном цехе крупповского завода в Эссене, наблюдая за ходом процесса выплавки одной из сталей сложного химического состава, содержащей наряду с другими элементами также и молибден, я увидел распоряжение начальника сталеплавильного цеха:

«При расчете шихты исходить из того, что молибден ведет себя так же, как никель, то есть не окисляется». Слова «не окисляется» были подчеркнуты, а внизу стояла подпись — Мюллер.

Я был настолько обескуражен прочитанным мною указанием Мюллера, что немедленно пошел разыскивать Тевосяна.

— Ты только посмотри. Мы во всех наших расчетах принимаем угар молибдена в сорок процентов, а Мюллер исходит из того, что молибден совершенно не окисляется!

— Да, действительно, очень интересное распоряжение. Нам надо внимательно проследить от начала до конца за всем ходом плавки, — сказал Тевосян. — Давай это сделаем вместе, чтобы не упустить чего-либо.

И мы встали к печи с секундомерами в руках. Плавка проводилась дуплекс-процессом — в двух печах. Стальной лом, содержащий отходы молибденсодержащих марок стали, вместе с чугуном загружали в мартеновскую печь, где в процессе плавки окислялись примеси, и сталь с очень низким содержанием углерода в жидком виде передавалась в электропечь, в которой и заканчивался процесс сталеварения.

— Неужели молибден действительно не будет окисляться? — спросил меня Тевосян. — Ведь назначение самого технологического процесса, происходящего в первой печи, и состоит в том, чтобы окислить все примеси, способные окисляться.

— Ты посмотри только на эти шлаки!

Рабочие мартеновской печи в это время забрасывали через загрузочные окна железную руду и скачивали жидкий, черный, железистый шлак.

— Ну, если даже в этих условиях молибден не окисляется, то он действительно не окисляется, и все наши соображения но угару молибдена ни на чем не основаны.

— Чтобы быть полностью уверенными, я думаю, что по ходу плавки следует отбирать пробы и проследить по ним за

поведением молибдена, — предложил Тевосян.

Мы уже работали в цехе третий месяц, и нас здесь хорошо знали. Мы сделали, как решили: отбирали пробы и в цеховой химической лаборатории определяли содержание молибдена. От первой и до последней пробы результаты не изменялись, и цифра содержания молибдена в 0,20 процента стояла на каждом листке, получаемом нами из лаборатории.

Мюллера в цехе не было, но в конце смены он появился и, подойдя к нам, спросил, почему мы так интересуемся содержанием молибдена в стали.

Тевосян сказал:

— Мы полагали, что молибден будет сильно окисляться.

Мюллер ответил:

— Несколько лет тому назад и у нас так же многие думали. Дело в том, что в одном из журналов появилась статья о сильном окислении молибдена в процессе производства сталей, содержащих молибден. Автор статьи, вероятно, или плохо знал производство, или же имел в виду не плавку, а другие металлургические операции. Дело в том, что окислы молибдена летучи. Но окислять молибден в процессе плавки очень трудно — в стали содержится много элементов, которые легче и быстрее связывают кислород, нежели молибден. Эта статья, о которой я вам сказал, и на наших заводах повела к недоразумениям, но мы вовремя проверили и установили, что это не так. У нас химики хорошо определяют молибден. Но все-таки я мастерам всякий раз напоминаю о том, что молибден не окисляется.

У нас тоже хорошие химики, подумал я, вспоминая о том, как мы впервые плавили молибденовую сталь в Горной академии. Но мы своим химикам тогда не поверили, находясь под гипнозом автора статьи, напечатанной в иностранном журнале и широко разрекламированной по всей стране.

Где-то в подсознании у меня, как лампочка, загорелись слова: «Доверять-то доверяй, но и проверяй!»

Вскоре после этого случая Тевосян, который в то время работал уже помощником мастера у электропечи, как-то сказал мне:

— А ты знаешь, я, кажется, поспешил с заключением в оценке крупповского метода производства стали. Чего-то мы главного еще не уловили в их методе.

Разница в процессе действительно была разительной, в особенности в методах раскисления.

— Вот смотри, мы загружаем ферросилиций в виде крупных кусков и стараемся, чтобы эти куски погрузились в жидкую сталь. А здесь все делается наоборот — ферросилиций размалывается в

порошок и разбрасывается на поверхность жидкого шлака — сколько его бесполезно окисляется за счет кислорода воздуха! Почему они так поступают?

— Давай поговорим с мастером Квятковским — сегодня он в смене.

И мы пошли к Квятковскому.

— Почему вы не кусковой ферросилиций используете при раскислении стали, а измельчаете его? — спросили мы Квятковского.

— Раньше кусковым пользовались, а вот уже много лет как мелкий применяем.

— Но почему? — спросил я.

Мастер взглянул на меня и произнес:

— Я в высшей школе не учился. Я не инженер. Этот вопрос вам надо задавать не мне, а инженеру. Спросите Шенка — он доктор. Он вам объяснит почему.

Доктор Шенк большей частью работал в ночной смене. Мы знали, что он собирает материалы для новой книги или статьи, а выпущенная им ранее книга по теории металлургических процессов нам была хорошо известна.

Может быть, нам поработать в ночной смене с Шенком и порасспросить его? Эта мысль возникла у нас обоих — у Тевосяна и у меня. И мы решили со следующей недели перейти в ночную смену. Ночью работать спокойнее. В цехах нет начальства и посторонних посетителей. Никто не отвлекает, да и рабочие у печей более разговорчивы.

В первый же день при встрече с Шенком мы задали ему мучавший нас вопрос:

— Почему на заводе используется не кусковой, а порошкообразный ферросилиций?

— Пройдемте в конторку к мастеру, — предложил Шенк, — мне нужна черная доска, для того чтобы писать… Для чего мы вводим в жидкую сталь ферросилиций? — поставил вопрос Шенк и сам же ответил: — Для того чтобы отобрать кислород у железа и связать его в форме окиси кремния. Так? Ну, а теперь посмотрим, что же будет происходить, если мы будем загружать кусковой ферросилиций? Куски ферросилиция, погруженные в жидкую сталь, растворятся в ней, и кремний будет отбирать кислород от окислов железа. Не правда ли?

— А что будет с продуктом реакции — окисью кремния?

— Она в большей своей части останется в жидком металле в виде шлаковых включений. Часть окиси поднимется вверх и перейдет в шлак, но большая часть останется в стали, а при разливке стали и остывании слитков законсервируется в них и,

таким образом, насытит сталь неметаллическими включениями.

— А что произойдет, если мы тот же ферросилиций, но в форме порошка будем разбрасывать но поверхности жидкого шлака?

— Ферросилиций в этом случае будет взаимодействовать с окислами железа, находящимися в шлаке. Освобожденное от кислорода железо будет переходить в металл, а окись кремния останется в шлаке. Уменьшение окислов железа в шлаке нарушит равновесие, и окислы железа начнут диффундировать из металла в шлак. Мы этот процесс раскисления так и назвали — диффузионным. Теория процесса подробно разобрана в моей книге.

— Но там ничего нет о практике работы вашего завода!

— Да, это правильно. Но о практике мы и не делаем публикаций. Она нам досталась дорогой ценой.

Теперь все было понято — вот чем, оказывается, объясняется высокое качество крупповской стали! Как много нам следует еще изучать, чтобы уметь готовить сталь высокого качества!

Скоро на завод прибыл еще советский практикант — инженер путиловского завода Зегжда. Он рассказал, что завод начал осваивать производство новой марки стали с высоким содержанием алюминия и заводские работники встретились с большими трудностями.

— А что у вас за затруднения? — спросил Тевосян.

— Сталь должна содержать около одного процента алюминия и 0,2–0,3 процента кремния, а у нас получается все как раз наоборот: алюминий горит, и мы его никак не можем удержать в стали, а кремний неизвестно откуда лезет в сталь, и его содержание доходит до 0,8–0,9 процента. Работы с этой маркой прекратили, а меня вот сюда направили, — поведал нам свои горести Зегжда.

В это время на заводе Круппа очень часто изготовлялись стали с высоким содержание алюминия, и мы предложили ему вместе с нами проследить за всем технологическим процессом производства, тем более что Тевосяна эти марки также интересовали.

На следующий же день мы все втроем принялись задело. Записи решили вести порознь, а затем сверять их. Мы подробно заносили в свои тетради каждую операцию, ничего, кажется, не пропуская.

Но вот процесс плавления закончен, взяты последние пробы, мастер дал свисток, печь стала наклоняться — и в ковш направилась струя жидкого металла. Двое рабочих стали вводить под струю чушки алюминия, прикрепленные к длинным

железным прутьям. Затем ковш с жидкой сталью подали на канаву для разливки ее по изложницам.

Мы все скрупулезно записали. Такие наблюдения и записи нами проводились несколько дней, пока мы не убедились, что все исследовано и занесено в тетради.

Вскоре Зегжда уехал в Ленинград, а через несколько дней от него пришло письмо, в котором он сообщал, что попытки воспроизвести процесс производства алюминиевой стали у него закончились плачевно. По-прежнему в стали не удается удержать алюминий и откуда-то появляется много кремния.

«Может быть, мы все-таки что-то просмотрели, — писал Зегжда. — Очень прошу вас проверить все записи и сообщить мне результаты», — стояло в конце письма.

Письмо это нас с Тевосяном ошеломило. Что мы могли пропустить? Следили за процессом втроем, все записи сверили. Почему же на заводе Круппа получается, а у нас нет? В чем дело? Придется все начинать сначала!

Мы встали к печи. Вновь стали наблюдать за каждой операцией, за каждым движением кочережки рабочего в печи, за каждой лопатой заброшенной в печь извести и плавикового шпата. Наши тетради были испещрены записями.

И вот знакомый свисток мастера: процесс сталеварения закопчен. Все направляются по другую сторону печи, где стоит ковш, готовый принять жидкую сталь.

Но где моя тетрадь с записями? В карманах ее нет. Да, я ее оставил у конторки мастера. И я вернулся назад, туда, где мы проводили наблюдения за всеми технологическими операциями.

Но что это такое? Один из рабочих печной бригады находился здесь, и когда печь стали наклонять, он поднял заслонку и к выпускному отверстию стал лопатой бросать известь.

— Зачем вы это делаете? — спросил я его.

— Надо шлак удержать в печи, пока сливается сталь, иначе весь алюминий сгорит.

Я буквально остолбенел. Да ведь это же главная операция при производстве этой марки стали! В один миг я был около Тевосяна.

— Скорее пойдем туда, к загрузочному окну.

Он был поражен и взволнован не менее меня. Ну, теперь понятно, почему получается брак на Путиловском заводе! Но мы-то, мы-то! Как могли пропустить этот прием? Ведь втроем смотрели. Обычно при выпуске стали из печи металл вытекает вместе со шлаком, и это можно хорошо видеть. При производстве же стали с высоким содержанием алюминия шлак задерживают в

печи. Для этого на заводе Круппа использовался следующий прием.

В самом конце плавки к выпускному отверстию печи забрасывалось несколько лопат извести и шлак на небольшом участке «замораживали», а отверстие для выпуска стали пробивали небольшим. Таким образом, алюминий подавался в струю жидкого металла и не соприкасался со шлаком. Если бы сталь из печи вытекала вместе со шлаком, тогда алюминий взаимодействовал бы с кремнекислотой шлака и окислялся бы, а восстановленный из шлака кремний переходил бы в сталь, окисленный же алюминий — в шлак. Этого приема на Путиловском заводе не знали, чем и объяснялось, что им не удавалось «удержать» алюминий и вместо него в стали появлялся излишний кремний.

Загадка была разрешена. Мы были очень довольны, что могли подробно ответить на письмо Зегжды, но вместе с тем и раздражены на самих себя. Как же мы просмотрели эту операцию?! Надо еще раз проверить все наши записи. Как бы и по другим процессам не получилось то же самое.

Так день за днем постигали мы многовековой опыт крупповских методов производства. Материалов для изучения было много, дней не хватало — и мы часто стали оставаться на заводе и на вторую смену.

Ложь и цинизм

Бульварная пресса распространяла о Советском Союза разного рода небылицы. Помню первый день пребывания в Германии. Я купил газету и сразу же увидел напечатанную крупными буквами на самом верху первой страницы мелкую, низкопробную ложь: в газете описывалось мнимое столкновение между конной милицией и населением Москвы. Приводилось время и место этого столкновения: было сказано, будто бы на Тверской улице недалеко от Страстной площади голодная толпа москвичей разгромила продовольственный магазин, причем некий комиссар Петров, прибывший во главе конной милиции к магазину, якобы пытался уговорить собравшихся на улице людей разойтись, но безуспешно. Появление милиции привело к еще большему возбуждению. Толпа росла и заполнила не только всю улицу между Страстной и Триумфальной площадями, но и прилегающие переулки. Кое-кто стал выкрикивать ругательства, и в милиционеров полетели камни. Беспорядки начались в 12 часов дня и продолжались вплоть до вечера.

Я жил как раз на этой самой улице и в указанное газетой время находился там, где якобы происходили беспорядки. Ни до этой даты, ни после на улице никаких событий не было. Это было мое первое знакомство с печатной ложью. Мне казалось диким, что на страницах газет могут появляться такого рода сообщения.

Месяца через два после моего приезда в Эссен мы вместе с Тевосяном в одно из воскресений проходили мимо концертного зала и у входа в него увидели объявление о том, что пастор, только что вернувшийся из Советского Союза, как раз в это воскресенье выступит с докладом о своих впечатлениях, вынесенных из поездки. Мы решили пойти и послушать его.

В фойе концертного зала продавалась тоненькая брошюрка, изданная к докладу пастора. Брошюра имела кричащее название «Правда о Советском Союзе». Да, там были подлинные фотографии некоторых церквей до их разрушения и в процессе разборки кирпичных стен, а также переснятые из наших газет и журналов карикатуры Моора, Дени и Бориса Ефимова. Текстовая же часть была заполнена мелким пасквилем на советских людей, правительство и партию.

Когда мы вошли в зал, там было уже порядочно народа. Здесь расселись тучные бюргеры в черных костюмах и белых манишках с бабочками под жирными двойными подбородками. Пастор поднялся на кафедру и монотонным голосом стал излагать, как проповедь, свой доклад. Он рассказывал о том, как один комиссар

бросил свою семью и женился на своей секретарше, и сидящие в зале лениво и монотонно кричали — «позор». Он говорил о безнравственности и пытался иллюстрировать свой доклад примерами и опять приводил злополучного комиссара, женившегося на своей секретарше. И слушатели опять кричали — «позор».

Мы покинули зал, когда уже стемнело, и возвращались домой по пустынной улице, недалеко от центрального вокзала и гостиницы «Дейчлянд». На каждом углу и в подъезде каждого дома этой улицы стояли проститутки, и такие же бюргеры, каких мы видели в зале, ходили здесь и высматривали очередных «грешниц».

Осколки разбитого вдребезги

Однажды в летний теплый вечер мы, трое советских практикантов, Струсельба, Антонов и я, возвращались с завода. Нам очень хотелось пить, и мы зашли в буфет-автомат. Бросили монетки и, наполнив по стакану пива, продолжали прерванный разговор. В это время в буфет вошла группа из пяти человек — четверо мужчин и одна женщина. Мужчины были уже под хмельком.

Услышав русскую речь, они направились к нам и, приподнимая шляпы, произнесли по-русски:

— Здравствуйте.

Мы поздоровались.

— Вы русские? — спросил один из них.

— Да. А вы?

— Тоже русские. Вы что здесь делаете?

— Работаем на заводе Круппа, а вы?

— А мы вашего брата десять лет тому назад вешали, — это произнес брюнет с лимонно-желтым лицом и тонким носом с горбинкой, лет сорока пяти — пятидесяти. Мне показалось, что он пьянее других. — Мы — бывшие офицеры русской армии, — продолжал он. — Вот он служил у Колчака, этот у Шкуро, а мы у Врангеля.

— А что же сейчас вы делаете? — спросил Струсельба.

— Поем.

— Где поете?

— Поем везде, где нас слушают и платят деньги, — в кино, в театрах, ресторанах, церквах. У нас есть еще голоса. Мы порастеряли все, но голоса остались при нас, а мы поем.

— Ну, а если голоса потеряете, что же вы будете делать? Какие же у вас цели, какие вы строите для себя перспективы? — вновь спросил Струсельба.

Брюнет с лимонно-желтым лицом продвинулся ближе к нам. Его тонкие губы были искривлены, то ли от боли, то ли от раздражения.

— Слушайте, вы. — Он на минутку остановился. В его глазах пылал огонь ненависти. А затем он стал говорить с большим жаром, задыхаясь от переполнявших его чувств, не выбирая слов и выражений — В молодости я учился в одном из привилегированных военных учебных заведений. Мой отец был небогат, но все же считался состоятельным человеком. Одним словом, я никогда не имел недостатка в деньгах — и если я хотел получить удовольствие, я приглашал женщину и платил ей за это

удовольствие.

Он свысока посмотрел на стоявшую рядом полную немку с красным лицом.

— А теперь мне вот эта шлюха платит за то удовольствие, которое я доставляю ей. А вы еще задаете мне вопрос, какая у меня перспектива. — И он зло и длинно выругался, что так не соответствовало его аристократическому носу с горбинкой.

«Вот они — осколки разбитого вдребезги», — подумал я.

Хуберт на распутье

В субботу работа на заводе заканчивалась раньше, мы приходили домой, и все члены большой семьи нашей квартирной хозяйки собирались на кухне, которая была своего рода клубом. Здесь обсуждались все городские новости и все, что волновало нас.

В одну из таких суббот зять хозяйки, Хуберт, работавший шофером грузовой машины, сильный коренастый мужчина, всегда жизнерадостный и веселый, вошел на кухню и, хмуро поздоровавшись с нами, угрюмо буркнул: «Вчера заявил своим боссам о выходе из партии».

Он был социал-демократом и состоял в партии около двадцати лет.

Тевосян, выждав минуту, задал ему вопрос:

— Что же вы теперь делать будете? Вне организации вам трудно будет. Ведь вы двадцать лет живете активной политической жизнью. Куда же вы теперь направитесь?

Шофер задумался.

— Еще не знаю. Может быть, в национал-социалистическую партию вступлю. Для меня одно ясно: социал-демократы не защищают интересы рабочих — у них нет целей. Я не знаю, чего они хотят, кроме того, чтобы тушить своими речами возникающие кругом пожары. Речи льются, как вода из пожарного шланга, а конкретных дел нет.

— Но почему же вы хотите вступить в национал-социалистическую партию? — задал вопрос Тевосян. — Вы же рабочий!

Шофер обвел нас испытующим взглядом. В нем было сомнение.

— Многие из моих приятелей вступили в национал-социалистическую партию. Они говорят, что целью этой партии является строительство социализма в Германии. Национал-социалистическая партия не только ставит задачи, но и решает их. Конечно, сейчас она многого сделать не может, но посмотрите, сколько безработных уже в эти несколько месяцев получили помощь! Социал-демократы только говорили, а эти помогают. Хотя бы бесплатные обеды организовали.

Тевосян очень осторожно стал объяснять Хуберту его заблуждение. Я сразу вспомнил Баку, подпольную партийную организацию и секретаря подпольного райкома Ваню. Сколько лет ему тогда было? Ведь шел только 1919-й, а он родился в 1902 году… Семнадцатилетним юношей он разъяснял бакинским

рабочим, вот таким же, как Хуберт, что такое коммунистическая партия, за какие идеалы она борется и почему меньшевиков называют социал-предателями.

— Нет, это не рабочая партия, и вам в ней не место, — закончил Тевосян.

Хуберт пожал плечами.

Я все еще не решил, куда мне идти. Одно мне ясно, что с социал-демократами я больше быть не могу.

Но Хуберт все же вступил в национал-социалистическую партию. Я его встретил уже в 1933 году в форме штурмовика. Проходя по Отилиенштрассе, где мы когда-то жили вместе с Тевосяном, я нос к носу столкнулся с Хубертом. Он хотел было поднять руку в фашистском приветствии, но быстро опустил ее на полдвижении и тихо произнес:

— Guten Tag[15].

— Wie geht es Ihnen?[16]

— Viel zu tun[17].

Я чувствовал его неловкость. Вести разговор было трудно, да и не о чем.

Через год мне вновь пришлось проходить по улицам этого района. Около кирхи меня окликнули:

— Was machen Sie denn hier? Sind Sie in Essen noch?[18]

Это была дочь нашей квартирной хозяйки — Рози.

Нам было по пути, и она, ни на минуту не умолкая, стала высыпать все последние новости так же, как тогда, когда мы жили в этой семье и собирались по субботам на кухне.

— У нас все в порядке — только вот Пауле плохо приходится. Хуберта посадили, и не знаю, что теперь ему будет. Он вместе с другими штурмовиками пытался экспроприировать магазин Блюма. Вы, конечно, знаете этот магазин?

Магазин текстильных товаров Блюма знали в городе все — он был крупнейшим. Штурмовики на мотоциклах окружили магазин и только хотели было начать вывозить товары (Хуберт для этого приехал на грузовике), как их окружили эсэсовцы и забрали.

— Что с ними будет, не знаю. Один из приятелей Хуберта — тоже штурмовик, недавно был у нас, он говорил Пауле, что Хуберта судить не за что, ведь он выполнял то, к чему призывал фюрер, — пытался ликвидировать крупное торговое предприятие. Вероятно, произошло какое-то недоразумение, — закончила Рози со вздохом свой рассказ.

С Хубертом я больше не виделся, и его судьба мне не известна. Но история этого сбитого с толку рабочего была для меня еще одним наглядным политическим уроком. Поднявшему голову фашизму не ну ясны были больше фиговые листочки, все

демагогические обещания Гитлера насчет «социализма» были отброшены, и к ним больше не возвращались. На сцену выступили те, кто из-за кулис руководил этим движением, — германские милитаристы.

…Гитлера я впервые увидел и услышал еще в 1930 году, в Эссене на большом митинге. Постепенно возбуждаясь, Гитлер говорил о том, что национал-социалистическая партия предоставит каждому немцу работу, и с безработицей будет покончено. Она-де обуздает крупных промышленников, ликвидирует крупные торговые заведения и поддержит немецкого середняка.

Гитлера пока еще никто всерьез не принимал. О нем, о Геббельсе, о Геринге сочинялось и распространялось много злых шуток и анекдотов. Нам часто их рассказывали мастера и инженеры крупповского завода. Вот пример:

«В ресторан заходит штурмовик, занимает место за столиком и задает вопрос подошедшему официанту.

— А что у вас на закуску?

— Bismark Hering[19].

Штурмовик поднимает голову и произносит:

— Дайте мне Hitler Hering[20].

— У нас такого блюда нет, и мы не знаем, как оно готовится.

Подошедший к растерянному официанту старший официант вмешивается в разговор и разъясняет ему:

— Hitler Hering нетрудно приготовить, для этого у селедки надо вынуть мозги и пошире разорвать ей рот.

Позже положение стало меняться. Национал-социалисты все выше поднимали головы. Речи Гитлера стали на многих действовать опьяняюще. Рассказывать о нем анекдоты стало опасно.

В лабораториях крупповского завода

Меня всегда влекла исследовательская работа, и после нескольких месяцев пребывания в сталеплавильном цехе Тевосян посоветовал мне перейти в лабораторию.

У Круппа исследованиями занимались и в цехах, и в специально построенном на территории завода исследовательском институте. В сталеплавильном цехе, где мы с Тевосяном работали, было небольшое помещение, в котором работал старик Мелис. Мелис занимался контролем за качеством наиболее ответственных марок стали. В то время на заводе изготовлялось большое количество стали для производства авиационных коленчатых валов. Эту сталь завод не только использовал внутри страны, но и отправлял за границу, как в форме стальной заготовки, так и в форме готовых коленчатых валов.

В обязанности Мелиса входило проверять качество слитков каждой плавки — химический состав стали и структуру слитка.

От каждой плавки брали один слиток, от него на станке отрезали верхнюю часть — прибыль, а затем на этом же станке срезали диск толщиной около двадцати миллиметров. Этот диск — тамплет шлифовался и затем подвергался травлению кислотой, в результате чего выявлялась кристаллическая структура стального слитка.

Мы с Тевосяном любили заходить к Мелису. Ему было уже далеко за шестьдесят, и он всю жизнь провел в этом цехе. Старику было что порассказать, да и та работа, которую он вел в эти дни, представляла для нас значительный интерес. Сталь он знал настолько хорошо, что по одним ему известным признакам мог без приборов давать безошибочные оценки качества.

Да не только о стали верно мог судить Мелис.

К Тевосяну он относился с глубоким уважением и за глаза с какой-то особей теплотой называл его (из-за густых черных волос) «черный Иван».

Когда Тевосяна поблизости не было, Мелис говорил мне:

— О-о, черный Иван большой человек будет. Думаю, что он директором завода будет.

(Самым большим человеком он считал директора завода.)

У Мелиса мы учились многим приемам по технике контроля, методам распознавания дефектов стали, суждению — о ее качестве.

Как-то мы находились с ним у сталеплавильной печи. Рабочий только что взял пробу, отлил ее в формочку, надрубил и

сломал на две части. Один кусочек направил в экспресс-лабораторию для определения содержания углерода, вторую половину пробы положил на конторку.

Через несколько минут из лаборатории принесли анализ. В записке стояло: углерод 0,04 процента. Мелис взял с конторки вторую половинку пробы, посмотрел излом и сказал: «Неверно, здесь не 0,04, а 0,06. Что они глупости пишут! Я направил бы пробу на повторный анализ. Ясно же видно, что здесь 0,06, а не 0,04».

То, что было ясно для Мелиса, для нас было совершенно непонятно. В это время из экспресс-лаборатории принесли вторую записку, в которой лаборант сообщил, что в первой записке он ошибочно указал 0,04 — на самом деле в пробе содержание углерода составляет 0,06 процента.

— Как это вы так точно определяете содержание углерода по излому? — спросил Тевосян.

— Пойдемте ко мне. Я это вам лучше на образцах объясню.

На деревянных полочках «лаборатории», как называл свое рабочее помещение Мелис, были аккуратно разложены пробы металла.

— Вот смотрите, в этом образце 0,10 процента углерода, а вот в этом 0,09.

Мы смотрели и, не видя никакой разницы в структуре, сказали об этом Мелису.

— Смотреть следует на самый кант, вот сюда, — показал Мелис. — Видите: серое кристаллическое вещество находится как бы в светлой рамочке, а у этой пробы рамочка разорвана, а вот на этом образце ясно видны у светлой полоски — вюрмельхен[21].

Видя наше смущение, старик, стараясь как-то ободрить нас, спокойно продолжал:

— Все смотрят почему-то в центральную часть излома. Кромку, кромку надо рассматривать! — И уже чисто философски добавил — Все интересное происходит по краям и границам.

…Мелис был очень изобретательным человеком. Шлифовать тяжелые стальные диски — тамплеты — было очень трудно, и он приспособил для этого старый токарный станок. Вместо резца зажимал дубовый брусок, обтянутый кожей, которую он пропитывал составом для полировки. Чтобы выявить кристаллическую структуру, он по краям тамплета укреплял валик из пластилина и превращал стальной диск в своеобразную неглубокую тарелку, заполнял ее кислотой и наблюдал за появлением фигур травления.

Когда структура отчетливо выявлялась, Мелис удалял часть бортика «тарелки», и кислота сливалась в фарфоровую чашечку.

— Современный человек должен больше головой работать, а не руками, — часто можно было слышать от старика.

Такие «лаборатории», как лаборатория Мелиса, на заводе были почти во всех цехах, но помимо них имелась еще одна — мы прозвали ее лабораторией по изучению брака. Официально же ее именовали «Штальбетрибсферзухраум»[22]. Возглавлял это интересное учреждение доктор Каллен, большой знаток специальных сталей, автор интересных статей об их свойствах. В этой лаборатории работало всего несколько человек, размещалась она в небольших комнатах.

Я любил бывать здесь, где концентрировался огромный материал, поступающий из различных стран мира. Сюда для исследований поступали вышедшие из строя детали машин, поставленные заводом Круппа.

Если ломался валок прокатного стана, проданный заводом Круппа, представители завода выезжали к месту аварии и забирали поломанную деталь для исследования.

Когда я впервые попал в лабораторию доктора Каллена, там находилось более восемнадцати тысяч отчетов о проведенных исследованиях. Это были короткие, размером в одну-две и не более пяти страничек заключения о причинах поломок деталей, о разного рода аномалиях при обработке и использовании поставленного заводами Круппа металла.

— Здесь, в этих документах, — сказал мне один из работников лаборатории, показывая на стеллажи, заставленные папками с отчетами, — нет ни теорий, ни эмоций, — здесь только опыт и описания фактов.

В лаборатории доктора Каллена я познакомился с большим количеством разнообразных и иногда необычных претензий, предъявленных в свое время к изделиям завода. Прочитав одну из них, я вспомнил случай.

Как-то, просматривай в сталеплавильном цехе программу производства, я увидел в журнале начальника цеха странную, на мой взгляд, запись.

Для одной марки стали, которая шла на изготовление ружейных стволов, был указан предельно допустимый процент содержания серы и фосфора. Обычно по этим элементам, признаваемым всеми металлургами мира вредными примесями, в инструкциях и указаниях записывается не более 0,025, 0,030 или 0,035 процента и т. д. Но для этой марки Мюллер почему-то записал: «Содержание серы и фосфора — 0,012–0,018 процента». Было бы понятно, если бы он указал: «Не более 0,018 процента». Но был дан и нижний предел — 0,012.

Почему? Я решил переговорить с мастером.

— Что вы будете делать, если у вас содержание серы или фосфора будет ниже 0,012 процента?

— Добавляю, чтобы держать эти элементы в установленных Мюллером пределах, — спокойно ответил мастер.

Я опешил. В высококачественную сталь умышленно вводить серу и фосфор! Загрязнять сталь примесями, от которых все металлурги мира стараются освободиться!

— А может быть, все-таки это какое-то недоразумение?

Мастер, видя, что я нахожусь в замешательстве, показывая пальцем на две аккуратно сложенные около печи кучки какого-то материала, сказал:

— Вот, на всякий случай приготовил феррофосфор и сернистое железо. Если их содержание окажется ниже установленного предела — придется добавлять.

— Но зачем вы это делаете?

Мастер произнес:

— Заказчик потребовал, а почему — мне неизвестно.

И вот, просматривая в лаборатории доктора Каллена папки с материалами о проведенных исследованиях, я натолкнулся на письмо, в котором представитель фирмы Круппа сообщал, что заводы Маузера предпочитают сталь заводов Беллера, ибо она лучше полируется, чем крупповская.

Дальше в письме стояло: «Направляю вам два образца стали — плохо полирующуюся крупповскую и хорошо полирующуюся сталь Беллера. Прошу довести качество стали по всем показателям до качества стали Беллера, иначе мне трудно будет размещать заказы».

В этой же папке находились результаты анализа присланных образцов, снимки микроструктуры, химический состав, механические свойства. Оба образца были на редкость похожи по всем показателям, кроме содержания серы и фосфора, которых в стали Беллера было больше.

В своем заключении на основе проведенного исследования доктор Каллен писал: «В сталеплавильном цехе увлеклись, по-видимому, снижением содержания серы и фосфора, что отразилось на том, что металл стал хуже полироваться. Необходимо несколько поднять содержание этих элементов. Как показали сравнения двух образцов, более высокое содержание указанных элементов не отражается на механических свойствах».

После заключения доктора Каллена в сталеплавильном цехе незамедлительно были приняты меры, что я и увидел в распоряжениях начальника цеха. Завод дорожил своей репутацией и быстро принимал меры к тому, чтобы устранить недовольство потребителей.

В исследовательском институте

В августе Тевосян уехал в Италию на заводы Ансальдо, а я перешел в исследовательский институт. Работать здесь было труднее — нужно было хорошо знать не только язык, но и сложившиеся здесь методы экспериментирования.

Исследовательский институт завода, или Ферзуханштальт, как его называли, размещался на самой территории, среди основных цехов. Его директором в середине тридцатых годов был доктор Шотки. Во главе лабораторий стояли крупные специалисты, известные мне по тем статьям, которые они печатали в специальной технической литературе. Ученые проводили огромное количество исследований, имеющих преимущественно прикладное значение. На основе этих исследований совершенствовалась технология и устанавливались новые составы сталей, а также их обработка, изучались эксплуатационные характеристики, которые использовались при даче рекомендаций потребителям крупповских сталей. Часть из этих сведений помещалась в проспектах и каталогах заводов, но только те сведения, которые поддерживали репутацию фирмы и свидетельствовали о высоком качестве изготовляемой заводом продукции.

Лаборатории института имели все необходимое оборудование, но никаких лишних приборов и установок там не было, они скорее производили впечатление производственного, а не научного учреждения. Все приборы, механизмы, аппараты, как правило, находились в действии.

В те годы завод Круппа выплавлял значительное количество различных марок стали, стойких против действия агрессивной среды, окисления кислородом воздуха, воздействия влажной атмосферы тропических стран. Все это требовало постановки многочисленных исследовательских работ.

В лаборатории по изучению коррозионных процессов был, например, сооружен специальный бассейн, наполненный водой, доставленной из Индийского океана. Под большим стеклянным колпаком, покрывавшим бассейн, создавались такие же атмосферные условия, какие имеют место в действительности в Индийском океане. В этом бассейне на специальной качалке укреплялись образцы различных марок судостроительной стали, предназначенных для строительства судов, совершающих рейсы в Индийском океане.

На протяжении длительного времени образцы подвергались качке — их опускали в воду и вынимали на поверхность,

имитируя этим самым реальные условия службы.

Доктор Кютнер, с которым мне пришлось работать в институте, был большим специалистом по нержавеющим сталям. Он предложил мне заняться исследованием влияния азота на высокохромистые нержавеющие и жаростойкие стали.

Но меня несколько удивило, когда в разговоре выяснилось, что он совершенно не знаком с методами их производства на заводе Круппа. Когда мы стали обсуждать программу работы, Кютнер сказал мне, что институт интересуется вопросом о том, в какой степени азот, содержащийся в хромистых сталях, влияет на коррозионную стойкость.

Далее он сказал, что азот вносится в сталь вместе с хромом, поэтому они на заводе ввели такой порядок, что весь поступающий на завод феррохром контролируется на содержание азота.

Во время этого разговора с Кютнером я заметил ему, что феррохром может поглощать азот, когда его нагревают перед загрузкой в сталеплавильные печи.

Кютнер перебил меня и спросил:

— Подождите, а зачем же феррохром нагревают?

— Как — зачем? При введении значительного количества холодных кусков феррохрома в расплавленную сталь, температура стали резко понизится. Для того чтобы сильно не охлаждать сталь, у вас на заводе и введен такой порядок: перед загрузкой феррохрома в печь его предварительно нагревают.

При этом разговоре у меня вырвалось:

— Да что вы, разве ни разу не видели, как у вас плавят нержавеющие или другие высокохромистые стали?

— Нет, не видел, да и не хочу видеть. Технология производства стали не является моей специальностью. Я даже не краснею от того, что я не знаю этого. Дело производства стали — это дело сталеваров, я металловед. Я и не хочу забивать себе голову изучением процессов, которыми я не занимаюсь. Вот если бы вы назвали неизвестную мне статью по вопросам металловедения или свойств нержавеющей стали, о, тогда бы я, вероятно, покраснел.

Это говорило о многом.

На заводе Круппа, как и на других заводах Германии, проводилась узкая специализация. Каждый, как правило, знал какую-то одну область науки или техники и за ее пределы не заглядывал. Но эту узкую область он знал очень хорошо.

…На каждую исследовательскую работу, проводимую в институте, выделялась вполне определенная сумма денег. Мне на исследования было выделено десять тысяч марок. В бухгалтерии

института я получил специальную книжечку заказов. Каждый листок этой книжечки имел номер работы.

Пользуясь этими листками, я мог в любую лабораторию направить заказ на выполнение необходимых для меня работ. Заведующий лабораторией, получив его, звонил мне по телефону и спрашивал, буду ли я присутствовать при выполнении моего заказа и сообщал время, когда работы будут проводиться.

В направленном мною листке-заказе отмечалась стоимость заказа. Один экземпляр оставался в лаборатории, один возвращали мне и один направляли в бухгалтерию института. К концу дня в бухгалтерии на особых картах отмечались расходы, так что каждый исследователь в тот же день знал, сколько им израсходовано средств.

В конце третьего месяца, когда моя работа уже подходила к концу, бухгалтер лаборатории позвонил мне и сказал, что из выделенных мне на исследования средств остается девятьсот марок. Он предупреждал, что если я намерен проводить работу дальше, то должен буду добиваться дополнительных ассигнований, в противном случае мои заказы не будут больше выполняться. В институте существовал жесткий контроль за расходованием средств.

При проведении исследовательской работы письменного отчета от меня никогда не требовали, а результаты всех измерений и анализов, выполняемых по моим заказам, помимо доктора Кютнера, направлялись также директору института, доктору Шотки.

Однажды он пригласил меня к себе и сказал:

— Из того, что вами исследовано, наибольший интерес представляют результаты действия уксусной кислоты на сталь, содержащую повышенное количество азота. Все остальное известно, никаких новых явлений не обнаружено. Поэтому необходимо все остальные испытания прекратить и сосредоточить внимание на дальнейшем изучении действия уксусной кислоты. Это для завода представляет также и практический интерес.

Я спросил Шотки:

— Таким образом, по всем остальным разделам работы я составляю отчет и представляю его вам?

— А зачем? Мне такой отчет не нужен, я просмотрел все материалы, полученные из лабораторий, и для меня этого вполне достаточно. Если вам нужен такой отчет, можете, конечно, его составить, но какой смысл тратить время на то, чтобы писать о неинтересных и уже известных вещах, они же ничего нового не дали. Зачем же вы будете утруждать себя? Не понимаю!

…В институте основное внимание уделялось практическим

результатам, полученным в ходе исследования.

Я нигде не видел больших, пухлых отчетов, результаты обычно излагались на нескольких страничках. Все остальное хранилось в архивах.

Меня интересовал вопрос: каким путем в институте так быстро определяется стоимость произведенных работ? Позже мне и это стало известно.

В свое время в каждой лаборатории была установлена стоимость проведения отдельных операций на каждом агрегате, приборе и установке. Было определено, сколько стоит час работы на каждой плавильной печке, молоте, прокатном стане и т. д. Специально выделенный для этого работник лаборатории на листке-заказе писал: на работу затрачено столько-то минут, стоимость часа работы такая-то. Следовательно, расходы на выполнение работы составляют столько-то. Этот листок поступал в бухгалтерию и служил основанием для учета затрат.

Такая система подсчетов была перенесена в институт из производственных цехов завода. Там также была рассчитана стоимость часа работы на каждом агрегате. Это позволяло устанавливать себестоимость производимых заводом изделий, еще до того, как эти изделия были полностью изготовлены.

Вопросу себестоимости уделялось значительное внимание на всех заводах Германии.

Мне часто приходилось бывать на заводах Рохлинга в Саарской области. Однажды я разговорился с начальником мартеновского цеха Нейманом. Нейман был сведущим человеком, постоянно занимался улучшением технологии производства и проводил много исследований. Выяснилось, что он изучает стойкость различных огнеупорных материалов.

— Что это вы вдруг ими заинтересовались? — задал я ему вопрос.

— Обстоятельства вынудили меня. Дело в том, что у нас расход огнеупоров на одну тонну стали составляет 18 килограммов, а вот на одном из металлургических заводов нашей же области удалось снизить этот расход до 14 килограммов. Это поставило меня в трудное положение. Железный лом для производства стали и чугуна мы покупаем. Цена на эти материалы существует одна и та же для всех покупателей. Чугун стоит 65 марок тонна, а железный лом в среднем — 22 марки. Газ для отопления мартеновских печей все заводы нашей области получают по одной и той же стоимости из одной и той же газовой сети, то есть ни на газе, ни на железном ломе, ни на чугуне я ничего не заработаю. Снизить зарплату рабочим на печах я тоже не могу — это опасно. От меня могут перейти к нему наиболее

квалифицированные сталевары. Следовательно, мой сосед сможет несколько понизить цены на сталь, и ее будут покупать у него, а не у меня. Это меня но может не волновать. Вот мне и приходится заниматься исследованиями огнеупорных материалов.

Когда я пришел в цех, то увидел, что действительно во всех уголках проводили работы по огнеупорам, опробовались новые марки кирпича для печных заслонок, для сводов, газовых камер и т. д.

Тогда же я обратил внимание на то, что секретарь директора завода, экономист по образованию, был в одно и то же время консультантом всех начальников цехов завода по вопросам экономики производства. Он хорошо знал цены на все материалы, состояние рынка и возможные расходы по проведению отдельных технологических операций.

Хорошая организация дела, внимание к вопросам себестоимости — все это вело к тому, что немецким металлургическим заводам, несмотря на жесточайшую борьбу на мировом рынке стали, удавалось привлекать покупателей не только высоким качеством изделий, но также и более низкой их стоимостью.

Работая в исследовательском институте Круппа, я мог заметить, что в отличие от наших исследовательских организаций того времени, когда ученый, ведущий исследовательские работы, сам вынужден был выполнять все операции, вести плавку, изготовлять шлифы, проводить коррозионные испытания, просматривать образцы под микроскопом и другие операции, на заводе Круппа все это выполнялось средним техническим персоналом — мастерами и лаборантами. Правда, и мастера, и лаборанты обладали чрезвычайно высокой квалификацией.

Когда, например, мы приходили в металлографическую лабораторию и хотели просмотреть микрошлиф, лаборант устанавливал его на столик микроскопа, наводил на фокус и приглашал на просмотр. На долю исследователя выпадало только регулирование объектива.

Такая организация работ вела к тому, что наиболее квалифицированный состав института — доктора — могли одновременно вести несколько исследовательских работ.

Достаточно сказать, что известный в то время металлург доктор Фри проводил сотни опытов, изучая влияние отдельных добавок на свойства стали, пытаясь установить новые наиболее разумные композиции.

Уже значительно позже, когда я вновь прибыл на завод Круппа в качестве уполномоченного Металлбюро, я спросил директора Шотки:

— Чем же все-таки объясняется такая организация работ, когда исследования проводятся не докторами наук, а техниками, мастерами, лаборантами?

Он ответил:

— У вас создалось неправильное представление. Все исследования проводит доктор. Остальные работники лаборатории выполняют отдельные операции. Зачем же мы будем тратить высокооплачиваемые часы доктора на проведение работ, которые с успехом и даже лучше может сделать лаборант или техник?

Такая система проведения исследований в то время существовала по всей Германии. Все это было тогда для нас новым и важным. Такого рода научных учреждений у нас в стране еще не было.

— Ziehe mal auf! [23]

Дни практики пролетали, нора было возвращаться домой. Что с нами произошло за время пребывания в Германии, мы еще не могли правильно оценить. Для таких оценок не было ни времени, ни измерителей. Тевосян, находясь в Германии, хотел, казалось, использовать каждую минуту, чтобы узнать что-то повое, овладеть каждой неизвестной для нас технологической операцией.

Особенно хорошо, как я уже писал, он изучил разливку стали. Из советских практикантов он был единственным, получившим возможность практически работать как на участке по разливке стали, так и на электрической печи, изготовлявшей наиболее сложные марки стали.

Как-то, находясь в сталеплавильном цехе, я услышал звуки знакомого голоса. Откуда-то из литейной канавы неслось:

— Ziehe mal auf! [24]

Это Тевосян подавал команду немцу-крановщику. Команда была уверенной, и крановщик послушно переставлял изложницы, повинуясь движениям руки Тевосяна. Полгода тому назад этот практикант не знал ни крупповских методов производства, ни немецкого языка. И вот теперь на лучшем в мире заводе он командует производством, и его команда принимается и выполняется.

Нет, черт возьми, мы все-таки своего добьемся! Будут у нас и все необходимые стране заводы, и люди, способные управлять ими.

…По договору, заключенному между заводом Круппа и советской организацией Металлбюро, на заводе в Эссене можно было одновременно проходить практику тридцати советским практикантам. За время действия договора на практике побывало более двухсот человек. Большая часть из них, возвратившись с практики, заняла командные посты в промышленности, а на Тевосяна было возложено руководство производством всех качественных сталей в стране.

В 1933 году на практику был направлен мастер-печник московского завода «Серп и молот» Ильин. Он сразу же произвел большое впечатление своей рассудительностью, серьезным отношением к делу и тщательным изучением того, что входило в программу.

Ильин внимательно наблюдал за ремонтом печей, ковшей для разливки стали, допытывался, почему для изготовления газоходов используют один сорт огнеупорных материалов, а для задних стенок печей другой. Он интересовался всем, на все

обращал внимание и все подмечал. Практика принесла ему большую пользу, и когда он вернулся к себе на завод, то был назначен директором «Серпа и молота» и в этой должности проработал много лет.

Целиков — ныне Герой Социалистического Труда — стал крупнейшим специалистом по прокатному оборудованию. Разработанные им конструкции прокатных станов установлены и успешно используются на многих заводах не только в Советском Союзе, по и в ряде стран за рубежом.

С организацией «Спецстали» производство качественных сталей в стране стало развиваться бурными темпами. На это развитие значительное влияние оказала та группа специалистов, которая прошла выучку в Германии.

Дело заключалось не только в том, что советские специалисты познали премудрости зарубежной техники. После пребывания за границей и ознакомления с производством на немецких заводах появилось больше уверенности и отчетливее выявлялись слабые и сильные стороны нашего отечественного производства.

Мы знали, где и в чем отстаем и на что прежде всего следует обратить внимание. Мы поняли, что мало знать технику — нужно установить порядок на производстве и неукоснительно выполнять его, создать ритм.

Тевосян, возвратившись из Германии, посещая наши заводы, часто на совещаниях повторял:

— Завод — это симфонический оркестр, а директор — дирижер его. Без сыгранности оркестра будет не симфония, а какофония.

Проекты будущих заводов

…В Москву я вернулся раньше Тевосяна. Перед отъездом из Германии мною было получено письмо от Завенягина. Он предлагал работу в Гипромезе — институте по проектированию металлургических заводов, — созданном по предложению Серго Орджоникидзе.

Я согласился. Побыл несколько дней в Москве и выехал в Ленинград. Здесь проектировали первые крупные заводы — Запорожсталь, Магнитку и составляли проекты реконструкций металлургических заводов Юга. В коридорах и комнатах большого дома, занимаемого Гипромезом, наряду с русскими, можно было встретить немцев, американцев, французов. Многих специалистов увлек размах предстоящих работ. На технических совещаниях поднимались такие вопросы, по которым никто не мог дать заключений. Ни у кого подобного опыта не было. Мы намечали пути, по которым еще никто не проходил.

В связи с этим я вспомнил историю консультации одного проекта. Это было осенью 1932 года. Я снова находился в Германии, но уже в другом качестве. У меня был титул с длинным названием — уполномоченный Металлбюро на заводе Круппа. Пришло поручение провести экспертизу проекта завода, намеченного к строительству на Урале. Из Москвы со всеми техническими материалами проектов прибыл инженер Д. И. Габриэлян. На проектируемом заводе предполагалось изготовлять листы и ленты из нержавеющей стали. Проектом предусматривалась установка нескольких десятков прокатных станов. Таких цехов нигде в мире не было. При экспертизе проекта начальник технического отдела крупповского завода Гюрих, после того как изучил представленные ему материалы, сказал:

— Такой завод построить технически возможно. У меня возникает только один вопрос: где вы возьмете людей, которые смогут управлять таким предприятием? Мы, например, не могли бы найти в Германии таких.

А Гюрих был опытный инженер.

В Главспецстали

В Гипромезе, где мне пришлось участвовать в проектировании Запорожского завода ферросплавов, я пробыл недолго, до начала 1931 года. В Гипромез меня отпустили из Московской горной академии с условием, что я буду работать одну пятидневку в Гипромезе и одну — в Московской горной академии. В то время рабочая неделя была заменена пятидневкой.

Когда проект ферросплавного завода был закончен, Завенягин предложил мне принять участие в разработке проекта еще одного завода, но я решил возвращаться в Москву и вновь заняться исследованиями в лаборатории электрометаллургии.

Профессор Григорович — заведующий кафедрой электрометаллургии — находился за границей — руководил практикой наших специалистов на заводе Круппа.

Мне предложили читать курс электрометаллургии стали. В это время в академию прибыл новый, необычный контингент студентов — парттысячники. Это был уже второй эшелон учащихся, который партия передвинула с практической работы для изучения науки и техники. (Первый появился в стенах академии в двадцатых годах.) Многие вновь прибывшие и по возрасту, и по опыту работы в партийных и советских органах значительно превосходили профессорско-преподавательский состав академии.

Среди новых студентов были политкомиссары дивизий, такие, как Ефим Павлович Славский, ставший впоследствии заместителем министра цветной металлургии, а затем министром среднего машиностроения; Шереметьев, занявший по окончании академии сначала пост заместителя министра, а затем и министра черной металлургии.

Среди студентов были бывшие секретари обкомов, председатели или заместители председателей облисполкомов.

Понятно, что вести занятия с таким контингентом было нелегко; тем более что наряду с очень серьезными и добросовестными студентами были и трудные. Иногда студенческие группы сами определяли, какие курсы они хотят слушать. Мне как временно исполняющему обязанности заведующего кафедрой приходилось разбирать много сложных конфликтов.

Одна группа, например, требовала, чтобы занятие с ними вели не те преподаватели, которые были определены, а другие, выбранные на совещании группы. В другой группе преподаватель,

витавший курс по теории металлургических процессов, был обвинен в том, что он опирается на закон Гей-Люсака, противоречащий диалектике. Пришлое в партийном комитете академии собирать всю группу и убеждать ее в том, что закон Гей-Люсака отражает научные закономерности, а студент, усомнившийся в нем, не знает ни закона Гей-Люсака, ни диалектики.

…В июле 1931 года президиум ВСНХ принял постановление об организации Всесоюзного объединения качественных и высококачественных сталей и ферросплавов «Спецсталь». Буквально на следующий день ко мне пришел Тевосян. Он весь сиял от переполнявшей его радости.

— Серго предложил мне организовать трест по производству качественных и высококачественных сталей. В трест войдут также заводы по производству ферросплавов, — сказал он мне.

Через четыре года в большой статье Бориса Галина «Профессор и Тевосян», напечатанной 14 декабря 1935 года в «Правде», было рассказано об этой встрече Тевосяна с Серго. Нарком вызвал Тевосяна с завода «Электросталь» к себе домой.

Серго лежал в постели, больной, просматривая присланную ему почту.

Тевосяна он встретил тепло, весело.

— Ну, «немец», выкладывай, — с оживлением сказал он, — пожалуйста, выкладывай все, что ты там видел и взял. — И по мере того, как Тевосян рассказывал Серго вынесенные им наблюдения из богатейшего опыта европейской металлургии качественных сталей, внимание Серго все росло, и глаза его заблестели тем особенным, свойственным ему блеском, когда он увлечен одной какой-нибудь мыслью.

Он слушал, не перебивая, рассказ Тевосяна о солидной, годами накопленной методике производства, о том, что из этого опыта мы можем взять и перенести на нашу почву, и думал, что настало время решать проблему создания базы высококачественных сталей практическим делом: организацией такого треста, который бы объединял все заводы качественных сталей, — идея, которую Серго давно вынашивал.

По где же люди, где кадры, которые сумеют руководить этим сложным и новым делом, кого поставить во главе?

Неожиданно Серго перебил его коротким вопросом:

— Сколько вам лет, Тевосян?

— Двадцать девять, — смутился Тевосян.

— Хорошие годы, — завистливо вздохнул Серго и спросил у него: — Кто у нас знает производство высококачественных сталей? Есть ли у нас такие люди?

Тевосян поднял голову и встретился взглядом с Серго, подумал и назвал профессора Константина Петровича Григоровича, широкообразованного металлурга с практической жилкой, умеющего синтезировать накопленный опыт.

— Ладно, — сказал Серго, — поезжай в Германию, договорись о работе в новом объединении с Григоровичем и пригласи деловых немцев.

Вскоре после этого разговора с Серго Тевосян вновь выехал в Германию…

— Вот теперь можно будет использовать весь собранный нами за границей материал, — продолжал свой разговор Тевосян. — Константин Петрович Григорович будет техническим директором треста, а главным инженером я думаю назначить Ивана Ивановича Субботина — он очень опытный инженер и хорошо знает металлургическое производство. Ты на себя возьмешь ферросплавы.

— Я не хочу уходить из лаборатории.

— А зачем же уходить? Будешь заместителем технического директора треста. Ты ведь с Григоровичем работаешь давно.

Мы с Тевосяном хорошо знали Григоровича. Это был наш учитель. Мы не только слушали у него курс, но и делали под его руководством дипломные проекты.

— У меня даже и тени сомнения не было, что ты согласишься. Некоторых, не скрою, мне уговаривать пришлось.

Все это Тевосян проговорил с какой-то, как мне показалось, даже обидой.

— Да ведь я никогда в учреждениях-то и не работал, — пробовал я было объяснить свое нежелание идти в трест.

— А я тоже не работал, — сказал он. — Да в учрежденье-то и не придется надолго задерживаться. Надо будет по заводам ездить и помогать заводскому народу перестраивать производство на новый лад. Мы поднимем всех тех, кто проходил практику на заводе Круппа, кто видел, как немцы качественную сталь изготовляют. Даром мы, что ли, столько времени за границей провели? Надо из себя все соки выжать.

— Раз надо, так надо, — ответил я и вскоре окунулся в новую для меня область.

В небольшой и очень хорошей книжке «Незабываемые годы», написанной В. Н. Гусаровым, директором Челябинского электрометаллургического комбината, правильно и ярко обрисован стиль работы треста «Спецсталь».

«Трест «Спецсталь» называли в шутку «трестом на колесах». Его работники больше находились на заводах, чем в кабинетах дома в Блюхеровском переулке Москвы.

Бывая часто и у нас, они обстоятельно разбирались во всех делах, не требовали, как обычно, справок или других отчетных материалов. С утра до вечера их можно было видеть в цехах, на решающих участках производства. Здесь представители треста обстоятельно беседовали с людьми, изучали технологию, стремясь помочь руководителям заводских служб в решении тех или иных вопросов».

Это свидетельство тем более ценно, что сделано одним из старейших работников ферросплавной промышленности — начинателем в нашей стране ферросплавного производства.

Владимир Николаевич Гусаров пришел на завод еще тогда, когда, собственно, завода не было, а была строительная площадка, где вырос впоследствии электрометаллургический комбинат. Вместе с комбинатом рос и поднимался Владимир Николаевич, пройдя все ступени производственной лестницы вплоть до поста директора, который он занимает и поныне.

…В одну из поездок Тевосян посетил Челябинск, куда я приехал из Москвы заранее, чтобы ознакомиться подробнее с состоянием дел и до приезда Тевосяна подготовить необходимые предложения.

А на заводе положение было трудное.

Вот как описывает его В. Н. Гусаров:

«В процессе эксплуатации печей начали отчетливо выявляться их конструктивные недостатки. Пользуясь тем, что в нашей стране не было специалистов в области ферросплавного производства, фирма «Сименс-Шуккерт» поставила дам оборудование, не проверенное на практике… На чертежах выглядело все хорошо, а на деле наоборот. Масло коксовалось в трубопроводах, ведущих к цилиндрам электрододержателя, а они располагались в зоне высоких температур. Из-за высокой температуры гнулись детали управления электрододержателя — рейки, винты, рычаги. Почти ежедневно печи останавливали, чтобы устранить поломки. Слесари и правильщики без конца ремонтировали погнутые детали.

Электропечи часто и подолгу простаивали. Едва они разогреются, как детали начинают выходить из строя».

Тевосян и Григорович, ознакомившись с производством, пришли к единодушному заключению: главное, что необходимо для устранения недочетов, — это освоение оборудования и глубокое изучение самого технологического процесса производства.

В один из вечеров, вернувшись с завода, Тевосян вызвал меня к себе. Здесь же находился и Григорович.

— Вот мы тут без тебя разговаривали о положении на заводе.

Мы долго будем так осваивать процесс производства сплавов. Может быть, посмотреть где-нибудь за границей, как они изготовляют эти сплавы? У нас есть договор с Миге. Может быть, тебе съездить во Францию вместе со своими студентами-ферросплавщиками? У тебя сколько ферросплавщиков учится в группе? — спросил меня Тевосян.

— Четверо.

— Вот забирай их с собой и поезжай во Францию. Я договорился с Серго о твоей поездке, и даже анкеты для оформления поездки мы из Москвы привезли для тебя. Чтобы не терять время, ты заполни, и я возьму их с собой. Мы раньше тебя в Москве-то будем.

Но поехать во Францию мне тогда не пришлось. Французы долго не давали нам виз. Пока шли переговоры о получении для всех нас французских виз, возникла необходимость поехать в Италию.

«Поезжайте в Италию»

В марте 1932 года встал вопрос о моей поездке в Италию. Для строящихся заводов по выплавке высококачественных сталей и ферросплавов нужны были электропечи, мы их тогда еще не умели изготовлять. Фирмы, воспользовавшись создавшейся ситуацией, хотели сорвать с нас возможно больше.

Меня вызвали в Наркомтяжпром.

— Поезжайте в Италию, познакомьтесь с конструкцией печей, разработанных итальянскими специалистами. Вам необходимо будет оценить, в какой степени то, что изготовляется в Италии, подходит для нас. Если итальянские электропечи по вашему мнению подойдут для наших целей, то мы направим в Италию закупочную комиссию и будем договариваться с фирмами. Вы ведь у нас специалист в этой области.

Я как-то даже растерялся, — когда же это я успел стать специалистом? Прошло всего четыре года, как я защитил свой дипломный проект.

Через двадцать лет мы с Завенягиным как-то обсуждали вопрос о назначении на должность заведующего лабораторией одного молодого ученого. Завенягин стал возражать:

— Ну как можно назначать его на эту должность? Он всего шесть лет назад закончил институт.

— А ты забыл, Абрам Павлович, что тебя Серго назначил директором Гипромеза на третий день после окончания Горной академии?

Завенягин засмеялся.

— Да, черт возьми, действительно к нам относились тогда с большим доверием.

И вот поездка по Италии. Рим. Венеция.

О Венеции я когда-то делал доклад. Перечитал все доступные в то время для меня книги. Когда это было? То ли в 1915, то ли в 1916 годах?

Когда я ехал в Венецию, мне казалось, что я знаю этот город, но, выйдя из железнодорожного вагона, поразился. Это же совершенно не та Венеция, которая была создана моим воображением.

Гранд канал. Площадь Сан-Марко, Дворец дожей, и на углу чудесный барельеф пьяного Ноя. Узкие улочки и мастерские кустарей. Город на сваях. На сваи использовано красное дерево, которое когда-то росло на побережье. Эти деревянные сваи теперь заменяются сваями из железобетона. Мебельные фабрики платят большие деньги за те деревянные сваи, что простояли в воде

столетия.

В Риме у Колизея меня остановил продавец камей. На небольшом деревянном лотке у него были чудесные брошки без оправы — женские головки, вырезанные из раковин.

— Купите, — твердил он, следуя за мной. Слово «купите» он произносил на итальянском, английском, французском и немецком языках. Потом, отчаявшись, он спросил — Кто же вы?

— Русский.

— Ну купите же, — уже по-русски произнес он.

— Откуда вы русский язык знаете?

— А я еще мальчишкой жил с отцом в Одессе. Сегодня я еще ни одной камеи не продал. Я их вырезаю сам. Смотрите, какие у меня руки, — и он повернул мне ладони своих мозолистых рук. — Вы же, советские, стоите за рабочих. Ну, купите.

Несмотря на скудность моих средств, пришлось одну камею все же купить.

В торговом представительстве в Милане мне оказали содействие в ознакомлении с итальянскими заводами. От торгпредства были написаны письма ряду итальянских фирм, занимавшихся изготовлением электропечей, с просьбой ознакомить меня с их конструкцией и производством. В конце каждого письма стояла магическая фраза — речь идет о заказах.

Все запрошенные фирмы ответили согласием.

От фирмы Фальки в Турине я получил не только приглашение, но и проспект изготовляемых фирмой печей. В книге с золотым обрезом было много чудесных фотографий электропечей самых различных конструкций.

У меня сложилось впечатление, что фирма Фальки является одной из наиболее солидных. Поэтому я и решил поехать прежде всего к Фальки в Турин.

По указанному в проспекте адресу я быстро нашел контору фирмы. На звонок дверь открыла хорошо одетая, миловидная девушка — секретарь. Я обратился к ней по-французски и сказал, что хотел бы видеть владельца фирмы. Она ввела меня в гостиную, свидетельствующую всем своим видом о солидности фирмы, и попросила подождать.

Через минуту в гостиную вошел владелец фирмы — Фальки. Стройный брюнет, на вид не старше тридцати пяти лет.

— Я хотел бы познакомиться с производством печей вашей фирмы. Нас интересуют промышленные печи для плавки, а также термической обработки.

— Плавильных печей мы не строим, а печи для термической обработки мы вам поставляли и готовы поставлять их в дальнейшем. Не будем терять время и направимся на

производство, — предложил Фальки.

И мы спустились со второго этажа, сели в стоявшую у подъезда машину «фиат» и поехали.

На окраине города у невзрачного одноэтажного домика, напоминавшего мне почему-то старый купеческий лабаз, машина остановилась.

Мы вошли в небольшую мастерскую, где было установлено не более двадцати простых станков.

— А где же вы изготовляете те печи, что изображены в проспекте вашей фирмы? — спросил я Фальки, удивленный примитивностью оборудования.

— Вот здесь.

— Но у вас даже нет печей для отливки деталей, входящих в конструкции?

— А мы их заказываем у фирмы «Фиат» здесь же, в Турине.

— А специальные огнеупорные материалы, кто их делает?

— Их изготовляет один из итальянских заводов, расположенных поблизости.

— Для печей нужны ленты и проволока из специального сплава — нихрома, где вы берете нихром?

— Нихром мы получаем из Германии, от Круппа.

— А приборы для контроля и регулировки температуры?

— Приборы покупаем в Англии.

— Что же вы сами делаете? — смеясь, спросил я Фальки.

— Как что? Все конструкции являются оригинальными разработками фирмы, и, кроме того, корпуса печей и все монтажные детали изготовляются нами вот здесь.

В соседней комнате Фальки показал мне несколько готовых к отправке заказчикам хорошо выполненных печей.

«По всей видимости, фирма имеет сильное конструкторское бюро, — подумал я. — Надо будет попросить Фальки ознакомить меня с работой этого бюро».

— А не можете вы меня познакомить с вашим конструкторским бюро? — спросил я Фальки.

— Почему же нет, смогу.

Из этих убогих мастерских, выпускающих великолепные печи, мы поехали в центр города и опять остановились у подъезда дома, где размещалась контора фирмы.

Поднялись снова на второй этаж, прошли мимо изящной секретарши, и Фальки ввел меня в комнату, где находилось три или четыре чертежных доски, за ними работали двое молодых итальянцев.

— Познакомьте меня с главным конструктором, — вновь попросил я.

Фальки сделал корпусом тела движение вперед и протянул руку.

— Перед вами главный конструктор, а это мои чертежники.

Когда я уезжал от Фальки, меня разбирала злоба. Ведь у него ничего, кроме желания заработать, нет. Он просто человек с большой инициативой и полон энергии.

Мы заказывали этой фирме сотни печей, а все их могли бы делать сами.

…Когда я проезжал по прекрасным автострадам Италии, я видел, как на строительстве новых автомобильных дорог рабочие вручную кувалдами дробили камень, приготовляя щебенку.

В Милане был большой машиностроительный завод, изготовлявший дробильно-размольные машины. На этом заводе мы покупали, в частности, и дробилки для дорожного строительства.

В то же время в Италии они не использовались. Я задал вопрос итальянскому инженеру, сопровождавшему меня в поездках по Италии.

— Почему у вас камень на строительстве дорог дробят вручную?

— Видите ли, правительство, в целях борьбы с безработицей, рекомендовало сократить применение машин. То же самое у нас происходит на некоторых фабриках. Правительство предложило из тех же соображений не пользоваться механизмами и больше применять простой ручной труд. У нас много безработных, — сказал инженер.

На металлургическом заводе в Аосте при осмотре доменного цеха ко мне обратился начальник этого цеха с просьбой предоставить ему возможность поработать на доменных печах Магнитки или Кузнецкого завода.

— Годы идут, здесь у нас, в Италии, старые печи и старое оборудование. Как инженер, я здесь тупею — у вас творческий размах. Ох и далеко же вы полетите, если будете двигаться такими темпами!

Он был опьянен размахом наших работ. Там впервые я это и услышал:

— Вам не видно того, что вы создали. Большое художественное полотно надо рассматривать издалека. Вблизи вы видите отдельные мазки. Нам отсюда виднее, кроме того, мы — итальянцы. — И он застенчиво улыбнулся.

Выстрел за дверью

Только я закончил поездку по стране и вернулся в Милан, как новое поручение — срочно выехать в Бреслау, осмотреть изготовленные там детали для печей строящегося в Запорожье ферросплавного завода.

Снова в путь. Северная Италия, Швейцария, Германия и почти у границы Польши и Чехословакии — Бреслау.

На небольшом немецком заводике меня уже ждали. Сотрудник советского торгпредства объяснил, в чем заключается моя миссия.

— Наш приемщик забраковал изготовленный заводом корпус большой печи. Корпус дорогой, из специальной бронзы. Он стоит несколько сот тысяч марок. Завод встретился с трудностями: первые отлитые из бронзы детали были неудачны. Директор обратился к нам за помощью. Просил выдать ему на приобретение новых материалов ссуду. Мы вынуждены были на это пойти — нас подпирают сроки. Но вот заказ был выполнен, а наш приемщик утверждает, что все это — сплошной брак. Вы должны ответить нам, действительно ли это так, а если действительно брак, то нельзя ли его исправить. Откровенно говоря, мы, видимо, попались с выбором этого завода. Погнались за низкими ценами. Если эти детали бракованные, то у нас не только горит несколько сот тысяч марок, но придется срочно искать новый завод, где можно будет разместить заказ на сложное оборудование. А график строительства в Запорожье будет сорван.

Когда мы встретились с приемщиком и вместе с ним прошли в цех для осмотра деталей, он подробно рассказал мне о всех обнаруженных им дефектах, и мы скрупулезно освидетельствовали каждый из них. Да, он прав, это брак. Брак окончательный и неисправимый. Все необходимо делать заново.

В кабинете владельца завода — совещание. Он пожилой уже человек. За столом рядом с ним — трое работников, руководящих производством. Хозяин завода явно волнуется. Он с тоской в глазах смотрит на меня. Никто из нас не мог даже предполагать, что мое техническое заключение будет для него смертным приговором.

Я перечислил характер дефектов, техническую невозможность их исправления и закончил выводом — окончательный брак.

Во время моего сообщения владелец завода молчал и только несколько раз облизал пересохшие губы. При слове «брак» он уронил голову на стол. Потом поднялся и, не глядя на нас, вышел

в другую комнату, хлопнув дверью.

Мы сидели молча. И вдруг за дверью раздался выстрел. Все находившиеся за столом вышли из оцепенения и бросились в смежную комнату. На полу лежал труп владельца завода. На полу была лужица крови, и рядом лежал выпавший из руки револьвер…

Позже я узнал, что завод был в долгу как в шелку. Желая во что бы то ни стало получить заказы, владелец завода взялся за изготовление очень сложных деталей электропечей. Никто до этого в Германии таких печных конструкций не изготовлял.

В их производстве встретились большие трудности, дело не клеилось. Полученный в банке кредит был израсходован на приобретение дорогих материалов — меди и олова, а полученные отливки оказались браком.

Он взял новый кредит. Опять неудача. Старый промышленник хорошо знал законы своего общества — долги ему не простят, с него спустят шкуру.

То, что его ожидало, для него было страшнее смерти.

…В 1932 году в Германии было много банкротств и самоубийств.

В Швеции и Норвегии

Затем целый калейдоскоп событий, и наконец поездка в Скандинавские страны — Швеция, Норвегия.

Послом в Швеции была Александра Михайловна Коллонтай. Встреча с этой удивительной женщиной оставила сильное впечатление.

В ее кабинет мы вошли вдвоем. Второй (я его совершенно не знал), немного старше меня, здороваясь с Александрой Михайловной, напомнил ей о том, при каких обстоятельствах он увидел ее впервые.

— Это было в 1919 году в Петрограде. Мы, молодые красногвардейцы, направлялись на фронт — против Юденича. А вы выступали на митинге, и наш батальон также был там. Как же вы говорили в тот памятный для меня день, Александра Михайловна! У нас было всего по двадцати пяти патронов, но каждое ваше слово было целой обоймой. Прямо с митинга мы пошли на передовые позиции — фронт был рядом.

— Да вы прямо поэт, голубчик!

Александра Михайловна была явно взволнована. На бледном лице, обрамленном седеющими волосами, горели ее глаза, глаза природного трибуна.

— Теперь я дипломат и горячих речей мне произносить не приходится. Здесь действуют законы дипломатического протокола.

…Потом старый политэмигрант Скворцов водил нас в небольшое кафе.

— Вот за этим столиком сидел Ильич. Он любил пить здесь чай и читать газеты.

Мне организуют поездку по заводам. Интересные встречи и разговоры с металлургами Швеции.

Затем Норвегия. Завод Фиска под Христианзандом. Главный инженер приглашает к себе в гости. Хорошая семья — жена и сын. Сыну три года. Через тридцать лет я узнал через знакомого мне норвежского профессора, что отца повесили немцы во время оккупации Норвегии.

— А что с женой и сыном? — спросил я.

Профессор только пожал плечами.

Первое знакомство с Англией

В 1932 году на заводах Главспецстали побывали английские металлурги. Англичане предложили Тевосяну посетить металлургические заводы Англии, но он не мог принять это приглашение. В то время он был целиком поглощен организацией производства качественных сталей. Объединению «Спецсталь» были переданы заводы, которые никогда раньше выплавкой высококачественных сталей не занимались. Их необходимо было реорганизовать и перестроить на производство совершенно новой продукции.

Осенью 1932 года, будучи в Эссене, я получил от него письмо с предложением поехать в Англию. Мне предлагалось посетить заводы Гадфильда, Томаса Ферста и ряд других.

Еще на лекциях в Горной академии я впервые услышал о заводе Гадфильда в Шеффилде. Одна из марок стали с высоким содержанием марганца до сих пор носит наименование стали Гадфильда.

Из высокомарганцевой стали изготовляются прежде всего такие детали, которым приходится работать в тяжелых условиях постоянного трения, например, части дробильно-размольных машин, детали экскаваторов и землечерпалок, стрелки и крестовины трамвайных путей и многое другое.

Эта сталь представляла особый интерес для нашей страны. Во-первых, потому, что мы начинали развивать отрасли машиностроения, где требовался металл стойкий против истирания. А во-вторых, — что не менее важно, — на территории Советского Союза находятся крупнейшие в мире месторождения марганцевых руд — Чиатурское в Грузии и Никопольское на Украине.

Работы по использованию марганца в металлургии у нас начали проводиться очень давно. Известный советский металлург Липин рассказывал мне о своих работах по изучению марганцевистых сталей еще в дореволюционные годы.

— Мы выплавили и исследовали много сталей с различным содержанием марганца, вплоть до восьми процентов. Но не установили ничего интересного и прекратили работы.

После нас эти работы были продолжены англичанами на заводе в Шеффилде. При дальнейшем повышении марганца до одиннадцати процентов они обнаружили скачкообразное изменение свойств стали.

Она приобрела высокую вязкость и стойкость против истирания.

Вот и стала эта марка называться сталью Гадфильда… Нет, наука — это не только удача, это огромный труд и терпение, — сокрушался старик Липин, вспоминая свои молодые годы и неудачу, которую он потерпел.

В Англии большой интерес для меня представляли заводы Томаса Ферста и Джона Брауна. Их называли в то время английским Круппом. На заводах производились стали такого же примерно типа, что и у Круппа, а в оборудовании цехов было много общего.

Но все же здесь было много своего, оригинального.

Английская металлургия имеет большую историю, и многие металлургические производства зарождались здесь. Каупер — воздухонагреватель доменных печей был создан англичанином и носит его имя, а процесс получения стали путем продувки — бессемеровский способ производства — также назван по имени англичанина Бессемера.

По качеству некоторые марки английских сталей превосходили немецкие, но были дороже. Поговорка «Мы не настолько богаты, чтобы покупать дешевое» пошла также из Англии.

Перед поездкой в Англию я занимался изучением производства полой буровой стали и, рассматривая на заводе Круппа техническую документацию, натолкнулся на интересное письмо.

Представитель фирмы Круппа в Йоханнесбурге (Южная Африка) писал, что местные потребители предпочитают покупать не крупповскую сталь, а английскую, известную под маркой «Робур». Далее представитель сообщал, что если в ближайшие месяцы не удастся поднять качество крупповской стали до уровня английской стали «Робур», то удержаться на рынке будет невозможно.

Тевосян предложил мне не только ознакомиться с английскими методами производства стали, но и постараться договориться о возможности заключения соглашения подобного соглашениям, заключенным с немецкими металлургическими заводами.

…Не зная совершенно языка, я все-таки должен был ехать один. Переводчики нас тогда не сопровождали. Никто из советских представителей не встречал. Обходились и устраивались самостоятельно. Добирались с вокзалов до гостиниц, как-то объяснялись и находили те учреждения, куда необходимо было попасть.

Из Берлина я добрался до Хук-ван-Холланд, в Голландии сел на пароходик и переплыл Ла-Манш. Сошел на английский берег и

поездом прибыл в Лондон, а такси доставило меня в отель.

Спасибо!

На Кингсуэй, где мне рекомендовал остановиться мой знакомый, недавно прибывший из Лондона, была большая гостиница. (Когда я пытался через тридцать лет ее разыскать, мне это не удалось, а полицейский сообщил, что она разрушена во время бомбардировки Лондона. На месте гостиницы построено новое служебное здание.) В этой гостинице с чрезвычайно длинными коридорами и маленькими комнатками я и остановился. Оставив в комнате чемодан, я сразу же отправился осматривать город.

Тогда-то, впервые проходя по улицам Лондона, я и увидел нечто необъяснимое. На тротуаре одной из центральных улиц на коленях стояли люди и цветными мелками рисовали. Кое-кто уже почти заканчивал свои рисунки и наносил последние штрихи. На одном из них — море. Одинокая парусная лодка. Последние лучи солнца. На втором — лужайка. На ней небольшой домик. В стороне пасутся овцы. На третьем — ваза с пышным букетом ярких цветов.

Что это такое?

«Вероятно, готовятся к празднику», — подумал я. Какой странный способ украшать город. У нас развешиваются красные полотнища с призывами, гирлянды из зеленой хвои, а у них, оказывается, разрисовывают тротуары.

Но ведь пешеходы все это вытрут подошвами своей обуви, а кроме того, эти рисунки смоет первый же дождь. Не понимаю, зачем они это делают?

Лежащая рядом кепка с мелкими монетами и лаконичная фраза на листке бумаги — Thank you[25]— объяснили все. Это — нищие. Художники-нищие!

В последующие годы таких художников-нищих я встречал также во Франции и Италии. Так же, как и в Лондоне, на асфальте улиц они растрачивали свое мастерство, собирая сантимы и чинтезимо в кепки и береты.

А на набережной Темзы — у самого парламента — на скамейках сидят бездомные. Вот один из них. Под глазами мешки. Рубашка без воротничка; когда-то он был и пристегивался. Металлическая пуговка от него еще сохранилась. У сидящего на скамейке глаза закрыты. Видимо, ему ужасно хочется лечь и вытянуться.

По набережной медленно движется полицейский. Он останавливается у одной такой же скамейки, на которой улегся другой бездомный. Полицейский концом резиновой палки

тормошит его. Скамейка предназначена для того, чтобы на ней сидеть, а не лежать.

В Англии порядок. Все регламентировано. Что значит «лежать» — точно определено. Если лежащий на скамье хотя бы одной ногой касается земли, то он не лежит, а сидит. Таковы правила.

Прохожу в Риджен-сквер — здесь также встречаются бездомные. Вот один из них сумел уложиться в существующие правила пользования скамьей. Он вытянулся на скамейке, опустив одну ногу на землю. Его не тронут.

На металлургических заводах Шеффилда

В Шеффилде, куда я прибыл из Лондона, меня встретил представитель заводов Гадфильда.

Он немного говорил по-русски.

— Мы до революции имели на территории России свою контору для продажи изделий фирмы, — сказал он мне.

Осматривая заводы, я знакомился с историей развития металлургической техники. Здесь в действии находились, например, молоты, работающие от водяного колеса. Вода из небольшого ручья поступала на колесо, и энергией его движения приподнимался боек ковочного молота.

«Какой же это век?» — подумал я. Но рядом был выстроен небольшой цех, оборудованный высокочастотными печами, каких у нас в то время еще не было.

Большое впечатление на меня произвел цех прокатки тонкой нержавеющей ленты. Он был похож скорее на больницу, а не на прокатный цех. Здесь было повышенное давление, и, чтобы попасть внутрь помещения, нужно было пройти через тамбур — шлюз. Очищенный от загрязнений воздух поступал в цех через систему фильтров. Все работники были одеты в белоснежные халаты, с белыми шапочками на головах и в белых перчатках на руках.

Касаться голой рукой поверхности прокатываемой ленты не дозволялось — на поверхности оставалось жировое пятно, что вело к осложнению технологии. Цех был механизирован, и почти все операции осуществлялись специальными приспособлениями и механизмами. Все это было для меня ново и интересно. Мы также готовились к тому, чтобы в широком масштабе начать производство нержавеющего листа и ленты.

Кроме того, мне нужно было ознакомиться с английскими электросталеплавильными печами, которые мы хотели купить для строившегося в то время цеха на заводе «Электросталь».

В Шеффилде безработица проявлялась резче. На углах улиц группы рабочих. Угрюмые лица. Поношенные костюмы, стоптанная обувь. Когда я проходил мимо, они провожали меня тоскливым взглядом.

Вечером направился в кинотеатр. На экране шел какой-то бессодержательный фильм, насыщенный отчаянной стрельбой из пистолетов. При входе в кинотеатр получил программу, с небольшим кармашком. В него вложены лезвия бритвы «Жиллет» — реклама фирмы.

Шеффилд — город стали. Он особенно тяжело переживает

кризис. А вообще картины кризиса я уже повидал во многих городах и странах Европы.

Когда я ехал сюда, в Англию, то по дороге от Берлина до Хук-ван-Холланд разговорился со своими попутчиками. Оба они были коммивояжеры: один — представитель обувной фабрики, другой — текстильной.

— Каждая страна все хочет производить сама, — с сокрушением говорил один из них. — В Швеции я хотел возобновить контакт с нашими постоянными клиентами, но там, куда мы обычно поставляли три тысячи пар обуви, у меня с трудом взяли пятьсот.

Второй в знак сочувствия кивал головой и прерывал взволнованную речь обувщика горестными замечаниями:

— То же самое и у нас — метра никто не хочет брать там, где я продавал большие партии тканей.

— А вы чем торгуете? — спросил меня один из них.

Я засмеялся и сказал:

— Не торгую, а покупаю.

Лица коммивояжеров оживились.

— А что покупаете?

Когда я сказал, их интерес угас — они не связаны с этой областью.

— Ну, у вас дело проще. Купить всегда легче, нежели продать. Продать каждый хочет, а найти покупателя и уговорить его купить — это уже искусство. А теперь даже искусство не ценится. Трудно, всем трудно, — и оба закачали головами.

Потом поездка во Францию — картины однотипные. Некоторое разнообразие вносят только национальные особенности.

Они хотели поставить нас на колени

Три месяца путешествий по странам Европы закончены. Задание выполнено. Необходимое оборудование можно получить не только в Германии, но и в других странах. Свет клином на Германии не сошелся.

Возвращаюсь в Берлин. Встреча с представителем фирмы Сименс. Высокий, худощавый и нагловатый начальник русского отдела заводов Сименса — Иост.

— Напрасно проводите время в путешествиях. Лучше наших печей все равно нигде не найдете. Шведы не имеют своих оригинальных конструкций. Они уже пятнадцать лет не занимаются этим делом. А что нашли вы в Англии? Англичане сами заказывают нам печи. Сегодня у нас четверг. В пятницу вечером я собираюсь поехать на охоту. До понедельника меня в Берлине не будет. А в понедельник можете мне позвонить. Если, конечно, надумаете вести серьезные разговоры.

В беседу с Иостом вмешивается находящийся рядом со мной член советской закупочной комиссии.

— Господин Иост, но вы ведь назначили явно несуразные цены. Разве можно требовать за такую печь тридцать шесть тысяч марок?

— Почему вы считаете цену несуразной? Вы, кстати, такую цену за наши печи платили. Вы же знаете, что мы вам одну такую же печь уже поставили, и вы не считали тогда, что вы делаете что-то несуразное.

Иост еще до революции кончил рижский политехнический институт, он хорошо говорит по-русски. У меня растет чувство раздражения против этого самонадеянного представителя фирмы. Он хочет поставить нас на колени. Ах, если бы мы только могли сами делать все, что нам необходимо для строящихся заводов. Вот тогда не посмел бы этот Иост вести с нами разговоры таким тоном.

И я решил дать сдачи.

— Господин Иост, если вы не снизите цены на печи и не предложите новой разумной цены до субботы, то я опасаюсь, что будет поздно. Мы подпишем соглашение с другой фирмой.

Иост, направившийся было к выходу, остановился.

— С кем же это вы подпишете соглашение? С АЕГ мы договорились. Они смогут взять на себя только один тип печей — другой могли бы мы выполнить, если, конечно, вы примете наши цены. Ну, может быть, учитывая, что заказ крупный, мы сможем сбросить какую-то тысячу марок, но не больше.

— Повторяю, господин Иост, если до субботы не будет вашего нового, приемлемого для нас предложения, можете охотиться дальше. Вам нет надобности возвращаться в понедельник. В понедельник мы подпишем соглашение с другой фирмой.

— Не с Ренерфельдом же подпишете, надеюсь, у нею печи конструкции 1905 года.

— Не считайте, господин Иост, нас наивными. До подписания соглашения мы вам не скажем, с кем мы вели переговоры, а когда его подпишем, это будет известно всем — мы об этом объявим. Заказ-то большой, о нем стоит дать публикацию.

Иост быстро удалился, даже не попрощавшись.

Буквально через полчаса у нас уже сидел один из директоров Сименса. День был сумрачный. Шел мелкий дождь.

— Ну что же, давайте договариваться.

И он начал снижать цену. Через пятнадцать минут он сказал:

— Я снижал цены по тысячи марок в минуту — с такой скоростью мы никогда не вели наши финансовые дела.

Когда наконец о цене договорились и визировали проект соглашения, немец сказал:

— Само небо плачет вместе со мной. Ведь я сбросил но пятнадцати тысяч марок с печи. Вместо тридцати шести тысяч мы отдаем их вам по двадцать одной.

«Сколько же вы зарабатывали на нас!» — подумал я.

А может быть, согласиться?

Я собирался возвращаться в Москву. Написал уже письмо жене и только что хотел его отправить, как мне принесли телеграмму.

«Дай согласие на назначение уполномоченным Металлбюро на заводах Круппа на срок не более шести месяцев». И подпись — Тевосян.

Нет, не могу больше, хватит! Я уже как губка, до насыщения наполнен разными техническими сведениями. Надо все это отжать. Мне кажется, что я не в состоянии воспринять больше ничего.

А может быть, все-таки согласиться? Можно было бы провести дальнейшие исследования в лабораториях. Ведь я еще по существу их не закончил. На заводе есть чему поучиться.

Колебания прекратились неожиданно. Меня пригласил торговый представитель и сказал:

— Из Москвы получено указание о назначении вас уполномоченным.

— Не указание, а предложение, — ответил я, показывая ему телеграмму.

Он засмеялся и, возвращая мне телеграмму, произнес:

— А и наивный же вы все-таки человек! Неужели вы не поняли, что это просто вежливое сообщение об уже принятом решении? Так что собирайтесь в Эссен и принимайте дела. Приезд вашей семьи в Германию оформляется.

— На сколько же меня здесь задержат? — спросил я торгпреда.

— Во всяком случае, не на шесть месяцев. Пару лет-то пробыть, вероятно, придется.

Пришлось пробыть больше — почти три года.

Из «голодающей» России

В Эссене, куда я приехал после того, как официально был назначен уполномоченным, на этой должности находился инженер Виткус. Пауль Янович Виткус также учился в Горной академии, и я его хорошо знал. Во время гражданской войны он был в составе частей латышских стрелков.

Практикантов на заводе было немного — старые заканчивали свою практику, а новые еще не подъехали.

Поэтому нам никто не мешал, и Виткус подробно и обстоятельно ввел меня в курс дела.

В одно из воскресений мы с Виткусом, Тергеряном и еще двумя практикантами пошли в Груга-парк — зеленую часть города, место гуляний, где находились различные аттракционы, карусели, американские горки, качели, тиры, небольшие ресторанчики. Большая площадь парка была занята ботаническим садом.

В Груга-парке по воскресеньям собиралось много народа.

Мы хотели пострелять в тире. Виткус часто ходил сюда, и его хорошо здесь знали. Когда мы всей группой подошли к тиру, хозяин спросил:

— Wie gewöhnlich Nummer sieben?[26]

У Виткуса здесь были уже хорошо пристрелянные винтовки.

— Я обычно стреляю из двух винтовок: номера семь и три.

В тире было много неподвижных мишеней, а также длинная цепочка движущихся белых мышей. При попадании в кружочек в центре мышки она опрокидывалась и вновь появлялась уже в верхнем движущемся ряду. Только Виткус начал стрелять, как к стойке тира подошел штурмовик. Судя по хорошо сшитому костюму из дорогого материала, он занимал крупный пост. Об этом свидетельствовали и наряды жены, вместе с которой он появился у стойки.

— Винтовку, — произнес он повелительным тоном.

Владелец тира молча подал десятизарядную винтовку, такую же, как у Виткуса.

— Вот сейчас ты увидишь, что значит настоящая стрельба, — произнес он, обращаясь к жене, и обвел нас высокомерным взглядом. — Я буду бить мышей.

В это время Виткус стал стрелять по мышам и не пропустил ни одной. К нему медленно передвигалась одна мышь за другой — и после каждого выстрела она исчезала. До штурмовика не доходило ни одной.

Он стоял и ждал. Он мог стрелять только тогда, когда промахнется Виткус, но тот, израсходовав все десять зарядов винтовки, крикнул владельцу тира:

— Nummer drei bitte[27].

Хозяин подал вторую винтовку, номер три. Израсходовав все десять зарядов третьего номера и сбив десять мышей, Виткус взял прежнюю винтовку и также стал сбивать мышек одну за другой.

Винтовку номер семь он передал владельцу тира со словами:

— Wiederladen bitte[28].

Штурмовик вначале стоял, прижав приклад винтовки к плечу и прищурив левый глаз, затем опустил ее, не имея возможности сделать ни одного выстрела. Затем, обращаясь к жене, совсем тихо произнес:

— Попытаюсь стрелять мышей из верхнего ряда, но это чертовски трудно.

Виткус, услышав это, сказал Тертеряну, который также очень хорошо стрелял:

— Становись на мое место и стреляй по нижнему ряду, а я стану с другой стороны от него, — и он кивнул в сторону штурмовика. — Я к нему ни одной мыши в верхнем ряду не пропущу. Но смотри, Арам, если хоть одну пропустишь — по шее получишь!

Виткус, забрав винтовки, переместился и занял место вправо от штурмовика и, пока тот целился, стал сбивать одну мышь за другой из верхнего ряда. Штурмовик вновь опустил винтовку. У тира стала собираться толпа. По всей видимости, об этом необычном состязании стало известно у других аттракционов. Раздались голоса.

— Кто это так стреляет? Он сделал уже более сотни выстрелов и ни разу не промахнулся.

Штурмовик стоял с опущенной дулом вниз винтовкой и кусал губы. Потом положил ее на стойку и с сильным раздражением произнес:

— Donnerwetter![29] — Не глядя ни на кого, он быстро отошел от стойки.

Виткус также положил свою винтовку, спросил: «Wieviel?»[30] — и полез в карман, чтобы заплатить за стрельбу. Владелец тира вдруг нагнулся, стал шарить под стойкой, наконец вытащил бутылку коньяку и, протягивая ее Виткусу, с горячностью проговорил:

— Kostenlos, kostenlos, ohne Zahlung. Was haben Sie gemacht — das ist doch zauberhaft[31].

Собравшаяся около тира толпа стала аплодировать, не спуская восторженных глаз с Виткуса и Тертеряна. Кое-кто стал

смотреть вслед удалявшемуся штурмовику, и в этих взглядах чувствовалось удовлетворение случившимся — посрамлением одного из коричневорубашечников. Они не вызывали тогда симпатий.

Летом 1932 года количество безработных сильно возросло. Просящих милостыню стало больше.

Как-то в один из вечеров, когда я проходил по городскому саду, ко мне подошла девочка лет восьми-десяти, опрятно одетая. На худеньком бледном личике живыми были одни большие, не по-детски серьезные глаза. Она сказала:

— Vatti ist arbeitslos schon vier Jahre, Mutti ist krank, wir haben nichts zum Essen. Können Sie nicht uns helfen[32].

По тому, как она это сказала, было видно, что это не профессиональная нищенка и, может быть, даже впервые просит.

У меня при себе была бумажка в пять марок — я отдал ее девочке. Она растерялась и в страхе произнесла:

— Aber das ist doch zuviel[33].

В 1930 году, когда я впервые попал в Эссен, я не видел ни одного нищего — теперь они стали встречаться все чаще.

А немецкая пропаганда пыталась отвлечь внимание от тяжелых внутренних дел и привлечь его к тому, что происходит в других странах. Особенно изощрялись газеты и радиопередачи в изображении тяжелого продовольственного положения в Советском Союзе.

На улицах развешивались плакаты с изображением голодающих детей. Надписи свидетельствовали о том, что это будто бы заснято на Украине. Хотя даже небольшой знаток Украины мог увидеть, что такой одежды на Украине не носят.

Нам нужно было что-то купить, и мы с женой и дочкой зашли в магазин Блюма. Жена и дочь тогда только что приехали из Москвы. Розовое полное личико девочки обращало на себя внимание — в Эссене такие лица были редкостью. В магазин вместе с нами вошел какой-то чин из штурмовиков, показывая на Надю, он обратился к находящимся в магазине:

— Tüpisches deutsches Angesicht[34].

— Aber sie ist doch von «hungerndem» Russland hierher gekommen[35], — громко, чтобы слышали все, сказал я.

Мне показалось, что штурмовик испепелит меня своим взглядом. Кое-кто из находящихся в магазине засмеялся. Очень уж нелепым было положение штурмовика.

«Warum tanzen Sie nicht?» [36]

Но любите черный глаз,
Черный глаз — опа-ас-най,
А любите го-лу-бой,
Голубой — прекра-ас-най.

Эту песню я часто слышал в ночной тиши Сураханов, когда плотник Григорий Жирнов напевал ее, возвращаясь вместе с отцом после полуночи, слегка навеселе. Отец играл на саратовской гармошке с колокольцами, а Григорий под саратовские переборы пел, нарушая ночную тишину поселка.

Остгоф был начальником русского отдела фирмы Демаг в Дуйсбурге. Отдел был создан фирмой в связи с заключенным с Демагом договором.

Высокий, упитанный мужчина, с холеной русой бородой, высоким лбом и большими голубыми глазами на красивом лице, Остгоф напоминал внешностью русского боярина. По-русски он говорил превосходно.

Остгоф окончил еще до первой мировой войны Рижский политехнический институт, долго жил в Москве, исполняя обязанности представителя фирмы Демаг и одновременно совершенствуя русский язык. Отличить его от русского было нельзя.

У нас с фирмой Демаг также был заключен договор, по которому мы имели право посылать на заводы фирмы своих практикантов.

В 1932 году, когда я вторично приехал в Эссен уже в качестве уполномоченного Металлбюро, на меня возложили опеку также договора с Демагом. Я должен был помогать устраиваться практикантам в Дуйсбурге, где были расположены главные заводы фирмы, содействовать прохождению их практики и разрешать все вопросы, связанные с реализацией договора.

Вот тогда-то я и познакомился с Остгофом. Вся его фигура и взгляд светло-голубых глаз как-то располагали к доверию, а безукоризненный русский язык и использование таких словечек, как «пока» вместо «до свидания», вело к простоте взаимоотношений. Однако внешность обманчива. Как оказалось, это был опасный человек.

До меня дошли сведения, что, встречая прибывающих в Дуйсбург наших практикантов и знакомя их с достопримечательностями города, он заглядывает с ними в

увеселительные заведения с сомнительной репутацией.

Но вот произошел случай, который вынудил меня остро поставить вопрос об Остгофе перед дирекцией фирмы.

Ко мне в Эссен прибыл один из новых практикантов. Его надлежало устроить на практику к Демагу — он приехал для изучения производства кранового оборудования.

Мы с практикантом, назовем его Павловым, просмотрели составленную в Москве программу. Я внес в нее коррективы, вытекающие из реальных условий, сложившихся к этому времени на заводе, и мы направились в Дуйсбург, Это было в середине недели.

В это время здесь находились еще три практиканта. Я познакомил их с вновь прибывшим, помог Павлову устроиться с жильем и возвратился в Эссен.

А на следующей неделе вечером, когда я вернулся с завода, то застал у себя дома Павлова. Он прибыл из Дуйсбурга, чтобы переговорить со мной, как он сказал, по очень важному делу.

— Мне хотелось бы этот разговор иметь с вами с глазу на глаз.

— Ну пойдемте тогда в городской сад.

Павлов начал свой рассказ уже по дороге в сад.

— Чтобы вы хорошо все поняли, я должен рассказать, как жил последние два года. Я женат. У нас с женой одна небольшая комната. По всей видимости, мы поступили легкомысленно, поженившись. Вскоре разошлись. Но это легко сказать разошлись — ни мне, ни ей некуда было выехать. Мы разошлись как супруги, но продолжали жить в той же самой комнате. Эти два года для меня, да, вероятно, и для нее, были кошмаром. Я не мог уже не только видеть ее, но не переносил звука ее шагов.

И вот меня отправили на практику, сюда — в Германию, В прошлую субботу мы все четверо практикантов пошли в баню. Но, собственно, не в баню, а в банное заведение — помыться. После ванны и душа решили собраться и выпить. Зашли в аптеку, взяли двести граммов спирта и на квартире, где проживали двое практикантов, разбавили его водой и выпили. Я посидел немного и пошел домой. Захотелось пить. Я шел мимо ресторанчика, зашел и заказал кружку пива. В центре этого ресторанчика была небольшая площадка, на ней танцевали.

Только передо мной поставили пиво, как к моему столику подсела девица и спросила:

— Warum sitzen Sie allein?[37]

Хотя я и знаю немецкий язык очень плохо, но все же понял ее. Но ответить не мог. А она стала спрашивать дальше:

— Warum tanzen Sie nicht?[38]

Затем у нашего столика появился официант и, вынимая книжечку и карандаш, спросил:

— Möchten Sie was noch bestellen?[39]

Девица пододвинула стул ко мне поближе и, глядя мне прямо в глаза, произнесла:

— Bestellen Sie bitte fur mich ein Glaschen Weinbrand[40].

Я первый раз за границей. Как следовало поступить в этом случае, я не знал. Одним словом, я заказал. Потом мы с ней танцевали. Кончилось тем, что я уехал к ней ночевать.

Утром, когда я проснулся, девицы не было. А у меня исчезли не только деньги, но и паспорт. Я не знал, как быть. В понедельник утром, когда я пришел в цех, ко мне подошел Остгоф.

— Приветствую вас. Вы как будто бы чем-то расстроены — у вас такой унылый вид.

…В это время мы пришли в городской сад. Здесь было мало народу. На тихой, безлюдной аллее я увидел садовую скамейку и предложил Павлову присесть.

— Вы должны понять мое состояние. Не прошло еще и недели, как я прибыл в Дуйсбург, и такая история — лишился и паспорта, и денег. Мне хотелось с кем-то поделиться своим горем, и я рассказал Остгофу все начистоту.

Слушал он меня очень внимательно, а когда я закончил свой рассказ, Остгоф произнес:

— Да, за это вас по головке не погладят. Это у вас называется моральным разложением. Вам здорово припаять могут. Если вы член партии, то можете из партии вылететь. Ну а если нет, так вам по профсоюзной и служебной линии влепят… У нас на эти дела смотрят просто. Ну, кто в молодости не гулял с девчонками? Это за грех ре считается. Жаль мне вас, молодой человек, сам таким был, и у самого разные истории бывали в молодости. Хочется мне вас из беды выручить. Надо подумать, как и что можно сделать. Ваш паспорт мы постараемся разыскать. Деньги все исчезли? Теперь вам сделают новый перевод только через месяц. Так ведь? Ну, не горюйте — я вас деньгами ссужу. О том, что с вами случилось, вы не подумайте своим рассказать — тогда вам от беды не уйти. Я знаю, как у вас в таких случаях поступают.

Когда Остгоф это произнес, мне стало страшно. А он несколько раз повторил:

— Ваши будут квалифицировать это как моральное разложение со всеми вытекающими для вас последствиями.

Прощаясь со мной, он сказал:

— Не вешайте голову — все устроится.

В конце дня он принес мой паспорт.

— Ей ваш паспорт не нужен. Ну, а деньги, конечно, она не вернет. Я вас ссужу немного, а когда получите, то рассчитаемся.

— Вот вся моя история. Я рассказал вам все. Денег взаймы я у Остгофа не взял и решил немедленно ехать к вам.

Простая и нередкая история на Западе для нас была первой, с которой мне пришлось столкнуться. Что же делать?

Первая мысль — а не организовано ли все это Остгофом? Даже если не им, он не упустит такого случая и попытается завлечь Павлова в свои сети.

Что делать? Павлов производил впечатление очень искреннего, порядочного человека. Ну, оступился. Поддержать надо. Остгоф хорошо знает, как могут расценить поступок Павлова. Среди практикантов были такие начетчики, которые вряд ли будут разбираться в причинах, которые привели Павлова к этому случаю. Для них все просто и ясно — разложение. Для меня ясно было одно — Павлова немедленно надо убрать из Дуйсбурга, где Остгоф начнет плести вокруг него сети.

— Поступим так: я дам вам денег, рассчитайтесь с хозяйкой и переезжайте в Эссен. Мы устроим вас здесь.

Через неделю я снова был в Дуйсбурге. При встрече с директором завода он спросил, нет ли у меня каких-либо претензий. Я сказал, что есть и мне хотелось бы их обсудить. Сидя в его кабинете, я пожаловался ему на действия Остгофа в отношении наших практикантов. Рассказал о том, как он пытается развращать практикантов, затаскивая их с первого же дня в разного рода неблаговидные заведения. По мере того как я говорил, выискивая в немецком языке слова, чтобы точнее передать свою мысль и вместе с тем не выходить за рамки светского разговора, суровое лицо старого директора стало смягчаться, и он с веселой улыбкой произнес:

— Я полагал, что у вас действительно имеются какие-то серьезные претензии к фирме. То, что вы говорите, — просто результат взаимного непонимания. Наши люди в Москве были бы не только в претензии, но, наоборот, признательны, если бы кто-то из ваших пригласил их к веселым девочкам. А вы жалуетесь! Вы упомянули слово «мораль». Оно у нас и у вас, по всей видимости, имеет разное значение. Но если вас раздражают усилия Остгофа быть любезным с вашими практикантами, что же, мы можем сказать ему, чтобы он не выходил за рамки своих чисто договорных обязанностей…

У нас к вам имеются более серьезные претензии, — продолжал директор. — Не лично к вам, а к вам как представителю советской организации, с которой мы имеем соглашение. В газете «Уральский рабочий» появилась статья,

прямо обвиняющая нашу фирму в том, что мы организовали поджог уральского машиностроительного завода.

Это сообщение для меня было большой новостью. О поджоге на Уралмаше я ничего не знал, в газетах об этом не было ни строчки.

— Мне ничего не известно об этом, — в некотором замешательстве произнес я.

— Остгоф, — сказал директор, — которого вы обвиняете в том, в чем ни одного молодого человека нельзя обвинять, регулярно информирует нас о том, что делается на Уралмаше.

Слово «Уралмаш» директор произнес абсолютно правильно.

«Вероятно, это слово он часто употребляет», — подумал я.

И, как бы читая мои мысли, директор сказал:

— Наш завод и Уралмаш работают в одной области. Надо всегда интересоваться тем, что делают, — он запнулся, — делают аналогичные заводы в других странах. Мы выписываем Остгофу и «Правду», и «Известия», и «Уральский рабочий». Мы должны знать, что делается на «Уралмаше», — решительно произнес директор. — Ну, а Остгофу я скажу, чтобы он не расточал свои любезности, — и директор поднялся со своего стула, протягивая мне руку.

«Sind Sie von Tscheka?»[41]

Мне очень хотелось познакомиться с производством ферросплавов. Попытки попасть на ферросплавные заводы Швеции закончились неудачей. В Германии было ферросплавное производство, и мы покупали здесь многие сплавы — феррохром, ферровольфрам, феррованадий, ферромолибден. Я предложил работникам Торгпредства свои услуги.

— Зачем вам посылать своих приемщиков из Берлина и тратить лишние деньги на билеты? Поручите приемку мне.

Все ферросплавные заводы, где мы производили закупки, находились в западной части Германии.

В Торгпредстве со мной легко согласились и сразу же предложили поехать к швейцарской границе в район города Базеля — в небольшой городок Мург, где находился один из заводов, выплавлявший ферровольфрам и ферромолибден.

Эта поездка хорошо сохранилась у меня в памяти, может быть, потому, что сопровождалась несколькими приключениями. Они начались уже в Берлине. Прежде всего я пропустил свой поезд на Базель, так как почему-то решил, что двадцать два часа обозначают двенадцать часов ночи, и прибыл на вокзал в одиннадцать тридцать.

Следующий поезд на Базель отходил в пять часов утра. Жил я далеко от вокзала, и возвращаться домой не было никакого смысла. Я снял номер в небольшой гостинице рядом с вокзалом.

Мне пришлось очень долго объяснять служащему, что номер мне нужен всего на три-четыре часа, просто подремать. Расчетливый немец никак не мог понять, зачем нужно снимать номер всего на три часа.

— Платить-то вам придется все равно за сутки, — в недоумении твердил он мне.

Полусонный, в половине пятого я снова был на вокзале. В купе, куда я сел, находилось трое — девушка лет двадцати, пожилая женщина, видимо ее мать, и полный краснолицый мужчина — немец. На женщинах было невиданное много ранее одеяние, напоминающее древнеримские туники. Лицо девушки казалось выточенным из слоновой кости, но со слегка лимонным оттенком. Оно поразило меня своей необычайностью.

Когда я вошел и произнес «Guten Morgen»[42], то в ответ услышал английское «Good morning»[43].

Собеседник двух необычных дам силился вести с ними разговор по-французски, но он плохо знал французский язык, а женщины, по-видимому, также не были искушены в нем. Когда я

занял место в купе, немец обратился ко мне с вопросом:

— Вы по-английски не говорите?

— Нет.

— Какая жалость! Вы только посмотрите, какая прелесть эта девушка, а я как болван принужден молчать.

Потом, после некоторой паузы, он добавил:

— Едут в Манхайм из Индии к своим знакомым. Я готов изменить свой маршрут и ехать до Манхайма и даже, черт возьми, дальше. Но как же быть с языком?

А женщины открыли саквояж, вынули бананы и лепешки. Протягивая мне лепешку, старшая сказала по-английски:

— Попробуйте, это домашнее печенье.

Мобилизовав все свои познания в английском языке, я все же смог объяснить, что я русский, прибыл сюда в Германию из Москвы. Девушка, вероятно, поняла и сказала:

— Сейчас в Москве находится индийский писатель.

Обрадовавшись, что меня поняли, я воскликнул:

— Тагор!

— Вы неправильно произносите его имя — его зовут Тагур. Рабиндранат Тагур.

Вскоре индуски вышли из купе — у них была пересадка.

— Я провожу их до Манхайма, — сказал немец, — это случается раз в жизни.

Около двенадцати ночи я прибыл в Базель.

— Вам лучше всего ночевать в Базеле. Утром вы можете выехать на Шопфхайм, а там и Мург рядом, — сказал мне железнодорожный служащий. Но оказалось, что в Базеле я могу быть только на немецкой стороне вокзала. Чтобы пройти в город, необходимо иметь швейцарскую визу.

— Через двадцать минут отходит поезд на Шопфхайм, — сказал мне один из железнодорожников. — Поезжайте до Шопфхайма — там и переночуете. А от Шопфхайма до Мурга всего шесть километров.

Я вскочил на местный поезд и через несколько минут — уже в начале первого часа ночи — вышел на пустынный перрон Шопфхайма. На привокзальной площади ни души. На двухэтажном домике, напротив здания вокзала надпись: «Gasthaus»[44].

Я уже много путешествовал по Германии и хорошо знал эти небольшие провинциальные гостиницы — внизу пивная, а наверху несколько гостиничных номеров. Хозяева, как правило, живут здесь же.

У дверей меня встретил тучный немец — хозяин, и на мой вопрос, есть ли свободные номера, ответил:

— К сожалению, нет. Но вы можете переночевать в гостинице Шлюссель. Ее трудно найти, но Ганс проводит вас.

Ко мне подошел парнишка, и мы пошли с ним по узким темным улочкам городка. Было уже около часа ночи, когда мы вошли в вестибюль трехэтажного домика. За конторкой дремал старик. Он дал мне карточку — анкету. Фамилия, имя, год рождения, откуда прибыл, сколько намеревается пробыть и подпись.

Сняв со стены ключ, старик открыл комнату, пожелал мне спокойной ночи и вышел. А я повернул ключ в дверях, разделся и только принял горизонтальное положение, как моментально заснул. Проснулся я от пенья… соловьев. У открытого окна в плотных кустах жасмина и сирени пели соловьи.

Начало светать — вдали виднелись вершины снежных гор, а неподалеку блестела полоска воды — Рейн. Мне казалось, что все это я вижу во сне. После индустриального Рура картина казалась неправдоподобной.

В семь часов утра я спустился вниз, и мне предложили обильный завтрак. Я решил отсюда написать своим друзьям в Москву. Выбрал из пачки открыток, предложенных мне хозяином, одну с видом городка, написал несколько строк, расплатился за номер (стоимость завтрака входила в стоимость комнаты) и решил до Мурга дойти пешком.

Не успел я пройти и квартал, как меня догнала официантка, подававшая мне завтрак.

— Вы оставили на столе открытку, мы бы ее отправили, по вы не написали адреса, — и она протянула мне карточку, которую я написал своим московским друзьям, забыв указать их адрес.

Утро было чудесным. Городок только что начал просыпаться, открывались ставни окон, поднимались деревянные жалюзи. Стены многих домов были увиты плющом. У окон второго этажа висели ящики с яркими цветами, а по обеим сторонам улиц журчали ручьи, окаймленные бордюром розовых кустов.

Выйдя из городка, я очутился во фруктовом саду. С веток свисали груши и яблоки. «Забрался в чей-то сад, — мелькнула мысль, — может быть недоразуменье, надо поскорее выбираться». Но никакой другой дороги я не видел и пошел дальше. Меня обогнал один велосипедист, затем второй. Сад кончился, и дорога пошла лесом.

Впереди я увидел медленно идущего старичка, который передвигался в том же направлений, что и я. Обгоняя нас, по дороге прошел грузовик, груженный кирпичом. Один кирпич упал перед идущим по обочине дороги стариком. Он остановился, поднял кирпич, отнес его в сторону от дороги и положил.

— Машина пойдет, раздавит, ну что хорошего, — произнес он, когда я проходил мимо.

Дорога привела меня к лесному озеру, на берегу которого находился небольшой ресторанчик, а при нем лодочная станция. Несколько круглых столиков и плетеных кресел под большими яркими зонтами стояли прямо на берегу. Я подсел к одному из столиков и, когда ко мне подошел официант, попросил его принести чашечку кофе и почтовые открытки с видами. Когда он принес их, я, выбрав пару открыток, подумал — а сколько чудесных мест в нашей стране? Вспомнил путешествие по Алтаю в 1927 году. Но, к сожалению, у нас не только на Алтае, а даже в хорошо обжитых местах нельзя получить вот так просто, как здесь, открытки с местными видами, номер в гостинице или просто перекусить и отдохнуть.

Когда я добрался до Мурга, было уже около часу дня. Время обеденное. Увидев вывеску: Gasthaus «Zum goldenen Hirsch»[45], я направился к этой гостинице.

Средину большой комнаты занимал длинный дубовый стол, без скатерти. По обе стороны во всю длину стола тянулись скамьи. Посредине стола на деревянной дубовой доске лежали краюха хлеба и большой нож. За столом сидело человек семь. Часть из них обедала, один, вероятно, уже закончил обед и из большой фаянсовой кружки пил пиво.

Я сел за стол и сказал подошедшей ко мне хозяйке, что хотел бы пообедать. Она принесла мне большую глубокую тарелку, до краев наполненную супом.

— А хлеба можно? — спросил я.

— А вот он на столе, — и она кивнула на краюху, — берите, а не хватит, я еще принесу.

Все это резко отличалось от того, к чему я уже привык в Эссене. Здесь хлеб на маленькие ломтики не считают. Только я взялся за ложку, как со всех концов стола раздалось:

— Guten Appetit[46].

По всей видимости, сидящие за столом из моего разговора с хозяйкой поняли, что я не местный.

— Sind Sie nicht von hier?[47]

— Nein[48].

— Woher sind Sie?[49]

— Wie meinen Sie?[50]

— O-o, ich meine Sie sind von Berlin[51].

— Ein bischen ferner[52].

— Woher denn?[53]

— Von Moskau[54].

— Sind Sie hierher gekommen, um Revolution zu machen?[55]

— Natürlich[56].

— Sind Sie von Tscheka?[57]

— Selbstverständlich[58].

Кое-кто из сидящих за столом громко засмеялся, а мой собеседник побагровел. Он понял, что смеются над ним, Я видел, что надо кончать разговор, который принял такой непредвиденный оборот.

— Вы что, думаете, у нас нет здесь других, более простых дел? Я приехал на завод. Мы разместили здесь большие заказы, и я приехал для приемки изготовленного для нас металла.

Мой собеседник как-то сразу осел.

Он быстро поднялся со своего места, подошел ко мне и, низко кланяясь, произнес:

— Разрешите представиться — я бухгалтер этого завода и очень рад чести познакомиться с вами. У меня здесь около гостиницы стоит мотоцикл с коляской. Может быть, вы согласитесь проехать до завода со мной? К сожалению, у меня нет автомобиля, а только мотоцикл, но очень хороший, с коляской, — повторил бухгалтер. — Что же вы не известили нас, что вы едете, мы бы послали за вами машину. Директора сейчас на заводе нет. Он будет только в три часа, а сейчас два. Ну, если вы не хотите ехать со мной, мы за вами пришлем машину. Директор приедет за вами.

«Вот что значит быть крупным заказчиком, — подумал я. — Каким тоном он только что разговаривал со мной, когда еще не знал, что я являюсь крупным покупателем».

Все сидящие за столом приветливо улыбались. Хозяйка спросила, что мне подать на второе. Я заказал жаркое из телятины и салат из огурцов, а когда она отходила от стола, то вдогонку крикнул ей:

— Und ein Krügel Bier bitte[59].

Хозяйка остановилась и в замешательстве переспросила:

— Gurkensalat mit Bier?[60]

— Warum nicht[61]?

— Das geht doch nicht[62].

И она обвела взглядом присутствующих, ища поддержки. Я почувствовал, что оказался в неприятной ситуации. Находившиеся в ресторанчике начали обсуждать, можно ли употреблять пиво с салатом из огурцов. Надо было кончать дискуссию. Хозяйка упорно твердила:

— Das geht doch nicht[63].

— Aber ich glaube das Bier immer geht[64].

Эго, видимо, всем понравилось, так как со всех сторон раздались голоса одобрения:

— Ja, ja, natürlich[65].

Вечером, когда я вернулся с завода и лег в постель, то долго не мог заснуть, вспоминая дневные разговоры. В этой части Германии, среди красот Швейцарских Альп как-то особенно выделялась своей нелепостью паутина лжи, которую плели наши недруги.

Утром, когда я сел за стол завтракать, хозяйка спросила меня:

— Может быть, вам подать соленой рыбы? Я знаю, что русские очень любят соленую рыбу.

— Откуда вы это знаете?

— Два года назад у меня жил один русский. Он вечером всегда просил соленой рыбы.

— Ну, а к рыбе он ничего больше не просил?

— Нет, он с собой приносил бутылку и наливал из нее небольшой стаканчик. Мне казалось, что у него было что-то с желудком не в порядке и он перед едой принимал какое-то лекарство. Он мне сказал, что все русские очень любят соленую рыбу.

Мне стало смешно. Вот так и создаются легенды.

Что скрывается за фразой «кризисные явления»

Кризисный 1932 год. В Рурской области закрываются заводы и угольные шахты. Проезжая мимо Дортмунда, я видел огромный металлургический завод. Заводские трубы не дымят — они напоминают гигантские кресты на кладбище.

Растет безработица. Количество безработных превышает четыре с половиной миллиона.

Как-то в воскресенье утром я под окнами квартиры услышал игру на струнных инструментах. В дверь раздался стук.

— Herein[66].

— Guten Morgen[67].— Входит хозяин дома Вайянд. — Выйдите на балкон и взгляните на играющих, а потом я вам все объясню.

На улице под окном стояли и играли трое. Седой старик на скрипке и двое молодых на мандолинах.

— Старик — профессор биологии, — сказал Вайянд. — Молодые — студенты. Университет закрыт, и вот они на улице. Профессор получает талоны на бесплатный обед, но ведь одного обеда мало. От биологии он перешел к искусству — играет. — Вайянд вынул пачку советских папирос. (Я был в Берлине и привез ему несколько коробок, купленных мною в ларьке Торгпредства.) Он вынул одну из них и постучал мундштуком по левому глазу — он у него был стеклянный. Свой потерял во время боев под Верденом. Вайянд всегда стучал по своему стеклянному глазу во время сильного волнения.

— Вот, смотрите, до чего мы дошли — нищими стали наши профессора.

Мне часто приходилось в течение этих трех лет ездить по Германии, главным образом по Рейнской области, и заглядывать также в Саарскую. Я хорошо знал Дюссельдорф и Кёльн.

В одну из поездок в Кёльн я обратил внимание на огромное полотнище, переброшенное через улицу вблизи знаменитого Кёльнского собора. На полотнище крупными буквами были написаны всего два слова: UNSER STOSS[68].

Стрелка указывала на дверь магазина, где, по-видимому, и наносился этот удар.

Я открыл дверь и вошел — торговали дамскими пальто с меховыми воротниками. Цена две с половиной марки. За скромный обед я платил в Эссене марку с четвертью. Пальто стоимостью в два обеда в дешевеньком ресторанчике. Да ведь

если допустить, что материал и воротник ничего не стоят, то даже за саму работу надо заплатить значительно больше объявленной цены. Распродажа. Владелец этих дамских пальто хочет вернуть хоть что-нибудь. В газетах все чаще сообщения о банкротствах.

В Гамбурге улов рыбы не разгружается. Тот, кто голоден, не может ее купить — снижать же цены на рыбу не хотят торговцы. Рыболовецкие суда уходят обратно в море и сбрасывают рыбу за борт.

Фабрикант

Мне часто приходилось ездить с докладами в Берлин. Дел было много, времени терять нельзя, а денег мало. Валюту надо экономить. Езжу в третьем классе. От Эссена до Берлина поезд идет около восьми часов. Самый удобный для меня поезд ночной. Он отходит в полночь и приходит в Берлин в восемь часов утра. Конечно, трудно просидеть всю ночь, а затем начинать работу, но билет третьего класса на 25 процентов дешевле. Иногда, когда пассажиров немного, можно найти скамейку, вытянуться и подремать.

В одну из таких поездок, проходя по вагонам, я нашел купе, в котором на одной полке кто-то лежал, а вторая была свободной. Положив под голову портфель, я расположился так же, как и тот, кто занимал первую.

Хамм, Ганновер, Стендаль. Скоро Берлин, надо подниматься. Вслед за мной поднялся и мой попутчик.

— Где мы находимся?

— Проехали станцию Стендаль. Скоро Шарлотенбург, а затем Фридрихстрассебанхоф.

— Вы едете до Берлина или дальше?

— До Берлина, а вы?

— До Варшавы, даже немного дальше. Я фабрикант, был во Франкфурте-на-Майне. Покупал лоскут. У меня фабрика в Барановичах — делаем галстуки. Я хорошо купил лоскут во Франкфурте.

— Большая у вас фабрика? — спросил я этого «фабриканта» в сильно поношенных, измятых пиджаке и брюках.

— Средняя по нашим местам. У меня работает тридцать человек. Дела идут неважно. Все хотят делать галстуки, но никто не хочет их покупать. Покупают их меньше, чем делают. А что я буду делать, если их никто не будет покупать? У меня четыре дочки — их надо выдавать замуж, а какой жених согласится взять в жены девушку без приданого?

Фабрикант долго плакался на свою судьбу.

В вагоне появилась продавщица, предлагая кофе и бутерброды. Я взял чашку кофе и завернутый в пергамент бутерброд. Мой попутчик-фабрикант открыл портфель, вынул термос, налил из него в крышку термоса кофе и развернул пергамент с бутербродами. Видать, что он экономил на всем. «Ну, если фабрикант пересекает всю Германию в вагоне третьего класса и дрожит над каждым пфеннигом, как же у него живут те тридцать, что работают на его фабрике?» — подумал я.

— Скажите, а у вас в России галстуки носят?

— Конечно.

— Сколько же у вас миллионов? Я не помню, кажется, более ста пятидесяти.

— Да, более.

— Скажите, а визу к вам получить можно?

— А вы спросите в посольстве в Варшаве.

— Я хотел было поехать в Китай, там еще больше населения, чем в вашей стране. Но я не знаю, носят ли там галстуки. У меня и виза уже была. Вот, смотрите! — И он показал мне свой паспорт.

— Чего же вы не поехали?

— Боюсь. Там война.

В Берлине я попрощался с этим фабрикантом, но образ старого человека, мотающегося по Европе в поисках дешевого лоскута для галстуков, не знающего, кому сбыть свой товар, запомнился. Он был характерен для того времени.

В вагонах поездов я встречал коммивояжеров, представителей фирм, чиновников, и все они говорили о трудностях жизни и полном отсутствии каких-либо перспектив.

В Берлине, Эссене, Мюнхене, Аахене и многих других городах Германии, в каких только мне приходилось побывать, — везде можно видеть наклеенные на окна широкие бумажные ленты с надписью Zimmer zu vermieten[69] или Wohnung zu vermieten[70]. Большие квартиры содержать было трудно, и их владельцы искали постояльцев. Многие отказывались от больших квартир — искали небольшие.

Художник

Однажды, возвращаясь из Вецлара в Эссен, я не мог попасть на прямой поезд, решил ехать с пересадками и вышел на небольшой промежуточной станции, чтобы в другом поезде следовать дальше. На перроне нас было двое. Второй с поднятым воротником и свертком в руке нервно вышагивал по безлюдной платформе. Поравнявшись со мной, он спросил:

— Не знаете, долго нам еще придется ждать?

— Да, вероятно, около часа.

— Вы не немец?

— Нет, русский.

— О-о, это очень интересно. Я художник. Рисую портрет одного местного фабриканта… Мои работы имеются на вилле Хюгель у Круппа, — заявил он, когда узнал, что я работаю на заводе Круппа. — Я рисовал также и Круппов. Две мои картины находятся в картинной галерее Мюнхена. Хотите посмотреть одну из моих работ? Она при мне, вот. — И он поднял сверток. — Пройдемте в помещение вокзала, здесь дьявольски холодно.

В зале вокзала он развернул сверток и показал мне чудесную акварель.

— Сколько же вам платит фабрикант за портрет?

— Гроши. Наша работа нынче совсем не ценится. Мне бы только продержаться. Может быть, и будут еще лучшие времена. Ведь были когда-то, и я за свою работу раньше получал хорошо. Но уже несколько лет перебиваюсь мелкими случайными заработками. То, что было скоплено, все прожил. Может быть, вы хотите мне поручить что-нибудь? Подумайте, — и он дал мне свою визитную карточку.

«Здесь я пропаду»

Помимо работы на заводе, в течение этих лет мне приходилось выполнять и отдельные поручения. Однажды мне поручили подобрать для работы на Кузнецком металлургическом заводе двадцать-тридцать хороших прокатчиков и сталеваров. Своих специалистов у нас тогда не хватало. В то же время в Германии среди безработных было много хороших мастеров с большим опытом работы на первоклассных заводах. Меня торопили с подбором людей, и, не зная, как поступить, я поместил объявление в одной из местных газет о том, что для работы на металлургическом заводе требуются специалисты — прокатчики и сталевары, знакомые с производством высококачественных сталей. Желающих поехать на работу в Советский Союз просят явиться по такому-то адресу. Я указал адрес небольшой гостиницы, расположенной в рабочей части города, где я по договоренности с администрацией гостиницы снял на пару дней большую комнату.

Когда к восьми часам утра я подошел к этой гостинице, то понял, какую непростительную ошибку я допустил, поместив объявление в газете. Вся улица перед гостиницей была заполнена народом. После мне сообщили, что здесь собралось около семисот человек. Все они хотели одного — получить работу. Я принимал одного за другим. Они предъявляли мне справки о месте прежней работы, рекомендации, отзывы.

Вот в комнату входит прокатчик. Он работал более восьми лет на заводе «Эдельштальверке» в Крефельде. Последние четыре года — безработный, живет случайными заработками.

— Что же вы делали последние четыре года? — спрашиваю я его.

Он стал переминаться с ноги на ногу. Ему трудно, видимо, отвечать.

— Я ушел с завода не потому, что не мог работать, и меня уволили не потому, что я плохо знаю свое дело. Завод не имел заказов, многих тогда уволили. А жить чем-то нужно. Что я делал эти четыре года? Я делал все, за что платили деньги. Я не отказывался ни от одной работы. Немного работал крановщиком в Дуйсбурге. На кладбище, там же, тесал надгробные плиты. Доил коров. Все это была не настоящая работа. Готов поехать к вам, можете не беспокоиться, прокатное дело я не забыл.

Рабочий производил хорошее впечатление, и я решил включить его в список в качестве кандидата. Я сказал ему, какую зарплату он будет получать, и добавил, что от советской границы

до завода все расходы мы возьмем на себя, но до советской границы он должен будет доехать за свой счет — у нас нет валюты, чтобы покрывать эти расходы.

Прокатчик замялся, потом сказал:

— Это, конечно, трудно для меня, — Потом подергал себя за рукав пиджака и с горечью добавил — Вот этот костюм, чтобы пойти к вам, я одолжил у брата. Он еще не все прожил. Мне даже продать больше нечего — все продано и прожито за эти последние четыре года.

— Но раз не можете оплатить проезд до границы, что же делать, придется искать какой-то выход.

Среди прибывших ко мне по объявлению находился молодой паренек — ему было не более восемнадцати лет.

Я сказал ему, что нам требуются специалисты, а у него еще нет никакой специальности.

— Здесь ее у меня и не будет, — горячо ответил он мне. — Я у вас одно прошу: дать мне разрешение поехать в Советский Союз — там я сам найду себе работу. Я буду и работать, и учиться. Здесь это невозможно.

Я стал убеждать его в том, что вопросами выдачи разрешений на въезд занимается Советское посольство в Берлине — у меня совершенно другая задача: пригласить на работу несколько специалистов, умеющих плавить и прокатывать сталь.

Паренек ничего не хотел слушать и в конце концов заявил:

— Если вы мне разрешения не дадите, я все равно без разрешения уеду в Советский Союз, там меня примут, я знаю. Здесь я пропаду. Как вы этого не хотите понять!

У него были светлые волосы и удивительно бледное лицо. Вышел он от меня сильно возбужденный, решительно бросив уже у двери:

— Все равно уеду, даже без разрешения.

Отбор специалистов я проводил два дня. Это были дни большого нервного напряжения. Передо мной люди раскрывали свое горе, трудности жизни, отчаяние.

У них нет целей

Судьба людей, их будущее, их труд больше ни во что не ставятся.

Как-то в разговоре с главным инженером завода Рохлинга в Фельклингене, человеком высокой эрудиции, много повидавшим на своем веку, я услышал поразивший меня вопрос:

— Скажите, могут иностранцы держать свои сбережения в ваших банках? Я имею в виду советские государственные банки и сберегательные кассы.

Разговор происходил в квартире этого инженера. Мне запомнилась его фамилия — Фауст. Он занимал небольшой двухэтажный особняк на тихой улице Фольклингена. Уютная, со вкусом меблированная квартира, красивая интеллигентная жена, закончившая институт в Варбурге по славянским языкам. Во всем чувствовалось полное довольство.

И вдруг этот вопрос.

— Не знаю. А почему это вас так интересует?

— Мы переживаем трудное время. Можно мгновенно все потерять.

И он обвел беспокойным взглядом гостиную.

— Марка катится вниз, доллар упал почти в два раза, английский фунт также, о франках и лирах говорить нечего. Где, в какой стране и в какой валюте следует держать свои сбережения? Этот вопрос нас очень беспокоит. Мы находимся в положении датского принца и постоянно твердим: «To be or not to be»[71].

Фауст подошел к изразцовой полке камина, взял бутылку красного вина, приложил ладони к поверхности бутылки — согрелась — и наполнил стаканы.

— Только ваша валюта не подвержена никаким изменениям. Весь этот катастрофический поток банкротств, спекуляций и махинаций проносится мимо вас, и я знаю, что он вас не заденет. Вы принадлежите к другому миру, где действуют иные законы…

Во мне боролись смешанные чувства. С одной стороны, мне было жалко этого человека, он казался беспомощным. Десятилетия он готовился к безбедной старости, а завтра может превратиться в нищего. Он принадлежал к элите капиталистического мира — и он не верит в свой мир, не доверяет ему.

Правда, он еще не понимает, что недуг, которым болен этот мир, — неизлечим. Он хочет где-то укрыться, хотя бы в другом, чужом для него мире. Переждать. Но чего он ждет? Какие цели он

ставит?

И в это же примерно время из Москвы в Берлин приехал один из руководящих работников Государственного банка СССР. Он остановился в том же доме, где жили мы все, — на Гайсбергштрассе. Когда мы его за ужином спросили, что у нас дома нового, он сказал:

— Готовимся к тому, чтобы перейти на золотой стандарт. Мы уже отчеканили первую партию золотых советских червонцев. Хотите посмотреть? — и он вынул из кошелька золотую монету. — Поставлена задача создать самую устойчивую валюту.

Овладеем ли мы новой техникой!

В те годы многие на Западе не верили в то, что мы быстро овладеем премудростью современной техники.

— Конечно, в каждой стране могут быть талантливые одиночки. Были у вас они и раньше, есть, конечно, и теперь. Но ведь чтобы создать современную промышленность, необходимы тысячи квалифицированных людей. У вас их нет. Чтобы их подготовить, нужно время — оно не может быть уложено в рамки ваших пятилеток. Оно измеряется эпохой, — такие суждения нередко высказывались представителями технической интеллигенции на ряде заводов Рейнской области.

В одной немецкой газете я прочитал небольшую статью архитектора Мея. В этой статье он рассказывал о том, как, возвращаясь из Советского Союза, где он участвовал в проектных работах, в вагоне поезда из Берлина в Эссен он встретил русского рабочего. Рабочий сидел в купе у окна, все время смотрел в книгу и что-то шептал. «Когда я спросил его, что он так внимательно читает, — писал Мей, — рабочий ответил: «Изучаю немецкий язык. Еду на практику на завод Круппа».

— Как же вы будете работать на заводе, не зная языка? Надо бы сначала язык выучить, а уже потом и на практику ехать.

— А я всего год назад выучился по-русски читать.

Этим рабочим, о котором написал Мей, был уральский металлург с Верхне-Исетского завода — Щипанов. Он приехал в Германию изучать производство трансформаторного железа. Наше отставание в этой области сдерживало развитие электропромышленности. На заводе Круппа это железо в то время не производилось, и я направил Щипанова на завод Канито и Кляйна в городе Дуйсбурге — недалеко от Эссена.

Так как Щипанов не знал немецкого языка, то я очень беспокоился о нем. Как он там один управляется? Надо обязательно съездить и проверить. Дня через четыре и поехал в Дуйсбург. Щипанова я застал у прокатного стана. Он был в рабочем синем костюме и, жестикулируя, что-то объяснял немецкому рабочему.

Щипанов не видел меня, когда я подошел к стану.

— Ну, сколько тебе еще говорить, дурья твоя голова, — уверенно объяснял он что-то немцу. — Так у тебя ничего не получится. Надо следить за температурой валков на обоих концах. Иначе лист уводить будет, — verstehen?[72]

Увидев меня, Щипанов оставил своего собеседника, подошел ко мне и, поздоровавшись, сказал:

— Ну, что я могу вам сказать? Кое-чему здесь поучиться можно, а многому и мы их поучить можем. Масло для смазки листов у них отличное. Бумага прокладочная великолепная, — потом почесал в затылке. — И вот что еще: немцы они…

— Ну, конечно, немцы не французы же, — смеясь, сказал я, перебивая Щипанова.

— Аккуратны больно. Ну до чего же они точно все соблюдают. Вот бы нам этому обучиться, такой аккуратности.

— А что это вы ему объясняли? — спросил я Щипанова, кивнув головой в сторону рабочего, с которым он разговаривал.

— Ему-то? Глупость они допускают, все контролируют и точно соблюдают, а за температурой прокатных валков не следят. Вот я ему и объяснил.

В это время подошел начальник цеха. Я спросил его, как работает советский практикант. Немец сказал, что Щипанов работает хорошо, и он не возражал бы продлить срок его пребывания на заводе.

— Он и сам учится и нам дает полезные советы, — закончил аттестацию Щипанова начальник цеха.

Природная смекалка — характерная черта наших людей. Необходимо убрать помехи к овладению наукой и техникой — и тогда нам ничто не будет страшно. В те годы в области образования делалось много, и у всех была глубокая уверенность в том, что проблема кадров, необходимых для промышленности, будет разрешена.

О болтах и гайках

В связи с развитием новых для нашей страны отраслей промышленности — автомобильной, тракторной, станкостроительной — стране все в большей и большей степени требовались метизы — болты, гайки, винты. Эти изделия изготовляются на станках-автоматах, и очень важно, чтобы при этом стружка ломалась, а не вилась. Тогда резьба получается чистой. Вот почему в сталь для указанных изделий добавляют сернистое железо, то есть ее умышленно «загрязняют» серой, которая во всех прочих сортах считается вредной примесью. Этот сорт стали называется автоматной. Слитки прокатываются, чтобы получить шестигранный профиль, а затем протягиваются на специальных станках — прутки калибруются.

До 1932 года в Советском Союзе не делали калиброванной автоматной стали, и при организации этого производства заводские работники сразу же встретились с большими трудностями. Решено было изготовлять ее на Ижевском заводе, который имел большой опыт в производстве многих сложных сортов стали.

Как-то летом 1932 года я получил телеграмму от Тевосяна. Он сообщил, что на Ижевском заводе с производством калиброванной стали дело не клеится, идет стопроцентный брак. При протяжке прутки рвутся, а некоторые из них, падая даже с небольшой высоты, трескаются. Хрупкость прутков близка к хрупкости стекла.

Далее в телеграмме было сказано: «Для изучения вопроса производства автоматной стали на завод Круппа выезжает начальник цеха Пьянов».

Через несколько дней инженер Пьянов приехал в Эссен. Автоматную сталь в Германии в то время в большом количестве изготовлял завод Рохлинга в Фольклингене, о котором я уже писал. Я предложил Пьянову поехать вместе на этот завод, но прежде решил тщательно обсудить вопрос о возможных причинах брака.

— Отчего же так резко снижаются пластические свойства металла? — спросил я его. — По химическому составу сталь очень проста, ее здесь даже зовут не сталью, а железом. В чем же причина брака?

Пьянов задумался.

— Единственное, что я могу подозревать, — произнес он наконец, — это какие-то ошибки, которые мы допускаем при отжиге стали. Дело в том, что после прокатки прутки автоматной

стали помещаются в нагревательные печи и производится их отжиг, чтобы выровнять структуру стали после прокатки и снять все внутренние напряжения. Ну, вы знаете, конечно, что все стали, которые идут на калибровку, у нас проходят отжиг, ведь это обычная технологическая операция. Может быть, мы выбрали слишком низкую или слишком высокую температуру отжига. А может быть, длительность этой операции недостаточна. Одним словом, у нас что-то не в порядке с отжигом. Я не знаю, что еще можно предположить.

На следующий день вместе с Пьяновым мы отправились на завод Рохлинга. Мне было не совсем приятно вести разговор на тему о производстве автоматной стали. Очень уж металл-то казался простым. Поэтому, когда мы пришли в прокатный цех, где изготовлялась автоматная сталь, то, здороваясь с начальником цеха, который мне был хорошо знаком, я сказал ему:

— Мы, собственно, к вам мимоходом.

Начальник цеха, тряся мне руку и улыбаясь, ответил:

— Рад хоть мимоходом видеть вас. Вы ведь интересуетесь главным образом нержавеющими, жароупорными, магнитивши сталями, а я готовлю простое железо.

— У меня один небольшой вопрос к вам, — сказал я ему. — Расскажите мне о режиме отжига автоматной стали.

Я увидел, как мой собеседник изменился в лице и с каким-то замешательством переспросил меня:

— Отжиг автоматной стали? Если вы хотите иметь стопроцентный брак в производстве, тогда отжигайте ее.

Я понял, что «мимоходом» здесь ничего не выяснишь.

— Почему же нельзя отжигать автоматную сталь? — спросил я.

Он начал издалека:

— Когда мы удаляем влагу из дерева, мы его сушим — нагреваем. Для удаления влаги мы нагреваем песок, глину и много других материалов. Ну, а как удаляют влагу из воздуха? Его охлаждают. Я это помню еще из средней школы. Учитель у нас говорил тогда: «Воздух — это исключение». Да, чтобы повысить пластичность и улучшить условия протяжки пли механической обработки, все сорта стали отжигаются. И только автоматная сталь является исключением.

— Почему? — спросил я.

— Дело в том, что в этой стали содержатся сульфиды железа — ведь мы в нее умышленно вводим серу. При медленном нагревании металла в диапазоне температуры отжига сульфиды концентрируются по границам зерен металла. Таким образом, каждое зерно оказывается в рамочке из сульфидов, то есть

изолируется одно от другого непластичным материалом. Чтобы этого не было, необходимо заканчивать горячую прокатку автоматной стали при высокой температуре. Все же другие сорта стали, как вы знаете, мы стараемся катать при низких температурах, чтобы иметь лучшую кристаллическую структуру. Поэтому калибровать автоматную сталь нужно безо всякого отжига, сразу же после горячей прокатки. Да ведь это дело старое и подробно было описано в наших технических журналах.

Как мне помнится, еще в 1914 году в журнале «Шталь унд Айзен» была напечатана большая статья, в которой был подробно разобран весь технологический процесс производства автоматной стали.

Мы с Пьяновым чувствовали себя неловко. Информация была исчерпывающей. Мы поблагодарили начальника цеха и ушли. В раздражении я сказал Пьянову:

— Все-таки прежде чем ехать на консультацию с Урала в Германию, надо было бы сначала почитать, что по этому вопросу уже было написано.

Прямо с завода я зашел на почту и послал Тевосяну короткую телеграмму: «Немедленно прекратите отжиг автоматной стали и калибруйте ее не отжигая».

Когда на следующий день мы приехали в Эссен, от Тевосяна был уже получен ответ: «Спасибо. Все в порядке».

Этот случай довольно наглядно показал, как иногда, не понимая существа процесса, мы механически переносим из других производств отдельные технические приемы и этим самым не только усложняем и удорожаем изготовление изделий, но в ряде случаев, намереваясь улучшить качество, в действительности снижаем его.

Руководить производством «по аналогии» нельзя, надо знать дело и неустанно совершенствовать свои знания.

Ну что же, посмотрим

Летом 1932 года мне с группой советских металлургов пришлось побывать на металлургическом заводе в городе Крефельде. В этой группе двое были с завода «Электросталь». Одного из них — Еднерала — особенно интересовало производство листовой быстрорежущей стали, которая требовалась в то время для производства дисковых пил и тонких фрез. В Крефельде были большие советские заказы, и поэтому нас хорошо принимали. На мою просьбу ознакомить советских специалистов с производством листовой быстрорежущей стали главный инженер завода охотно согласился.

— Что же, посмотрите и это производство. Я дам указание.

Закончив ознакомление с работой основных цехов, я зашел к директору, чтобы попрощаться и поблагодарить за полученные сведения, интересовавшие нас. При этом я сказал:

— Все-таки не думал, что вы покажете нам прокатку быстрорежущего листа.

— Инженерам крупповского завода я бы не показал, но вам почему же не показать? Мы над этим технологическим процессом бились десять лет — вы будете его осваивать не менее двадцати, а мы за это время так далеко уйдем, что все наши современные методы производства будут представлять интерес только для историков.

«Наглец!» — подумал я. Но что же делать? Здесь не место эмоциям — нас послали учиться.

Об этом разговоре я все рассказал инженеру Еднералу. Еднерал был очень серьезный человек. Я его знал еще по Горной академии, уже в студенческие годы он выделялся своими способностями.

— Ну что же, посмотрим, — улыбаясь, сказал мне Еднерал. — Я вам напишу, когда мы начнем это производство.

Он свое слово сдержал. Месяца через три с вновь прибывшими практикантами я получил от него записку. Она была чрезвычайно лаконичной:

«Прокатали первые слитки. Работу проводим в кооперации с заводом «Серп и молот». Листы получились очень хорошие. Я их осматривал на «Серпе». После проведения положенных испытаний перейдем на регулярное производство. Если будете вновь в Крефельде, передайте директору, что мы скоро сможем поставлять ему такой же лист, а может быть, даже и лучше».

Так на практике решалась задача — пробежать в короткое время тот срок, на который мы отстали от Запада.

Гитлер рвется к власти

В течение всего 1932 года в Германии шла непрекращающаяся борьба. Часто бастовали рабочие. Объявлялись локауты. Закрывались не только отдельные цехи, но и целые заводы.

У Круппа количество заказов резко сократилось, и в некоторых цехах плавильные печи нечем было загружать. Часть мартеновских печей работала только три дня в неделю — остальные дни их отапливали с таким расчетом, чтобы они не могли полностью остыть, а затем при получении заказов их вновь вводили в действие. Рабочие ходили с пасмурными лицами — они боялись, что могут совсем потерять работу.

В этом году как никогда было много разного рода избирательных кампаний. Во время проведения выборов особенно чувствовался все нарастающий пульс политической борьбы.

Вечерами в дни выборов я вместе с практикантами иногда заходил в дешевенькие ресторанчики, где можно было зримо ощущать накал борьбы, так как результаты подсчета голосов за соперничающих кандидатов передавались через каждый час. По аплодисментам можно было судить о симпатиях посетителей.

В Эссене было много членов партии католического центра. Из рабочих же крупповского завода мало кто принимал участие в политической деятельности. Здесь в течение десятилетий складывался рабочий коллектив, дороживший больше всего местом на заводе и как огня боявшийся потерять его.

Во время всеобщей забастовки, например, охватившей летом 1930 года всю Рейнскую область, представители администрации крупповского завода со злорадством сообщили нам, что в день объявления забастовки в цеха явились даже больные — они боялись, что их могут счесть забастовщиками.

Среди инженерного состава тогда было еще очень мало людей, явно сочувствующих Гитлеру. Большинство избегало высказывать свои суждения. Но затем, по мере роста влияния Гитлера, кое-кто из мастеров и инженеров стали поднимать при разговорах темы, явно взятые из арсенала национал-социалистической пропаганды.

— Скажите, разве это справедливо? Германия перенаселена, а в вашей стране столько пустующих земель, — нередко можно было слышать на заводе.

Кое-кто из мастеров и рабочих стал холоднее относиться к нашим практикантам. Это также свидетельствовало о том, что антисоветская пропаганда приносила свои плоды.

В городе росло количество штурмовиков. Их руководитель — Рём похвалялся, что у него большая армия, нежели у правительства. Фашизм поднимал голову. Все громче раздавались голоса национал-социалистов. Все больше их участвовало в демонстрациях и митингах. Речи Гитлера и его последователей становились резче и исступленнее.

…28 января 1933 года газета «Ангриф» вышла с крупным заголовком на первой странице: «Schleicher gestürzt»[73].

30 января Гинденбург назначил Гитлера рейхсканцлером, а на следующий день в «Ангрифе»» появилось сообщение: «Scharfe Massnahmen gegen die KPD geplant[74]».

Усилились разного рода провокации, в результате которых полиция проводила массовые облавы и многочисленные аресты. Не было дня, чтобы газеты не сообщили об арестах и убийствах.

Они подожгли рейхстаг

В ночь с 27 по 28 февраля 1933 года я выехал из Эссена в Берлин. Когда я вышел, как обычно, в восемь часов утра на вокзале Фридрихштрассе, собираясь отправиться в ресторанчик Ашингера, чтобы позавтракать, то был буквально оглушен криками продавцов газет, бегавших по перрону. Я мог только разобрать слова: «Dritte Ausgabe»[75]. Фашистская газета «Ангриф» вышла сегодня уже в третий раз. Что же случилось?

Я купил газету, сунул ее в карман и отправился к Ашингеру. Заказал завтрак и, когда официант отошел от столика, развернул газету. На первой странице был большой снимок здания рейхстага, из окон которого валил дым. Надпись гласила: «Коммунисты подожгли рейхстаг. Следы поджигателей ведут в Советское посольство. Один из поджигателей арестован…»

В Торгпредстве работа начиналась в десять часов утра. У меня еще есть время. Надо пройти к рейхстагу и посмотреть, что там творится. Быстро съедаю завтрак и иду в конец улицы Унтер ден Линден, к рейхстагу. Здесь собралась большая толпа. Работают пожарники. Среди толпы шмыгают какие-то подозрительные личности.

Надо отсюда уходить. Направляюсь к Торгпредству. Но, может быть, там уже полиция?» — мелькает мысль. Газетная фраза, следы ведут в Советское посольство, явно провокационная.

Решил идти не сразу в Торгпредство, а пройти мимо по противоположной стороне улицы. Надо вначале осмотреться. Медленно иду мимо. Но ничего подозрительного не замечаю. Двери здания открываются и закрываются и через них проходят люди. Перехожу улицу и открываю дверь. Все в порядке. Тот же старик немец-вахтер сидит у дверей. В непрерывно движущихся кабинах лифта поднимаются сотрудники.

Направляюсь к Попову — в то время он исполнял обязанности постоянного представителя Наркомтяжпрома при Торговом представительстве.

— Неудачно приехал. А может быть, даже и хорошо, все равно пришлось бы вызывать, — сказал он. — Тебе необходимо немедленно выезжать в Эссен. Лично поговори с каждым практикантом и проверь, нет ли у них каких-либо материалов, которые могут использовать против нас с провокационной целью. Ты ведь знаешь, кое-кто, вопреки инструкциям, собирает коммунистические листовки и галеты. Я недавно с одним инженером из командированных к нам на приемку оборудования большой бой выдержал. Видите ли, ему, когда он вернется домой,

нужно будет доклад делать и, в частности, рассказать о том, какую работу проводит Немецкая компартия. Так вот, для этого доклада он собрал уйму материала. Объясняйся перед немецкими властями потом, что это за материал, собирал он его или, наоборот, распространял. Сейчас каждый день жди провокаций. Надо быть готовым к самому худшему. Не исключено, что союзники вмешаются в происходящие события и оккупируют Рейнскую область. Я пошлю телеграмму в наше посольство в Париж. Если эго произойдет, мне невозможно будет поддерживать с тобой связь, и я попрошу, чтобы они взяли над тобой шефство. А теперь быстро отправляйся в Эссен — ты еще успеешь на поезд, уходящий с Цоо в час дня. Но надо спешить.

Я взял такси и отправился на вокзал Цоо. Билет брать было уже поздно. На автомате взял перонный билет и вбежал на платформу. От платформы отходил состав, я вскочил на подножку вагона, но в этот момент раздался пронзительный свисток и рука железнодорожника сдернула меня с подножки.

— Verrückter Mann, was machen Sie denn[76].

— Мне нужно в Эссен.

— Поезд на Эссен уже пять минут назад ушел. Этот состав направляется в депо.

Я сошел с платформы и в зале вокзала стал рассматривать расписание. С Потсдамского вокзала через три часа также отходит поезд на Эссен — я отправился туда. И вдруг до моего сознания дошло, от какой опасности я избавился. В то время как тушат пожар рейхстага, на платформу вбегает человек, бросается на ходу в поезд, пытаясь, по-видимому, возможно быстрее улизнуть из города. Почему? Ответ простой — он, вероятно, причастен к поджогу.

Ну как же можно так опрометчиво поступать? Ведь если бы меня арестовали, то вышел бы из тюрьмы я не скоро. Они ищут повода для провокаций, изобретают их, а тут блестящий повод — сам падает в руки. Ох, как нужно быть осторожным!

Надо все видеть

Мне часто приходилось бывать в Вецларе — небольшом городке на реке Лан. Здесь находился один из металлургических заводов Рохлинга — Рохлинг-Будерус. Завод выплавлял качественные стали, и по соглашению, которое было заключено с Рохлингом, мы покупали у него значительное количество различных марок.

В Вецларе был чрезвычайно квалифицированный инженерно-технический коллектив. Среди инженеров было много чехов. Главным инженером работал доктор Гамельчек, заведующим лабораторией — доктор Кубаста, начальником технического отдела — Диче, начальником прокатного цеха — доктор Седлачек. Все они были и хорошими администраторами, и превосходными знатоками своего дела. Когда мне приходилось бывать в Вецларе, я не упускал случая обсудить со специалистами Рохлинга те сложные вопросы металлургического производства, которые непрерывно возникали.

У Круппа иногда нельзя было получить нужную консультацию, да кроме того, и атмосфера в Вецларе была более дружественной и простой, без формальностей и натянутости, которые нередко имели место у Круппа.

— Wir sind einfache Leute[77],— часто можно было слышать здесь.

Во время одного из посещений Вецлара у меня возникла необходимость получить консультацию у доктора Кубаста. Когда я вошел к нему в лабораторию, он диктовал что-то секретарю. На письменном столе перед ним лежали напильники. Часть была сломана, и я видел конусное сечение излома. Кубаста поднялся со стула и, пожимая мне руку, сказал: «Прошу вас садиться. Разрешите мне закончить письмо, и мы с вами займемся», — и стал диктовать дальше:

— Рекомендованный нами режим термической обработки и закалочная среда — масло — правильны. Трещины, которые у вас возникают при термической обработке, объясняются тем, что вы неправильно опускаете напильники в масло. Вы опускаете их узким краем, а нужно — обушком. Если вы это сделаете, трещины у вас исчезнут. С уважением — Кубаста.

Секретарь-стенографистка забрала свои записи и вышла из кабинета.

— Кому это вы пишите о трещинах? — спросил Кубасту я, с которым у меня были очень хорошие отношения.

— В Ленинград. Мы поставили туда одному из ваших заводов

инструментальную сталь для изготовления напильников и получили письмо, что у них при закалке получаются трещины. Мы с этим уже встречались раньше, на одном из немецких заводов. В Ленинграде делают ту же самую ошибку.

— Вы давно из Ленинграда вернулись? — спросил я Кубасту.

— Я там не был. Почему вы думаете, что я ездил в Ленинград? Я вообще в Советском Союзе никогда не был.

— А как же вы узнали, как опускают на ленинградском заводе напильники в закалочную ванну? Что, они так подробно вам обо всем написали?

— Нет, они нам вообще ничего не сообщили. У нас на заводе был один из приемщиков Советского торгового представительства, принес нам вот эти напильники с трещинами и сказал, что мы, по всей видимости, сообщили неправильный режим термической обработки стали, поставленной нашим заводом в Ленинград.

— Значит, он вам рассказал, как на заводе производят закалку напильников.

— Нет, приемщик нам тоже ничего не рассказывал. Я его пытался расспросить, но он сам ничего не знал, — улыбаясь, произнес Кубаста.

— Откуда же вам известна такая мелкая деталь технологии? Ведь на ней вы строите все свое заключение, — спросил я вновь Кубасту.

— О, об этом мне сами напильники рассказали. Вот смотрите, — и Кубаста протянул мне один из концов сломанного им напильника. Вы только взгляните на излом, и вам сразу же все станет ясно.

На меня пристально смотрели умные глаза доктора Кубасты. Я взял протянутую мне половинку напильника и стал внимательно рассматривать излом, но ничего не видел.

— Мне этот излом ни о чем не рассказывает, — возвращая кусок напильника, признался я.

Кубаста подошел ко мне и сказал:

— Видите, тонкий край напильника прокален насквозь.

А «одетый край» — обушок — имеет только тонкую рамочку прокаленного металла и «сырую» сердцевину. Это происходит оттого, что с высокой температурой на вашем Ленинградском заводе напильники опускают в масло тонким концом. Если они будут делать наоборот, тогда толщина прокаленного слоя у обушка будет больше, а тонкий край не будет прокаливаться насквозь. Трещины исчезнут, и напильники будут обладать необходимым сочетанием свойств.

Я внимательно слушал объяснения Кубасты и думал о том,

как много мы еще должны здесь изучить.

По совету Кубасты на заводе в Вецларе я проделал небольшую исследовательскую работу о марганцевистой стали, напечатанную позже в журнале «Качественная сталь».

…В горнорудной и угольной промышленности используется значительное количество стали для изготовления буров. Эта сталь изготовляется в форме длинных штанг круглого, квадратного или шестигранного сечения. В центральной части каждой штанги имеется небольшое отверстие, идущее по всей ее длине.

Такую сталь наши заводы не изготовляли, ничего не знали о технологии ее производства. Никто не представлял себе, как можно сделать небольшую сквозную дырку по всей длине штанги, достигавшей двенадцати-пятнадцати метров. Полую буровую сталь мы покупали в Германии и Швеции, платя большие деньги.

Для изучения технологии производства такой стали на практику были направлены инженеры Зыбин и Пьянов. Изучая это производство на заводе в Вецларе, мы обнаружили большой архив, в котором были собраны многочисленные материалы о всех этапах, через которые прошло это производство на заводе.

Материалы архива помогли понять и осмыслить каждую производственную операцию.

Позже результаты изучения производственного процесса по изготовлению полой буровой стали нами были опубликованы в том же журнале «Качественная сталь» и сделались достоянием советской инженерной общественности.

Мы чувствовали, как каждый день пребывания на заводе давал нам новые сведения из того опыта, который за многие десятилетия накопился здесь. Мы научились видеть то, чего ранее не замечали.

Где же Гейне!

Старинный патриархальный город Вецлар с узкими улочками и островерхими крышами жил тихой размеренной жизнью и хранил запахи и колорит прошлых эпох.

Здесь когда-то жил Гёте, и его домик был превращен в музей. К музею Гёте вела такая узенькая улочка, что двоим на ней нельзя было разойтись — один должен был становиться спиной к стене и пропускать встречного.

В центральной части города находились небольшая площадь и на пей «Kosaken Brunnen» («Казачий колодец»).

— Откуда это название? — спросил я как-то Гамельчека.

— Во время войны с Наполеоном сюда, в Вецлар, преследуя наполеоновскую армию, заходили русские казаки и водой из этого колодца поили своих коней.

А недалеко от гостиницы «Дейчлянд» был небольшой скверик, в котором на каменном пьедестале стоял белый гипсовый бюст Гейне. Я иногда заходил сюда и неизменно останавливался у памятника, садился на находившуюся рядом скамеечку и читал газеты.

Прошел 1932 год и наступил 1933-й. К власти пришел Гитлер. Грязные волны поднявшей голову реакции докатились и до тихого Вецлара. Когда весной 1933 года я приехал в город и, как всегда, остановился в гостинице «Дейчлянд», то почувствовал по каким-то еле уловимым признакам те изменения, которые произошли и здесь. Хозяева гостиницы знали меня и всегда радушно встречали. Знаки внимания и заботы я видел во всем. Мне всегда отводили наиболее спокойную комнату. На столе появлялась вазочка с домашним печеньем, а утром в щель между дверью и полом мне подсовывали местную газету.

На этот раз я почувствовал какую-то тревогу в голосе хозяина и увидел беспокойные огоньки в его тоскливых глазах. Казалось, они, эти глаза, говорили: зачем вы сюда приехали? Ну, разве вы не видите, что здесь происходит!

Когда я собирался спуститься на первый этаж и пообедать (время было обеденное), ко мне в номер зашел хозяин и сказал:

— Может быть, вам лучше пообедать в номере?

— Зачем же я буду обедать в номере? Спущусь в ресторан.

Хозяин, волнуясь и запинаясь, сообщил мне, что в ресторане находится большая группа штурмовиков. Они горланят песни и так шумят, что там трудно будет кушать.

— Если не хотите обедать в номере, я вам могу накрыть в отдельной комнате, примыкающей к ресторану, у меня есть такая.

Но лучше все же в ресторан не ходите, — умоляюще произнес он.

Весь вечер снизу доносились страшный гогот и песни. А на следующий день рано утром я прошел в скверик к памятнику Гейне. Я с юношеских лет полюбил этого замечательного поэта и много раз перечитывал его произведения как в переводах, так и в оригинале. Приезжая в Вецлар, я всегда проходил к памятнику. Для меня стало потребностью побывать с Гейне.

Обычно еще издали я различал белоснежный бюст поэта. Но на этот раз я его не видел.

Где же Гейне?

Когда я подошел ближе, то убедился, что на пьедестале бюста не было — он лежал в осколках рядом на тропинке. Мне больно было смотреть на эти осколки. Казалось, что здесь лежит не гипсовый бюст, а разбитая голова самого поэта. Я наклонился и стал собирать с тропинки кусочки гипса и складывать их к подножию памятника.

Я совершенно не думал в тот момент, что меня могут обвинить во вмешательстве во внутренние дела страны. В голове была только одна мысль — нельзя допустить, чтобы осколки разбитого Гейне топтали чьи-то сапоги.

Я не заметил, как ко мне подошел старик немец. Од остановился, опираясь на сучковатую палку, потом нагнулся и также стал собирать кусочки гипса, складывая их туда же, куда складывал я. Старику трудно было нагибаться и, опираясь на свою палку, он чуть было не упал. Когда все осколки были подобраны, мы почти одновременно стряхнули пыль с ладоней рук, и наши глаза встретились. В глазах старика отражались теплота и грусть. Он хотел что-то сказать, но только пожевал губами. Глаза его увлажнились, и по щеке быстро пробежала крупная одинокая слеза.

Он повернулся и пошел обратно, прихрамывая. Я продолжал стоять у пьедестала, на котором еще вчера был бюст Гейне. В ушах звенели прочитанные когда-то строфы:

Andere Zeiten, andere Vögel.
Andere Vögel, andere Lieder.
Sie gefielen mir vielleicht,
Wenn ich andere Ohren hätte[78].

По всей видимости, разбитый бюст — работа вчерашних разгулявшихся штурмовиков. Куда приведет этот процесс уничтожения старой немецкой культуры? Смогут ли эти стервятники заглушить голос Гейне? Заставить забыть его, сделать неведомым для грядущих поколений?

Позже, проезжая как-то на пароходе по Рейну, я услышал слова песни, когда пароход проходил мимо скалы Лореляй:

Ich weiss nicht, was soll es bedeuten,
Das ich so traurig bin…[79]

Я спросил стоящего рядом со мной немца:
— Что это за песню поют?
— Лореляй, — ответил он.
— А кто сочинил ее? — вновь задал я вопрос.
— Это народная песня, — и мой собеседник потупил глаза.
«Ну, вот уже и началось растаскивание Гейне, — подумал я. — То, что нельзя заставить забыть, будут отбирать у него и приписывать другим».

Заплеванный Hitlerjugend [80]

Захват гитлеровцами власти и ликвидация ими существовавших прежде многочисленных рабочих организаций, местных управлений, обществ, различных корпораций и союзов не везде проходил спокойно.

В Рейнской области, так же как и по всей Германии, гитлеровцы встречали сильное противодействие. Часто дело доходило до вооруженного сопротивления. Борьба против гитлеровцев и их мероприятий принимала различную форму, а неприязнь к ним также проявлялась по-разному. Она захватывала все категории людей и все возрасты, включая детей.

Как-то, проходя в Эссене по Егерштрассе, я увидел такую картину. Группа мальчишек в возрасте 10–12 лет поймала члена гитлеровского союза молодежи и прижала его к стенке в одном из узких переулочков, выходящих на Егерштрассе. Двое держали его за распластанные руки, прижатые к стене, а остальные что-то выкрикивали и по очереди плевали ему в лицо. Гитлеровец пытался вырваться, но это ему не удавалось. Он стал кричать, но, когда он открывал рот, ему плевали в рот и крика у него не получалось. Мальчишка вертел головой, брыкался, крутился, пытаясь уклониться от плевков и вырваться, но ребята крепко держали его за руки. Красная лента со свастикой, которой был опоясан левый рукав его форменного мундирчика, была сорвана, и один из мальчишек старательно растирал ее подошвами своей обуви о мостовую. Погончики с костюма были сорваны, и двое других парней разрывали их на полоски и бросали. Я замедлил шаги, наблюдая за происходящим.

Вдруг на углу появился взрослый штурмовик. Ребята, производившую экзекуцию, моментально разлетелись, как стайка воробьев. Брошенный ими около стенки, оплеванный, весь изодранный Hitlerjugend был жалок. Во всем его виде и в помине не было надменности — наиболее характерной черты этих молодчиков. Увидев штурмовика, он буквально завыл, бросился к своему старшему собрату и, всхлипывая, стал рассказывать, что с ним учинили.

Я медленно пошел дальше.

«А ведь можно было бы не допустить прихода Гитлера к власти, — думал я, — если бы вот так же, как эти шестеро ребятишек, объединить свои силы и скрутить фашистов тогда, когда у них еще не было власти». Но этого не случилось. Антифашистские силы были раздроблены.

Judisches Geschäft [81]

Как-то рано утром, когда я, направляясь на завод, проходил по узенькой торговой улочке Эссена Кеттвигштрассе, в глаза мне бросилось нечто необычное: на ряде витрин были наискось наклеены широкие бумажные ленты. На лентах жирной типографской краской крупными буквами были напечатаны два слова: «Judisches Geschäft».

Мимо этих магазинов в растерянности проходили те, кто еще вчера заглядывал в них. Вот одна из женщин остановилась у стеклянной двери, взялась за ручку и буквально отпрянула — на стеклах двери была наклеена та же самая пугающая лента.

Я прошел дальше к Лимбекерплац и у большого универсального магазина Альтхоф увидел группу штурмовиков и полицейского. Полицейский расхаживал по тротуару и размахивал своей резиновой палкой, а штурмовики стояли у многостворчатых дверей магазина. Один из них в руках держал фотоаппарат. В магазин пытались зайти покупатели, но штурмовики их задерживали у дверей и что-то им говорили. Большинство поворачивало от дверей в сторону и уходило от магазина, но кое-кто все же проходил в магазин.

В Альтхофе я часто бывал, знал многих продавцов. Здесь часто покупали все необходимое многие советские практиканты. Я решил пройти в магазин и посмотреть, что же там делается.

Когда я попытался это сделать, ко мне подошли двое здоровенных штурмовиков — один лет тридцати, с фотоаппаратом, второй значительно старше, вероятно лет пятидесяти.

Штурмовик с фотоаппаратом произнес:

— Это еврейский магазин.

— Ну и что же?

— Мы бойкотируем все еврейские магазины, — и он направил на меня объектив фотоаппарата, а второй решительно шагнул к двери, препятствуя мне войти в магазин.

— Я иностранец, и мы не обязаны участвовать в бойкотах еврейских магазинов.

— Мы бойкотируем этот магазин не потому, что он еврейский, а потому, что он крупный. Мы закроем все крупные универсальные магазины — так сказал Гитлер.

Я смотрел на штурмовика, на его сильные мозолистые руки рабочего и вспомнил Хуберта и тот разговор, который когда-то Тевосян вел с ним.

Вот еще одна жертва гитлеровской пропаганды. Вероятно, он

искренне верит в то, что бойкот, в проведении которого он играет такую активную роль, направлен на то, чтобы уничтожить крупную торговлю и дать возможность торговать немецкому середняку, как об этом распинался на всех собраниях и митингах Гитлер, когда шел к власти.

В магазин я все-таки вошел. Здесь находилось всего несколько покупателей, но они ничего не покупали, а разговаривали с перепуганными продавщицами.

— Что же будет с нами, что же будет? — сокрушаясь, повторяла одна из них.

На следующий день я зашел в магазин готового платья. Два старых продавца-еврея, у которых не раз покупал костюмы и пальто не только я, но и наши практиканты, как-то особо тепло поздоровались со мной.

— Может быть, купите у нас что-нибудь на память, в последний раз? — сказал один из них.

— Почему в последний раз, я еще собираюсь зайти к вам и, может быть, не один раз.

— Мы оба уезжаем из Эссена, вероятно в конце недели.

— Куда же вы едете?

— Пока в Голландию, а там видно будет.

А вечером ко мне домой явился Макс — молодой человек, без определенных занятий. Он знал немного русский язык и жил тем, что оказывал мелкие услуги практикантам: помогал делать покупки в магазинах, исполняя роль переводчика, доставал билеты для воскресных поездок за город, договаривался с квартирными хозяйками по всем возникавшим вопросам — одним словом, был очень полезен, так как большинство практикантов не знало немецкого языка.

За услуги ему немного перепадало от них и, кроме того, он получал проценты в тех магазинах, где практиканты совершали свои покупки.

— Я к вам на минутку, — произнес он, когда на звонок я открыл ему дверь. — Сегодня уезжаю в Барселону. Хочу попрощаться и поблагодарить вас.

— За что же вы хотите меня поблагодарить?

— Вы, русские, в эти трудные для меня дни, относились ко мне как к человеку. Я родился здесь, в Эссене. Родители у меня умерли, когда я был еще мальчиком. Меня приютил и вырастил дядя. На прошлой неделе дядю так избили, что он слег.

— Кто же его избил?

— Штурмовики. У дяди уже давно парализована правая рука. Когда он ходит, то опирается левой рукой на палочку. На прошлой неделе, когда он шел по улице, то но смог

приветствовать проходивший по улице отряд штурмовиков. Трое выскочили из рядов, подбежали к дяде, затащили его в переулок, сдернули брюки и его же палкой стали избивать. Они били его по самым чувствительным местам. А затем бросили старика в этом переулке. Домой его доставили уже к вечеру, еле живого. У него все распухло, и он еле передвигает ноги. Вчера он впервые поднялся с постели. Я уезжаю вместе с ним в Барселону.

— Что, у вас в Барселоне есть родственники?

— Нет, у нас там никого нет. Дядя жил в Барселоне еще в молодости. Может быть, там остался кто-нибудь из тех, кого он знал в молодые годы. Еще раз спасибо вам за хорошее отношение ко мне. А это вот вашей дочке от меня, — и Макс протянул коробочку конфет. Он ушел, и я его больше никогда нигде не встречал.

Мне неизвестно, добрался ли он вместе со своим дядей до Барселоны или же погиб где-то в пути.

Террор и издевательства по отношению к тем, кто пытался покинуть Германию, стал усиливаться и, наконец, был создан такой режим, что практически выехать из Германии стало невозможно.

Wer ist arisch? [82]

Вопрос о том, кого считать арийцем, стал усиленно дискутироваться и в печати, и по радио, и в разговорах.

До прихода Гитлера к власти эту сумасбродную идею о каком-то особом превосходстве людей северной расы никто как будто бы серьезно не принимал, а все те немцы, с кем мне приходилось встречаться в то время, только пожимали плечами и старались возможно быстрее прекратить разговор об арийском происхождении.

В то время и родился анекдот о признаках арийского происхождения: волосы должны быть белокурыми, такими, как у Гитлера, нос прямой, как у Геббельса, фигура стройная, как у Геринга. Но уже через несколько месяцев после прихода Гитлера к власти все поняли, что расовая теория начинает практически проводиться в жизнь. Шла чистка всех государственных служащих.

12 июня 1933 года «Ангриф» сообщила, что должны быть проверены «на происхождение» 350 тысяч почтовых служащих. Стоит задача освободиться от тех, кто не является чистым арийцем. А 10 августа в этой же газетенке были изложены основные методы определения арийского происхождения и правила проверки.

«Если арийское происхождение вызывает сомнение, тогда через министерство внутренних дел следует вызывать специалиста для проведения исследования», — писала газета.

«Если государственный служащий хочет жениться, он должен вначале удостовериться в арийском происхождении своей жены. Доказательства должны быть представлены в виде брачных документов родителей жены, об их происхождении и т. д.».

Все бросились на поиски таких документов, которые подтверждали бы, что в роду мужа и жены не было никого сомнительного. На этой почве возникало много трагедий. Бегство из Германии лиц, не получивших доказательств своей расовой чистоты, усилилось. Уже позже я встречал таких лиц в США, Индии, Англии. Они бежали не только из-за своих политических убеждений, но просто опасались оставаться в Германии потому, что их жены или родственники во втором или третьем колене были не арийского происхождения.

В разгар кампании «За чистоту немецкой расы», я заметил, что хозяин квартиры, где я жил, приуныл.

Как-то, вернувшись вечером с завода, я увидел его в состоянии полной растерянности, взгляд у него был какой-то

отрешенный: он механически протянул мне руку и совершенно неожиданно проговорил:

— Ja, ja, ich meine.

— Was meinen Sie?

— Verzeihen Sie bitte, aber ich habe meinen Kopf verlören[83].

— Что случилось? Что-нибудь в ваших торговых делах не клеится?

— Нет, торговля идет нормально. Но, видите ли, у нас начинается широкая кампания по очистке учреждений от всех неарийских элементов. Правда, это пока касается только служащих государственных учреждений, но кто знает, на чем это остановится. Я слышал, что частные фирмы также собираются начать чистку.

— Мне трудно достать все необходимые документы, удостоверяющие чисто немецкое происхождение бабушки моей жены.

На разговор вышла фрау Шютце.

— Дело не только в моей бабушке, но ты пока еще не собрал всего необходимого о твоем дяде.

— Ох, как это трудно получить необходимые справки, — почти в один голос произнесли муж и жена Шютце. — А если их не иметь, могут возникнуть недоразумения.

У обоих Шютце — и у мужа, и у жены — были темные глаза, и оба были шатены. Они имели все основания для волнений.

Wissen Sie, was «Volksgrenzen» bedeuten? [84]

После того как Гитлер был назначен рейхсканцлером, все с нетерпением ожидали его первого официального выступлений как главы правительства.

Куда пойдет Германия? К чему будет призывать новый глава правительства?

И вот наконец 23 марта Гитлер выступил с речью. Она изобиловала громкими заявлениями и звонкими фразами. В ней затрагивались события, начиная с 1918 года. Она была насыщена бранью по адресу коммунистов, давалось обещание вести борьбу с марксизмом. В этом выступлении Гитлер снимал с германского милитаризма всякую ответственность за развязывание первой мировой войны. Он Твердо обещал поддержать армию и вместе с тем выдал вексель мировой реакции на то, что он приложит усилия Для борьбы с марксизмом в Европе.

Речь пришлась по душе как внутренней, так и зарубежной реакции. «Новая лейпцигская газета» писала: «В правительстве царит воля Гитлера. Он не склоняется ни перед одной прежней властью и ни перед одной старой формой».

Английская газета «Дейли телеграф» отмечала «мирные намерения и требования равноправия», а «Курьер Варшавский» оповещал, что своим выступлением в рейхстаге Гитлер показал, что он является не только агитатором, но и народным трибуном, который «знает, как зажигающим образом можно оказывать влияние не только на массы, но также и на своих противников».

Итак, новый рейхсканцлер пришелся ко двору антимарксистам всего мира. Но этой речью он не раскрывал еще всех своих карт. Он это сделал позже, в своей майской речи.

Среду 10 мая 1933 года я хорошо запомнил. Уже утром, когда я пришел на завод, было объявлено, что в работе будет сделан перерыв, начиная с двух часов, так как в три часа дня фюрер обратится к народу Германии с речью. Всем предлагалось собраться у репродукторов и слушать вождя.

По всей территории завода, на площадях между цехами устанавливались раструбы репродукторов, то же делалось, как я потом узнал, и по всем районам города.

Уже в начале третьего, на всех площадках, где были установлены репродукторы, стал собираться народ.

В два часа я ушел с завода домой. Вначале я предполагал прослушать речь Гитлера дома, но потом решил все же пройти на

площадь Бургплятц — в центре старого города. Меня интересовало, как эту речь встретят те, кто там соберется.

Четырехлетняя дочка Надя была дома и захотела пойти со мной. А может быть, даже и лучше будет, если я пойду с ребенком? Не так буду обращать на себя внимание. Всегда можно объяснить — гулял с ребенком, остановился послушать. И мы направились на Бургплятц вместе с женой и Надей. Когда мы подошли, было уже без четверти три. Большая площадь была заполнена народом. Близко к репродукторам нельзя было подойти. Мы заняли место рядом с пожилой женщиной в черной вязаной косынке.

Ровно в три часа раздался голос президента рейхстага Геринга:

«Вы собраны здесь сегодня в серьезный час. Речь идет о вопросе будущего нашей нации. Едва ли когда-либо ранее созывался рейхстаг по такому серьезному вопросу, в такой серьезный час. Немецкое правительство хочет ясно изложить свою точку зрения и свои цели по этим вопросам перед всем немецким народом. Слово имеет наш фюрер, рейхсканцлер Германии».

Вся площадь пришла в движение. Каждый старался хоть немного ближе продвинуться к репродукторам. Обращаясь к членам рейхстага, Гитлер сказал, что он попросил президента рейхстага Геринга от имени правительства созвать немецкий рейхстаг, чтобы перед этим форумом поставить вопросы, «которые сегодня волнуют не только наш народ, но весь мир»… Известные вам проблемы имеют такое большое значение, что от их удачного разрешения зависит не только политическое умиротворение, но даже экономическое спасение всех».

Далее он затронул политические и национальные проблемы, которые стоят, по его мнению, перед народами Европы. «Европейские государства развивались в течение многих столетий и при установлении их границ исходили исключительно из одних государственных соображений». «Чем яснее будут отрегулированы пограничные вопросы и чем точнее будут совпадать границы народов с границами государств, тем большее количество возможных в будущем конфликтов удастся исключить».

«Территориальное преобразование Европы, принимая во внимание действительные границы народов, было бы таким решением, которое, если бросить взгляд на будущее победителей и побежденных, оправдало бы кровавые жертвы последней войны и сделало бы их не напрасными, так как народы приобрели бы действительный, постоянный мир».

…«Теперь же, частично из-за непонимания, частично из-за

страстей и ненависти, принятые решения о границах своей нелогичностью и несправедливостью несут зародыши нового конфликта».

Толпа безмолвно слушала. Огромная масса людей как бы оцепенела. По всей видимости, до сознания большинства еще не дошло, что значит новое понятие Volksgrenzen[85].

Далее Гитлер перешел к резкой критике Версальского договора и ошибочности мнения, что будто бы путем уничтожения экономики шестидесятипятимиллионного народа можно сослужить полезную службу другим народам.

Речь Гитлера становилась все более горячей. Голос звучал громче, фразы стали более короткими.

«Если сегодня Германия предъявляет требования действительного равноправия в отношении разоружения других наций, так к этому она имеет моральное право».

«Ибо Германия разоружена и Германия это разоружение выполнила под международным контролем».

«Было сдано или уничтожено 6 миллионов винтовок и карабинов, 1,3 миллиона пулеметов, огромное количество пулеметных стволов, 91 000 снарядов, 38 миллионов 750 тысяч гранат и огромное количество других военных изделий».

«Рейнская область была демилитаризирована, немецкие укрепления снесены, наши корабли сданы, самолеты уничтожены. Кто сегодня осмелится оспаривать эти факты?»

Теперь голос Гитлера гремел на всю площадь. На площадь прорвалась буря аплодисментов. Это аплодировали депутаты рейхстага. Толпа на Бургплятц задвигалась — все стали также аплодировать.

Наконец Гитлер стал говорить о том, что со дня заключения Версальского договора немецкий народ стал пищать в экономическом и в политическом отношении. Многие хозяйства были разорены, появилась огромная армия безработных. «Со времени подписания Версальского договора, — теперь Гитлер уже истошно кричал, — только из-за обнищания, 224 900 человек покончило самоубийством — мужчины и женщины, старики и дети».

Из репродукторов неслись возбужденные голоса:

— Слушайте, слушайте! — это кричали там, где выступал Гитлер.

Старая седая женщина, стоящая рядом со мной, вдруг зарыдала и уронила голову на плечо своего соседа. Я отвел глаза от репродуктора и оглянулся. Мужчина успокаивал рыдавшую старуху, а у него лицо тоже было в слезах. Многие вытирали платками глаза. Толпа была наэлектризована и казалось, что

пойдет на любые меры, чтобы покончить с Версальским договором.

«Эти неподкупные свидетельства являются обвинителями против самого духа и содержания договора!» — истерично кричал Гитлер.

Он закончил свое выступление, а народ стоял на площади и ждал еще чего-то, недосказанного фюрером.

Вечером, когда мы собрались к ужину на квартире Рауэ, старый офицер Рауэ спросил меня:

— Ну, слушали речь Гитлера?

— Да, слушал.

— Haben Sie verstanden, was bedeutet das Wort die Volksgrenzen?[86]

И, не ожидая моего ответа, продолжил:

— Das ist doch ein Krieg![87]

Старый офицер, всегда такой веселый и жизнерадостный, был мрачен. Он стоял у стола и обеими руками опирался на его край.

— Мне казалось, что я не буду свидетелем еще одной войны. Боюсь, что я ошибся. Для военного встречать новую войну в моем возрасте — это трагедия. Но я вижу и другую трагедию. Бисмарк считал, что Германия может выиграть войну на Западе только в том случае, если на Востоке будет иметь дружественную или по крайней мере нейтральную Россию. Я с этим полностью согласен, и меня очень тревожит ухудшение отношений между нашими странами.

Ужин в этот вечер прошел необычно тихо. Все были встревожены, разговоры не клеились.

И вот теперь, через три десятилетия с лишним, в Западной Германии снова поднимает голову фашизм. Неофашисты вновь ставят вопрос о пересмотре границ.

И вновь, как и тогда, многие политические деятели Запада недооценивают эту опасность для дела мира.

…А на заводе дел все прибывало. Ночью, когда я проходил по Фронхаузенштрассе, то увидел во всех окнах закрытого раньше снарядного цеха яркие огни.

«Неужели работают?» — подумал я.

На огромных заводских воротах висел большой ржавый замок. Казалось, что он висит здесь уже много лет и является свидетельством заброшенности цеха и того производства, которое здесь когда-то было.

Я повернул обратно и зашел в листопрокатный цех. Встретив на дворе знакомого рабочего, я спросил его, как мне пройти в снарядный цех.

— Я пытался пройти, но на воротах висит замок.

Рабочий улыбнулся.

— Этот замок висит уже много лет. Теперь в этот цех ходят вот через этот проход, — и он указал мне дорогу. В цехе на горизонтальных прессах штамповались какие-то длинные цилиндры.

Я подошел к конторке мастера и взял в руки карточку, на которой был изложен выполняемый в цехе заказ. В такие карточки обычно заносились все технические характеристики. Ко мне подошел мастер:

— Простите, я вас вижу здесь впервые. Покажите, пожалуйста, ваш пропуск.

Я вынул свою карточку, разрешавшую мне посещать все цеха завода. Мастер почтительно протянул мне ее обратно и еще раз извинился за причиненное беспокойство.

— Выполняем заказ на секции для котлов высокого давления, нами получен заказ из Японии.

— Вы давно ввели в действие этот цех? Я никогда не видел, чтобы в этом цехе проводились работы, в особенности ночью. Я уже второй год хожу мимо и никогда не видел в окнах огней.

— Вторая неделя пошла, как мы начали работать. Ведь раньше в этом цехе штамповали снаряды — и он был закрыт. Когда мы получили японский заказ, решили секции изготовить вот на этом прессе. Раньше мы на нем прошивали шестидюймовые снаряды. Но технология-то производства одна и та же — что при производстве снарядов, что при изготовлении секций.

— Да и сталь-то по своему составу близка к снарядной, — добавил я.

Мастер замялся.

— Да, конечно, можно, вероятно, найти некоторое сходство.

Я попрощался со словоохотливым мастером и пошел домой. Вспомнилось вчерашнее выступление Гитлера.

— Кто будет утверждать, будто бы Германия не выполнила договорных обязательств и не разоружилась?

А вот здесь в цехах крупповского завода были другие свидетельства, свидетельства того, как идет вооружение Германии. Оно началось давно. Почти год назад в третьем мартеновском цехе, когда шла загрузка сталеплавильной печи, я обратил внимание начальника цеха на стальной лист со следами пуль на нем. Было ясно, что это так называемая броневая корочка — образец брони, посылаемой на полигон для испытания бронестойкости стали.

— Что это за сталь? — спросил я тогда начальника цеха.

— Эта сталь используется у нас для изготовления сейфов.

— По ведь это вот следы от пуль? — задал я новый вопрос.

Начальнику цеха нельзя было не согласиться со мной: слишком уж все было очевидным.

— Да, конечно. Дело в том, что мы испытываем нашу сталь для сейфов также и путем обстрела на полигоне.

— Для чего же?

— А ведь сейф могут пытаться вскрыть путем стрельбы.

На меня были устремлены нагловатые глаза моего собеседника.

Потом мы вместе с одним из практикантов побывали в инструментальном цехе, и он обратил мое внимание на длинные конусные детали.

— А ведь это пулеметные стволы! Что это у вас за изделия изготовляются здесь?

— Инструмент, — последовал лаконичный ответ мастера.

— Какой же это инструмент? Это пулеметный ствол.

— А что я вам сказал? Инструмент — это общее наименование многих изделий, обрабатываемых в нашем цехе, — и мастер отошел к нагревательным печам.

Напрасно их считают людьми

Хозяин моей квартиры оказался мерзавцем. До прихода Гитлера к власти он состоял в компартии, затем отрекся от нее, а свою дочь направил в гитлеровский союз молодых девушек — Hitlermädchen. На меня он написал какой-то донос.

Уже в начале марта, когда вечером я сидел дома и читал, раздался стук в дверь. Не ожидая ничего плохого, я сказал:

— Herein[88].

Дверь стала медленно раскрываться, и вдруг я увидел вначале вытянутую руку, держащую револьвер, а затем фигуру грузного штурмовика. За ним в комнату вошло еще шесть человек.

— Оружие есть?

У меня в руках был карандаш, и я сказал:

— Вот мое оружие.

— Я вас серьезно спрашиваю — есть у вас оружие?

— Кроме вот этого, у меня нет никакого другого.

— Мы хотим проверить, чем вы занимаетесь, — сказал один из вошедших в комнату, видимо старший. Всё почему-то стали рассматривать потолки и стены комнат. Потом один из штурмовиков сказал:

— Нам заявили, что у вас на потолках и стенах нарисованы советский герб: серп и молот.

— Но вы видите, ведь этого нет! — ответил я.

Штурмовики открывали ящики стола, шкафы, прошли к кроватям, поднимали подушки, заглядывали под кровати, зачем-то отодвинули диван.

На мой протест, кто дал им право производить у меня обыск, я услышал надменный ответ:

— Во время революции права не получают, а берут.

«Какой цинизм, — подумал я. — Неужели этот молодчик действительно считает этот разгул реакции революционным процессом? Ведь их вождь зовет назад — к средневековью. Они уничтожают все наследие культуры, сажают в тюрьмы и отправляют в лагери всех прогрессивных людей, они воспевают самое низменное».

Через час штурмовики от меня ушли, и я слышал, как они производили обыск также и у моего соседа.

На следующий день я узнал, что дом был окружен отрядом в составе 67 человек, часть из них и производила обыск у меня.

Вполне естественно, что после обыска спать не хотелось, и я стал расхаживать по комнате.

Опять стук в дверь, и в комнату вошел сосед.

— Они у меня произвели обыск.

— У меня также.

— Да, но между нами все-таки есть разница? Вы иностранец, а я бывший офицер кайзеровской армии. У меня два железных креста. Я их получил под Верденом. На Западном фронте было не так легко — у меня семь ранений. Когда они вошли ко мне, я им это сказал. Но только вдумайтесь в то, что они мне ответили: «Вы еврей, и ваши кресты не имеют теперь никакого значения».

Он остановился и закашлялся.

— Я никогда раньше не думал о том, кто я по рождению — для меня Германия была родиной. Они отняли ее у меня.

Он снова стал сильно кашлять, задыхаясь и вытирая платком рот и глаза. Потом стал тяжело дышать и, наконец, несколько успокоившись, твердо произнес:

— Когда вы будете бить эту нечисть, я буду с вами. Я не коммунист и никогда, видимо, коммунистом не буду. У меня другие идеалы. У них нет идеалов, это не люди. Напрасно их некоторые считают людьми. — Затем, извинившись, сосед ушел к себе.

Кто он? Я его несколько раз встречал в коридоре и на лестничной клетке. В доме он занимал одну комнату. Иногда я видел его с миловидной голубоглазой белокурой девушкой. Хозяин мне сказал как-то, что это его невеста.

— Он просил меня порекомендовать ему небольшую квартиру, — сказал мне хозяин, — где-нибудь поблизости. Из этого района он не хочет уходить.

Я встретился со своим соседом вторично через месяц после налета штурмовиков. За это время он, как мне показалось, и похудел и постарел.

— Ну, у меня все здесь закончено. Уезжаю. Вы знаете, я думал жениться, но Ингеборн заявила, что она не может выйти замуж за еврея. Кольцо вернула мне.

— Куда же вы направляетесь?

— Пока во Францию, а там видно будет.

— Желаю вам успехов.

Он внимательно и долго смотрел мне в лицо, а затем произнес:

— Помните, в борьбе с ними я буду на вашей стороне.

Больше я никогда его не встречал.

Этим обыском было положено начало. После него наступила пора репрессий в отношении членов советской колонии. Начались обыски, аресты, конфискации. Меня задерживали на улицах, снимали с поездов, трамваев, производили налеты на мою

квартиру. В общем, в течение 1933 года в полиции, жандармском управлении и штабах штурмовых отрядов мне пришлось побывать семнадцать раз. Обыски производились на квартирах практикантов. Работать становилось все труднее.

А на заводе стали появляться новые заказы, явно военного назначения. В некоторые цеха, где раньше работали советские практиканты, доступ нам закрыли.

По отдельным акциям полиции и штурмовиков Наркомат иностранных дел Советского Союза заявлял протесты, по в Эссене им не придавалось никакого значения.

Напряжение в стране растет

В городе происходили непрерывные демонстрации и манифестации. Штурмовики вышагивали по улицам и горланили песни. Когда они шли, все прохожие останавливались и вытягивали вперед в фашистском приветствии правые руки. Кто этого не делал, того часто вытаскивали с тротуара на мостовую и избивали.

Начался разгром всех политических и рабочих организаций. Ушла в подполье Коммунистическая партия. Распустили социал-демократическую партию, партию католического центра, многие юношеские организации. Сильно росла национал-социалистическая партия, а также гитлеровские организации для юношества. Закрылись все левые прогрессивные газеты, журналы. Началось сожжение книг, аутодафе.

Еще когда я учился в реальном училище в Балаханах, то на уроке истории учитель Бедов нам рассказывал об испанской инквизиции. Он любил историю, хорошо ее знал и красочно передавал картины Испании тех времен. Тогда мне в голову не приходило, что я буду живым свидетелем эксцессов, воскрешающих наиболее мрачные времена истории человечества.

В июле 1933 года в английской газете «Дейли геральд» было опубликовано открытое письмо некоего А. Истермана, адресованное Гитлеру, в котором ярко обрисовывалось положение в Германии, как оно сложилось к тому времени: «Страх царит во всех домах Германии, убийство стало обычным явлением, суд выражает лишь национал-социалистические догмы, и судьи превратились в рабов политического аппарата. Германия превратилась в один огромный концентрационный лагерь, где заточены тысячи людей, все преступления которых заключаются в том, что их политические убеждения не одобряются национал-социалистами».

По сообщению агентства Рейтер, в концентрационных лагерях Германии в июле 1933 года уже находилось сто тысяч человек. Среди них много известных ученых, врачей, политических деятелей.

В «Berliner Tageblatt» 21 июня было напечатано сообщение о том, что по распоряжению фюрера немецкого рабочего фронта — Лея до первого августа будет проведена генеральная чистка всех рабочих организаций сверху донизу с целью замены всех прежних работников, принадлежавших к социал-демократической партии, партии центра и к другим подобным организациям. Поскольку они вели борьбу против национал-социализма, то будут заменены

людьми из национал-социалистической партии. В газетах стали появляться все в большем количестве сообщения о самороспуске партий. 9 июля в газетах сообщалось о самороспуске сразу трех партий — партии центра, немецкой народной партии и баварской народной партии. Руководство партии центра предложило бывшим членам партии «предоставить свои силы и опыт в распоряжение национального фронта под руководством рейхсканцлера».

Знакомство с гестапо

Как-то утром, когда я уже был у себя в бюро, в здании заводоуправления раздался звонок. Я поднял телефонную трубку и услышал взволнованный голос жены:

— У нас обыск. — И связь прервалась.

Надо идти. В бюро в это время находился один из советских практикантов инженер Митько.

— Пойдемте со мной. У меня производят обыск. Вы идите по противоположной стороне улицы. Если я вернусь из дома, то мы вместе направимся на завод, если же меня задержат, то проследите, куда меня отведут. Запомните дом, место и немедленно отправляйтесь в Берлин — в посольство. Сообщите, где я нахожусь.

Мы с Митько вышли с завода. Он по одной, я по другой стороне улицы. Вот и дом. Внешне нет никаких признаков, что здесь что-то происходит. У дома нет ни транспорта, ни людей. Вставляю ключ в замочную скважину и открываю дверь. В вестибюле у двери стоит молодой человек в штатском.

— Здравствуйте! Вы живете здесь?

— Да, конечно.

— Пожалуйста.

Поднимаюсь на второй этаж и открываю дверь комнаты. В комнате пять молодых людей — все в штатском. Один из них сидит за столом и листает мои бумаги. Двое стоят у книжного шкафа и перебирают книги. Двое стоят у окна и разговаривают. Тот, что за столом, по-видимому, старший.

— Зачем вы пришли? — недовольным голосом спрашивает он.

— Как это — зачем?

— Вы могли бы спокойно работать, — продолжает он.

— Как же я могу быть спокойным, если у меня на квартире производят обыск?

— Ну и почему же это должно вас волновать? Мы посмотрим и уйдем.

Я еле сдерживаюсь, чтобы не вспылить.

— Когда в квартире производится обыск в отсутствие хозяина, то могут найти и то, чего у него не было.

— Что вы этим хотите сказать? — поднимаясь из-за стола и хмурясь произносит он.

— Я, кажется, сказал совершенно ясно. Если обыск производится в отсутствие хозяина, то могут утверждать, что у него нашли то, чем он и не располагал.

— Советую вам быть осторожнее в выражениях. Мы официальные представители официальной организации.

И он отвернул борт пиджака — там была уже знакомая мне нашивка — Geheimstaatspolizei[89].

— Мы хотим знать, чем вы здесь занимаетесь.

— Я в Эссене живу не первый год, и это не моя, а ваша вина, если вы до сих пор не знаете этого.

— Не будем с вами ссориться, а вот эту книгу я у вас заберу. Она в новой Германии запрещена. — И он поднял со стола купленную мною год назад книгу Ремарка «Der Weg zurück»[90].

Когда гестаповцы ушли, жена сказала:

— Я им отказалась дать ключи от шкафа и ящиков стола, но они только засмеялись — вынули пачку своих и открыли их. Только я успела сказать тебе о том, что у нас обыск, один из них нажал на рычаг и отобрал у меня трубку.

Но дело есть дело. Надо идти на завод. На противоположной стороне улицы по тротуару ходил взад и вперед Митько. Увидев меня, он перешел улицу и спросил:

— Все ушли или кто-то еще остался?

— Все. Пойдемте на завод. На сегодня, по-видимому, больше происшествий не будет.

На следующий день ночью штурмовики произвели обыск у нашего практиканта — инженера Фрида. Искали пишущую машинку, которой у него никогда не было.

«У нас это четко определено»

Специальные протесты не помогают, бесчинства продолжаются. «Может быть, поговорить с директором завода Геренсом?» — появляется у меня мысль.

Позвонил Геренсу:

— У меня есть вопросы, которые мне необходимо обсудить с вами.

— Буду рад вас видеть. Заходите.

Кабинет Геренса этажом выше. В большом кабинете он один. Поднимается из-за стола, здороваемся.

— Nehmen Sie Platz, bitte[91].

— Я хочу довести до вашего сведения, что в Эссене создаются такие условия, когда нам трудно пользоваться теми возможностями, которые открыты действующим между нашими организациями соглашением.

— А в чем дело? Разве мы чиним вам какие-либо помехи?

— В городе для нас созданы условия, которые мешают выполняемой нами работе. Вчера днем у меня на квартире был обыск, ночью с обыском пришли к нашему практиканту Фриду.

Геренс нахмурился. Видимо, разговор не доставлял ему удовольствия.

— Видите ли, — начал он, поднявшись из кресла и начав ходить по кабинету, — мы частная фирма и не вмешиваемся в дела правительства. У вас совершенно другая система, у вас все иначе. Нам порой даже трудно определить, где у вас кончаются функции правительственных учреждений и где начинается поле деятельности промышленных организаций. У нас это четко определено… Что же касается обысков и арестов, то они и у вас происходят. Вот недавно печать сообщила о том, что на Урале вами арестованы три инженера фирмы Метро-Виккерс.

— Это что же, в ответ на арест английских инженеров производятся обыски у советских специалистов?

— Конечно, нет, это я привел в качестве примера. Я даже не представляю, что мы можем сделать для вас. Единственно, чем я могу вам помочь, — это дать совет обратиться в Иностранный отдел полицейского управления. Там вам как иностранцу окажут необходимое содействие.

Легкий поклон, и он протянул мне руку. Визит ничего не дал.

У начальника гестапо

Когда я вернулся к себе в бюро, меня ждала телеграмма из Москвы, в которой сообщалось, что еще две недели назад в мой адрес направлено письмо с шестью железнодорожными билетами для закончивших на заводе работу практикантов.

Письмо с билетами я не получил и очень беспокоился. Решил пройти на почту и переговорить с начальником почтовой конторы. Его я хорошо знал, так как получал в день не менее тридцати писем и мне нередко приходилось у него бывать.

— Мне направлено из Москвы письмо. Я его давно жду, но оно мною не получено. Скажите, не направляют ли теперь для просмотра в полицию мою корреспонденцию?

Начальник покраснел.

— Я ни одного вашего письма никуда не направлял. Вы можете этому верить. Я никогда также не задерживал ни одного вашего письма.

— Но, может быть, прежде чем передать вам, их направляют по другому адресу?

— Вот этого я не знаю.

Опять неудача. А может быть, мне действительно сходить в полицейское управление? Но если уж идти, то во всяком случае идти надо не в Иностранный отдел, а в гестапо, к хозяевам.

На следующий день я и предпринял это путешествие. Гестапо занимало помещение на втором этаже огромного здания — полицайпрезидиума, где я нередко бывал, получая визы для поездки в другие страны, а также в Саарскую область. Но в гестапо я еще ни разу не был.

Вхожу в комнату секретаря начальника гестапо — Воппеля.

— Доложите, что с господином Воппелем хочет поговорить уполномоченный Советского Союза на заводе Круппа.

Секретарь исчез за дверью. Через минуту дверь открывается, и высокая, плотно сколоченная фигура Воппеля появляется на пороге.

— Прошу. Садитесь.

— Надолго? — не утерпел я, чтобы не съязвить.

— Можете уйти, когда захотите. Ведь не я вас приглашал. Вы сами пришли. Я знаю, о чем вы будете говорить, — не давая мне произнести ни слова, начал Воппель. — Но должен вам заявить: вас беспокоили не мои люди. Мои были у вас только один раз. Все остальное — дело рук штурмовиков. Вообще в городе черт знает что делается. Я как будто бы ответствен за порядок, но на самом деле мне трудно при существующем положении нести

ответственность за все происходящее.

— Ну, а скажите откровенно, господин Воппель, мои письма не у вас находятся?

— Конечно, у меня. Эти идиоты на границе считают, что у меня нет других дел, кроме как читать ваши письма.

Воппель подошел к столу, открыл один из ящиков, начал рыться в бумагах и мурлыкать под нос популярную в то время песенку:

Ich habe kein Auto,
Ich habe kein Rittergut,
Ich habe nur Liebe für dich[92].

Меня невольно передернуло. А не скрывается ли за наигранной простотой и откровенностью вероломство и жестокость?

И я вспомнил о встрече с одним немцем в Картхаузене. Это было за четыре дня до моего прихода сюда. В субботу в конце дня я обычно выезжал в Картхаузен — небольшой поселок, где в то время жила моя жена с больной дочерью. Мы снимали комнату у старика Фроман. Фроман, владелец небольшого земельного участка, держал ресторанчик и сдавал несколько комнат в своем двухэтажном домике.

В воскресение у него собиралось много народа, в особенности в летнее время. Сюда приезжали отдыхать из городов индустриального Рура. Место было живописное, а цены за помещение и питание умеренные.

Фроман боготворил бывшего императора Вильгельма и и не одобрял Гитлера. Когда мы были наедине и никто не мог слышать его суждений, он говорил:

— Hitler ist nichts. Wilhelm — das war doch ein richtiger Mann[93].

В это воскресенье я встал рано и до завтрака, когда все еще спали, пошел прогуляться в лес, к которому примыкал земельный участок Фромана. Когда я возвращался, то на тропинке, ведущей к дому Фромана, увидел человека. Он ждал кого-то. Увидев меня, он медленно пошел мне навстречу. Как будто бы меня ждал. «Кто бы это мог быть?» — подумал я, приближаясь к незнакомцу.

— Heil Moskau![94]— тихо произнес незнакомец, когда мы с ним повстречались, и слегка приподнял левую руку, сжимая ее в кулак, — правая у него висела плетью.

Я ответил:

— Guten Morgen[95].

— Я только что вышел из тюрьмы, — сказал он и

закашлялся. — Я из местных. Был членом ландтага. Меня посадили буквально на следующий же день после прихода Гитлера к власти.

Его рассказ прерывался приступами кашля. Кашляя, он весь изгибался и непрерывно извинялся. Затем делал паузу, тяжело дышал. Я видел, как трудно ему было говорить.

— Во время первой мировой войны я был ранен в голову. Мне делали трепанацию черепа и наложили серебряную пластинку — часть кости пришлось удалить, — рассказывал он. — Избивать меня начали в первый же день ареста. Били не только меня, а всех арестованных. Крики и стоны неслись со всех сторон.

Он опять замолчал и закашлял.

— Когда нас избивали, то начальник тюрьмы заводил патефон и проигрывал пластинки. Он говорил, что плач действует ему на нервы. И этот плач и стоны он заглушал музыкой Шумана. Теперь я не могу больше слушать эту музыку. Никто не думал, что я выживу. Поэтому эти циники решили по отношению ко мне проявить акт милосердия — к рождеству они выпустили меня из тюрьмы. Сдали меня на руки родственникам. Вставать я не мог. Меня уложили на резиновый мешок, наполненный теплой водой. Я все время мерз и постоянно дрожал. Всего вторую неделю я начал ходить.

Я знал, что вы каждую неделю приезжаете сюда, поэтому и решил вас поймать и рассказать все, что мне известно. Мне кажется, что о зверствах национал-социалистов мало знают. Об этом надо рассказать всем. Это садисты, которым доставляет наслаждение причинять людям страдания. А что они делают с нашей молодежью! Они развращают ее, хотят превратить в животных.

Мне известно, как в одной из школ учитель предложил, чтобы весь класс, все до одного ученика плюнули в лицо их товарищу за то, что он в свое время дружил с одним еврейским мальчиком и пытался оправдать эту дружбу. Его поставили около двери класса и, проходя мимо него, каждый плевал ему в лицо. Один из учеников не вынес этой моральной пытки и упал в обморок. Тогда учитель предложил вытолкнуть его пинками из класса в коридор.

Бледное, без кровинки, лицо и потухшие глаза, в которых навечно застыло страдание, свидетельствовали о тех муках, которые перенес этот человек. Затем он, как и вначале, слегка приподнял левую, сжатую в кулак руку и проговорил:

— Heil Moskau!

…Но вот наконец письмо найдено.

Воппель, повернувшись ко мне, с улыбкой произнес:

— Вот оно. У меня столько писем!

Но эту улыбку теперь я воспринимал иначе. А сколько замучил он, Воппель, таких, как тот мой собеседник из Картхаузена? — возникла в голове мысль.

В руках Воппеля был толстый конверт с пятью сургучными печатями.

— Возьмите.

Как в трансе, я механически протянул руку. В конверте было шесть железнодорожных билетов, которые я ждал.

— Ваши люди забрали у меня книгу.

— Знаю. Она запрещена и изъята из всех библиотек Германии, а также у всех частных лиц.

— Но я иностранец. Я заплатил за нее 4 марки 72 пфеннига. Это моя собственность.

Воппель опешил. Снова подошел к столу. Взял книгу и, протягивая ее мне, произнес:

— Возьмите, но никому не передавайте. Я уважаю личную собственность. А относительно обысков и арестов я хочу, чтобы вы поняли, что мною предпринимаются меры, но я не владею положением в городе. Вот сейчас я в вашем присутствии позвоню гауляйтеру[96]и поговорю с ним.

Воппель подошел к телефону, поднял трубку и начал набирать номер телефона.

— Говорит Воппель. У меня находится уполномоченный Советского Союза на заводе Круппа. Он возмущается тем, что допускают штурмовики по отношению к его людям, а также к нему лично… Как тебе известно, это все делают штурмовики… Моя власть на них не распространяется.

По-видимому, между Воппелем и гауляйтером отношения были натянутыми. Я не слышал, что говорил гауляйтер, но по всему было видно, что он взял штурмовиков под защиту. Воппель стал выходить из себя и наконец положил телефонную трубку на рычаг.

— Вот, вы могли убедиться сами, что я принимаю меры, но не все мне удается сделать. Я бы вам посоветовал обратиться к фирме Круппа, она финансирует все это движение. Достаточно им позвонить — и все будет в порядке.

Я не верил тому, что услышал. Одно дело, когда о финансировании движения фирмами читаешь в газетах, и совсем по-другому это же самое звучит в устах официального представителя власти.

Снова у директора завода Геренса

Вскоре после посещения начальника гестапо штурмовики ночью ворвались к одному из наших практикантов и произвели обыск.

Я вновь решил пройти к директору крупповского завода и еще раз обратить его внимание на недопустимые для работы условия, созданные в городе для советских представителей.

Когда я поднялся в кабинет Геренса, он, узнав о цели моего посещения, поздоровался со мной очень сухо, а когда я рассказал ему, что произошло за последние дни, и привел все случаи провокационного поведения штурмовиков, он перебил меня и, как мне показалось, с раздражением проговорил:

— Вы уже вторично передо мной поднимаете эти вопросы. Я советовал вам прошлый раз обратиться в полицайпрезидиум, но вы моего совета не послушались. Что же еще я могу предпринять?

— Напрасно вы думаете, что я не внял вашему совету. Я был в полицайпрезидиуме.

— Ну и что же вам там сказали?

— Мне сказали, что фирма Круппа финансирует все это движение и если она захочет — все будет в порядке.

Геренс буквально был взбешен.

— Это заявление безответственного чиновника. У кого вы были? Кто это сказал?

— Я иностранец, мне трудно судить, кто у вас является ответственным, а кто безответственным. А был я у начальника гестапо Воппеля.

Когда я говорил, Геренс нервно ходил по кабинету. При последних моих словах он остановился как вкопанный.

— У Воппеля? — и вновь зашагал по кабинету.

Я сидел в кресле и молчал. Затем Геренс остановился и произнес:

— Мы постараемся что-нибудь предпринять. Я думаю, что вас больше беспокоить не будут. Мы что-нибудь сделаем.

И он рывком протянул мне руку.

— Я думаю, что вы ко мне больше не придете.

Затем, после паузы, добавил:

— По этим неприятным для меня и вас делам… До свидания.

У Германа Рохлинга

В 1933 году я на несколько дней выезжал в Москву, и мне удалось побывать у Орджоникидзе. Он, как и всегда, быстро разрешил все мучавшие меня вопросы и вновь подчеркнул необходимость внимательного изучения немецкой техники.

— В этом корень вопроса, — несколько раз повторил он. — Хотим дать вам новое задание, — положив руку на мое плечо, сказал Серго. — Мне кажется, что мы увлеклись мартеновским способом производства стали и совершенно забыли о конверторном. Я собирал металлургов — все они энтузиасты мартеновского способа, во всех учебных заведениях мы готовим специалистов по мартеновским печам. Конверторный способ расценивается как устаревший. Так ли это? — На меня смотрели внимательные глаза Серго. — Когда я этот вопрос поставил перед металлургами, они почти в один голос сказали, что это отживающий способ. В Европе были выстроены металлургические заводы, оборудованные конверторами, а теперь эти заводы доживают свой век.

Но мне стало известно, что англичане начали строительство нового металлургического завода, где устанавливаются не мартеновские печи, а конверторы. Конверторная сталь много дешевле мартеновской, да и построить такие цеха можно быстрее и дешевле. Вот вы во всем этом деле разберитесь и напишите мне. Тевосян вам пошлет подробное задание. Я с ним уже об этом говорил. Посетите главных воротил немецкой металлургической промышленности — Круппа, Рохлинга, поставьте перед ними вопрос прямо: как бы они на нашем месте стали развивать металлургическую промышленность? Начальники цехов здесь нам мало помогут. Надо поговорить с организаторами промышленности. Поезжайте прежде всего к Рохлингу. Скажите ему, что я прошу его ответить на вопрос: что бы он стал строить, если бы был на моем месте, — конверторы или мартеновские печи? Так просто и поставьте вопрос.

Вскоре после возвращения в Эссен из Москвы я получил обширную программу, в которой было изложено, что следует изучить по конверторному производству стали. Я сразу же стал готовиться к поездке на завод Рохлинга в Фольклингене. Здесь я был уже несколько раз и хороню знал и Саарбрюкен и маленький город Фольклинген.

С Германом Рохлингом у нас был заключен договор о технической помощи. Он был колоритной фигурой среди немецких промышленников и принадлежал к плеяде горячих

поклонников императора Вильгельма II. С Вильгельмом у него сохранились близкие отношения даже после того, как экс-император был выслан после войны из Германии и жил в Голландии — в Доорне.

Вильгельм также, вероятно, ценил Рохлинга. Во всяком случае, он помнил о нем. В день шестидесятилетия Герман Рохлинг получил от него поздравительную телеграмму.

Рохлинг хорошо знал европейскую промышленность, внимательно следил за ее развитием и вовремя принимал меры, чтобы отхватить себе наиболее интересные и выгодные области для вложения средств.

Это был старый, опытный волк промышленности. Он хорошо знал, какую овцу нужно хватать и за какое место ее легче всего удержать.

Приехав в Фольклинген, я оставил чемодан в гостинице и сразу же направился к главной конторе завода. С Рохлингом я встретился на лестнице. Он шел с молодой девушкой.

Здороваясь со мной, он познакомил нас:

— Моя племянница. А это русский большевик.

— Откуда вы знаете, что я большевик? Насколько мне известно, ни советские, ни иностранные газеты об этом не сообщали.

— Молодой человек, — в глазах Рохлинга можно было видеть огоньки иронии, — ваша партия является правительственной партией, так неужели же она не будет посылать своих членов на выполнение поручений за границей? Я никогда не задавал вам вопроса о том, член вы партии или нет. Не задавал потому, что не хотел и не хочу ставить вас своим вопросом в трудное положение. Но ваших практикантов я часто спрашивал об этом, и все они давали мне один и тот же стандартный ответ — беспартийный. Собственно, меня не интересовала и не интересует партийная принадлежность ваших людей. Я не имею к ним никаких претензий, они ведут себя корректно.

Меня интересует другое. Почему те, кто их инструктирует, исходят из того, что мы здесь все идиоты и будем верить тому, что они нам говорят. Но оставим этот разговор, он не имеет никакого значения. Так о чем же вы хотите со мной побеседовать? — спросил Рохлинг, когда мы, поднявшись по лестнице, вошли в его кабинет.

— У меня к вам поручение от Орджоникидзе. Скажите, как бы вы, будучи на его месте, развивали дальше металлургическую промышленность? Что бы вы строили — мартеновские печи или конверторы?

— Конечно, конверторы, — не задумываясь, ответит Рохлинг.

— А почему — конечно?

— В 1937 году вы хотите выплавить семнадцать миллионов тонн стали. Так ведь? Вы в Германии находитесь уже второй год, и вам, конечно, известно, что наиболее экономичным производство стали в мартеновских печах будет тогда, когда вы в печь будете загружать тридцать процентов чугуна и семьдесят процентов стального лома — скрапа. Цена тонны чугуна у нас в Германии составляет в настоящее время шестьдесят пять марок, а тонна скрапа — двадцать две марки. Исходя из нашего опыта, а он подтверждается практикой работы печей и в других странах, вам необходимо будет иметь для выполнения намеченного плана около одиннадцати миллионов тонн скрапа. А сколько вы будете иметь его в 1937 году?

Вопрос поставил меня в тупик. «Кто у нас может это знать?» — подумал я.

— Не знаю, — произнес я в смущении.

— Сейчас я вам скажу, сколько у вас в действительности будет скрапа.

Рохлинг нажал кнопку звонка и сказал вошедшему секретарю:

— Принесите книгу о положении на скрапном рынке.

Секретарь вышел и вернулся с большой книгой, напечатанной на машинке. Рохлинг стал листать страницы и вполголоса говорить:

— Греция, Венгрия, Франция, Англия. Вот Россия. Сколько же вы будете, иметь в 1937 году стального скрапа? Вот смотрите — четыре с половиной миллиона тонн. А чтобы мартеновские печи экономично работали, вам потребуется, как я уже сказал, одиннадцать миллионов. Следовательно, вы будете работать очень неэкономичным процессом, загружать в мартеновские печи огромное количество дорогого чугуна. А чугун вы могли бы перерабатывать более экономичным путем — в конверторах.

— Откуда вы знаете, сколько у нас будет скрапа? — спросил я Рохлинга.

— Имеется закономерность. Весь металл, произведенный в стране, через двадцать лет возвращается на металлургические заводы в виде стального скрапа. Конечно, это грубый метод подсчета, но вполне достаточный для оценки перспектив. Помимо собственного производства стали, вы также много металла в форме разного машинного оборудования и стального проката ввозите из-за границы. Мы на этот импорт сделали необходимую поправку и таким образом определили будущее количество скрапа в вашей стране. Я бы на вашем месте конверторы строил, а не мартеновские печи, — уверенно повторил Рохлинг.

— Почему же вы в Германии в последние годы не конверторы, а мартеновские печи строите? — спросил я.

— А нас сами условия заставляют это делать. При конверторном способе производства мы получаем до двадцати пяти процентов отходов — их полностью использовать нельзя, если не иметь мартеновских печей. У нас много дешевого стального лома, а у вас его нет. Я понимаю, почему вы строите мартеновские печи — вы исходите из того, что мартеновская сталь выше по качеству, чем конверторная. В общем это так, но конверторный процесс может быть значительно улучшен, мы работаем в этом направлении, и у нас уже сделаны значительные успехи. А кроме того, имеются большие области, где может быть использована конверторная сталь — например, в строительных конструкциях, и прежде всего в железобетонных конструкциях. Вы делаете такие смелые эксперименты в социальной области, почему вы так робки в области производства? Так и передайте Орджоникидзе, что на его месте я стал бы строить не мартеновские печи, а конверторы.

Меня заключение Рохлинга о нашей робости рассмешило. Если бы он только знал, какие смелые проекты мы уже осуществляем и еще более дерзкие вынашиваем. Придет время — узнает.

Рохлинг поднялся со своего стула и подошел к окну. Из окна открывался вид на холмы Лотарингии.

— Вы, вероятно, часто бываете по ту сторону границы — ведь ваш завод работает на руде, которая идет оттуда, — и я кивком головы показал на раскинутый вдали ландшафт.

— Нет, там я давно не был. Во Франции мне появляться нельзя. Французские власти приговорили меня к смертной казни.

— За что же это? — спросил я.

Рохлинг несколько замялся, а потом рассказал целую историю.

— Когда немецкая армия перешла французскую границу и несколько углубилась, я находился в тылу армии. У меня были специалисты. Вы понимаете — в это чрезвычайно напряженное для Германии время нам, металлургам, нужно было оборудование и стальной лом. Армия требовала много вооружения и снарядов. Не хватало ни стали, ни станков для ее обработки. Я организовал эвакуацию оборудования с французских заводов. «На войне, как на войне» — эта поговорка родилась во Франции, и все же французы осудили меня. Осудили сурово, — Рохлинг замолчал. На его лице появилась мрачная усмешка, и он вновь заговорил.

— Черт поймет этих французов. Еще повесить могут.

Через год после встречи с Рохлингом я попал на французский завод «Мипгвилль». Осматривая предприятие, я спросил сопровождавшего меня французского инженера:

— За что это вы Германа Рохлинга приговорили к смертной казни?

— За что? А вот вы сейчас увидите за что. Вы сами оцените, какой меры наказания он заслуживает.

При осмотре завода французские инженеры непрерывно показывали мне следы «деятельности» бригады Рохлинга. Взорванные строения, разбитые машины. Все, что можно было вывезти, было вывезено на территорию Германии, а что нельзя — безжалостно уничтожено.

— Вот смотрите, еще и до сих пор можно видеть результаты деятельности Рохлинга.

На заводской территории, заросшей высокой травой, громоздились развалины строения, а рядом стоял разбитый корпус паровой машины.

— Они не могли вывезти эту машину, но, чтобы не оставлять ее целой, соорудили специальные козлы и с них сбрасывали на ее корпус стальные слитки. Нехватка станков и стального лома здесь ни при чем. Они хотели отбросить нас назад, к каменному веку. Они хотят всех подчинить себе, хотят управлять всеми, а управлять легче нижестоящими. Равными управлять трудно. Они вели войну на уничтожение французской культуры, промышленности, всего французского. Много он вреда причинил металлургической промышленности Франции.

Утром, когда я подъезжал к Фольклингену, то прочел на первой странице местной газеты отчет о судебном процессе над Рохлингом. Французские оккупационные власти обвиняли его в антифранцузской пропаганде и создании в Лотарингии враждебной в отношении Франции атмосферы…

И вот мы беседуем с Рохлингом:

— У нас в области много угля, — произнес он, смотря в сторону границы, — но у нас нет руды — руда там, — и он поднял руку и махнул ей в сторону Лотарингии. — В мире много несправедливостей, молодой человек, их надо устранять, — и он плотно сжал губы.

— Я сегодня читал в газетах, что вам не повезло и здесь. Вас и здесь осудили, — сказал я Рохлингу. Он резко отвернулся от окна, в глазах у него горели веселые огоньки.

— Да, меня формально осудили, по процесс я выиграл. Я готов в сто раз больше заплатить, чтобы вновь получить возможность прямо высказать все свои концепции. Суд был открытым, и я изложил все свои мысли и сурово осудил политику

оккупационных властей. Газеты широко освещали весь ход процесса, за это можно было не сто марок заплатить, а значительно больше, — весело произнес Рохлинг.

Когда я уходил от него, он, прощаясь, еще раз сказал:

— Займитесь конверторным процессом — этот процесс себя далеко еще не исчерпал. Кстати, поинтересуйтесь работами Максимиллианхютте — это очень интересный завод. Они часть воздуха при продувке чугуна заменили кислородом и этим снизили содержание азота в стали. Мы также готовимся к подобным работам. Большие исследования по конверторному производству проводит профессор Дюрер в Шарлотенбургском политехническом институте. Орджоникидзе не зря интересуется этим производством — он хорошо чувствует биение пульса промышленности и правильно ставит диагнозы.

Этот разговор с Рохлингом я вспоминал впоследствии неоднократно. Как-то при встрече с Завенягиным в 1936 году я рассказал ему об этом и спросил:

— Скажи, а как в действительности работают у тебя на Магнитке мартеновские печи?

— Вот черт, до чего же точно Рохлинг предсказал, как мы будем работать. Когда ты с ним вел этот разговор?

— Осенью 1933 года.

— Мы загружаем в печи до шестидесяти — шестидесяти пяти процентов чугуна. Нам не хватает скрапа. Ну конечно, поэтому, в частности, и сталь дорогой получается.

Прошло еще тридцать лет, и у нас в стране стали вновь обсуждаться вопросы о конверторном производстве стали. Правда, теперь этот метод сильно изменился, а качество конверторной стали значительно повысилось. Уже мало осталось людей, сомневающихся в возможности ее использования для изготовления ответственных изделий. На ряде заводов построены и сооружаются новые крупные конверторы.

А передо мной вновь и вновь встает незабываемый образ железного наркома Серго Орджоникидзе — человека с большим даром предвидения.

Неужели я от него не отделаюсь!

В связи с поручением Орджоникидзе по изучению производства конверторной стали мне пришлось вновь поехать во Францию. С французскими промышленниками только что был заключен договор, и атмосфера была чрезвычайно благоприятной.

Узнав о моем приезде, «Комите де форж» предложил мне посетить металлургические заводы Лотарингии, и я выехал в город Мец. Было условлено, что я буду держать под мышкой журнал «Пари матч» и по этому признаку меня опознает инженер с завода Мишвилль, куда он должен был меня доставить.

Мы продумали все, за исключением того, как мы будем разговаривать. Французский язык я изучал в реальном училище, но с 1918 года не брал в руки ни одной французской книжки и безбожно забыл все, чему нас пыталась обучить учительница Роза Львовна.

Когда я вышел из вагона с журналом под мышкой, ко мне подошел инженер завода Мишвилль и спросил:

— Etes vous monsieur Emelianov?[97]

— Oui, monsieur[98].

Мы пожали друг другу руки, и он пригласил меня следовать за ним к машине.

По дороге я сообщил своему собеседнику, что не владею французским, а из иностранных языков знаю только немецкий.

— А я не знаю немецкого языка, — ответил мне мой новый знакомый.

— Что же мы будем делать?

Француз пожал плечами:

— Je ne sais pas[99].

Мы сели в машину. До Мишвилля более часу езды. Запас французских слов у меня убогий. «Неужели мы будем молчать всю дорогу? А как же быть там, на заводе?» Не прошло, вероятно, и двух минут, как мы отъехали от вокзала, француз спросил меня, читал ли я сегодняшние французские газеты? Они чрезвычайно благоприятно расценивают заключенное торговое соглашение.

К своему удивлению, я все понял. И мне захотелось обязательно сказать ему, как важно развивать сотрудничество между нашими странами. Я вспомнил реальное училище, уроки французского языка и учительницу Розу Львовну. Вот она поднимается на кафедру и стучит по столу: «Tranquille. Tenez vous tranquille»[100]. А затем почему-то быстро побежало, как светящиеся строчки телеграфного сообщения, спряжение

вспомогательного глагола «иметь»: «J'ai, tu as, il a, nous avons, vous avez, ils ont»[101].

Отвечая своему собеседнику короткими фразами, путая все грамматические правила, я все же говорил. Понимать ему, вероятно, было не менее трудно, нежели мне конструировать фразы. Француз терпеливо меня поправлял и повторял произнесенную мной фразу так, как она должна звучать по-французски. Час прошел совершенно незаметно. Когда мы выходили у конторы завода, инженер с иронической улыбкой спросил меня:

— А не можете ли вы мне ответить, на каком языке мы с вами всю дорогу разговаривали? Ведь вы мне заявили в Меце, что не знаете французского языка?

Меня пригласили сначала позавтракать, а затем начать знакомство с заводом. После обильного завтрака мы направились на завод. Меня сопровождал механик. Когда я попытался что-то сказать по-французски, он на довольно хорошем русском языке произнес:

— Не мучайтесь, говорите со мной по-русски.

— Как вы хорошо говорите по-русски, — с завистью вырвалось у меня.

— А мне стыдно плохо знать русский язык — я семнадцать лет прожил в Мариуполе.

— Да что вы?

— Завод Провиданс был заводом французской компании, и я был там так же, как и здесь, механиком завода. А сам я бельгиец.

На заводе в Мишвилле я пробыл три дня. В конце второго дня я не мог уже обходиться без газет и вечером решил купить любую газету, какую можно здесь достать. Недалеко от завода находился большой газетный киоск. Стараясь правильно произносить французские слова, я сказал, обращаясь к продавщице:

— Avez-vous des journaux russes[102].

Женщина подала мне… «Вечернюю Москву». Я был буквально потрясен.

Довольно свежая. «Вечерняя Москва» в маленьком городишке на севере Франции! Наверно, никто никогда не читал так «Вечернюю Москву», как тогда прочитал ее я. Я, кажется, не пропустил ни одной строчки, прочитал даже все объявления.

На заводе в Мишвилле было много интересного. Во главе стоял инженер, закончивший два учебных заведения — политехнический институт и математический факультет университета. Свои математические знания он с большим успехом использовал на заводе. Многие операции металлургического производства он проверял, производя

тщательный математический анализ. Здесь была создана интересная система транспорта сырых материалов к доменным печам, а сталь у них была дешевле, нежели на многих соседних заводах.

С завода Мишвилль я должен был ехать дальше — в соседний городок. Я поехал в такси. За рулем была молоденькая девушка. По дороге стали попадаться подводы — везли сливу и мирабель на заводы для производства ликеров. В этой части Франции сочетается промышленное и сельскохозяйственное производство — много фруктов перерабатывается на вино и ликеры.

Дороги хорошие, но очень узкие, хотя эго и не создает затруднений, так как движение здесь небольшое. Кругом поля и сады. Ехали мы со средней скоростью, вдруг я услышал, как что-то стукнуло в переднее стекло. Девушка остановила машину, вышла и вернулась с убитой маленькой птичкой.

— Я дальше ехать не могу, — заявила она. — Это моя душа. Она предупреждает меня, что дальше меня ждет смерть.

Лицо ее было бледно, а глаза наполнены страхом.

— Но ведь мне во что бы то ни стало надо попасть на завод — там меня ждут!

— Не могу, — решительно повторила девица. — Меня там ждет смерть. Это предупреждение, — и она протянула мне как вещественное доказательство мертвую птицу.

— Что же мне делать?

— Мы вернемся с вами в Мишвилль, и вы наймете другое такси. Я с вас ничего за проезд не возьму — это моя вина.

Мы стояли в поле. Высоко в небе кружили жаворонки. Была чудесная погода. Не верилось, что здесь, в центре Европы, еще существуют подобные суеверия. Но делать было нечего — надо возвращаться в Мишвилль.

…В конце моего путешествия по Лотарингии я решил, что нельзя быть рядом с Верденом и не посетить его. Я прибыл сюда поездом. На привокзальной площади стояло несколько такси. Я высмотрел пожилого водителя и направился к нему.

— Мне хотелось бы осмотреть места боев под Верденом, — с грехом пополам объяснил я ему. Шофер понял, что перед ним иностранец, и спросил, кто я — из какой страны. Когда он узнал, что я русский, его лицо расплылось в приветливой улыбке.

— Я участник боев под Верденом и могу вам все рассказать. Садитесь.

Я сел рядом, и мы поехали. Даже через пятнадцать лет эти места производили тягостное впечатление.

— Это место называется bois[103].

— Но почему же оно так называется? — спросил я. — Здесь

нет ни одного дерева.

— Все было снесено артиллерийским огнем. На этой почве долго ничего не росло. Теперь вот появились трава и кустарник, — пояснил мне мой гид.

Потом мы подъехали с ним к могиле «торчащих штыков».

— Солдаты готовились выйти из траншеи и взяли ружья, но в это время немцы обрушили на траншею шквал своих «чемоданов», и солдаты все были засыпаны землей. Их даже не откапывали. Видите, кое-где из-земли торчат штыки винтовок, — пояснял мне шофер.

Уже после войны эта траншея была преобразована в памятник. По обеим ее сторонам были поставлены небольшие колонны, возведена кровля, а между колоннами установлены решетки. Поехали дальше. Вот здесь была деревня — теперь стоит только вот этот столбик, на котором прикреплена дощечка с наименованием деревни. А еще дальше — огромное поле, занятое крестами и каменными плитами, — кладбище. Здесь многие тысячи крестов и плит, кресты для христиан, плиты для мусульман.

На холме в центре кладбища длинное строение, из центральной части которого поднимается башня.

— По ночам она освещается неоновым светом, так что видна издалека, — пояснил мне шофер.

Это страшный памятник жертвам войны. В подвальном этаже собраны кости и черепа погибших. Через многочисленные окна, расположенные на уровне земли, по всей длине здания можно видеть бесчисленное количество человеческих черепов.

А внутри все стены испещрены фамилиями тех, кто погиб во время осады Вердена. Здесь заделаны урны пли просто высечены имена сложивших свои головы. В довершение всего шофер предложил мне осмотреть форт Дуомон.

— Я находился в нем во время войны, — сказал он.

Мы осмотрели форт — спустились туда, где были казармы, хранилища боеприпасов, прошли к бойницам.

— Вот эти три метра перед фортом немцы не могли пройти в течение недели, но наконец все же им удалось их преодолеть. Бои продолжались у самого входа. Здесь, — и шофер обвел рукой равнину, простирающуюся у подножия холма, превращенного в укрепление, — здесь каждый метр продырявлен снарядом или пулями, все полито человеческой кровью.

Поздно ночью я вернулся в Париж, буквально потрясенный страшной картиной свидетельств самой кровавой битвы, которая была за всю-историю человечества. Под Верденом с обеих сторон пало около миллиона солдат.

На следующий день я выехал в Германию. В Аахене проверка документов. В коридоре вагона, в котором я ехал, мне показался подозрительным молодой человек, который несколько раз прошелся мимо моего купе. «Шпик», — подумал я. И вдруг мне пришла в голову сумасбродная мысль: «Неужели я от него не отделаюсь?» Вспомнил Баку. Когда я работал в подпольной организации, мне нередко приходилось уходить от шпиков. «Там ведь нужно было, а здесь зачем?» — подсказывал мне голос разума. Но очень уж казался мне нахальным этот молодой человек, прохаживающийся по коридору. Надо оставить его с носом, пусть не думает, что он все может.

Поезд подходил к Кельну. Здесь я часто бывал и хорошо знал вокзал. Пассажиры готовились к выходу. Они заполнили коридор, и «шпик» оказался изолированным от меня.

А что, если мне выйти в Кельне и доехать до Эссена в местном поезде? «Пусть он меня поищет», — мелькнула злорадная мысль. Я взял свой чемоданчик и вместе со всеми направился к выходу, но вышел на другой стороне, спустился прямо на железнодорожные пути, перешел их и по двум ступенькам поднялся на противоположную платформу. Здесь уже стоял поезд, на вагонах которого было написано: Eilzug nach Essen[104]. Я вошел в вагон и занял место у окна. Пусть теперь поищет! Поезд тронулся, и менее чем через два часа я был на вокзале старой части города. Но что это? На платформе по крайней мере пятнадцать жандармов. Когда я вышел из вагона, они улыбались. Наверно, думали в это время: «Что, захотел от нас уйти?»

Один подошел ко мне и, приложив руку к козырьку, произнес:

— Kommen Sie mit[105].

Меня отвели в комнату жандармского управления при вокзале.

— Откройте чемодан, — сказал один из жандармов, видимо старший.

— Кто дал вам право задерживать меня и производить досмотр моих вещей? — попробовал было я протестовать.

— Ну не хотите, так это мы сами сделаем, — оказал он. И, подойдя к шкафу, вынул большую связку ключей. Без особого труда мой чемодан был вскрыт. Расстелили на столе бумагу, открыли чемодан, стали выкладывать из него фотоаппарат, кассеты, старые газеты, номер журнала «Большевик», который я купил в одном из киосков Парижа, проспекты французских фирм, полученные мною на заводах. Когда весь чемодан был перерыт и выбрано из него все, что жандармы считали необходимым изъять,

они закрыли чемодан и тщательно завернули в бумагу все выложенное из него. Потом сверток связали шнурком, концы которого залили сургучом и опечатали. Когда они завершили свою работу, я сказал:

— Ну, а теперь позвоните начальнику гестапо, господину Воппелю, и передайте ему, что вы арестовали советского уполномоченного на заводе Круппа.

— Мы вас не арестовывали.

— А как же называется то, что вы совершили со мной?

— Воппелю мы звонить не будем, сегодня воскресенье, и его нет на службе.

— Тогда дайте мне его домашний телефон, я позвоню ему сам.

Мой тон был настолько уверенным, что жандарм беспрекословно открыл справочник телефонов.

— Вот телефон Воппеля, но я звонить ему не буду.

Я набрал номер. Абонент поднял трубку.

— Это господин Воппель?

— Jawohl[106].

— С вами говорит советский уполномоченный на заводе Круппа.

— Что опять у вас случилось? — услышал я недовольный голос.

— Я нахожусь в жандармском отделении вокзала. Меня сняли с поезда, произвели обыск и изъяли из моего чемодана ряд принадлежащих мне вещей.

— Передайте телефонную трубку тому, кто вас задержал.

— Возьмите трубку, — сказал я жандарму, который рылся в моем чемодане.

Жандарм взял трубку и почтительно изогнулся. Мое не известно, что говорил ему Воппель. Я только слышал короткие вопросы жандарма: и фотоаппарат вернуть, и газеты вернуть? Слушаю. Слушаю.

Он положил трубку, взял ножницы, перерезал шнурок и, открыв мой чемодан, стал поспешно укладывать в нею все то, что он вынул. Закончив, жандарм закрыл чемодан и, заперев его, обратился ко мне:

— Может быть, вам вызвать такси?

— Вызовите, — ответил я, хотя никогда прежде не пользовался в Эссене автомобилем. Когда подъехало такси, один из жандармов взял мой чемодан, а второй открыл дверцу, предлагая мне войти. Один поставил мой чемодан в машину, а второй, придерживая дверцу, произнес:

— Bitte schön[107].

«Кто является здесь настоящим хозяином? Крупп», — подумал я, вспоминая последний разговор с Геренсом, когда он мне сказал: «Ну мы что-нибудь сделаем. Я думаю, что вас больше беспокоить не будут».

Героизм коммунистов

…От хозяина-провокатора я ушел и поселился на Егерштрассе ближе к заводу. Новый хозяин, представитель одной из фирм, торгующих текстильными товарами, сдал мне две комнаты. Питались мы этажом выше — в другой квартире, хозяйка которой — фрау Рауэ — организовала небольшой пансион. Она сдавала комнату одному советскому инженеру и, кроме того, предложила готовить завтраки, обеды и ужины еще для четырех-пяти человек.

Муж был старше ее лет на двадцать, служил когда-то в армии кайзера и имел офицерский чин. Он был в отставке, получал пенсию, но ее не хватало, и жене пришлось сдавать комнату и готовить для советских практикантов.

После ужина мы обычно задерживались на квартире фрау Рауэ — хозяин приносил газеты, читал их, и мы обсуждали новости.

Шел процесс Димитрова, его мужественные и смелые речи вызывали восхищение не только у нас, они производили впечатление также и на многих немцев.

Как-то, читая газету, Рауэ остановился на одном из наиболее ярких и смелых выступлений Димитрова. В большом возбуждении он отбросил газетные листы в сторону, стукнул кулаком по столу и крикнул:

— Das ist doch ein Mann![108]

Мы гордились Димитровым. Он был коммунистом.

С февраля по апрель 1934 года газеты всего мира были заполнены сообщениями о гибели «Челюскина» и героическом поведении советских полярников. Миллионы людей следили за тем, как мужественно ведут себя наши люди, высадившиеся на льдину, и как самоотверженно пробиваются летчики к Чукотскому морю, чтобы спасти сто четыре человека.

В возможность их спасения никто на Западе не верил. В одной из датских газет появился даже поспешный некролог, посвященный начальнику экспедиции Отто Юльевичу Шмидту. Газета писала, что «Отто Шмидт встретил врага, которого никто еще не мог победить. Он умер как герой, человек, чье имя будет жить среди завоевателей Северного Ледовитого океана».

«Фелькишер Беобахтер», официоз национал-социалистической партии, злорадствовала. Газета считала, что со спасением людей ничего не выйдет. Самолеты, направленные для этих целей, погибнут, их ждет обледенение, «каждая посадка является риском и зависит от счастливой случайности».

И вот одна за другой телеграммы стали приносить волнующие вести об успехе героической эпопеи спасения людей. 5 марта летчик Анатолий Ляпидевский вывез всех женщин и детей, а 13 апреля самолеты Молокова, Водопьянова и Каманина забрали последних челюскинцев, вывезли даже всех собак.

Одна из эссенских газет писала, что таких людей, как Молоков и Каманин, любая страна мира считала бы за честь иметь своими гражданами.

Почти два месяца героика челюскинцев не сходила со страниц иностранной печати. А нам, представителям Советского Союза, все завидовали.

Wir sind Ausländer [109]

Вместе с очередной партией практикантов в Эссен приехал Дмитрий Иванович Анашкин. Анашкин был бакинцем. Его отец — старый большевик, всем нам хорошо известный, после расстрела 26 бакинских комиссаров стал одним из основных руководителей бакинской организации.

С Димитрием мы были знакомы. Во время борьбы с троцкистской оппозицией его подпись стояла под коллективным письмом Троцкому, о чем я уже упоминал.

Вполне понятно, что, встретившись за границей, мы все свободное время старались быть вместе. Перед первомайским праздником я порекомендовал всем нашим практикантам выехать из Эссена в Картхаузен. В Эссене могли быть демонстрации и не исключены были различные провокации против советских граждан.

Мы выехали в Картхаузен тридцатого апреля.

Рано утром первого мая мы с Анашкиным решили до завтрака прогуляться, и я предложил ему пройти в сторону небольшого городка Лютеншайда. Утро было тихое, теплое, на небе ни облачка, и мы шли по проселочной дороге, которая вилась среди картофельных полей между двумя изгородями из колючей проволоки. Шли и вспоминали прошлое. Анашкин рассказывал о том, что в студенческие годы его вдруг вызвали в Кремль и предложили работать в секретариате Сталина. В бакинский период Сталин нередко останавливался у Ивана Анашкина ночевать, и тот делил с ним последний кусок хлеба. В то утро Дмитрий вспоминал, как однажды поздно вечером отец вместе со Сталиным голодными вернулись с собрания. Мать могла поставить на стол только жидкий чай и корку хлеба — мякиш выщипали дети.

Дмитрий закончил институт имени Баумана и был направлен на строительство Горьковского автомобильного завода. С этого завода он и приехал в Эссен на практику. На Горьковском автомобильном заводе Анашкин занимал должность главного электрика.

Наш мирный разговор был нарушен звуками музыки. Из Лютеншайда навстречу нам двигалась колонна демонстрантов.

— Повернем назад, — предложил я Анашкину, — а то скандал может быть.

Но не успели мы сделать и нескольких шагов, как увидели примерно такую же группу демонстрантов, идущую по дороге в сторону Лютеншайда.

Мы оказались между двумя колоннами демонстрантов, идущими друг другу навстречу. Свернуть некуда. По обе стороны дороги картофельные поля, обнесенные проволокой. Делать нечего — надо двигаться. Отряд приближался. Впереди несли фашистское знамя со свастикой. За ним шли музыканты.

Только что мы поравнялись с отрядом, как к нам подскочил разъяренный руководитель колонны. Я успел выкрикнуть, предупреждая его вопрос и, может быть, расправу с нами:

— Wir sind Ausländer[110].

За несколько дней перед Первым мая в газетах было опубликовано разъяснение, что от иностранцев не следует требовать выполнения гитлеровского приветствия. Замахнувшаяся рука «начальника» опустилась, он повернулся и стал нагонять свою колонну.

— Еще бы немного, и нас, вероятно, избили бы, — сказал я.

В Германии тихих мест больше не осталось. Вся страна находилась в напряженном состоянии.

Коммунистическая партия Германии живет

Первый удар реакции после прихода Гитлера к власти обрушился на немецких коммунистов. Коммунистическая партия ушла в подполье.

За теми коммунистами, которые не могли скрыться, буквально охотились. В Эссене было арестовано три состава партийного руководства городской организации, члены редакции партийной газеты «Рур эхо», издававшейся подпольно.

Но полностью остановить работу коммунистической организации гитлеровцы не могли. Мы видели много ярких свидетельств упорной борьбы, смелости и изобретательности немецких коммунистов.

Так, 2 июля в Дортмунде были найдены листовки, озаглавленные: «Долой Гитлера! Гитлер разговаривает — народ голодает! Боритесь вместе с коммунистами».

На тротуаре одной из берлинских улиц в Темпельхофе огромными буквами был написан лозунг компартии: «За генеральную забастовку, против Гитлера». На берлинском заводе «Ортопедише верк» в массовом количестве была распространена брошюра «Под знаком креста» о поджоге фашистами рейхстага.

Полиция сбивалась с ног в поисках лиц, печатающих и распространяющих подобные газеты, листовки и брошюры.

30 июля газета «Berliner Tageblatt» сообщила, что в Брауншвайге застрелен эсэсовец, пытавшийся произвести обыск в доме, где по имеющимся сведениям печатались запрещенные листовки. Арестовано около тридцати подозреваемых лиц.

Начальник дармштадской полиции объявил, что всякий, у кого найдут нелегальную листовку, будет немедленно арестован и что полицейские агенты получили приказ расстреливать всех, кто распространяет эти листовки.

Во время Лейпцигского процесса, когда фашистское руководство поняло, что речи Димитрова являются суровым осуждением фашизма и его деятелей и служат мощным средством антифашистской пропаганды, было запрещено их печатание.

Эссенская подпольная коммунистическая организация хотела во что бы то ни стало довести до сведения общественности речи Димитрова на Лейпцигском процессе. Для распространения этих речей использовались все средства, даже сами же штурмовики.

Мне вспоминается такой случай. В один из воскресных теплых дней октября 1933 года на оживленной улице Эссена — Кеттвигштрассе несколько штурмовиков стали шумно распространять проспекты на бытовые электроприборы. На

глянцевой обложке проспекта были изображены электрочайник и утюг, а также слова «Ознакомился — передай другим». В проспекте не было ни слова об электроприборах, зато все страницы были заняты текстом речей Димитрова.

О том, что сами же штурмовики распространяли эти тексты, стало моментально известно в городе. Люди смеялись над их тупоумием и вместе с тем убеждались, что в подполье действует смелая коммунистическая организация.

Позже мне на заводе рассказали, что же произошло на Кеттвигштрассе в воскресенье.

Оказалась, что к двум штурмовикам, торговавшим вразнос брошюрками с речами Гитлера, Геббельса и других фашистских главарей, подошел парень в форме штурмовика. Подняв руку в фашистском приветствии и прокричав «Heil Hitler», «штурмовик», назвав имя начальника отряда, в котором состояли торговцы брошюрками, сказал:

— Начальник приказал вместе с брошюрами раздавать также вот эти проспекты.

Оставив торговцам по большой пачке «проспектов», он вновь поднял руку в приветствии и исчез.

Незадачливых распространителей речей Димитрова допрашивало фашистское начальство.

— Как же это так случилось, что вы, старые кадровые члены организации, вместо борьбы с крамолой сами участвуете в распространении запрещенных материалов?

Штурмовики упорно твердили:

— Нам дали эти материалы. Мы их получили от штурмовика в форме, он сказал, что это распоряжение нашего начальника, и даже назвал его имя. Сами мы не читали, что было написано в проспектах.

Эта история с быстротой молнии распространилась по Эссену. А еще до этого, перед самым Первым мая, местные фашисты испытали первый большой конфуз. На железной крыше казармы штурмовиков, окрашенной суриком в кирпичный цвет, появились слова, выведенные белой масляной краской: «Коммунистическая партия Германии живет и действует! Да здравствует Коммунистическая партия!» Это вызвало ярость фашистов. Удалить эту надпись оказалось не так-то легко. Пришлось вызывать пожарную команду с длинными пожарными лестницами. Появление пожарных привлекло любопытных — все глазели вверх и читали, весь район был взбудоражен.

Попытки пожарников соскоблить надпись не удались. Штурмовикам, скоблившим крышу, пришлось слезть, причем один из них, слезая с крыши, упал и сломал руку. У пожарной

машины появилась карета скорой помощи. А за всем этим наблюдала огромная толпа народа. Кое-кто взобрался даже на крыши соседних домов.

Пожарники уехали, затем вернулись вновь с маляром. На крышу взгромоздился маляр с ведерком краски и длинной кистью. Он получил задание закрасить белые буквы, что в точности и выполнил. Но после его «работы» на крыше были отчетливо видны слова, прославляющие Германскую коммунистическую партию, начертанные на этот раз ярко-красной краской. Эти слова долго сохранялись на крыше, вызывая восхищение смелостью коммунистов.

В городе появлялись листовки, выходила газета «Рур эхо». Хотя членов подпольной редакции выслеживали, арестовывали и ссылали в концентрационные лагеря, все же остановить ее работу фашистам долго не удавалось.

Но террор усиливался. В газетах пестрели заметки о политических убийствах, сообщалось об арестах и политических акциях. Размах национал-социалистической пропаганды ширился. Происходили митинги, уличные демонстрации, казалось, вся страна была приведена в движение. На улицах и площадях непрерывно маршировали штурмовики, члены союза гитлеровской молодежи — они распевали песни, оркестры играли военные марши. Под их музыку и дробь барабанов отчетливо слышался топот ног будущих грабителей Европы.

На заводах усилилось производство вооружения. Застои промышленности окончился. Оживилась работа отделов найма, у дверей этих отделов появились очереди. Уже в мае 1933 года «Berliner Tageblatt» писала, что «в средине февраля началось и с тех пор непрерывно продолжается снижение количества безработных». Но все же в мае 1933 года безработных в Германии было 5 333 000 человек.

На заводе Круппа лихорадочно началось наращивание темпов производства, количество военных заказов стало возрастать. В Эссене появилась большая группа приемщиков-японцев.

Ось Берлин — Токио пришла в движение.

Гитлер на заводе Круппа

Впервые я Гитлера увидел на митинге в 1930 году, когда он еще не был у власти.

Мы на этот митинг пошли вместе с Тевосяном. Истеричность выступления Гитлера произвела на многих большое впечатление. После выступления здесь же на месте производилась запись в национал-социалистическую партию. Записалось много. Эссенская организация национал-социалистов численно значительно выросла.

Затем я видел Гитлера на заводе Круппа. В этот день я рано утром вернулся из Берлина. И уже на вокзале почувствовал, что в городе что-то происходит — вокзал, привокзальная площадь и все улицы были украшены флагами.

Около дома на Егерштрассе, где я жил, расхаживал полицейский.

— По какому случаю вывешены флаги? — спросил я его.

— Гитлер и Геринг вчера приехали в город, — ответил он и прошел дальше, чтобы избежать дальнейших расспросов.

Я поднялся к себе на второй этаж. Жена рассказала мне, что вчера все жители города были на улицах. Машину, в которой ехал Гитлер, забрасывали цветами. Сегодня Гитлер на заводе Круппа.

Я отправился туда.

Сторож у ворот, здороваясь со мной, сказал, что Гитлер и Геринг только что проехали через эти ворота на завод.

— Я их и открывал им, — с гордостью сообщил он мне. — Сейчас они, вероятно, в прессовом цехе.

Прессовый цех был гордостью завода — здесь был установлен самый мощный в мире пресс, на котором достигалось давление до пятнадцати тысяч тонн. Высокий пролет цеха с кранами грузоподъемностью по триста тонн походил на некий храм, воздвигнутый высшему божеству, царящему здесь, — технике. Когда здесь ковались слитки весом свыше двухсот тонн — от них нельзя было отвести глаз. Вот огромный слиток на выдвижном поду нагревательной печи выкатывается в ковочный пролет, цепями, свисающими с крюков крана, приподнимается и передается к прессу. Повинуясь плавным движениям руки мастера, крановщик подает слиток на платформу и, наконец, вводит между колонн пресса. Свисток мастера, плавное движение кисти его руки — оператор приводит в движение механизм. Нажим — и двухсоттонный стальной слиток, как крутое тесто, расползается по сторонам. Со слитка сваливается толстый слой окалины.

Я часто бывал здесь, знал начальника цеха Гуммерта. Это был крупный специалист по ковке. Он хорошо знал процесс производства и как дирижер большого симфонического оркестра превосходно управлял уникальным оборудованием.

Понятно, что прессовый цех администрация завода всегда показывала именитым посетителям. Когда я вошел гуда, то у самого пресса увидел большую группу людей. Гитлер стоял в центре, что-то говорил и сильно жестикулировал.

Зачем он приехал в Эссен? Не затем же, чтобы посмотреть, как куют большие слитки.

За обедом я спросил Рауэ:

— Зачем это Гитлер пожаловал в Эссен?

— Официально — на свадьбу к эссенскому гауляйтеру, а на самом деле трудно сказать зачем. По всей видимости, у него много вопросов, требующих обсуждения с Круппом, Тиссеном и другими. Большую часть времени он проводит с ними… А нашим гауляйтером он недоволен. Мне передавали, что когда он сидел за свадебным столом, то поставил перед собой бутылочку Апполинариса и сделал всего несколько глотков этой воды, есть ничего не стал, хотя на столе были такие блюда, что сам Лукулл бы от зависти заикаться стал.

Гитлер считает, что гауляйтер сделал слишком дорогие подарки своей невесте, — продолжал Рауэ. — Вообще они слишком много лично себе забирают.

Никогда раньше в Германии этого не было. Кстати, вы слышали новый анекдот о Геринге? Так слушайте. Закрыли Бранденбургские ворота — там производятся крупные работы — все проемы переделываются в шкафы для костюмов Геринга.

(О Геринге ходили слухи, что он сшил себе невероятное количество костюмов и очень любит переодеваться, появляясь на митингах и собраниях каждый раз в новом костюме.)

…Вечером из Эссена выезжала группа практикантов, закончивших свою работу на заводе. Мы с женой пошли на вокзал, чтобы проводить их. Это стало у нас традицией: когда кто-либо из практикантов уезжал, все остающиеся собирались на платформе.

Экспресс Париж — Рига стоит здесь всего две минуты. Обычно все быстро втаскивают свои чемоданы и поспешно прощаются. Раздается голос дежурного, он поднимает палку с белым кружочком на конце, поезд трогается и быстро набирает скорость. Так было и этот раз. Но не успели мы направиться домой, как к противоположной стороне платформы стал подходить поезд. Все, кто находился на платформе, стремительно бросились к нему. Я тоже бросился вместе со всеми — мне

показалось, что там что-то случилось.

Мимо меня медленно прошли два вагона. У окна одного из них стоял Гитлер. Он опирался подбородком о согнутую в локте руку и смотрел куда-то вдаль, не обращая никакого внимания на то, что происходит на платформе. Он, казалось, был чем-то озабочен. Несколько раз до этого я видел его на митингах, а также в кино, когда передавали хронику. Там он был всегда сильно возбужден, что легко было заметить по горящим глазам, искаженному лицу и энергичной жестикуляции.

Здесь же передо мной было лицо сильно уставшего человека с потухшим взглядом ничего не выражающих глаз. Мне даже показалось, что это не глаза, а пустые глазницы. Я хорошо разглядел Гитлера, так как он медленно проплыл мимо меня на расстоянии какого-нибудь метра. Осатаневшая толпа, увидев фюрера, чуть было не сбила меня с ног, бросившись сплошной массой к вагону. Начались истошные крики: «Хайль! Хайль! Хайль!»

Утром знакомый шофер из эссенской конторы Дерупа[111] сказал:

— Гитлер вначале проводил совещание в Эссене, затем они переехали на виллу Круппа — Хюгель, а потом перебрались в Мюльхайм к Тиссену. Все договариваются.

Но тогда еще никто не предполагал, что близится варфоломеевская ночь и эти переговоры являются завершающим этапом перед разгромом штурмовых отрядов и перед началом планомерной организации мощной военной машины рейхсвера.

«Ночь длинных ножей»

В ночь с 29 на 30 июня из Эссена выезжали пять советских инженеров, закончивших практику. Мы с женой отправились, как обычно, на вокзал, чтобы проводить их.

Ровно в двадцать одну минуту первого подошел поезд, отъезжавшие сели в вагон, а мы, пожелав им счастливого пути, отправились по домам. С вокзала мы возвращались по пустынным улицам. Газовые фонари были притушены и горели через один. Город был погружен в глубокий сон.

Казалось, что в этом промышленном юроде, живущем жизнью завода, не может быть никаких перемен, так же как в ритме заводского производства.

Около часу ночи, когда мы вернулись домой, к своему удивлению, я увидел в передней свет. А ведь я погасил его, когда мы выходили из квартиры.

На шум открываемой двери вышел наш хозяин — Шютце, о котором я уже писал. Он был в полной форме штурмовика. Шютце долго скрывал от нас, что стал членом национал-социалистической партии. Боялся, что потеряет квартиранта. Впервые я увидел его в форме всего неделю тому назад. Обычно он ложился спать в одиннадцать, поэтому я сказал:

— Я думал, что вы уже давно спите.

Казалось, он не слышал и не видел меня. Лицо у него было какое-то серое, а глаза бегали.

— В городе неспокойно, — сказал он.

— А что такое? Мы шли с вокзала и ничего не заметили.

Он медленно замотал головой и несколько раз повторил:

— Не знаю, что же будет, что же будет.

— Да что же случилось?

— Не знаю. Что-то должно быть. Я не знаю что.

Мы с женой прошли в свои комнаты.

— Чего это Шютце не спит до сих пор? Они обычно ровно в одиннадцать часов тушат свет, а сейчас уже второй час ночи, — спросила меня жена.

— Говорит, что в городе неспокойно, а в чем дело — сказать не хочет. Знает, вероятно, что-то, но не говорит.

На следующий день, в субботу, как обычно я в семь часов утра поднялся наверх к фрау Рауэ — завтракать. Хозяин — старик Рауэ не появлялся, а хозяйка была молчалива и ограничивалась короткими ответами на все вопросы. Я ничего не мог понять.

На заводе ничто не свидетельствовало о каких-то исключительных событиях. Только в середине дня, когда я уже

собирался уходить с завода, один знакомый инженер сказал мне, что происходят большие события. Гитлер находится в Мюнхене. Арестован Рем и еще несколько человек. Рем вместе со Шлейхером готовились захватить власть. За их спиной стоит страна по ту сторону Рейна. Но Гитлер раскрыл все эти махинации.

Тогда я этим разговорам не придал большого значения. В субботу вечером мне также ничего не было известно о том, что происходит в стране. Шютце и его жена не попадались на глаза. Только на следующий день — в воскресенье, когда я прочитал «Berliner Tageblatt» с воскресным приложением журналом «Die Woche», мне стало более или менее ясно, что происходило в Мюнхене, Берлине и других городах Германии.

На первой странице газеты был крупный заголовок: «Die Absetzung Röhms»[112]. Ниже жирным шрифтом было напечатано: «Распоряжение Адольфа Гитлера — обергруппенфюрер Лютце назначен начальником штаба». А дальше пресс-служба национал-социалистической партии сообщала из Мюнхена: «С сегодняшнего дня начальник штаба Рем освобожден от своего поста и исключен из партии и из СА».

«Я назначил начальником штаба обергруппенфюрера Лютце. Фюреры СА и члены СА, которые не будут выполнять его приказы или противодействовать им, будут исключаться из СА и партии или арестовываться и предаваться суду. Подписано Адольфом Гитлером, верховным фюрером партии и СА».

Далее сообщалось, что фюрер отправился в Wiessee[113]с небольшим количеством сопровождавших его лиц, чтобы в самом зародыше подавить всякую попытку сопротивления. «При проведении ареста были раскрыты такие картины морального разложения, что должны исчезнуть всякие следы милосердия. Фюрер отдал приказ беспощадно искоренять эту бубонную чуму. Он приказал президенту Пруссии Герингу такие же акции провести в Берлине».

В тот же день в семь часов вечера рейх министр по пропаганде Геббельс в выступлении по радио подробно изложил, что происходило на вилле Рема. Он тогда заявил, что Гитлера сопровождали «его верные товарищи — Брюннер, Шауб, Шрек, Дитрих и я». И вот через тридцать три года, когда я писал эти строки, Дитриха с большими почестями хоронили в небольшом городке ФРГ — Людвигсбурге. Умер он в возрасте 74 лет от сердечного приступа. Нам трудно это себе представить, но таковы факты: один из самых близких Гитлеру людей открыто пользовался всеми благами жизни, имея за своими плечами тягчайшие преступления против человечества. На похороны

Дитриха собралось, как сообщала печать, более семи тысяч человек, в основном бывших эсэсовцев и их родственников.

…Газеты за первое и второе июля были заполнены сообщениями об арестах руководителей штурмовых отрядов, выступлениями Гитлера, Геббельса, Геринга. В городе говорили о том, что аресты и убийства продолжались всю ночь. Как стало позже известно, только в Берлине было арестовано не менее пятисот человек, преимущественно из высшего и среднего командного состава штурмовиков. Второго июля «Berliner Tageblatt» сообщила: «Säuberungsaktion beendet»[114], а дальше стояло: «Официально сообщается: мероприятия по чистке вчера вечером закончены. Дальнейшие акции в этом направлении не будут более иметь место».

13 июля Гитлер выступил в рейхстаге с речью, посвященной событиям 30 июня. После речи Гитлера Геринг зачитал резолюцию, в которой была одобрена «решительность действий рейхсканцлера, спасшего Германию от гражданской войны и хаоса».

Характерно, что в вотчине Круппа — Эссене эти дни прошли довольно спокойно. Начальник эссенской полиции объявил, что он послал в концентрационный лагерь двух человек за критику «вождя» и такая же судьба постигнет всех, кто осмелится критиковать установленные порядки.

Иностранная печать связывала расправу с Ремом и переговоры Гитлера с Круппом, которые имели место до «ночи длинных ножей», как окрестили события 30 июня. Так австрийская газета «Абендцайтунг» в начале июля 1934 года прямо писала, что убийство Рема произошло непосредственно после визита Гитлера к Круппу. Рем якобы требовал перемещения военной промышленности из Рейнской области во внутреннюю Германию. В связи с этим рейнская тяжелая промышленность объявила Рему борьбу не на жизнь, а на смерть.

Многому еще надо учиться

В июле 1934 года меня пригласил Геренс.

— Мы хотели бы встретиться с теми советскими лицами, которые могут обсуждать судьбу нашего договора. Мы готовы встретиться в Эссене, Берлине или Москве — где для вас будет удобнее.

«Будут ставить вопрос о разрыве соглашения, — подумал я. — Оно заключено на десять лет — прошло примерно пять». Из Берлина я послал Тевосяну телеграмму. «Геренс предложил организовать встречу для обсуждения вопросов о дальнейшей судьбе соглашения. По моему мнению, они будут ставить вопрос о разрыве соглашения».

Через пару дней я получил ответ:

«Согласны встретиться в Москве. Договоритесь о времени встречи. Выезжайте в Москву за день до приезда немцев».

И вот я в Москве. Прямо с вокзала к Тевосяну, домой заехал только за тем, чтобы оставить чемодан. У Тевосяна в кабинете уже находился профессор Григорович.

— Что там случилось? — спросил Тевосян. — Рассказывай все подробно. Вечером нас обещал вызвать Серго.

Я подробно стал излагать, как изменилась в последнее время на заводе обстановка. Об арестах и обысках у практикантов, о прекращении допуска наших специалистов в некоторые цеха завода, об увеличении количества японских военных заказов, об увеличении производства сталей военного назначения.

— Вне всякого сомнения, представители Круппа поставят вопрос о разрыве соглашения, — закончил я свое сообщение.

— Не думаю, чтобы это было так, — сказал Тевосян.

Григорович присоединился к его мнению.

— Они заинтересованы в договоре больше, чем мы, — объяснил свои соображения Тевосян. — Все основные сведения по производству качественной стали мы уже получили. На заводе практику прошли более двухсот наших специалистов, а платить по договору нам предстоит еще много. Они не дураки, чтобы отказаться от денег. Я думаю, что они хотят еще что-то у нас выторговать. Ну, завтра, во всяком случае, все будет ясно.

Во втором часу ночи нас с Тевосяном пригласили к Серго. Когда мы уже были в приемной, из кабинета Орджоникидзе стал выходить народ. У него, видимо, только что закончилось совещание.

Начальник Секретариата Семушкин, обращаясь к Тевосяну, сказал:

— Заходите, он ждет вас.

Мы вошли. Серго поднялся нам навстречу. У него был вид сильно уставшего человека. Он поздоровался с нами, потом положил руку мне на плечо и спросил:

— Ну что, выгоняют?

— Да, выходит, что так, товарищ Серго.

— А вы не уходите. Нам нельзя еще уходить. Учиться надо. Многому еще надо учиться… Узнайте, чего они хотят. Если денег — можно денег добавить. Заказы новые хотят — дадим новые заказы. А уходить нам рано… Так что поговорите с ними, осторожно выясните, чего они хотят. Вот только, если вас Гитлер не желает больше терпеть — ну, тогда я уже ничего не смогу поделать.

Мы ушли от Орджоникидзе, получив исчерпывающие указания.

На следующее утро в Москву прибыли два представителя фирмы «Крупп»: заведующий русским отделом доктор Эмке и главный юрисконсульт завода доктор Шу.

Ребенок должен сегодня умереть

С советской стороны в переговорах участвовали трое — Тевосян, Григорович и я.

Доктор Шу, имевший большой опыт в ведении переговоров, сразу же взял быка за рога.

— Тот ребенок, который родился пять лет тому назад, сегодня должен умереть. Мы прибыли в Москву с поручением договориться о ликвидации нашего соглашения.

После этой тирады о ребенке Тевосян как-то замялся.

— А на основании чего вы все-таки пришли к необходимости порвать соглашение?

— Видите ли, — начал доктор Шу, — когда подписывался договор, мы рассчитывали на получение солидных заказов, но этого не получилось.

— Можно вопрос о заказах обсудить. Мы могли бы предложить вам новые, солидные заказы.

Шу замолчал.

«Неужели они все же хотят с нас за техническую помощь сорвать еще что-то? — подумал я. — Мы и так платим много».

— Договор был заключен пять лет назад в долларах, как вы знаете, — снова начал Шу, — тогда курс доллара был в два раза выше. Сейчас доллар упал.

— Что же, вы хотите получить какую-то компенсацию? У вас есть какие-то конкретные предложения?

— Нет, у меня предложений нет, — устало и как-то безразлично ответил Шу.

— Может быть, тогда подумаете и этот вопрос мы обсудим завтра, если конечно, вы готовы будете к такому обсуждению.

— Ну что же, можно переговоры на сегодня прервать и встретиться завтра, если вы этого желаете, — сказал Шу.

Мы распрощались и проводили представителей Круппа.

— Все-таки, по-видимому, у них нет твердого намерения разрывать соглашение. Они просто хотят оказать на нас давление, — сказал Тевосян, когда немцы ушли. — Завтра они, вероятно, дадут какие-то предложения. Придется, вероятно, пойти на некоторую компенсацию в связи с падением доллара. Хотя для этого и нет оснований. Валюты всех стран мира упали. По новым заказам легче будет договориться. Нам сейчас так много всего требуется. Никак не можем сами со всем справиться. Можно будет обсудить, что они могли бы взять на себя, но я не представляю, с кем можно было бы вести переговоры на эту тему. Доктор Эмке в состоянии обсуждать такие вопросы?

— Думаю, что нет. У него совсем другая область. Непосредственно вопросами производства он на заводе не занимается.

Наутро новая встреча. Только сели за стол, Шу вновь повторил свое предложение о необходимости прекратить действие соглашения.

— Непреодолимые силы вынуждают нас это сделать, — сказал он. И, как бы поясняя, добавил: — Раньше нити из Берлина шли в Москву, теперь они расходятся по другим центрам. Это типичный случай форсмажора. Давайте разойдемся по-хорошему, — предложил он.

— Но какие же вы выдвигаете формальные причины для разрыва соглашения? — задал вопрос Тевосян.

— Фактические я вам изложил, а формальные, если вы дело передадите в арбитраж, мы найдем. Сейчас я не намерен обсуждать это. И для заключения соглашения и для его разрыва всегда можно найти основания, — добавил Шу.

Да, видимо, сохранить соглашение не удастся. Нити разрывались. Мы холодно распрощались. Доктор Шу и доктор Эмке на следующий день выехали в Германию.

Через день выехал и я. Надо было ликвидировать все свои дела в Эссене.

В Берлине

Но на этом моя деятельность в Германии не прекратилась. Меня задержали в Берлине. Необходимо было временно исполнять обязанности уполномоченного Наркомтяжпрома по Германии. В эти годы из-за обилия заказов, размещенных на немецких заводах и большого количества разного рода соглашений о технической помощи, потребовалось организовать представительство для руководства всей этой сложной деятельностью.

В августе я перебрался в Берлин. В Берлине у Советского Союза было несколько своих домов, в том числе дом на Гайсбергштрассе. Там я и поселился.

Условия жизни и работы все усложнялись. Власти стали чинить разного рода препятствия, а штурмовики создавали многочисленные конфликты. Объем заказов стал сокращаться, хотя многие фирмы и хотели сохранить установившиеся торговые связи.

Переговоры о заключении нового торгового соглашения затягивались. Они велись в Москве, и нам, находящимся в Берлине, не были известны все перипетии.

Огромный аппарат торгового представительства фактически бездействовал. У приемщиков не было работы. Старых заказов оставалось мало, новые не поступали. Многие сотрудники стали собираться домой. Разговоров о доме: Москве и ее жизни стало больше. В это время на экранах Советского Союза появился новый фильм «Чапаев». Восторженные отзывы о фильме мы не только читали в газетах, но и слышали от приезжавших из Москвы в Берлин. Все горели желанием посмотреть его.

А у нас, работников торгпредства, была еще одна причина желать поскорее увидеть этот фильм. Дело в том, что Анка-пулеметчица (Мария Попова) в это время работала в Германии в Торговом представительстве, и мы все ее хорошо знали. Экземпляр фильма направляли через Берлин в Париж для показа сотрудникам посольства. Мы упросили задержать его до утра и всю ночь смотрели. Мы его прокрутили много раз. Слетела вся усталость, и мы вновь переживали героическое время гражданской войны.

Земляки

В декабре в Берлин прибыла группа директоров советских заводов, которая возвращалась из Англии с выставки промышленного оборудования. Среди них был Борис Львович Ванников, в то время директор Тульского оружейного завода. Он зашел ко мне и попросил оказать ему содействие в посещении некоторых заводов Германии.

Закончив разговор, я предложил Ванникову пойти перекусить. Время было обеденное, а в здании Торгового представительства была столовая для сотрудников. Мы все обедали здесь каждый день, кроме воскресений. По воскресеньям она закрывалась, и нам приходилось обедать в немецких ресторанчиках. Несмотря на длительное пребывание в Германии, мы никак не могли привыкнуть к немецкой кухне. В особенности к отсутствию хлеба и к жидким бульончикам, приготовляемым из кубиков, поставляемых фирмой Магги.

В столовой Торгпредства была русская кухня, а на столах всегда стояли большие стопки нарезанного хлеба.

Мы заняли с Ванниковым столик и заказали обед. В это время мимо проходил Левон Шаумян, сын Степана Шаумяна, одного из двадцати шести бакинских комиссаров. Левон в эти дни также находился в командировке и Берлине.

— Здравствуйте, земляки, — протягивая руку, приветствовал нас Шаумян.

— Ну, мы-то с тобой земляки, а он какой же земляк? — сказал Ванников, кивая в мою сторону.

— Тоже наш, бакинец, — сказал Шаумян.

— Ты разве бакинец? — спросил меня Ванников.

— Да, конечно.

— Долго там прожил?

— Семнадцать лег.

— А когда выехал из Баку?

— В 1921 году.

— В 1919 году в партии был?

— Да.

Шаумян уже пообедал и подсел к нашему столику, внимательно слушая наш разговор с Ванниковым.

— А в какой же организации ты состоял?

— В ячейке союза металлистов.

Ванников положил ложку, посмотрел на меня и вдруг резко бросил:

— Ну знаешь, я сам в этой же ячейке состоял, и у нас таких

не было.

— А я секретарем ячейки был и тоже не знаю такого члена организации.

Мы оба отодвинули тарелки.

Вот так история!

Встретились двое из одной и той же подпольной организации. В организации было тогда всего четырнадцать членов ячейки, и один не знает другого! Что же это такое?

— Ну, скажи, а кто тогда был секретарем райкома? — вдруг задал мне новый вопрос Ванников.

— Ваня, — ответил я и в свою очередь спросил: — А как его фамилия?

— Тевосян. Теперь об этом можно сказать.

Тут только я заметил, что Шаумян смеется. Он нас обоих хорошо знал по Баку. И, все еще смеясь, спросил:

— Ну разобрались теперь?

Я стал вспоминать. Действительно, в организации был один чем-то напоминающий Ванникова. И наконец, в памяти встал энергичный молодой мастеровой с доков. Ванников в то время работал на ремонте судов. В нашей партийной организации он состоял недолго — перешел в другую.

И вот встреча в Берлине. Через пятнадцать лет.

Обед у нас прошел в воспоминаниях. А вечером мы опять были вместе. Он, оказывается, остановился в том же самом доме на Гайсбергштрассе, где жил и я. Спать легли часов в двенадцать.

Кого убили!

Поздно ночью меня разбудил сильный стук в дверь.

— Wer ist da?[115] — спросил я спросонья по-немецки.

— Открой, это я, Ванников.

Он был сильно возбужден.

— Кто там?

— Я только что говорил с Москвой. Звонил жене. Только успела она мне сказать, что в Ленинграде убили секретаря, как связь с Москвой прервали. Вторично я соединиться не смог.

— Кого же убили? Сталина или Кирова?

Ванников сел на кровать.

— У тебя есть какие-нибудь возможности связаться с Москвой?

— Откуда же у меня эти возможности? Они такие же, как и у тебя?

— Пойдем разбудим Арутюнова, — предложил Ванников.

Арутюнов, один из директоров, прибывших в Берлин из Англии, был ошарашен сообщением, как и мы.

Стрелки на часах показывали уже около пяти часов утра. Примерно через час выйдут газеты. Можно будет хоть узнать, что случилось — кто убит?

В начале седьмого вышли из дома. Было еще темно. Прошли втроем в сторону Цоо[116].

По вот наконец первые газетчики. Они пронзительно кричат. На первой странице крупными буквами напечатано — в Ленинграде убит секретарь областного комитета партии Киров.

Мы остановились как вкопанные.

— Что еще пишет газета?

— Больше ничего нет.

— Не может быть! — буквально взревел Арутюнов.

— Может быть, на других страницах что-нибудь есть?

Мы сели на скамью в саду зоопарка, и я стал шарить глазами по листам газеты, но, кроме этого короткого сообщения, ничего не мог найти.

— Я пойду еще газет принесу, — сказал Арутюнов. — Может быть, в других есть что-нибудь.

Зашли на вокзал Цоо. И я купил все вышедшие в то утро газеты. Но во всех было только лаконичное сообщение об убийстве и никаких комментариев.

— Что же случилось? — спрашивали мы друг друга. — Кто убил Кирова? У кого поднялась рука на любимца партии?

На этот вопрос мы не могли даже предположительно

ответить. Нами овладела какая-то смутная тревога.

В ночь под Новый год

В Торговом представительстве в Берлине был установлен такой порядок: в воскресенье один из сотрудников назначался ответственным дежурным. Он должен был разрешать различные вопросы, не терпящие отлагательства, принимать необходимые меры по телеграммам или обращениям, поступающим в Торгпредство.

…Несмотря на сложную обстановку, многие сотрудники решили все же встретить Новый год празднично. Один из них, назначенный ответственным дежурным, приуныл. Он собирался в своей компании встречать Новый год, а тут совсем некстати его на первое января назначили дежурным. Он обратился ко мне:

— Я готов за вас два воскресенья отдежурить, только замените меня первого января. Ведь вы все равно, как мне сказали, не собираетесь встречать Новый год.

Моя семья находилась в Москве, а в Берлине среди работников Торгпредства знакомых у меня было немного. И поэтому предложение о дежурстве меня даже обрадовало. Я не только не собирался встречать Новый год, но даже не знал, как мне поступить. Лечь в постель еще до 12 часов — нарушать давнюю традицию, а встречать Новый год одному — еще более дико.

Рабочий день 31 декабря закончился раньше обычного.

Меня, как ответственного дежурного, предупредили, что в новогоднюю ночь не исключены нацистские провокации. Надо быть готовым к этому.

Вот и последний сотрудник ушел из Торгпредства. Огромное здание опустело. Внизу, у парадной входной двери остался один только сторож — старик немец с собакой-овчаркой.

Дежурный обычно располагался в комнате на третьем этаже, где хранились все торговые секреты. Вместе со мной дежурными были оставлены инженер Горбунков и один из сотрудников Торгпредства.

В то время я брал уроки немецкого языка, и учительница усиленно рекомендовала мне читать немецких классиков. На дежурство я взял с собой томик Шиллера, решил в оригинале прочитать его «Разбойников».

Часов в десять вечера ко мне обратился Горбунков:

— Вы не возражаете, если я прилягу, вчерашнюю ночь я плохо спал. Что-то ко сну клонит.

— Ложитесь, я буду читать.

Горбунков снял туфли, вытянулся на диване, и через

несколько минут я уже слышал его легкий, спокойный храп.

В соседней комнате находился третий дежурный, до меня доносилось его тихое, вполголоса, пение:

Трансвааль, Трансвааль, земля моя.
Ты вся горишь в огне.

Читать я устал, отложил книгу и зашел к нему.

— Чего это вы о Трансваале запели?

— Как только вспомню об отце, так и начинаю петь эту песню, — отрываясь от бумаг, ответил он.

— Но какая же связь между вашим отцом и Трансваалем? Откуда у вас отец родом-то?

— Мы-то нижегородские. И отец, и я из Нижнего. Отец-то у меня в молодости воевал с англичанами, когда буры поднялись против них. Бросил все хозяйство и уехал тогда в Африку. Крюгер медаль ему дал, после войны-то и пенсию они ему установили. Вплоть до самой смерти он ее получал, до 1926 года.

На меня смотрели восторженные глаза рассказчика. Он гордился своим отцом и, заканчивая рассказ, глубоко вздохнул:

— Ну, а мне вот бумагами приходится заниматься. У меня со слухом осложнение — почти ничего не слышу.

Я вышел из комнаты и снова стал читать «Разбойников».

Было тихо. И вдруг задребезжал звонок сигнализации и замигали красные лампочки. Тревога!

«Ну, кажется, начинается», — мелькнула мысль. Я вскочил, опустил перед дверью железные жалюзи и бросился будить Горбункова. Он спросонья ничего не мог понять, но, увидев мигающие красные лампочки, сообразил и стал быстро надевать туфли.

Я поднял трубку телефона, ведущего к сторожу у дверей.

Знакомый голос спокойно спросил:

— Was wünschen Sie?[117]

— Вероятно, где-то лезут: сигнализация пришла в действие.

— Сейчас иду к вам, с собакой.

Старик сторож поднялся к нам. Собака вела себя спокойно.

— Нигде ничего подозрительного нет — я обошел все этажи.

— Но вы сами слышите и видите, что сигнализация действует.

— Пройду еще раз везде. Но ведь собака почувствовала бы.

«Что же происходит? — подумал я. — Сигнализация начинает действовать только тогда, когда где-то разорвана цепь. Ну, а если перегорит пробка? Это и есть разрыв электрической цепи!»

Я полез к ящику, где находились предохранители, и заменил

перегоревшую пробку — трезвон и мигание лампочек прекратилось. Причиной тревоги действительно оказалась перегоревшая пробка. Все успокоились, но читать больше я не мог.

Главные трудности у нас позади

Новогодний номер «Правды» открывался цитатой Сталина:

«Лозунг «Техника в период реконструкции решает все» имеет в виду не голую технику, а технику во главе с людьми, овладевшими техникой. Только такое понимание этого лозунга является правильным. И поскольку мы уже научились ценить технику, пора заявить прямо, что главное теперь — в людях, овладевших техникой».

А в передовой статье подводились итоги прошедшего 1934 года.

«Простая вещь. С одной стороны, на рубеже 1935 года, через 5 лет после начала кризиса, промышленное производство капиталистического мира на одну треть ниже уровня, существовавшего до кризиса, а в важнейших странах находится на более низком уровне, чем до войны.

С другой стороны, за один год выплавка чугуна в Советском Союзе выросла на 45 процентов, а по сравнению с довоенным уровнем продукция социалистической промышленности выросла в несколько раз.

…Яркими огнями горят наши достижения за 1934 год. Его справедливо называют у нас годом рекордов.

Блистательная эпопея спасения челюскинцев и поход «Литке», захватывающие, как сказка, «подвиги Эпрона и мировые рекорды в авиации».

…Главные трудности уже позади.

Само слово «трудности» начинает все реже встречаться в лексиконе наших хозяйственников. Трудности еще есть, они еще будут. Но это уже такие трудности, которые ничего не стоят по сравнению с теми, что нам пришлось преодолеть.

«Мы выиграли самое дорогое — время и создали самое ценное в хозяйстве — кадры» (Сталин). И мы можем смело рассчитывать на дальнейший еще более бурный рост всего хозяйства».

Читая эти строки, страстно хотелось скорее вернуться домой и использовать все те знания, которые были приобретены за годы пребывания в Германии.

Мы и они

…После всех треволнений дня, пересечения границ с их бесчисленными проверками паспортов и таможенным контролем, когда наконец все осталось позади и поезд спокойно двигался по территории Белоруссии, можно отдохнуть. Больше не будет никаких контролей и проверок.

Поздно, пора ложиться спать, но нахлынувшие воспоминания отгоняют сон.

Почему-то вспомнил совещание в Колонном зале Дома союзов. Оно проходило лет, вероятно, семь-восемь назад под девизом «Борьба двух миров». На совещании присутствовало много ученых. Академик Иоффе выступал тогда с докладом и говорил о городах будущего. Он говорил о той роли, которую играет в развитии цивилизации человечества энергия.

Иоффе перечислял все возможные источники энергии, объяснял, сколько энергии растрачивается зря, и рисовал перед слушателями рационально построенные города будущего, где все обдумано, рассчитано и ничего не будет производиться и расходоваться напрасно.

Много было и других докладов, посвященных использованию достижений науки и техники. Радужные перспективы открывались перед нашей страной, вместе с тем выступавшие отмечали застой в капиталистических странах, загнивание капиталистического общества от самой вершины и до основания.

Тогда меня волновали яркие картины будущего нашей страны, но картины, изображающие западный мир, цивилизованную Европу, мне трудно было представить, они были для меня слишком абстрактны. Я никогда не был за границей.

И вот теперь я вдосталь на это насмотрелся. Познакомился с Европой не по рассказам других.

Как же велико различие между двумя мирами!

Мы и они.

Там, на Западе, они зашли в тупик, из которого, казалось, нет никакого выхода.

Они развили производство, создают хорошие машины, инструменты, изготовляют прекрасные ткани. Их магазины наполнены изящной обувью, красивыми платьями и костюмами. У них много всего, и они многое могут производить — добротно и дешево. Они создали замечательные заводы, и над проблемами науки и техники в хорошо организованных лабораториях и институтах у них работают специалисты высокой квалификации. Они умеют решать задачи, связанные с производством. Но не

могут решить проблему распределения того, что производят. И поэтому они ищут путей к сокращению производства, уничтожают то, что добыто, сделано, выращено.

Мне казалось, что выйти из этого кризиса они не смогут. Их мир идет к катастрофе. Они уже близки к пропасти.

Гитлер развил бурную деятельность, но он зовет не вперед.

«Мы начинаем историю там, где она остановилась шестьсот лет тому назад», — вот что он говорил на митингах. Об этом же писал и в своей книге «Майн Кампф». — Уйти назад. Шестьсот лет назад — это средневековье.

Еще вчера, когда мы стояли на какой-то небольшой станции перед Минском, я видел на дверях лавчонки написанную мелом фразу: «Карасину нет и не извесна…»

У нас трудности тоже, но совершенно другого рода. Нам нужно много всего. Двадцать лет тому назад в нашей семье никто не имел двух смен белья, мы ели из одного блюда деревянными ложками, мы не могли купить чулки или носки — их вязала мать. Так жило большинство. Многие предметы первой необходимости были недоступны для большинства и являлись привилегией лишь немногих.

Теперь мы все хотим это иметь. Мы хотим создать в стране такие условия, чтобы все, а не избранные могли хорошо питаться, одеваться, жить в хороших домах.

Для нас казалось диким сдерживать развитие производства. Порча продукции называлась вредительством. У нас — страстное желание переделать страну, сделать ее богатой. Желание преодолеть все, что мешает движению вперед. Строить государство на основе разума.

Задачи эти грандиозны, они опьяняют. Подумать только — каждому по его потребностям! Это создавало настроение работать, не считаясь ни со временем, ни с усталостью.

Мы не хотели слушать тех, кто выражал сомнения или ворчал, не имея возможности хорошо пообедать. Так ли это важно! Мы только недавно вырвались из условий, когда голод был постоянным спутником жизни. Нас раздражали шептуны и скептики. Вместо того чтобы ворчать и критиковать все и всех, не лучше ли засучить рукава и работать, работать!

На Западе изобилие продуктов — это предвестник кризиса сбыта, падения акций на бирже, катастрофы и разорения для капиталистов. «Найдут ли они средство избавиться от кризисов перепроизводства?» — думал я.

Через двадцать лет, в 1955 году, я встретился с директором фирмы «Вестингауз» Ноксом. В составе советской делегации я прибыл тогда в Нью-Йорк для участия в сессии Генеральной

Ассамблеи ООН.

Нокс пригласил меня к себе в контору фирмы на Уоллстрит. Когда я поднялся на бесшумно работающем лифте и вошел в просторный кабинет Нокса, он, приветствуя меня, произнес по-русски:

— Очень рад видеть у себя русского инженера. Нам надо бросить валять дурака и начать развивать торговые отношения. Нам есть чему учиться друг у друга.

— Чему же, вы считаете, мы должны учиться у вас?

Нокс внимательно посмотрел на меня и сказал:

— Устраивать свой быт. Мы создали много полезного для облегчения быта, у нас появилось много приборов и приспособлений, облегчающих труд.

— А чему же вы хотите научиться у нас? — спросил я тогда Нокса.

— Плановому ведению хозяйства, — не задумываясь ответил он, — мы больше не допустим того, что было в начале тридцатых годов. Кризиса больше не будет!

Потом усмехнулся и добавил:

— Не рассчитывайте больше в ваших планах на кризис.

— Как же вы можете планово развивать свою экономику при наличии частного хозяйства? Вы можете заниматься планированием только своей фирмы, а такое планирование не спасет вас от кризисов.

— Договоримся. Найдем возможность договориться. Повторяю, кризисов мы больше не допустим. Не считайте нас за глупцов. Мы сделали выводы из уроков двадцать девятого года.

Так говорят они теперь. Но законы общественного развития неумолимы.

А вы на земле проживете…

Поезд опять стоит. Выпали из графика движения. Небольшая станция. Толпится народ. У многих руки всунуты в рукава. Ветрено. Деревья голые. В лужах прошлогодняя рыжая трава. Картину дополняют толпящиеся на перроне люди, одетые в платье с удивительно монотонным рисунком и расцветкой. Как отличается эта толпа от западной. Вспомнилась шутка: «Каких только цветов костюмного материала у нас нет — черный, серый, стального цвета, цвета угля, кокса, сажи».

Когда же все-таки мы сможем по-настоящему заняться производством того, что нужно народу для его потребления? Когда мы перестанем вывозить за границу то, что нам нужно самим? Доживу ли я до того времени, когда мы будем экспортировать сталь, станки, машины, а покупать, ну, допустим, галстуки?

Прошло тридцать пять лет. Я жадно слежу за растущим экспортом нашей промышленной продукции. Мне часто приходится бывать за границей — я стараюсь покупать там для себя только галстуки.

— Долю ли мы здесь простоим? — спрашивают проходящею мимо железнодорожника.

— Да, просто-им, — нараспев отвечает он. — Два встречных должны пропустить, да скорый нас нагоняет.

Прохожу в конец платформы. Откуда-то раздается красивый тенор:

А там в долине, где берег синий
И голубая даль,
Есть Россия, слышишь, страна,
Всем защитой служит она.

Тенор проникновенно передавал в песне свои чувства глубокой веры в страну.

Передо мной вновь всплыли картины недавнего прошлого. Всего три года прошло, как я уехал из Москвы, а сколько за это время пережито!

Перед глазами Эссен; огромный завод Круппа. Тоскливые глаза рабочих, боящихся как огня безработицы. А вот я они — безработные металлурги, которых я нанимал для работы на Кузнецком заводе.

Центр Парижа. Бульвары, и совсем рядом, на параллельной

улице — проститутка на костыле, с длинными бледными пальцами и покрытыми черным лаком ногтями.

А вот наглые лица штурмовиков, когда они проводили у меня обыск. В памяти проходят улицы Бохума, Дюссельдорфа, Кельна, Берлина. И мне кажется, что я слышу барабанный бой и топот их тяжелых сапог. В ушах звучат слова песни, свидетельствующие о чрезвычайном самомнении и наглости:

Wer will mit uns zum Kampfe ziehen,
Wenn Hitler kommandiert[118].

А припев доказывал полную деградацию их сочинителей и исполнителей:

Und wenn die Handgranate kracht.
Das Herz im Leibe lacht[119].

Все это для меня стало прошлым, а невидимый мне тенор начал новую песню:

А вы на земле проживете,
Как черви слепые живут,
Ни сказок о вас не расскажут,
Ни песен о вас не споют.

В слова «как черви слепые живут» певец вклады нал осуждение, презрение и, мне казалось, гнев. Кто он — этот певец с чудесным голосом, здесь, на этой маленькой станции?

Но вот паровоз дал протяжный гудок — поезд трогается, и я вскакиваю на ходу на подножку вагона.

…Можайск. Скоро Москва.

В МОСКВЕ И ЧЕЛЯБИНСКЕ

В Москве

…Ну вот наконец Москва.

Поезд медленно подходит к перрону Белорусского вокзала.

Меня никто не встречает. Может быть, задержались?

Я жду, рассматриваю вокзал. В глаза бросается надпись: «Вход». Что это значит? Высший хозяйственный… Нет, ничего не получается. Фу, да ведь это не сокращение — это просто слово «вход».

Дом, в котором я получил квартиру, недалеко от вокзала. Сдаю вещи на хранение и отправляюсь домой пешком.

Поднимаюсь на четвертый этаж. К двери приколота записка: «Ключи у соседей, звоните в соседнюю дверь».

Мне вместе с ключом дают короткое разъяснение: жена второй месяц лежит в больнице, дочь под Москвой — у тетки.

Открываю безлюдную квартиру. Неуютно. Позвонил в Главспецсталь. В управлении делами мне сказали:

— А мы за вами машину послали, но не сообразили, что вы шофера не знаете, а шофер не знает вас. Теперь будет, вероятно, до ночи стоять. Очень уж аккуратный и исполнительный он у нас человек. Что же нам делать? И послать-то больше некого.

— Я сам схожу, от меня это близко.

Записал номер машины и опять отправился на вокзал. Разыскал машину, забрал вещи, завез их домой и на этой же машине направился к Тевосяну.

Тевосяном был установлен такой порядок: все приезжавшие в Москву принимались им в тот же день. Он старался никого не задерживать и не любил, чтобы его ждали.

Он был один в кабинете, когда я вошел к нему. Мы поздоровались, и он мне начал рассказывать последние новости. Тевосян все еще находился под большим впечатлением решений XVII съезда партии.

— Большие задачи поставлены перед металлургами — нам нужно будет дать семнадцать миллионов тонн стали к концу второй пятилетки. Горячие головы называли и более высокие цифры, но Орджоникидзе сказал, что надо реалистически подходить к плану. Обрати внимание, что темп роста выплавки высококачественной стали значительно превышает темпы общего увеличения производства стали. Поэтому нам придется повысить число оборотов, — улыбаясь, сказал Тевосян. — Мы получаем ряд заводов, которые до сих пор выплавляли рядовой металл. Их необходимо перестроить на изготовление высококачественного.

На Главспецсталь возлагаются большие задачи. Необходимо

будет освоить производство многих новых типов стали.

Ну, а теперь давай поговорим о твоей будущей работе. Вообще говоря, есть два предложения. Одно — поехать в Запорожье заместителем главного инженера завода. Главный инженер там Кащенко, ты с ним знаком, он хорошо знает производство. Там есть где поучиться и поработать. Второе — поехать в Челябинск, там у нас главным инженером работает немецкий специалист Вальтер, ты его также знаешь. Вальтер через пару месяцев возвращается в Германию, и завод останется без главного инженера. Если хочешь, поезжай в Челябинск. Меня беспокоит только одно — как ты перенесешь уральскую зиму. Зимой там ведь очень холодно. Конечно, лучше всего было бы, если бы ты остался в Главке, но я боюсь этот разговор начинать снова. А может, все-таки останешься здесь, в Москве?

Еще в июле прошлого года, когда я приезжал в Москву, у нас был длительный разговор с Тевосяном о моей работе по возвращении из Германии. Он настойчиво предлагал мне работу в Главке. Мне же хотелось поработать на заводе, и я категорически отказался от этого предложения. Решение мое и теперь не изменилось, и я ответил:

— Нет, все-таки я хочу поехать на завод. В Челябинск.

— Ты когда можешь выехать на завод?

— Задерживаться в Москве я не собираюсь. Правда, у меня дома не все благополучно. Жена в больнице, и я еще не знаю, каково ее состояние.

— А что с ней?

— Ты же знаешь, у нее больное сердце.

— Может быть, помочь чем нужно? Где она находится?

— В клинике профессора Плетнева.

— Ну, ведь Плетнев у нас крупнейший специалист по сердечным заболеваниям. Как она себя чувствует?

— Не знаю, я еще не был у ней.

— Так ты иди, а завтра приходи прямо с утра — тогда мы более подробно поговорим о твоей предстоящей работе в Челябинске.

Мы распрощались, и я прямо от Тевосяна направился разыскивать клинику Плетнева.

Когда я вошел в палату, то жену не узнал, мне показа лось, что в кровати лежит маленькая девочка. Для ее лечения был применен какой-то новый диетический метод, в который входило питание лимонами. Мне предложили послать ее на два месяца в Сочи. Одна она ехать не могла, и пришлось отправить в сопровождении медицинской сестры. Из клиники поехал к сестре жены — повидаться с дочерью, которая пока жила у нее.

Сразу, в первый же день на меня свалилось много забот — и личных, и служебных.

Рубли из копеек складываются

На следующий день в девять часов утра я был уже у Тевосяна. Мы поздоровались.

— Что это у тебя глаза-то красные? Не спал, что ли? — спросил я.

— Работы много. Вчера засиделись. Собираюсь на этих днях с группой специалистов выехать на заводы. Я тебе уже говорил, что мы все время получаем дотацию. Себестоимость стали у нас очень высокая. На этот год мы получили семь миллионов рублей, но Серго предложил отказаться от трех миллионов и ограничиться четырьмя. Вчера как раз обсуждали эти вопросы. Решили на местах с заводскими работниками тщательно рассмотреть калькуляции. Возьму с собой из Москвы хорошего плановика и финансиста и на этой неделе выеду на заводы. Сначала хочу объехать уральские заводы.

У нас заводские работники вопросами себестоимости совершенно не занимаются. Листы с заводской калькуляцией они держат в руках, как неграмотный газету. Никто не знает, во что им обходятся многие изделия. Не знают цены на сырье, не знают стоимости отдельных технологических операций.

— Ты помнишь начальника цеха Мюллера на крупповском заводе? Он хорошо знал не только технику сталеварения, но и что почем. У нас, к сожалению, этого нет. Вот недавно я спросил директора одного из уральских заводов, во что обходится ему кубометр воды, так он обиделся на меня. «Ну, — говорит, — такими-то пустяками директору вовсе не обязательно заниматься, вода для нас никогда не была проблемой». Забывают, что рубли-то из копеек складываются.

Хочу сам во всем разобраться. Может быть, удастся совсем отказаться от дотации. Вот Серго обрадовался бы, если бы удалось снизить стоимость производства не на три, а на все семь миллионов!

Ну, а теперь давай о твоей работе поговорим. Так ты решил все-таки в Челябинск ехать, за ночь-то не передумал?

— Нет, не передумал.

— Что же делать, придется признаться, что я плохой агитатор и мне не удалось тебя уговорить. Тогда я буду оформлять твое назначение в Челябинск.

И мы перешли к обсуждению моей будущей деятельности в Челябинске. Тевосян рассказал мне, что завод за эти годы вырос, построен новый цех с крупными печами. Производятся многие сплавы. Но надо хорошо отработать технологические процессы, и

прежде всего в производстве феррохрома. Там плохо используется хромистая руда, огромное количество хрома теряется в шлаках. Некоторые сплавы, особенно необходимые для ответственных марок стали, на заводе еще не умеют выплавлять. Всем этим придется заняться. Работать там нелегко, хотя директор завода Власов очень энергичный человек и неплохой организатор, но и он не в состоянии устранить всех трудностей. На Урале заводы растут быстрее, чем энергетическая база, поэтому постоянным бичом является недостаток энергии, заводы все время ограничивают. В общем, трудностей хватает.

— Я тебе советую прежде всего изучить как следует все заводские отчеты и поговорить с Сергеевым — он недавно был в Челябинске и может тебе сообщить много полезного о положении дел на заводе, — заканчивая разговор, предложил Тевосян.

«Подопытные кролики»

Все остальные дни вплоть до отъезда пришлось провести в управлениях и отделах Главспецстали, знакомясь с планами, программами, отчетами Челябинского ферросплавного завода.

Мне сказали, что на завод только что выехал шведский инженер Стиг. С ним заключен договор, и он пробудет на заводе год, поможет наладить производство малоуглеродистых марок феррохрома. Позже оказалось, что Стиг по образованию химик, никогда на ферросплавных заводах не работал и технологии производства не знал. Сам по себе он был неплохой человек, но пользы от него не было. Он старался никому но мешать, отвечал только на те вопросы, которые ему задавали. Все его советы были тривиальны. Когда в производстве создавалось какое-то затруднение и необходимо было принимать решение, он обычно ограничивался шутками.

— Если не помогает кислота, действуйте щелочью, — так обычно учил нас профессор химии в Упсальском университете, — часто повторял он, когда от него ждали конкретного совета.

В то время иностранные специалисты получали двойные оклады — один в валюте (в долларах, марках, кронах или фунтах), второй — в рублях. Оклады эти во много раз превышали зарплату советских специалистов. Как правило, иностранцы получали в дополнение к окладу и бесплатную квартиру.

Некоторые из них приносили большую пользу, и затраченные средства сторицей окупались. Тем более было досадно, когда выяснялось, что другие иноспецы, как их тогда называли, не приносили никакой пользы.

В частности, как оказалось, Вальтер тонкостей технологического процесса не знал. Он был, правда, неплохим администратором, однако в наших условиях не мог применить свой опыт. Он много путешествовал и занимался тем, что сбывал в других странах оборудование фирмы «Сименс». Вместе с группой специалистов фирмы он выезжал в те страны, где требовалось смонтировать проданное «Сименсом» оборудование. Когда же он прибыл в Челябинск один, то очутился в трудном положении, ничего путного посоветовать не мог, и молодые советские, инженеры сразу поняли, что имеют дело с несведущим человеком.

Еще в первый мой приезд на завод в 1931 году я видел, что установленное «Сименсом» оборудование работает плохо. Печи часто выходили из строя. Вначале мы грешили на наших плавильщиков: не освоили, дескать, управление этими мощными

агрегатами (в то время это были наиболее крупные печи для выплавки ферросплавов). Таких печей нигде еще не было. В них было внесено много усовершенствований, нигде на практике не проверенных. Так что плавильщиков винить было неправильно. По существу мы учились на сверхсовременных печах производству сложных сплавов, а иностранные фирмы учились на этом оборудовании производству новой техники. Все же расходы несли мы, являясь вместе с тем своего рода «подопытными кроликами».

Взлет промышленности

Находясь в Москве, я почти каждый день встречался с Тевосяном, который делился со мной не только производственно-техническими соображениями, но также и политическими. Страницы газет были заполнены сообщениями об успехах промышленности. Эти сообщения даже по своей форме напоминали военные сводки. Их так тогда и называли — сводками с фронта труда.

Газеты напоминали также о капиталистическом окружении, о необходимости повышать бдительность. А в партийных организациях обсуждались вопросы об условиях строительства социализма в капиталистическом окружении.

Однако главное, что захватывало нас в те дни целиком, возбуждало и волновало, — было то конкретное дело, которым мы занимались. Успехи промышленности отодвигали в сторону все остальные вопросы.

Я помню состояние огромного подъема, в котором я находился, знакомясь с грандиозными планами развития производства. Я чувствовал, как промышленность, и в частности выплавка качественных сталей и ферросплавов, что меня особенно интересовало, стремительно поднимается. То, что еще пять лет назад казалось трудным, теперь уже разрешено или находится на путях к разрешению.

К VII съезду Советов Главспецсталью выпущена была книга «Качественная сталь». Обложка этой книги представляла собой тонкий лист нержавеющей стали, а на первой странице диаграммами была изображена динамика выпуска качественного проката и электростали за время с 1927 по 1934 год. Эти кривые круто поднимались вверх. Уже сама обложка книги говорила о больших успехах, о создании в стране нового производства — листовой нержавеющей стали. Я держал в руках эту удивительную книгу и читал ее захлебываясь. В предисловии было приведено много ярких примеров тех успехов, которыми были отмечены в этой области годы первой пятилетки.

…Царская Россия, с ее отсталой техникой, почти не имела качественной металлургии. Лишь немногие военные заводы производили в небольшом количестве качественную сталь…

К началу первой пятилетки в стране было изготовлено всего 90 тысяч тонн качественного проката, а через два года, перед VI съездом Советов, это производство возросло более чем в два с половиной раза, а еще через четыре года — более чем в пять раз.

…Успехи в развитии качественной металлургия сыграли

большую роль в сокращении импорта — мы сами стали производить то, что раньше покупали за границей.

Ошеломляющий успех первой пятилетки вселял глубокую уверенность в возможности быстрого решения всех основных задач второй пятилетки.

В Госплане происходили интересные совещания о создании промышленных комплексов, создавались связи между угольными месторождениями Кузнецкого бассейна и железорудными месторождениями горы Магнитной. Проблема освоения Востока нашей страны была новой и захватывала своим грандиозным размахом, дерзостью.

Я участвовал на совещаниях в Госплане, когда там развертывались ошеломляющие проекты строительства мощных гидроэлектростанций, больших металлургических заводов, химических предприятий и прокладки новых железнодорожных путей.

На этих совещаниях говорили о еще не тронутых богатствах Сибири. На геологических картах, иллюстрирующих яркие речи докладчиков, огромные черные пятна угольных месторождений Сибири подавляли своей величиной месторождения угля европейской части Советского Союза. В то время мы еще не ощущали во всей полноте тех трудностей, с которыми столкнемся, когда начнем освоение Сибири. Мы не представляли, с какими новыми проблемами, большими и малыми, придется встретиться.

Мы работали над проектами новых заводов, изучали современные технологические процессы, но часто забывали о том, как нам трудно будет доставать самые простые вещи — рукавицы пли войлочные шляпы, синие стекла для сталеваров или чернила для приборов с самописцами.

Мы не думали о том, где мы достанем посуду для столовых и оконное стекло для строящихся домов. Каждодневно возникали вопросы, которых не было при строительстве заводов в Европе — в обжитых местах, где было все необходимое для производства и быта людей.

Мы реально не представляли себе также, а как удастся в такой короткий срок стремительно поднять самих людей, тысячи людей до высот современной техники. В Европе этот процесс происходил постепенно — на протяжении длительного времени. У нас же он должен был совершиться небывало быстро. Ведь многие из пришедших тогда на заводы не имели ни малейшего представления о современной технике.

На память пришел 1927 год, когда в составе экспедиции я был в Алтайском крае. Мы собирались ехать из Бийска в село

Алтайское. На весь город здесь было тогда всего три легковых автомашины — две дали нам. Эти машины были брошены в свое время отступающими частями армии Колчака.

Автомобиль в этих местах был настолько необычен, что, встретившись на дороге с обозом, произвел большой переполох. Испуганные лошади стали рваться в сторону, несколько телег опрокинулось, и кладь с них полетела во все стороны. Пришлось остановиться.

В селе Алтайском нас моментально окружила толпа. Одна старуха, подойдя к машине, стала гладить ее по блестящей поверхности капота.

Я спросил:

— Что, бабушка, впервые, что ли, видите автомобиль-то?

— Да нет, милый, видела я их несколько раз, когда они пролетали над селом-то, но вот вблизи-то никогда не приходилось видеть. Впервые вижу вблизи-то.

Я подумал: «Какой парадокс! Эта женщина сначала увидела самолеты и только позже познакомилась с автомобилем».

Здесь, в этом же селе, я встретился тогда и с другими аналогичными свидетельствами стремительного внедрения нового. Кое-где в избах стояли уже первые радиоприемники, но крестьяне сильно удивились, увидев у нас патефон.

Многие за всю свою жизнь ни разу не выезжали из села, им был неведом другой мир.

А сколько у нас таких мест? Село Алтайское не было исключением. Стояла задача поднять всю огромную страну на уровень современной цивилизации.

Кто это должен сделать? Мы.

Успехи и неудачи

Тевосян мне говорил и о том, что в развитии металлургии много узких мест. Отстает развитие рудной базы, не хватает огнеупорных материалов, коксующихся углей. Желание производить больше и быстрее выполнять планы приходит в противоречие с укоренившейся производственной практикой небольших заводов, производящих простые стали. На уральских доменных печах руду и древесный уголь подавали вручную. Подвозили или на тачках или на лошадях, кирпич на всех строительствах рабочие носили буквально на собственном горбу, а котлованы под фундаменты рыли, используя кирку и лопату. Этими средствами строили новые заводы.

Уже значительно позже, будучи в Индии на металлургическом заводе Тата, я встретил старого американского металлурга-доменщика.

Узнав, что я из Советского Союза, доменщик страшно обрадовался, взял меня за обе руки и, не отпуская, стал расспрашивать о Кузнецком заводе.

— Ну, как работают мои доменные печи? Ведь я их строил в 1932 году. Вероятно, старых печей уже нет. Так хочется хотя бы на пару дней попасть в Кузнецк и посмотреть, что там у вас делается. Вы так далеко ушли за эти годы. Поверьте мне, в мире нет сейчас лучших доменных печей, чем ваши. Это вам говорит человек, знающий доменное дело.

— Чем же они хороши? — спросил я его.

— Такой автоматизации и насыщенности приборами управления, как на ваших последних доменных печах, нигде нет.

Этот разговор состоялся в начале 1960 года.

И действительно, используя самые последние достижения науки, мы создали приборы, позволяющие заглянуть туда, куда не мог и никогда не сможет проникнуть глаз человека — внутрь работающей доменной печи. Новые приборы, основанные на использовании радиоактивных излучений, дают возможность наблюдать, как движется в печи руда, кокс, газы, и автоматически управлять процессом производства чугуна.

Теперь мы помогаем строить доменные печи другим странам, в том числе Индии, Цейлону.

А двадцать пять лет назад на многих доменных печах Советского Союза основным средством механизации была лошадка, подвозящая к печам уголь и руду, а единственным контрольным «прибором» — глаз мастера.

Я вспоминаю, с каким восхищением мы смотрели в те годы за

работой скипового подъемника, загружающего железную руду и кокс на доменной печи крупповского завода в Борбеке.

А в 1959 году, когда я был в США, один нагловатый молодой журналист в поисках сенсации спросил меня:

— Скажите, что вас больше всего поразило в США?

Я ответил ему:

— Меня больше всего поразило то, что вы думаете, что нас можно чем-то поразить.

Нет. Времена, когда мы поражались, приезжая за границу, давно прошли. Если у нас теперь и возникают какие-то чувства, когда мы видим в других странах вещи лучше наших, то это не чувство удивления, а скорее раздражения на самих себя. Ведь вот могли бы сделать и это не только не хуже, а даже лучше, знаем, как это можно сделать, а пока не делаем. Вот первая мысль, которая возникает, и желание скорее перенять опыт, да не просто перенять, а сделать еще лучше.

Подъем на нынешние высоты был нелегким. Мы спотыкались и падали, набивали синяки и шишки. Нас сопровождали не только успехи, но и неудачи.

Как-то мне рассказали об аварии, имевшей место на заводе «Электросталь». Шел ремонт электропечи, руководил им молодой инженер, недавно закончивший Горную академию. Он знал, что по правилам техники безопасности необходимо заземлить корпус печи, чтобы избежать опасности удара током. На медные шины токоподводящей системы он положил железный ломик и соединил его проводом с землей.

Закончили ремонт, и печь можно было включать. Но инженер забыл убрать положенный им на шины железный лом. Включили печь, и произошло мощное короткое замыкание, которое повело к тому, что стали отключаться многие фабрики и заводы этого района.

Инженер был так напуган, что решил скрыть причины катастрофы и зарыл ломик со следами медных полос во дворе завода. Инженер все же был арестован, но, боясь ответственности, долго не хотел объяснить действительные причины аварии. Затем он рассказал все, как было на самом деле, и его освободили.

Неудачи, которые тогда случались, нам порой даже трудно было объяснить. Тем труднее было понять их неспециалистам. Значительно проще и логичнее предположить, что все, что не клеится, — результат действия враждебных сил.

К сожалению, силы эти на самом деле существовали и действовали. Мне приходилось лично сталкиваться с лицами, не только неприязненно относившимися к советским порядкам и мероприятиям партии и правительства, но и старавшимися

активно помешать нашему стремительному развитию.

В Горной академии, например, среди профессоров, преподавателей и студентов, безусловно преданных Советской власти, были и бывшие врангелевские офицеры и офицеры царской армии, лица дворянского происхождения, носители знатных титулов.

Некоторые из профессоров были связаны родственными узами с золотопромышленниками. Часть из них в недавнем прошлом принадлежала к политическим партиям, которые вели ожесточенную борьбу с большевиками. Они привыкли к другим порядкам. Думалось, что пройдет некоторое время и они приспособятся к новым условиям, сложившимся после революции. Так мы считали и, исходя из этого, строили свои отношения с ними.

Тогда у меня не возникало мысли, что кто-то, где-то плетет сети против нас, строит козни, вынашивая коварные планы разрушения всего того, что мы создаем. Но действительность была гораздо сложнее, чем это представлялось нам, молодежи.

В 1929 году, когда я был еще студентом, профессор Чижевский предложил мне место лаборанта в своей лаборатории в Московском отделении института металлов. Директором отделения в то время был Чарновский.

— Пройдите к Чарновскому и передайте ему эту записку.

В записке излагалась просьба о моем зачислении лаборантом.

В то время студенты одевались в такую одежду, какую могли достать. Мне посчастливилось. Портной, живший во дворе Горной академии, сшил мне из потертой и бывшей уже в употреблении диагонали студенческую куртку и брюки. Кроме того, у него был закрой на студенческую фуражку.

Таким образом, я оказался обладателем студенческой форменной одежды, что имело немаловажное значение при моем разговоре с Чарновским.

Посмотрев на меня оценивающим взглядом, он спросил:

— Где вы эти три дня пропадали?

(Я появился у него на третий день после получения записки от Чижевского.)

— Нам надо спешить укомплектовать отделение своими людьми. Иначе какой-нибудь райком направит к нам «товарищей».

Видимо, мой студенческий сюртук и записка профессора были для Чарновского свидетельством того, что я не могу быть членом партии.

Энтузиасты-мечтатели

Вспоминая тридцатые годы, я вижу перед собой целую галерею лиц, и среди них большой редкостью были лица со скорбным выражением, напоминающие древних святых, как их изображали суздальские богомазы, хотя такие и встречались. Их так и называли — «святые». Но они не были характерными для того времени. Выли еще «начетчики», «законники», как их окрестили. Они когда-то что-то выучили и застыли на этом, были мало подвижны, без «искры божьей». Как уродливая родинка на веселом, жизнерадостном лице, эти люди были не нужны. Огромное же большинство было через край наполнено радостью творческого труда, безграничной верой в правильность избранного пути. Это были живые люди, а не манекены, со всеми их человеческими слабостями, чувствами, страстями, страданиями и радостями.

То было время стремительного движения страны вперед, и на фоне этого движения многие личные чувства горя или радости не замечались — они поглощались общим горем, если оно случалось, общей радостью, если она приходила. Слово «мое», мне кажется, было в те годы мало популярным — его стыдились произносить. «Наше» повторялось наиболее часто. Слово «мое» было связано с прошлым, а от него хотели избавиться навсегда.

Кто-то в шутку сказал тогда, что необходимо сделать реформу русской грамматике: уже сейчас ее можно упростить и местоимение «я» исключить, оно не нужно, ведь обходятся же англичане без слова «ты».

Люди жили интенсивной жизнью созидания нового общества, отдавая этому все, что они могли отдать. Но они делали это не как подвижники, без всякой театральности, без позы и, совершая героические поступки, сами не замечали своего героизма.

Этот огромный коллектив энтузиастов, участников первых пятилеток был чрезвычайно пестрым, он состоял из людей с различными характерами, наклонностями, чувствами, но все это разнообразие сливалось в одном большом общем стремлении поднять страну, завершить начатое великое дело.

Тем не менее жизнь людей, с их страданиями и радостями, шла своим чередом. В большом коллективе, захваченном общим движением, одновременно складывались также и индивидуальные судьбы людей. И все же характерными для того времени разговорами на работе, собраниях, дома были разговоры об общем деле, о событиях в стране и за ее пределами.

Личное не считалось главным, но все же иногда становилось

предметом разбирательства и напоминало, что нельзя игнорировать личные мотивы жизни людей. Я вспоминаю, как в большой компании одна женщина, находившаяся, вероятно, в очень трудных жилищных условиях, усомнилась — нужно ли строить Дворец Советов? Лучше было бы квартир строить больше. Я помню гневные возражения большинства присутствующих там:

— Нет, нам нужны именно вот такие монументальные сооружения. Все наше, советское, должно быть самым лучшим, самым привлекательным в мире. Самые лучшие товары, самые лучшие заводы, самое лучшее метро.

Всю свою «женатую» жизнь в Москве до отъезда за границу я прожил в бывшей бане. Низкие сводчатые потолки и кирпичные стены как будто были навечно пропитаны влагой. Капельки влаги, как пот, выступали на стенах и тонкими струйками стекали на пол. Мы клали у стен тряпки и, когда они намокали, выжимали их над раковиной и снова укладывали на место.

Но если бы в то время кто-то предложил упростить проекты роскошных, облицованных мрамором станций метрополитена и обратить сэкономленные средства на расширение жилищного строительства, то я, как и огромное большинство тех, кто находился в таких же стесненных условиях, не поддержал бы таких предложений.

Да, мы были мечтателями, и мы хотели любой ценой осуществить наши мечты. Мы готовы были отказаться даже от необходимого.

И все же, вопреки такому нашему отношению — и это вполне естественно — личная жизнь у нас была. Мы влюблялись, страдали муками ревности, осуждая в то же время тех, кто слишком много уделяет места своим личным горестям.

Мы растили детей и тяжело переживали, когда трудно было достать питание для ребенка. Сами-то мы научились с детства стоически переносить все лишения, они нас мало трогали.

Вспоминаю, что в те времена, когда в нашей стране были открыты магазины торгсина, где на валюту, а также золотые и серебряные вещи можно было достать некоторые товары, у меня сильно заболел ребенок. Врач сказал:

— Хорошо бы достать пару лимонов или апельсинов. Их можно купить в торгсине. Наверно, у вас найдется все-таки какое-нибудь золотое колечко или брошка. Для единственного ребенка не надо ничего жалеть.

У старого врача на носу было пенсне в золотой оправе, а на безымянном пальце левой руки — толстое золотое обручальное кольцо. Галстук заколот булавкой, тоже, видимо, золотой. Все эти вещи мне казались рудиментарными органами прошлого. У нас с

женой не было ничего, ни одной крупицы золота или серебра.

Я не знаю, какая сила и почему привела меня к торгсину. Он помещался в здании нынешнего Центрального универмага. Я стал перед витриной, где большой пирамидой были уложены апельсины, лимоны и мандарины, но они для меня были абсолютно недоступны.

Слова врача: «Для единственного ребенка не надо ничего жалеть» жгли меня, как раскаленные железные прутья. Я весь был наполнен бешенством, и если бы можно было выплеснуть все те слова, которые клокотали во мне, то они ужаснули бы всех любителей изящной словесности.

Но в них был гнев, обращенный к капиталистическому миру, который мешает нам строить и, пользуясь нашими трудностями, только на золото продает Советскому Союзу то, что крайне необходимо.

В эти годы чувство товарищества, взаимной поддержки было развито исключительно широко, и помощь иногда приходила совершенно неожиданно. Товарищи помогли мне.

В чем же дело!

«Что же меня ждет на заводе?» — думал я, изучая материалы о его деятельности по отчетам и докладам. Опыта заводской работы у меня было мало — я работал главным образом в лабораториях. С чем придется столкнуться на заводе?

— Неукоснительное соблюдение технологии должно стать законом. На заводе слишком часто вносятся изменения в технологические инструкции. Там много проводят разных опытов непосредственно на производственных печах, — рассказывал мне Тевосян о положении на заводе, когда мы обсуждали с ним стоящие передо мной задачи. — Правда, у нас нет, к сожалению, экспериментальных печей, на которых можно было бы ставить предварительные опыты и отлаживать технологию.

Посмотрим, может быть, следует построить небольшую опытную печь. На заводе есть неплохая лаборатория. Мы перевели туда одного из хороших работников с завода «Электросталь» — Бабаева. Он знает дело. На него можно положиться.

Чувствовалось, что Тевосян уже знал и само производство, и заводских людей.

— Помни, высокое качество и низкая себестоимость — вот главное, на что необходимо обратить особое внимание.

«Почему же у нас сплавы так дороги?» — думал я.

Когда-то я побывал на маленьком уральском заводике. Там выплавляли сплав — ферросилиций. Его себестоимость была значительно ниже себестоимости такого же сплава на новом большом ферросплавном заводе в Челябинске.

— Дорогое современное оборудование плохо используется, производится много брака. Часть механизмов постоянно находится в ремонте, — откуда-то издалека слышал я голос Тевосяна.

Бичом производства были также транспортеры. Острые грани кусков кварцита, как хорошо отточенные ножи, резали прорезиненную ткань транспортерной ленты.

— Что же мы делаем? — часто можно было слышать на собраниях. — В древние времена каменными ножами первобытные люди тоже пользовались, но они были мудрее нас. Они их применяли с пользой для себя. Мы этими ножами портим свое же оборудование.

Элеваторы для подъема кусков дробленой руды также были предметом постоянной критики.

От неполадок на Челябинском заводе мысли мои перешли к

общим недостаткам в развитии нашей промышленности.

При проектировании заводов и цехов для новых производств часто мы по аналогии принимали те же самые инженерные решения, которые лежали в основе старых, уже сложившихся производств. Особенности же новых процессов не учитывались чаще всего потому, что о них нам ничего не было известно.

В Швеции я обратил однажды внимание на то, что почти на всех металлургических заводах по новым производствам создавались опытные — пилотные, как их называли, установки. На этих установках и проверялись все новые процессы, прежде чем передавать их в производство. У нас, как правило, их нигде не было. Новое в большинстве случаев прямо из лаборатории шло в цеха. От пробирки к производственному агрегату, без какого-либо промежуточного звена. Это создавало дополнительные и немалые трудности в освоении новых производств.

Все эти вопросы мы неоднократно обсуждали с Тевосяном.

— Курсы надо будет создать на заводе. Сейчас очень важно заняться обучением людей, — советовал он. — На многих заводах организованы уже курсы мастеров социалистического труда. В Челябинске ведь много грамотных инженеров, их можно было бы с успехом использовать в качестве преподавателей на этих курсах.

Тевосян излагал то, что требовало особого внимания, а я сидел, слушал и думал:

«В чем же дело? Чем объяснить такое общее положение? Объяснение, видимо, одно: у нас не было тогда ни достаточного опыта, ни необходимых знаний для решения всех этих задач новой техники».

Через десять лет мне пришлось окунуться в новую, неизмеримо более сложную область науки и техники — атомную. И я мог видеть и ощущать те колоссальные изменения, которые произошли в стране за это десятилетие. В этой новой для всего мира области науки и техники у нас не было ни одной неудачи и ни одного просчета. Но эти успехи были результатом предыдущих жестоких лет учебы, когда мы находились еще в младших классах.

На пути в Челябинск

Но вот наконец я еду в Челябинск. В купе нас двое. Мой попутчик — инженер, специалист по коксованию углей — едет на Магнитогорский завод. Это настоящий гурман. У него большая сумка, набитая разными закусками. Всю дорогу он мне рассказывает, как готовятся те или иные блюда и почему они так называются. Уже поздно. Ложимся спать, но с верхней полки до меня все еще доносится его повествование о кулинарии различных стран и народов.

— А суточные щи, знаете почему они так называются?

— Нет, не знаю, — в полусне отвечаю я.

— Так вот, знайте же. Суточные щи готовят таким образом, если это, конечно, не профанация, а настоящие суточные. В горшок, обязательно глиняный, облицованный, вкладывают мясо и все необходимые ингредиенты, закрывают крышкой и щель промазывают крутым тестом. После этого горшок со всем содержимым помещают в русскую печь и томят там двадцать четыре часа — сутки. Поэтому-то они и называются суточные. Когда горшок с такими щами вынимают из печи и снимают крышку — аромат разносится по всей комнате.

Он рассказывал так, что я даже в полусне ощущал этот аромат.

Утро. Пересекаем Волгу. На станциях предлагают молоко в обмен на хлеб. С хлебом здесь неважно, перебои.

Станция Полетаево. Здесь у меня пересадка. Поезд направляется в Магнитогорск. Поезда чередуются — один день в Челябинск, второй — в Магнитогорск.

По этой дороге я проезжал не раз. Перед окном знакомые картины станционных строений, неизменные будки с надписью «Кипяток». Во время остановки поезда у них моментально образуется очередь. За решеткой, отделяющей перрон от станционного поселка, обычно шла торговля. Женщины, закутанные в платки и шали, продают яблоки, молоко, кур и прочую снедь. На Волге по ту и другую сторону реки — торговля рыбой. Когда-то к приходу поезда здесь выносили крупных копченых стерлядей. Теперь я этого не вижу.

Кинель. Вдали видна буровая вышка. Второе Баку. Дальше — в Башкирии — тоже нефть.

Одним из первооткрывателей башкирской нефти был студент Горной академии Алексей Блохин, мы с ним вместе учились. Когда он приехал с летней студенческой практики из Ишимбаева, то рассказал мне, как у него возникла дерзкая теория,

объясняющая геологическое строение Уральских гор. Алексей был страшно возбужден. Мы ходили в Москве по Пыжевскому переулку, и он все говорил и говорил об этой идее.

— Дело в том, что на Урале мы, геологи, встречаемся с рядом загадок, которые нельзя на основе наших представлений о геологических структурах объяснить. Например, мы делаем проходку, отбираем образцы пород и вдруг под Солее древними породами находим более молодые. Как они туда попали? На этот вопрос пока есть один ответ — ответ без научного объяснения — аномалия. Но вот я нашел во время своих геологических поисков древнего рачка, которого на западном склоне Уральских гор никогда никто не находил. Он встречался и должен был, по всем нашим представлениям, находиться только на восточном склоне. Как он попал сюда, на запад?

Вот тогда-то мне и пришла в голову эта гипотеза: а почему бы не допустить, что произошел гигантский сдвиг и восточный склон Уральских гор переполз на запад и перекрыл породами восточного склона породы западного? Вот краткая суть моей теории. Если ее принять, тогда все будет предельно ясным — все становится на свои места. Собираюсь докладывать на геологическом отделении Академии наук.

Позже я узнал, что доклад моего друга произвел большое впечатление, и многие маститые ученые не могли себе простить, что такое объяснение загадки геологического строения уральских горных массивов пришло в голову не им, а молодому геологу, пока еще только студенту.

Отроги Уральских гор…

Сколько здесь богатств, еще не раскрытых тайн! Железные руды бакальского месторождения, магнезит Садки и сокровищница многих минералов — Миас.

А вот и знакомые уже мне столбы. По одну сторону надпись «Европа», по другую — «Азия». Они остаются позади. Мне предстоит работать в Азии.

Меня встречают. Шофер завода на стареньком, изношенном «фордике», который давно нужно было бы отправить в качестве лома на металлургический завод. Сажусь рядом с шофером.

— Вот у меня только дверка-то не запирается — запор испортился. Вы крючочек накиньте, а то все время открываться будет — так из машины-то и выпасть можно.

Одна из передних дверок «фордика» закрывалась приваренным накладным крючком. «Да, техника», — подумал я.

Дорогу развезло — здесь весна только начинается. В залитой полыми водами вязкой низине нельзя различить, Где проходит колея.

— Да здесь, вероятно, надо не на машине, а на лодке ездить.

— Скоро просохнет, еще неделька, и все будет сухо. Теперь-то, однако, и застрять можно, но, думаю, ничего, выберемся. У меня весь инструмент с собой.

Дорога здесь — бич. Я уже знал, что каждый шофер, когда бы ни выезжал за город, обязательно клал в багажник топор, лопатку и кусок стального троса.

В пироне слева видно Грязное озеро. В Челябинской области много озер — соленых, пресных, открытых, заросших камышом. Грязное озеро — пересохшее. Его тяжелая темно-зеленая грязь считается целебной. Кое-кто из местных жителей здесь принимает грязевые ванны. На пустынных берегах озера нет ни одного строения.

— Что представляют собой эти грязи? Исследовал ли их кто-нибудь? — спросил я шофера.

— Видимо, еще нет, не доходят до всего руки.

И я снова вспомнил свою поездку на Алтай в 1927 году.

Из Бийска мы добрались тогда до селения Верхний Уймон, где наняли лошадей и в сопровождении четырех местных охотников, которые согласились проводить нас до верховьев реки Иртыша, мы верхом направились в трудный путь по таежным тропам, переходя вброд реки и переваливая с одной горной гряды на другую. На четырнадцатый день пути мы вышли к первому обитаемому пункту, состоявшему из нескольких деревянных строений. Это были Рахмановские ключи. Вечерело, мы раскинули палатки и развели костер. На огонек к костру подошел один из местных жителей. Поздоровались. Он оказался врачом.

— Заехал я в эти места еще совсем молодым человеком, — начал он свое повествование. — Воды здесь чудодейственные. К сожалению, полного анализа их никто никогда не производил. Посылали пробу в Ново-Николаевск (тогда так назывался Новосибирск), но ответа не получили, сказали только, что она как будто радиоактивная.

Местные жители хорошо знают эти ключи, верят в их целительную силу и обязательно навещают нас, даже те, кто и здоров, — впрок здоровьем запасаются. Врач засмеялся и продолжал:

— Дорог вот только здесь нет. Надо быть очень выносливым человеком, чтобы добраться до наших мест. А воды у нас мощные. Когда-нибудь здесь будет сибирская Мацеста. В прошлом году к нам доставили одну женщину. Ее разбил паралич, а к нам ведь только верхом можно добраться, сидеть же в седле она не могла. Из рыболовных сетей соорудили особый гамак, закрепили между двух лошадей и положили ее в этот гамак.

Пробыла она у нас два месяца — каждый день принимала ванны, а потом села верхом на лошадь и вернулась домой, как будто никакого паралича и не было.

…Вот и здесь, на Южном Урале, в Челябинской области, много еще находится необследованных рек, озер, источников.

Когда я работал в Эссене, то иногда заходил в небольшой ресторанчик. В нем можно было выпить чашку кофе или кружку пива и почитать газеты. В центре ресторанного зала находился небольшой бассейн и бил фонтанчик. Оказывается, под домиком находился источник.

Хозяин ресторанчика, как-то подсев к моему столику, рассказал мне историю открытия этого источника.

«У меня здесь рядом был небольшой домик, и я заметил, что фундамент начинает разрушаться. Просачиваются какие-то воды от соседа. Я набрал немного этой воды и направил ее через одного из своих знакомых на анализ. Вода оказалась сильно минерализованной и по составу напоминает минеральную воду «Аполинарис». Я сразу же сообразил, что на этом можно хорошо заработать. Ведь вы знаете, сколько стоит бутылка «Аполинариса».

Не говоря никому ни слова, я стал обдумывать, как уговорить соседа продать свой домик. Ему я сказал, что задумал здесь открыть ресторан. Об источнике я ему ничего, конечно, не сказал. Он согласился продать домик. Потом я стал собирать деньги, занял у брата и получил в банке ссуду. Потом сломал оба домика, и свой и купленный у соседа, построил этот ресторан и организовал розлив воды.

Я не пожалел, что пошел тогда на риск — он оправдал себя. С долгами я давно расплатился. Теперь у меня есть постоянные посетители, а в первый год, когда я только что открыл ресторан, у меня не хватало мест для посетителей — каждый хотел попробовать новой воды. Теперь, видите, я ее бесплатно позволяю пить всем посетителям прямо из фонтанчика, а в первый год мне платили за стакан этой воды столько же, сколько за кружку пива!»

Это был типичный капиталистический бизнес. Стимулом здесь была нажива, средством — обман.

Мы должны развивать другие отношения между людьми, нам эти методы не подходят. Сколько же должно быть проявлено инициативы, чтобы использовать все богатства этого края! Их здесь неизмеримо больше, чем на исхоженных, ископанных землях Европы.

Челябинск

Как же все здесь изменилось за последние четыре года! Центральная улица застроена большими красивыми домами. Впереди видны трубы районной электростанции — ЧГРЭС. Тогда она казалась очень крупной — 170 тысяч киловатт. Таких станций по стране насчитывалось всего несколько. За ней видны корпуса ферросплавного, абразивного и электродного заводов, а на другом берегу реки Миас дымит труба цинкового завода.

Еще четыре года назад здесь были пустыри — окраина небольшого города. Теперь эти места обрели индустриальный облик.

Когда я появился в мае 1935 года в Челябинске, никто не хотел верить, что я приехал по собственному желанию. Как-то, проходя по цеху, я услышал разговор двух молодых инженеров. Они не догадывались, что я все слышу. До меня долетели слова:

— Ну, этот «иностранец» больше двух месяцев в нашей дыре не усидит.

Позже я узнал, что оба они из Ленинграда и им жизнь в Челябинске была в тягость. Их тянуло назад, «на берега Невы». А мне в Челябинске нравилось, но я это скрывал, опасаясь, что будут думать, что я кривлю душой.

Мне не приходилось раньше длительное время работать на металлургических заводах. Я бывал на практике на Сормовском заводе, работал на заводе «Красный автоген» в Ленинграде, был также на других заводах. Но я бывал на этих заводах недолго и не в качестве должностного лица, а в роли практиканта, а это не одно и то же.

В Челябинск же я приехал техническим директором завода. На мне лежала ответственность за всю технологию производства. Мои указания должны быть законом, но вместе с тем я видел и сознавал, что в этой сложной области производства много темных мест и нехоженых троп. Производства ферросплавов в нашей стране еще не существовало. Первым специалистам, закончившим теоретические курсы по металлургии, негде было получить производственную практику. Итак, мне предстояло руководить первым, только что построенным заводом.

Инженеры у нас подобрались только молодые, недавно прибывшие из Москвы, Свердловска, Ленинграда. Старых специалистов в этой отрасли металлургии не было вообще.

Директором завода был тоже молодой энергичный человек — Марк Александрович Власов. Ему было тридцать два года — на два года моложе меня. Главный механик Гидгарц — тоже из

молодых. Учился во Франции. Заместитель директора Маккавеев — коренной уралец, мой ровесник. Сменные инженеры — в возрасте не старше тридцати лет.

Кое-кого из них я знал. В свое время читал им лекции по производству ферросплавов. Теперь они имели передо мной неоспоримое преимущество — владели опытом производства. Удастся ли мне установить с ними контакт и создать те условия взаимопонимания, которые необходимы для нормальной работы?

Директор завода принял меня хорошо и всячески старался создать наиболее благоприятные условия для работы. Но здесь я никак не мог отделаться от чувства, что нахожусь в каком-то новом для меня мире. Он, этот мир, волновал меня, и я все время находился в состоянии напряжения и подъема.

Сильно сказались и четыре года пребывания за границей. Я видел не только отставание нашей техники от европейской, но с большой радостью замечал, что наши люди — казалось бы, такие же заводские работники, как и на Западе, — поглощены совершенно другими интересами, живут иной, полнокровной и творческой жизнью.

Вот он, мастер Карнаухов, нет, он еще не мастер, мастером и лауреатом Государственной премии он стал позже — он просто плавильщик на печи по производству ферровольфрама. Он живет этим производством, все его мысли направлены на то, чтобы поднять производительность печи, снизить потери дорогого сырья — концентрата вольфрамовой руды. Концентрат поступает в Челябинск из Англии. В деревянных ящиках. В каждом ящике по два тяжелых мешочка из китайской соломки — на ящиках английские надписи, на мешочках — китайские.

Добыча вольфрамового концентрата в Китае — монополия английской компании. За этот концентрат мы платим английской фирме сибирским маслом и кубанской пшеницей. Карнаухов это знает, и он бережет каждую щепоть дорогого сырья.

Но неужели у нас, в Советском Союзе, нет вольфрамовых руд? Не может этого быть! Безусловно есть и даже здесь, в Челябинской области — между Челябинском и Троицком. Оно даже описано в одном из журналов. Правда, это месторождение комплексное, как и многие из уральских рудных месторождений. Вместе с вольфрамом в руде содержится медь. Медь нужно выделить из руды, ее присутствие в вольфраме недопустимо, это усложняет производство.

А вот в одной уральской школе я видел образцы таких же вольфрамовых минералов, какие мы ввозили из-за границы. Их нашли школьники и принесли в уголок природы. Но но путям школьников еще не проследовали геологи. Они придут туда

позже. Пока же эти месторождения не исследованы.

Добычи отечественных вольфрамовых руд у нас в то время по существу еще не было. Мы, как робинзоны, все должны были начинать с азов. Мы не знали, как извлечь из руды нужный нам вольфрам, как получить из горной породы, содержащей ничтожное количество этого природного минерала, концентрат, а затем из концентрата — металл.

В лаборатории электрометаллургии Московской горной академии над этими проблемами трудился в то время молодой инженер Боголюбов. Теперь, когда я пишу эти строки, он солидный ученый — доктор технических наук, тогда же был просто Володя. На первой Всесоюзной конференции по ферросплавам в 1932 году Боголюбов сделал доклад о производстве ферровольфрама. Он говорил о том, что в Советском Союзе вольфрамовые руды открыты в Забайкалье и на Урале, но пока разведанных запасов недостаточно для удовлетворения нужд металлургической промышленности.

В резолюции конференции отмечено, что, ввиду недостаточности сырьевой базы, следует форсировать геологоразведочные работы по вольфрамовым месторождениям и вместе с тем вести научно-исследовательскую работу по изысканию новых недефицитных материалов, могущих заменить вольфрам.

А вольфрам нужен. Вольфрам — это нити электроламп, режущие части ряда инструментов, это необходимая добавка ко многим специальным сталям, в том числе сталям оборонного назначения.

Вот и приходится покупать и ферровольфрам, и вольфрамовый концентрат за границей.

Карнаухов не только понимает это, но и принимает близко к сердцу. Он озабочен несовершенством процесса плавки и делится своими соображениями, как улучшить производство ферровольфрама, изменить конструкцию печи и печного инструмента. Он никогда ни на что не жаловался и ничего не просил лично для себя. Казалось, у него нет жизни, не связанной с производством.

…Но она, конечно, была и у Карнаухова, и у других. «Люди ходили друг к другу в гости, и в заводском поселке можно было слышать веселые песни, несущиеся из открытых окон домов.

В те годы здесь было построено немало больших кирпичных домов, и жилищного кризиса на заводе не ощущалось. Орджоникидзе поощрял строительство жилых домов, в особенности в новых промышленных районах, а Власов следил, чтобы были использованы все возможности для жилищного

строительства. На заводе в резерве постоянно находилось несколько свободных квартир. «Будут квартиры, можно будет привлекать для работы на заводе нужных производству людей)), — говорил директор.

Первые два месяца я прожил на квартире для приезжих. На большинстве заводов тогда имелись такие квартиры. Гостиниц в городе не хватало, да, кроме того, из города до завода и добираться было трудно. В то время легковых машин было очень мало, и я, например, первое время ездил на завод на пролетке. При заводе был конный двор, на котором держали более ста шестидесяти лошадей. Они работали на строительстве и перевозили большинство заводских грузов.

На современном производстве давно уже нет лошадей. Из нашего лексикона исчезли и распространенные некогда слова и понятия, например грабарь и грабарка. Молодежь этих слов уже и не знает совсем. А они в те годы были в большом ходу на всех заводах и особенно на строительстве. Грабарь возил на небольшой подводе-грабарке землю с места производства строительных работ. Теперь все это делается при помощи механизмов. Тогда — тридцать лет назад — применение мускульной силы было основной формой использования энергии.

Я в связи с этим вспомнил лекции профессора Таубе — барона Таубе, как мы, студенты, его звали. Профессор Таубе в действительности был бароном. Он долго жил на Урале в Екатеринбурге, нынешнем Свердловске. О нем ходили слухи как о лице, хорошо знающем горно-металлургическую промышленность Урала.

В Московской горной академии Таубе читал курс лекций по организации металлургического производства.

На экзаменах по своему курсу он обычно задавал три-четыре вопроса.

Одним из них был следующий:

— Допустим, что вы работаете на Урале и занимаете на заводе пост директора завода и вам позвонили, что на заводе пожар. Какое первое распоряжение вы даете?

На этот вопрос студенты иногда отвечали — вызываю машину и еду на место пожара.

— Вы, молодой человек, не знаете уральских условий. Следует вызывать не машину, а лошадь, на машине вы никуда не сможете проехать — там бездорожье.

Все это теперь совершенно не так, но в начале тридцатых годов хороших дорог на Урале действительно было лгало, и на заводах держали лошадей.

Челябинск в тридцатых годах находился в процессе

интенсивного роста. Здесь создавалось одновременно много новых для нашей страны производств. Строились заводы — тракторный, цинковый, завод абразивных материалов и другие. Планировалось дальнейшее строительство.

В город съезжались со всех концов страны специалисты — инженеры, техники, мастера и квалифицированные рабочие. Здесь, в Челябинске, позже был построен трубный завод. Это металлурги Челябинского трубного уже в шестидесятых годах на отказ некоторых правительств Европы продавать Советскому Союзу трубы большого диаметра с достоинством заявили: «Не хотите и не надо — мы сами все сделаем». И сделали.

Южный Урал — богатый край, богатый и природными ресурсами, и людьми. Я часто вспоминал здесь один разговор с инженером на заводе Рохлинга в Фольклингене.

— Когда студенты сдавали экзамены по геологии рудных месторождений, — рассказывал инженер, — и не могли ответить профессору, где находятся месторождения того или иного полезного минерала, они обычно говорили: месторождение этого минерала находится на Урале. Они знали, что не ошибутся.

Дело дошло до того, что профессор на экзаменах изменил форму вопроса. Он стал спрашивать: «Кроме Урала, где еще находятся аналогичные месторождения?»

Да, здесь, на Южном Урале, было все.

А геологические разведки открывали все новые сокровища. И не только минералы. Огромные лесные массивы с могучими соснами, богатые черноземы. Здесь, на этих почвах вызревали обильные урожаи хлебов.

А сколько здесь дичи! У самого Челябинска на озерах гнездились утки всех видов, леса и степи кишели белыми и серыми куропатками, а в сторону Магнитогорска в изобилии встречались дикие козы и дрофы. На рынках Челябинска было много мяса и дичи. Здесь все были охотниками. Даже рыболовством не так увлекались, хотя в реках Урала немало рыбы.

Охота и поиски золота — две страсти, которые отнимали у многих все свободное время. Каждый рабочий на заводе был или охотником, или старателем. Иногда рано утром и я выходил на берег озера с мелкокалиберной винтовкой и стрелял куликов. Здесь их было великое множество, но кулик не считался в этих местах дичью.

— Кулик — это баловство, — говорили мне уральцы.

Вот только с овощами было неладно. Их здесь не выращивали. Как-то мы вместе с директором завода направились из Челябинска в Кыштым и решили зайти в столовую дообедать.

Вообще я не приверженец вегетарианской пищи, но на этот раз, не известно почему, на вопрос официанта: «Что будете кушать?» — в свою очередь спросил:

— А у вас есть что-нибудь вегетарианское?

— У нас ничего, кроме пельменей, вегетарианского нет.

«Даже пельмени относят на Урале к вегетарианской кухне», — подумал я.

…В этих местах зародилась русская металлургия. Впервые, насколько об этом можно судить по опубликованным исследованиям, в доменных печах ферромарганец выплавили французы на заводе Терре-Нуар вблизи Лиона. Это было в 1861 году. А уже через год уральские металлурги начали доменную плавку ферромарганца.

На западе от Челябинска — в Златоусте Аносов производил знаменитую на весь мир булатную сталь для клинков.

Касли. Какое тонкое художественное литье возникло здесь! Я помню, как когда-то в Мюнхене в музее истории Техники я слышал восхищенный рассказ экскурсовода:

— А вот это изделие знаменитых каслинских заводов. Только один завод в мире изготовляет эти шедевры. Вы, может быть, думаете, это покрашенная бронза? Нет, нет, нет. Это чугун. Да, да, чугун! Кто бы мог предполагать, что из чугуна можно отлить такие изумительные вещи? Но там, на этом единственном в мире заводе, отливают из чугуна вот эти тонкие художественные изделия, — и я увидел в руках экскурсовода русскую тройку, отлитую в Каслях.

Когда я побывал там, то был поражен пониманием красоты и изящества, которое проявлялось повсюду. Резные наличники окон были подобны тонкому кружеву, обычная водосточная труба здесь была необычной — она заканчивалась носом утки или головой ящерицы, а верх самой тривиальной печной трубы был украшен раструбом чудесной лилии. Здесь понимали искусство и умели ценить его. Но край туго раскрывал свои богатства…

Так как я приехал на завод один, без семьи, мне было значительно удобнее жить на квартире для приезжих. Моим соседом оказался шведский инженер Стиг, о котором я уже упоминал. Он не знал русского языка и имел возможность говорить только с двумя заводскими инженерами, знавшими немного немецкий. Поэтому он был несказанно рад, когда узнал, что рядом с ним поселился человек, не только знающий немецкий язык, но и побывавший в Швеции. У нас сразу установились хорошие отношения.

В свободное от работы время Стиг ездил по уральским селам и делал зарисовки резных оконных наличников.

— Вы не представляете, каким богатством вы владеете. Ведь вы же обладаете уникальной коллекцией этого вида народного творчества.

Жизнь везде складывается из одних и тех же элементов — работы, отдыха, встреч с людьми, обсуждения с ними текущих событий и мелочей жизни. У нас было много разных забот и мало времени для отдыха и развлечений. Да к развлечениям и не тянуло, все были поглощены делами завода.

На заводе уже образовался хороший дружный коллектив.

Мы часто встречались, то выезжая вместе на охоту, то у кого-нибудь на даче. Дачный поселок завода состоял из деревянных изб, разобранных где-то в близлежащих селах и перевезенных в березовую рощу на берег озера Смолимо.

Когда я прибыл на завод, мне сразу же предложили приобрести охотничье ружье и резиновые сапоги.

— Здесь без этого нельзя, — уверял меня начальник отдела снабжения завода Воронов, — что же вы в свободное время делать будете?

На берегу озера Смолино я также получил дачу-избу. Дачный поселок был окружен высоким глухим забором, а у ворот стоял небольшой домик для сторожа. Сторож Макар каждое утро открывал ворота и выпускал машины и мотоциклы с заводскими инженерами, едущими на завод, а вечером вновь открывал их для возвращающихся с завода.

Делать ему целый день было абсолютно нечего, и он занимался тем, что сидел с женой и вздыхал о трудностях жизни.

— Да вы бы хоть огород, что ли, устроили, картошку, капусту, морковь посадили, — сказал я как-то ему.

— Да разве у нас здесь что-нибудь расти будет? Никто у нас этим делом никогда не занимался. Не растет. Холодно.

— А вы пробовали?

— И пробовать-то нечего — не уродится, весь и сказ. Да и что в них проку-то — в огурцах или капусте. Трава, она и есть трава, как ее ни называй.

Однако первые же огороды, организованные в дачном поселке, принесли их владельцам богатые урожаи. А когда к одному из инженеров завода — Стрельцову — приехал с Украины отец, то здесь появились и арбузы. Осмотревшись, старик Стрельцов спросил:

— Как же вы здесь без кавунов живете?

И посадил арбузы. Они у него прекрасно вызревали. А во время войны на коллективных огородах появились и картофель, и капуста.

Пельмени

В первые же дни моей работы мы с директором завода Власовым стали выезжать на другие заводы области — в Кыштым, Касли, Миас, Златоуст.

Кроме размещения на этих заводах ряда наших заказов, Власов преследовал и другую цель — он хотел ознакомить меня с краем и заставить полюбить его. Ему почему-то казалось, что я не собираюсь в Челябинске долго задерживаться.

Во время одной из таких поездок наш спутник — старый уралец предложил завернуть в небольшую деревушку недалеко от Каслей в гости к своим знакомым.

— Да как же это без предупреждения-то? — стали было мы с Власовым отнекиваться.

— Ничего, это очень хорошие люди. Рады будут.

Когда наш «фордик» остановился у крыльца, из дома вышел высокий широкоплечий мужчина лет сорока пяти.

— Вот ко времени приехали, — обрадовался он. — У нас пельмени, а едоков мало. Заходите, заходите — гостями будете.

В просторной комнате, куда ввел нас радушный хозяин, сидели трое таких же крепких, под стать ему, мужиков. Когда они, здороваясь, протягивали руки, вся моя кисть исчезала в их широких ладонях.

Нас представили хозяевам:

— Вот это директор завода из Челябинска — мой друг и приятель, а это профессор. В наших краях впервые. Объехал все страны, а теперь вот и к нам завернул.

Из кухни вышла хозяйка, дородная женщина. Она вытерла о фартук правую руку, поздоровалась и, смущенно улыбаясь, сказала с типичным уральским говором:

— Вы меня, однако, извините, я на кухне еще не управилась.

А веселый широкоплечий хозяин, хлопнув ее по плечу, выпалил:

— Смотрите, какие у нас бабы — задом избу перегородить можно, таких во Франции не найдете. А?

Женщина зарделась и, сбрасывая с плеча руку мужа, пробурчала:

— Охальник, хоть бы чужих-то постеснялся.

— А где чужие-то? Профессор-то? Да он наш. Разве бы чужой к нам поехал, в такую глушь? Ну, садитесь, в ногах правды нет.

Все сели за большой, покрытый белой скатертью стол. Появилась водка, и хозяин поставил перед каждым по чайному граненому стакану.

— У нас другой посуды нет, — сказал он, обращаясь ко мне. — В других странах, мне рассказывали, из рюмочек пьют. А мы здесь все люди простые, открытые. Какая душа, такая и посуда.

— Чего это ты о душе-то заговорил? Не выпил еще, а о душе вспомнил, — сказал один из гостей.

Хозяин засмеялся:

— Надо хозяйке помочь, что ли? — и направился на кухню.

Из кухни послышался женский гневный голос:

— Иди, ну что ты под ногами путаешься, сейчас принесу.

И вот наконец в дверях появились оба, он с огромным блюдом дымящихся пельменей.

Первому хозяйка стала класть мне.

— Хватит, хватит. Да разве я съем столько?

— Я вас неволить не буду, но полсотни-то все же положу. Могу не все сразу, а то, гляди, остынут. Наши-то сотни по две-три зараз, однако, кушают. Ну, а вы уж сами определяйте, но меньше-то полсотни нельзя.

Стали пить.

— За ваше здоровье, — сказал хозяин.

Выпить сразу двести граммов водки я не смог и, отпив третью часть стакана, поставил перед собой. Все остальные выпили до дна.

— За здоровье-то когда пьют, в стакане зла не оставляют, до дна надо пить. В другой раз можно и не допивать, а сейчас допить надо.

Пельмени быстро исчезали. Хозяйка принесла второе блюдо, затем третье.

Лица у всех были красные, но никто не пьянел.

— Ты что заскучал? — обратился хозяин к одному из гостей. — Тарелки чистоту любят. Может, остыли, так мы тебе горяченьких добавим.

— Ох, не могу больше, Антипыч. На первом-то я уже, однако, сижу, а последний у меня за зубами лежит.

— А ты хлебни, он и соскользнет. Давай стакан, я тебе налью.

— Нет, хватит.

Видать, к этому гостю хозяин питал особое уважение.

— Николай Кузьмич, — объяснил он нам, — у нас на все руки мастер. Из чугуна черта отлить может. А как он рисует и еще из дерева вырезает. Ну вот, кажись, коряга — и виду в ней никакого, а он раз, два, три — здесь срежет, тут ковырнет и смотришь — львиная голова, да такая натуральная — того гляди зарычит. Большой он у нас художник. Раньше был человек религиозный, а потом вот разошелся с богом-то.

— Чего же вы с ним не поделили, Николай Кузьмич?

— Случай такой произошел. С попом во мнениях разошлись. Часовню строили у нас в селе. Ну, а я художеством-то сызхмальства занимался. Вот и попросил меня отец Иннокентий изобразить на дверях часовни ад. «Да ты, сын мой, пострашнее ад-то нарисуй. Чтобы знали грешники, какие муки им уготованы, если грешить будут, о церкви и молитвах забудут». Вот я и изобразил этот самый ад. Нарисовал котлы со смолой, черти в топки уголь подбрасывают. Смола кипит, пенится, брызги во все стороны летят. А впереди поставил черта с вилами. Воткнул он эти самые вилы в огузок толстого грешника и пытается его поднять и в котел бросить. Над грешником-то я особенно постарался. Такие муки на его лице изобразил, что не только грешить, а есть-пить забудешь. Все как будто бы хорошо получилось.

Но кто-то вдруг усмотрел в этом грешнике нашего деревенского купца Ивана Климовича. Может быть, действительно я очень уж его похожим на купца сделал. Не знаю, может быть. Но вины в этом своей я не признавал. В одном только я действительно виню себя. Сбоку картины я славянскими буквами вывел:

Черт втыкает копие
Прямо Ване в жопие.

Все громко рассмеялись, а хозяин сказал:

— А складно это у тебя, Коля, вышло. Вот за это теперь и выпить надо. Ну, и что же дальше?

— А дальше, как говорится, в лес, больше дров… Местный гармонист усмотрел эту надпись, добавил к этим словам еще свои, и такая получилась похабщина, что ни мне, ни купцу прохода не стало. Меня поздравляют, а над ним смеются. За спиной, конечно, — так-то, в глаза, боялись.

Поп меня проклял при всем честном народе, приказал замазать надпись, ну а мне оставаться в селе больше нельзя было. Вот так и стал я мастером по чугунному литью. Хорошо, что так все обернулось, а то бы, наверно, в богомазы вышел.

За столом все смеялись, и один за другим начали вспоминать другие истории.

Вышли из избы уже поздно. На душе было как-то радостно. Здесь были простые, веселые люди, повидавшие виды на своем веку. Этот народ заражал жаждой жизни, оптимизмом.

Ночевали в Каслях. Ночью разразилась гроза и пошел сильный дождь. Когда утром мы выезжали из города, дороги не

было видно. По еле заметным признакам шофер все-таки находил колею, и мы добрались до вымощенного булыжниками шоссе Свердловск — Челябинск.

Оливки

Власов, все еще опасаясь, что я долго не усижу на заводе, прилагал немало усилий, чтобы всячески помогать мне и создать наиболее благоприятные условия для работы.

Вскоре после моего приезда он пригласил меня на ужин. За столом было более десятка гостей. Я понимал, что Власов хотел в неофициальной обстановке познакомить меня с основными руководителями завода.

С некоторыми из них я встретился здесь впервые и видел, что многие чувствовали смущение в присутствии человека, недавно прибывшего из-за границы, в особенности женщины. Я также чувствовал какую-то неловкость. Желая перебороть это неприятное состояние, я впал в другую крайность и повел себя несколько развязно.

— Ну, не знаю, чем вас и угощать, — смущаясь и улыбаясь, сказала хозяйка.

Я окинул взглядом богато сервированный стол и вдруг неожиданно, как будто бы не я сам, а кто-то другой во мне произнес:

— Того, что я люблю, у вас, конечно, нет.

Лицо женщины как-то сразу потускнело, а в глазах застыл испуг. Она тихо спросила:

— А что же вы любите?

— Оливки! — выпалил я. (Надо сказать, что я их никогда не брал в рот и не знал даже вкуса.)

И вдруг хозяйка оживилась и весело проговорила:

— А ведь вы знаете, я оливки только потому не поставила на стол, что у нас их никто не кушает, кроме меня. О-о, я их безумно люблю. Сейчас же подам. Вот наконец-то встретила человека, который их так же любит.

Она вышла на кухню и вернулась с тарелкой, наполненной солеными оливками. Добрую половину их хозяйка переложила на мою тарелку. Впервые здесь я их и попробовал. Оливки мне ужасно не понравились. Но делать было нечего. Я сам заявил, что очень люблю их. Во рту остался какой-то необычный привкус, который сопровождал и другие блюда, обильно расставленные около меня. Я не знал, что делать с оливками, а хозяйка, думая, что я стесняюсь, убеждала меня не стесняться и «чувствовать себя как дома». Будь теперь я дома, я эти оливки давно бы отбросил, а что делать с ними здесь?

По большей части о людях судят по первому впечатлению. По всей видимости, своей выходкой с оливками я произвел

неблагоприятное впечатление на присутствующих. Со мной знакомились, ко мне присматривались, а я показал себя с самой неприятной стороны, манерничая в обществе простых, скромных людей завода. Так вот в жизни и бывает. Мы иногда пытаемся играть совершенно неподходящие и несвойственные нам роли. Затем начинаем сожалеть и раскаиваться, часто с большим опозданием…

Через некоторое время я познакомился как будто со всем и со всеми. Надо приниматься за дело. Смотрины закончены. Я понимал всю важность стоящих перед заводом задач. Еще в студенческие годы мне приходилось принимать участие в исследованиях, связанных с производством ферросплавов, а мой дипломный проект и дипломная работа также были посвящены этим вопросам.

Необходимость создания отечественного производства ферросплавов в те годы часто обсуждалась на заседаниях в ВСНХ и Госплане.

На это обращали внимание в своих лекциях профессора Горной академии Павлов и Григорович. В лаборатории электрометаллургии начинались тогда и первые опыты по выплавке ряда ферросплавов из руд отечественных месторождений.

В полуподвальных помещениях лаборатории на электропечах, построенных руками студентов, создавались основы будущей технологии заводского производства.

Начальное проектирование Челябинского завода тоже происходило здесь. Вел его профессор Григорович, и мне приходилось принимать участие в этих первых проектных работах еще тогда, когда я сам был студентом.

Затем в качестве доцента я вел сам занятия со студентами. Некоторые из этих студентов с дипломами инженеров-металлургов теперь находились здесь, в Челябинске, в качестве командиров производства, занимая должности начальников цехов, инженеров смен.

Тогда мы имели очень смутное представление о том, каким должно быть заводское производство. Никто из нас никогда ни на одном заводе, где изготовлялись ферросплавы, не был.

Но мы уже хорошо усвоили, насколько важна эта отрасль металлургического производства.

Без ферросплавов нельзя производить сталь, а чем большее количество сортов мы будем изготовлять, тем больше нужно расширять ассортимент ферросплавов. Мы все время будем находиться в зависимости от Запада, если не создадим своего собственного производства. Нельзя будет строить авиационные,

автомобильные, тракторные заводы. Для них нужен специальный металл.

Мы уже можем изготовлять почти все необходимые нам стали. Все это так. Но для их производства мы покупаем ферросплавы за границей. Наши заказы размещены в Германии, Швеции, Норвегии.

В 1933 году на одном небольшом немецком заводе по производству ферросплавов я спросил главного инженера:

— Кому вы продаете феррохром?

Он начал перечислять: примерно 5 процентов всего производства мы поставляем близлежащим химическим заводам, 2 процента у нас покупает завод Беккера, около 3 процентов…

Я перебил его и спросил:

— Ну, а много ли у вас покупает Советский Союз?

— О, Советский Союз — когда как: семьдесят пять — девяносто процентов всей продукции. Ведь мы и работаем-то на уральской хромистой руде.

Наша хромистая руда вывозилась в те годы не только в Германию, а также в Швецию, Италию, США. А производить феррохром и многие другие сплавы мы не умели. Челябинский завод должен был заложить в стране промышленное производство ферросплавов.

У нас будет все

Располагая всеми видами минерального сырья, мы у себя выплавляли только небольшое количество металлов — у нас был всего один завод, производивший свинец и цинк, совершенно не было производства алюминия, магния, никеля, кобальта, вольфрама, молибдена и многих других металлов. Все необходимое сырье для их производства было — но мы не имели промышленности и не было людей, знающих технологию их изготовления. Тем не менее мы строили нужные нам заводы и налаживали производство дефицитных металлов.

В июле 1933 года были получены первые десятки тоня алюминия на Днепровском заводе. Завод рос, вводились в действие новые ванны для электролиза, люди все в большей степени овладевали сложным производством. Мне процесс получения алюминия был знаком — мы вели исследования его еще тогда, когда в стране не было ни одного завода по производству алюминия. И когда 30 мая 1635 года я прочитал в «Правде» статью С. Горева «Днепровский алюминий», она не могла меня не взволновать.

«На заводе подсчитали, что уже выданная им продукция сэкономила государству свыше двадцати миллионов рублей золотом, так как алюминий, глинозем и электроды до последнего времени ввозились из-за границы. А сколько нужно было продать сливочного масла и пшеницы, чтобы получить эти двадцать миллионов рублей!

В 1934 году в Америке было выработано 33 680 тонн алюминия, в Германии — 30 000 тонн, во Франции — 16 400, в Англии — 14 700, в Норвегии — 16 000 тонн.

И рядом с этим такая цифра: только один наш завод даст в этом году 17 000 тонн. А после пуска второго цеха электролиза и полного освоения глиноземными цехами технологического процесса, начиная с 1936 года, он будет давать до 30 000 тонн алюминия в год.

Мир не знает алюминиевого завода, равного по величине Днепровскому». — Этой красочной оценкой значимости победы на Днепре заканчивал свою статью Горев.

А в августе такое же сообщение о крупнейшем налипании на Урале — решении строить Орский никелевый завод — С. М. Франкфурт писал в «Правде»:

«Почти монопольным производителем никеля является Англия: 90 процентов мирового производства сосредоточено в Канаде в руках известной английской фирмы «Монд».

Мировые запасы никелевых руд расположены крайне неравномерно, главным образом в Канаде и в Новой Каледонии. Но и наши запасы довольно значительны. В 90 километрах от Орска разведки, ведущиеся около двух лет, вскрыли запасы металлического никеля.

…Месторождения никеля обнаружены в районе станции Халилово, Алимбетовского совхоза (25 километров от Орска) и, наконец, в районе Аккермановки.

Растущая потребность в никеле и обнаруженная сырьевая база дали основания правительству решить вопрос о создании Орского никелевого завода.

Мы должны построить совершенный в техническом отношении завод.

Мировая никелевая промышленность из-за отсутствия конкуренции находилась на довольно низком техническом уровне.

Мы же хотим, чтобы наш завод был механизированным, современным, технически оборудованным предприятием».

Много позже директором Орского никелевого завода был назначен Виктор Иванович Носаль, бывший студент Московской горной академии, проработавший ряд лет на ферросплавном заводе в Челябинске, где он и сформировался как крупный инженер.

Как ликвидировать брак!

Первое, что мне бросилось в глаза, когда я впервые появился на ферросплавном заводе, — это большая доска с объявлениями. На ней было наклеено несколько извещений о совещаниях, часть из которых давно уже прошла, а также приказы директора завода. Их было несколько. Один из них привлек мое внимание. Конец приказа я помню до сих пор:

«За халатное отношение к выполнению обязанностей товарищу Николаеву объявляется восьмой выговор». Два последних слова были зачеркнуты, и поверх чернилами написано: «выговор в восьмой раз».

Я подумал: «Ну, а не все ли равно Николаеву, сколько теперь у него будет выговоров — семь или восемь?».

Несколько дней спустя, когда я немного познакомился с заводом, то спросил у заместителя директора Маккавеева:

— За что вы это Николаеву восемь выговоров вынесли?

— Брак делает. Больше всего брака в его бригаде.

— А, что за брак?

— Шлаковые включения. Не металл, а пирог с изюмом!

— А как в других бригадах? Тоже пироги с изюмом?

— И у других брак есть, но меньше.

— А в чем же причина?

— А шут ее знает, в чем! Никто толком не может объяснить!

— Ну, а после первого выговора Николаеву процент брака в его бригаде понизился? — продолжал я выспрашивать заместителя директора. Он был явно недоволен принятым направлением разговора.

— А что же вы хотите, чтобы мы благодарность бракоделам объявляли?

— Нет, зачем же благодарность, но разобраться надо, почему получается брак.

Заводской брак был ахиллесовой пятой всего производства. Много выплавляемого нами металла не соответствовало техническим требованиям. В особенности много металла браковалось из-за его загрязнения неметаллическими включениями. Причиной этого была несовершенная технология.

По установленному на заводе технологическому процессу жидкий феррохром при температуре, близкой к двум тысячам градусов, выпускался из печи в плоские изложницы, похожие на большое корыто. Их устанавливали перед печью и длинными железными прутьями пробивали отверстие — летку, через которую жидкий металл и шлак ослепительно ярким потоком

стекали в изложницу. Металл и шлак бурлили, во все стороны летели искры и мелкие частички расплавленного шлака, они застывали в воздухе и стекловидной дробью падали на покрытый чугунными плитами пол. Плавильщики и горновые работали в валенках, а их головы украшали широкополые войлочные шляпы с закрепленными на них синими или зелеными очками.

Жидкий металл застывал на дне изложницы-корыта, образуя слиток-блин, но не круглый, а напоминающий форму неправильного эллипса. Количество шлака по объему в три-четыре раза превышало количество металла!

При остывании жидкого металла в изложнице огнеупорные материалы оплавлялись и крепко связывались с нижней поверхностью слитка. Шлак также взаимодействовал с металлом, покрывая стекловидной глазурью его верхнюю поверхность.

После остывания слитки дробили и очищали от огнеупорных материалов и шлака. Полностью очистить металл не удавалось, и загрязненные куски вновь загружались в печь для переплавки.

Все это, конечно, вело к снижению производительности труда, высокому расходу энергии и в конце концов высокой себестоимости.

Для меня было совершенно ясно, что необходимо улучшать технологию производства. Но ясно было также и то, что всех вопросов сразу не разрешить.

Мы строили Челябинский ферросплавный завод, совершенно не имея никакого опыта — таких производств в нашей стране не было. Описаний технологических процессов производства также не существовало. В иностранной технической литературе были изложены сведения преимущественно рекламного характера.

Все производство ферросплавов находилось в руках европейского картеля, который не был заинтересован в распространении технических сведений и тщательно охранял секреты производства.

Еще в мае 1932 года, будучи в Швеции, я предпринял неудачную попытку ознакомиться с производством ферросплавов на шведских заводах. Советским послом в Швеции была тогда Александра Михайловна Коллонтай, как об этом я уже упоминал. Когда я рассказал Коллонтай, с какими трудностями мы встречаемся при организации ферросплавного производства и как важно мне увидеть в натуре хотя бы один действующий ферросплавный завод, я услышал обнадеживающий ответ:

— Я думаю, голубчик, что мне это нетрудно будет сделать. Я переговорю со знакомым сенатором, связанным с металлургической промышленностью, и он, безусловно, окажет содействие в посещении того завода, о котором вы говорите.

Кстати, мы передали большие заказы металлургической промышленности Швеции, и заводы заинтересованы в дальнейшем развитии связей с нами. У меня нет сомнений, что вы получите это разрешение.

Через два дня, когда я вновь пришел к Александре Михайловне, она была в большом смущении.

— Не понимаю, почему, но сенатор после тысячи извинений сказал, что, к сожалению, он не сможет ничего поделать. Хозяева завода категорически заявили, что они не могут без разрешения картеля допускать посторонних на свои заводы и знакомить их с производством.

Примерно то же самое я услышал и от нашего торгового представителя в Швеции.

Уже после второй мировой войны я встретился с Тевосяном, который только что вернулся тогда из Западной Германии. За время пребывания в Рейнской области ему пришлось вновь посетить заводы Круппа в Эссене и встретиться со старыми знакомыми. Они рассказывали ему о том, как работал завод во время войны, когда недоставало многих необходимых материалов.

— А вы знаете, нам ведь пришлось не только производством стали заниматься, но и изготовлять для ее выплавки ферросплавы. Это было новое для нас производство, но мы его довольно быстро создали.

А затем, смеясь, добавили:

— Вы нам помогли в этом.

— Как так?

— В ваших технических журналах с такой подробностью описывались все технологические процессы, что не было никакой необходимости что-либо проверять — это были не научные статьи, а по существу технологические инструкции. Мы прямо по ним строили производство.

Это подтверждало то, что нам было уже отчасти известно. Они публиковали свои технические статьи в большей своей части в целях рекламы — мы же как техническую информацию.

…Прошло тридцать лет, и я узнал взволновавшую меня новость, прошедшую у нас в стране почти незамеченной: нами продана партия феррохрома наиболее индустриально развитой стране Европы, стране, откуда длительное время шло распространение всей новой техники, — Англии.

Англия была когда-то для нас символом технического прогресса. Это отмечалось в народной песне:

Англичанин мудрец, чтоб работе помочь,

Изобрел за машиной машину,
А наш русский мужик, коль работа невмочь,
Так затянет родную дубину.

И вот теперь Англия покупает наш феррохром. Англичане понимают толк в том, что покупают. За товары низкого качества они деньги платить не будут.

Но через какие же трудности нам надо было пройти, чтобы создать эти новые производства!

Однако вернемся в Челябинск. Итак, первая задача — ликвидировать брак. Как это сделать? С чего начать?

Прежде всего необходимо разобраться в причинах. Выяснилось для начала одно — таких причин много и их надо устранять планомерно. Надо самому учиться и учить других. В книгах ничего больше не вычитать. То, что написано, все перечитано. Большинство авторов советских статей по ферросплавам работает здесь, на заводе, или уже побывали на нем и отдали нам все, что они могли отдать — все свои знания.

Заграничный опыт находится под замком, секреты хранит европейский картель, который желает сохранить свою монополию и держать нас на положении поставщиков дешевого минерального сырья. Сохранять высокие, цены на сплавы и низкие — на сырье. Ведь это двойной барыш. Здесь сказывались не только меркантильные соображения экономики, но и определенная политика. Они пытаются тормозить наше развитие, наше движение вперед.

Сколько раз, будучи за границей, я слышал от них советы, что нам следует производить, а что не следует. Они не хотели, чтобы мы сами производили нержавеющие и жаропрочные стали. Мне казалось, что в их глазах я читал тогда невысказанные ими советы:

«Делайте то, что мы делали вчера, не старайтесь делать того, что мы будем делать завтра, — это вам не по плечу, да в этом мы вам и не помощники».

А мы должны пробежать те десятилетия, на которые отстали, за короткий срок. Об этом мы говорили на своих собраниях, об этом нам твердили красные полотнища плакатов, развешанных по всей стране — в наших клубах, партийных комитетах, в цехах фабрик и заводов, мы несли их во время наших манифестаций на улицах. Они, эти плакаты, утверждали, что «техника в период реконструкции решает все». «Главное состоит в том, чтобы иметь страстное большевистское желание овладеть техникой, овладеть наукой производства». «При страстном желании можно добиться

всего, можно преодолеть все». Эти плакаты я хорошо помню.

Но как же все-таки бороться с браком?

Тогда выражение, широко в настоящее время применяемое в радиоэлектронике, — обратная связь — мне было неизвестно.

Но его широко применял Ленин. Он черпал ответы на трудные вопросы не только в книгах, но и в народной мудрости — он апеллировал к массам.

А что, если весь коллектив вовлечь в борьбу за совершенствование технологии производства? После длительных консультаций с директором завода Власовым, начальниками цехов, мастерами, работниками лаборатории, отдела технического контроля созрело решение — необходимо создать специальную комиссию по исследованию причин брака. Брак в производстве феррохрома достигал тогда 25–28 процентов!

В состав комиссии вошли начальники ферросплавных цехов, начальник лаборатории, начальник отдела технического контроля, главный энергетик завода. Председателем утвердили меня. Было установлено, что комиссия будет собираться регулярно по четвергам, в десять часов утра. Докладывать будет бригадир той бригады, которая выплавила бракованный металл.

Первое же разбирательство причин брака показало, что никто никогда серьезно изучением действительных причин брака на заводе не занимался. Были приказы с суровым осуждением тех, кто был виновен в изготовлении бракованных сплавов, но не было конкретных мер.

— Ну, докладывайте, — обратился я к бригадиру, вызванному на первое заседание комиссии.

— Что докладывать-то? Брак, и все, — уныло ответил он.

— Почему брак-то произошел? Чем вы объясняете? Ведь вы на печи работаете давно и не все плавки у вас бракованные — большинство хорошие. А вот четыре плавки за последнюю неделю — брак. Вот давайте вместе и разбираться, в чем здесь дело.

— Металл холодный — вот в нем шлак и запутывается. Не может подняться.

— А почему металл холодный?

— Перебои в энергии были. Печь остывала.

— А какого числа это было? — спросил главный энергетик.

Бригадир ответил.

— В этот день никаких ограничений в снабжении электроэнергией не было. Вот у меня сведения об ограничениях, — и он развернул сводку о поступлении на завод электроэнергии.

— Ну, тогда, значит, что-нибудь с рудой не в порядке. Руду не того состава к печам подали, — сказал бригадир.

Начальник лаборатории Бабаев заявил, что за последние две недели в цех доставляли руду на редкость однородную по химическому составу.

— Тогда не знаю, почему брак идет, — зло произнес бригадир.

— Так давайте все-таки раскопаем, в чем же дело! Без причины и прыщ не вскочит.

И так рассматривая все, что может повести к появлению брака, отбрасывая неверные или несуразные объяснения, мы постепенно начали нащупывать наиболее вероятные причины его.

Заседания комиссии приняли интересную форму технической учебы и вместе с тем суда. Суда над техническим невежеством.

Мы поставили себе целью вовлечь в это дело весь коллектив. Как-то через пару месяцев после начала нашей работы я встретил одного бригадира. В его руках были куски феррохрома. Я знал, что бригада должна была работать ночью.

— Что это вы так рано пришли? — спросил я его.

— Да вот ходил в отдел технического контроля, хотел узнать, нет ли бракованного металла.

— Ну и как?

— Оказывается, есть. В одной плавке кремния больше на два процента. Вот отобрали от плавки два куска. Хочу в лаборатории поговорить, нет ли здесь какой-нибудь ошибки? Завтра четверг, опять, наверное, пытать будете. Ну и каторгу же вы создали для нас! Так в душу и лезете. Почему да почему. Дали бы просто выговор и отпустили. Душа болит идти на эту комиссию. Вы думаете, это легко при народе-та сваю малограмотность показывать?

— Так учиться, Панков, нужно.

— Итак учусь, да вот что-то ничего не получается.

— Как не получается? Какой у вас брак в бригаде был раньше?

— Менее двадцати процентов никогда не было.

— А сколько было в прошлом месяце?

— Двенадцать с половиной.

— Ну, а говорите, ничего не получается.

Панков засмеялся и зашагал в лабораторию.

У Серго на приеме

Брак явно пошел на убыль. Но у нас на заводе было не одно только производство ферросплавов. Собственно, в то время это был не завод, а комбинат. Он так и назывался — Челябинский электрометаллургический комбинат. В него входило три крупных электротермических производства — производство ферросплавов, абразивных материалов и электродов. (Затем абразивные материалы стали изготовлять на самостоятельном заводе.)

Производство электродов для нас также было совершенно новым делом. В наследство от старой России мы получили небольшой заводик под Москвой в Кудинове, на котором изготовлялись мелкие угольные и графитовые изделия, преимущественно угли для прожекторных ламп. Электроды нужны были для электросталеплавильных печей, для печей по производству ферросплавов, для электролизных ванн и многих других. Все электроды, и угольные и графитовые, мы покупали за границей. Графитовые преимущественно в Америке у фирмы Ачесон, а угольные, главным образом в Германии у фирмы «Сименс».

Фирмы вовсю использовали нашу зависимость и, смотря но обстоятельствам, то поднимали цены на электроды, то вынуждали нас принимать продукцию низкого качества.

Вспоминается один случай. Это было в 1932 году. На наших границах с Маньчжурией возникла опасная ситуация — дело шло к войне с Маньчжоу-Го. И вот в это время фирма «Сименс» отказалась принять наши заказы на электроды для ферросплавных печей.

— Мы загружены заказами и, к сожалению, в настоящее время лишены возможности принять новые заказы. Если хотите, можете взять то, что забраковал наш приемщик, — таков был их наглый ответ на наше предложение.

А из Москвы шли телеграммы о том, что на заводе в Челябинске запас электродов всего на месяц. В это время я находился в Италии, и мне было предложено немедленно выехать в Германию, осмотреть каждый из забракованных электродов и, если их хоть как-нибудь можно использовать, принять и отправить в Советский Союз. Я выполнил это поручение. Отобрал несколько десятков электродов и, несмотря на то, что в мои обязанности входила только техническая экспертиза, все же не преминул спросить директора завода;

— Ну, а по какой же цене вы их нам уступите? Ведь на них, покупателей вам не найти.

— Почему не найти? Вот вы ведь из Италии за ними приехали. Если бы это была плохая продукция, профессора ее бы не осматривали. (Позже я узнал, что Сименс взял с нас за эти электроды полную цену.)

Все это было известно и мне, и другим работникам электродного производства. Мы прилагали все силы и знания, чтобы быстрее наладить производство электродов, особенно графитовых, необходимых для электроплавильных ночей, производящих высококачественные стали.

А производство не ладилось. Трудностей здесь было не меньше, чем на ферросплавном заводе. Много брака. Технология еще не сложилась.

Как-то после того, как большая партия электродов была полностью забракована, нас — директора Власова и меня — вызвали в Москву. Нарком тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе хотел сам переговорить с нами о производстве электродов.

Поздно вечером мы вошли к нему в кабинет. Он медленно поднялся из кресла, вышел к нам навстречу, поздоровался и, опять опускаясь в кресло, пригласил садиться. Мы сели. Серго положил перед собой лист бумаги и взял карандаш.

— Скажите, товарищ Власов, а что входит в состав электродов?

— Кокс входит, — ответил Власов.

— Обычный кокс? — спросил Серго, записывая что-то на лежащем перед ним листе.

— Да, обычный кокс, но чистый в отношении содержания золы. Этот, кокс размельчается на частицы определенной крупности.

— Еще что?

— Антрацит.

— Какой антрацит?

— Обычный антрацит, но мы отбираем сорта также наиболее чистые по содержанию золы. Обжигаем его, удаляем все летучие примеси и также измельчаем.

Серго опять что-то записал.

— Ну, а еще что?

— Смола.

— Какая смола?

Теперь я видел, что Серго столбиком записывал компоненты, входящие в состав электродной массы.

— Каменноугольная смола. Мы ее нагреваем и удаляем из смолы влагу и нафталин.

— А еще что? — продолжал спрашивать Орджоникидзе,

держа в руках карандаш.

Власов немного задумался, а затем, пожав плечами, произнес:

— Это все. Больше ничего не входит.

Серго отодвинул листок со своими записями и положил на него карандаш. Поднялся из-за стола и сказал:

— Нет, Власов, неверно.

«Что же еще, — подумал я, — директор назвал все».

— Неверно, Власов, — повторил Серго. — Еще организация входит! А у вас на заводе этот компонент отсутствует. Поэтому и брак получается. К коксу, антрациту и смоле обязательно следует организацию добавить — без этого хороших электродов никогда не получите, — и Серго стал нам рассказывать о всех неполадках на заводе.

Нам было стыдно. Мы-то думали, что сообщаем Серго новости, рассказывая о том, что входит в состав электродной массы.

А у него, как нам потом рассказывали, несколько раз побывал Тевосян, и они подробно разбирали всю технологию производства электродов.

Серго нам подсказал, что усилия следует сосредоточить на организации производства.

Замечательный и неутомимый организатор промышленности, он умел выслушивать своих собеседников, ясно представлял себе главные трудности в их работе и кратко излагал суть дела. Вот уж действительно в каждой его фразе «словам было тесно, а мыслям просторно».

Мы вернулись на завод и принялись за организацию электродного производства.

— Ты занимайся ферросплавами, а я буду верхом сидеть на электродном заводе до тех пор, пока там дело не наладится.

В заводоуправлении Власов не показывался несколько дней. А когда я его увидел, то сразу же спросил: «А ты не болен, Марк Александрович?» Глаза у него были красные, он осунулся, руки были в смоле. Пятнышками смолы были украшены также лоб и щеки.

— Ну, дело как будто бы поправляется, — сказал он. — Серго был прав, все зависело от организации и производственной дисциплины. Вчера стали прессовать электроды, и вдруг мне показалось, что в выдавливаемой прессом электродной массе запрессована щепка. Стали ковырять и знаешь, что вытащили? Кувалду вместе с ручкой! Как она туда попала? Случайно, по небрежности кого-то из работающих? Или, может быть, кто-то ее умышленно бросил, пытаясь вывести из строя пресс? Сейчас разбираемся с этим делом и вместе с тем просматриваем всю

цепочку движения материалов до пресса. Надо создать на производстве такие условия, чтобы полностью исключить возможность таких случаев.

Завод набирал темпы. — Количество брака снижалось, а производство росло. Совершенствовалась технология. Все учились, приобретали опыт. Рабочие учились у инженеров, а молодые инженеры — у опытных рабочих. На основных производствах, собственно, все были молодые — и инженеры, и рабочие. Одним из «старых» был я — мне шел 36-й год.

Не было ни одного квартала, чтобы завод не выполнял плана. А раз план выполнялся, то, помимо основной зарплаты, шли премии. Настроение у всех было приподнятое. Люди вносили много интересных предложений по дальнейшему совершенствованию технологии производства, конструкции печей, инструментов.

Прошло всего несколько месяцев, нет, не прошло, пролетело, а как многое уже изменилось! Я хорошо помнил первые дни своего пребывания на заводе, хмурые лица рабочих и растерянность инженеров и мастеров. Из-за массового брака план не выполнялся, и заработки были низкими. Как-то я остановился у печи и спросил у бригадира, как его дела? В ответ услышал горькие слова:

— Как дела? Вчера велосипед продал. Денег нет на еду. Велосипедом меня премировали за строительство вот этих самых печей, а теперь его продавать пришлось. Жена хотела было детское одеяло продать, но я не дал. Что я малышу скажу, когда он спросит, где одеяло-то? Не знаю, что дальше и делать. На другой завод подаваться не хочется, привык я тут. Ведь когда я сюда пришел, здесь пустырь был — только полынь росла, а теперь вон сколько печей ревет!

И он с каким-то остервенением стал лопатой забрасывать в печь известь.

Теперь все изменилось. Я видел это по веселым лицам работающих у печей, их задорным шуткам. О достатке свидетельствовали даже звонки… из челябинской милиции.

— Вчера ваши разгулялись. После получки, что ли? Забрать пришлось. В ресторане «Урал» посуду побили. Кто за убытки платить будет? Вы заплатите или в суд дело передавать?

Во мне боролись два чувства — опять, вероятно, Невский разошелся. Один из лучших бригадиров, но, когда выпьет, удержу нет.

Вероятно, опять каяться придет и будет утверждать, что черт попутал, и опять будет зарок давать больше хмельного в рот не брать. Нет, хватит, уволить придется. А работник великолепный.

Как его любит бригада! За месяц они почти тройную норму выполнили. Без Невского этого бы не сделали. Завтра вся бригада придет просить за него. А может быть, все же еще раз поговорить с ним?

— Так заплатите, что ли, за убытки-то? Может быть, на этом и порешим?

По голосу начальника отделения милиции я чувствовал, что ему не хочется заводить судебного дела.

— А много посуды побили?

— Всю, что на столах стояла. Наши пробовали было остановить Невского-то, да разве его удержишь. У него не руки, а кувалды, — в голосе начальника слышалось плохо прикрытое восхищение. — Как же быть-то теперь?

— Что же делать, придется платить. Больно уж работники хорошие.

— Да, мы говорили с ними, когда они проспались-то. Каждый из нас, говорят, за троих работал. Можно и согрешить было. Сами жалеют, что так вышло.

— Ну, тогда на этом и порешим.

Несмотря на явные успехи, мы все же не были вполне довольны результатами, хотелось большего. Было желание сразу устранить все недостатки, ликвидировать все узкие места производства. «Не сдерживай», «Не расхолаживай» — это был девиз всего производства.

Рискованный опыт

Одним из узких мест на заводе был вспомогательный цех по дроблению углеродистого феррохрома. Завод переходил на изготовление наиболее дефицитных сортов феррохрома, с очень низким содержанием углерода. Такой сплав требовался прежде всего для производства нержавеющих сталей. Производственный процесс изготовления этих сортов феррохрома был длительным и сложным.

Было замечено, что качество продукции зависит, в частности, от того, как раздроблен углеродистый феррохром. Дробить его следует на мелкие кусочки. Операция эта была очень трудной и неприятной. Дробильные механизмы часто выходили из строя. В грохоте дробильного цеха тяжело было работать, а там было несколько десятков человек. И вот мне пришла в голову мысль: а нельзя ли вообще отказаться от дробления? Углеродистый феррохром мы получаем в жидком виде. Почему нельзя струю жидкого металла разбивать струей воды? Ведь гранулируют же шлаки. Примерно таким же путем изготовляют свинцовую дробь. Я предвидел большую экономию в производстве и ликвидацию самого неприятного процесса. Собрал техническое совещание и изложил свои соображения. Убедить присутствующих на совещании мне было легко — идея была простой, и, кроме того, многие инженеры, как я уже писал, когда-то были моими студентами, для них я был по-прежнему профессор.

Стали разрабатывать детальный план постановки первого опыта. Кое-кто робел. Температура феррохрома при выпуске его из печи достигала более двух тысяч градусов. Опасались, что при этой температуре вода будет разлагаться на водород и кислород, возможен взрыв. Начальник второго цеха В. И. Носаль предложил всех рабочих на время опыта убрать и все рабочие места занять инженерами.

Директора на заводе не было. Воспользовавшись этим, мы и решили поставить опыт: боялись, что он не разрешит. Эксперимент прошел успешно. Весь металл за несколько минут был превращен в ровные мелкие дробинки. Полная удача! Открылась перспектива значительного упрощения и удешевления производства; Такого тонкого и ровного по размерности частиц феррохрома мы никогда не получали из дробильного цеха. Когда измельченный таким методом металл поступил для дальнейшего передела — получения промежуточного продукта, силикохрома, то совершенно неожиданно было установлено, что и здесь нас ждала удача — производство силикохрома так же резко возросло.

Стали готовиться к постановке второго опыта. Но когда все было уже подготовлено, меня вызвали на заседание в областной комитет партии. Я предложил задержать опыт до моего возвращения. Во время заседания мы услышали звук, подобный орудийному выстрелу, а через несколько минут в зал заседания вошел один из сотрудников секретариата и сказал, что Челябинский ферросплавный завод взлетел на воздух.

— Вероятно, диверсия, — произнес кто-то из присутствующих.

Я бросился вниз по лестнице, вскочил в машину и сказал испуганному шоферу: «Скорее на завод».

Когда мы въехали в заводские ворота, я увидел оголенную крышу цеха — вокруг лежали в беспорядке разбросанные доски. Казалось, огромное заводское здание было полностью разрушено. В оконных переплетах зияла пустота, стекла были выбиты, и их осколками засыпан весь двор. Один мостовой кран лежал внизу.

— Сколько пострадало? — спросил я первого из попавшихся мне навстречу рабочих.

— Семнадцать человек увезли в больницу, — ответил он.

Я опять вскочил в машину.

— В больницу? — спросил шофер.

— Да!

Когда я вошел в кабинет врача, он, увидев меня, сказал:

— Не волнуйтесь. Самый тяжело пострадавший максимум через две недели выйдет на работу. Вам удивительно повезло!

Оказалось, что в мое отсутствие решили сразу же провести и первую рационализацию процесса — дать большую струю металла. А в это время прекратилась подача воды. Произошел сильный взрыв, которым сбросило мостовой кран, кровлю и выдавило все стекло. Всех участников опыта разбросало, и они получили синяки и порезы, но сильно никто, к счастью, не пострадал.

Неудача, однако, не остановила опытов, и завод освоил в конце концов этот метод.

Что значит личная заинтересованность!

Летом 1935 года Тевосян, по совету Серго Орджоникидзе, созвал совещание руководящих работников Главспецстали, чтобы поговорить об экономичности работы заводов. Это совещание вылилось в детальный анализ технологических процессов производства и причин высокой себестоимости выпускаемой заводами продукции.

Тевосян поставил перед работниками заводов задачу отказаться от дотации, а для этого значительно снизить стоимость производства. Было внесено много разумных предложений о том, какими путями следует идти к увеличению производительности металлургических печей, прокатных станов, ковочных молотов и прессов.

Много говорилось об излишних потерях металла, простоях оборудования, браке, приводились яркие примеры бесхозяйственности и ошибочных решений и вместе с тем были показаны достижения передовых людей производства и те возможности, которые скрыты на каждом заводе и могут быть использованы для дальнейшего увеличения производства и снижения затрат труда, энергии, материалов.

После этого совещания интерес к вопросам снижения себестоимости продукции значительно поднялся. Мы также стали обращать большее внимание на себестоимость продукции и не ограничиваться только количественной стороной выполнения плана.

Как снизить расход электроэнергии, материалов и труда? Что необходимо сделать, чтобы все механизмы бесперебойно работали? Эти вопросы неизменно стали подниматься на всех собраниях и технических совещаниях.

На производительности труда особенно сильно сказывались длительные простои печей во время их ремонта. Простои вызывались рядом причин, некоторые из них не зависели от завода.

Наиболее пагубными были ограничения в снабжении электроэнергией. Энергетические мощности на Урале развивались более медленными темпами, чем другие виды промышленности. Каждое указание из Уралэнерго о необходимости снизить потребление мощности на десять-двадцать тысяч киловатт вызывало большую тревогу за судьбу плана.

Второй грудной проблемой было обеспечение основными материалами. Запасы руды и кокса на заводе были мизерными.

Даже по более чем скромным нормативам, установленным в то время, они могли обеспечить работу печей всего лишь на три-четыре недели.

На заводе Круппа запасы основного сырья — руды и стального лома были вполне достаточны для бесперебойной работы печей в течение шести-восьми месяцев.

В кабинете директора Власова висела большая черная доска, на которой каждое утро работники планового отдела завода писали цифры, характеризующие выполнение плана по видам продукции и состояние с запасами основного сырья. Все могли видеть, что иногда запасы руды или кокса доходили до трехдневной потребности в них завода.

В такие дни все на заводе были охвачены тревогой. Директор непрерывно звонил во все места, выясняя реальную возможность поступления на завод этих материалов, а мне вместе с начальниками цехов приходилось обсуждать вопросы о том, что мы должны будем предпринять в том случае, если на завод вовремя не поступит руда или кокс.

Но на производстве было много также таких помех, устранение которых целиком зависело от нас.

Наиболее крупными из них были брак, о котором я уже рассказывал, и длительные простои оборудования во время ремонтных работ. Затяжной ремонт печей прямо сказывался на выполнении программы. Основные работники завода точно знали, сколько теряется металла за каждый день простоя на каждой печи в отдельности.

Эти потери происходили не только потому, что во время ремонтных работ на печах вообще не производилось плавок, но и потому, что перед остановкой печей на ремонт их производительность снижали, после ремонта на них сразу нельзя было получить большой производительности.

Необходимо было снизить до минимума как время ремонтов, так и их частоту.

По плану, утвержденному главным управлением в Москве, на ремонт больших печей отводилось тридцать дней в году. Печи одна за другой останавливались ежегодно на ремонтные работы. Было подсчитано, что каждый день простоя большой печи приносил ежедневно 40 тысяч рублей убытка. Следовательно, если бы удалось сократить время ремонта на десять дней, завод сэкономил бы 400 тысяч на каждой большой печи. Но как это сделать?

Тем более что даже в запланированные тридцать дней ремонтные работы укладываются далеко не всегда.

Решил посоветоваться с работниками ремонтной бригады. На

следующий день собрал совещание и стал излагать кое-какие соображения. Но не успел я докончить своих рассуждений, как меня перебил голос одного из слесарей ремонтной бригады:

— Оно хорошо пахать-то, лежа на печке, да круто заворачивать. Вы пойдите сами, да и сделайте ремонт за двадцать дней, а мы посмотрим, как это у вас получится. Надо знать дело, прежде чем говорить. Печь-то жаром пышет даже через два дня после остановки. Ни к одной детали дотронуться нельзя. Когда работаешь, потом истекаешь. Рубаха коробом стоит. На спине соль выступает.

— А вы подождите, я еще не закончил, — спокойно остановил я крикуна. — Вот если бригада сделает ремонт за двадцать дней, то помимо обычной зарплаты получит премию — сто тысяч рублей.

В уме я прикинул, что из четырехсот тысяч рублей экономии не грех бригаде дать сто тысяч.

Но мои размышления нарушил тот же голос:

— Какой дурак сто тысяч даст?

— Я дам. Подумайте, как сократить на десять дней время ремонта, и скажите мне.

Все молчали. Наконец разговорчивый слесарь как бы за всех ответил:

— Ну что же, за сто тысяч и подумать можно.

Бригада готовилась к ремонту. После разговора ее как будто подменили. Я никогда не видел так интенсивно думающих людей. В обсуждении плана ремонта принимала участие вся бригада ремонтников. Когда я подошел, меня вначале даже не заметили, говорили сразу несколько человек.

— Да разве мы работаем? Больше детали да инструмент ищем.

— Ремонт можно сразу начинать после остановки печи. А чтобы не жарко было, ее нужно закрыть. Соорудить специальную площадку и надвинуть на печь, тогда все, что выше, можно будет ремонтировать.

— Прежде чем останавливать печь, надо сначала изготовить все детали, которые заменять придется, разложить их по порядку — старую снимать, а новую на место ставить.

Тщательно разработанный план ремонта и отлично проведенная подготовка к нему позволили бригаде закончить ремонтные работы за семнадцать дней. Как и было условлено, я распорядился выдать бригаде сто тысяч рублей.

Выдать-то выдал, но потом полгода давал объяснения в самых различных инстанциях. Оказывается, я сразу сделал ряд нарушений: сюда входило и нарушение установленного порядка

выдачи премий, и превышение власти, и еще много других прегрешений.

Только вмешательство Тевосяна спасло меня от крупных неприятностей. Но дело было сделано. С тех пор уже никогда никто на ремонт не планировал тридцати дней. А ремонтники почувствовали вкус к поискам путей улучшения ремонтных работ и довели в конце концов простои печей до одной недели в году.

О штатах и их сокращении

Насколько я помню себя, мне всю свою жизнь приходилось слышать разговоры о сокращении штатов. До революции разговоры о сокращении штатов были зловещими — они предвещали безработицу. Позже, при Советской власти разговоры эти стали означать перемещение работников с одних мест работы на другие, с одних должностей на другие.

Позже, когда я уже после окончания Горной академии стал работать, мне пришлось самому принимать участие в этой процедуре. Надо сказать, что организацией труда у нас занимались только в начальный период становления промышленности, а затем эта работа была заброшена — все было подчинено выполнению планов любыми средствами. И только в последнее время НОТу стали вновь уделять большое внимание.

Обычно на наших заводах количество работающих больше, чем на аналогичных производствах многих стран. Это бросалось в глаза даже при беглом сравнении. На немецком ферросплавном заводе в Эшвайлере, где мне приходилось часто бывать в начале тридцатых годов, на таком же самом производстве, как и в Челябинске, при таком же примерно объеме продукции, было занято всего 113 человек, в то время как на Челябинском заводе работало 452. Это меня волновало.

— В чем дело? Что, у нас оборудование хуже? — нередко спрашивал я товарищей.

— Нет, лучше. Мы приобрели печи самой последней конструкции.

— Люди в цехах у нас нерадиво относятся к делу?

— Нет, вот они! Подивилов, Карнаухов, Калюжный…

— Может быть, инженеры с меньшей инициативой?

— Опять нет. На заводе собран энергичный, инициативный коллектив энтузиастов — Носаль, Дыханов, Сухоруков, Стрельцов, Рунов, Гусаров.

В чем же дело? Нет, просто необходимо во всем тщательно разобраться.

У нас лучшие в мире печи. Часть из них — уникальные.

Но здесь, на самих печах, и людей-то было меньше, нежели на европейских заводах, откуда же берутся эти «лишние» люди? Ясно, что на каких-то операциях до печей и после печей.

Мы решили тщательно проверить весь путь движения сырья к печам и выплавленного металла от печей до складов готовой продукции. При внимательном рассмотрении даже относительно простых явлений, иногда выявляются интересные подробности,

ведущие к важным заключениям.

Когда я осматривал большие металлургические заводы в Германии, мне обычно предлагали начать со складов сырья: поступление его на завод, сортировку и хранение, переработку — дробление, брикетирование, подачу к печам. Все эти операции были рационально организованы, а степень механизации работ — высокой.

— Вот смотрите, — объясняли мне специалисты заводов Круппа, Манесманна, Рохлинга и многих других фирм, — к нам поступают целые составы с рудой, коксом, известью, и мы их разгружаем в течение нескольких минут. Вагоны подаются на эстакаду, открываются затворы саморазгружающихся вагонов, и все содержимое вагонов через люки попадает прямо в бункера. На всей операции разгрузки вагонов у нас работает один человек. Он открывает люки, нажимает кнопки механизма разгрузки, а после ухода состава с пустыми вагонами заметает случайно не попавшие в бункера кусочки руды, кокса или известняка и закрывает люки бункеров.

А у нас на заводе в Челябинске на этой операции работает более сорока человек! Почему?

Да потому, что сырье поступает не в специально сконструированных для его перевозки вагонах, а на обычных железнодорожных платформах. Платформы подаются в длинный деревянный сарай — склад руды и кокса. По обо стороны железнодорожного пути вырыты огромные квадратные ямы, стенки и дно которых забетонированы.

При подаче железнодорожного состава с платформами, рабочие взбираются на платформы и лопатами сбрасывают руду или кокс в ямы. В зимнее время кокс иногда смерзался и его трудно было разгружать.

Вагонов не хватало, график разгрузки нарушался, вагоны задерживали под разгрузкой более положенного времени, а за задержку вагонов виновные привлекались к суровой ответственности.

Разительно отличался и весь внутризаводской транспорт Челябинского завода от транспорта, виденного мною на многих заводах Европы. Из бункеров руда на всех передовых заводах Европы, как правило, направлялась по конвейерным лентам или по элеваторам в дробилки, затем из них автоматически передавалась вновь на транспортные механизмы — все это совершалось без участия людей, автоматически.

На нашем заводе здесь были заняты люди. Руда из бункерных ям забиралась мостовыми кранами с грейферным захватом. Это устройство не позволяло забирать всю руду, в особенности из

углов бетонных ям. В ямы приходилось опускаться рабочим и лопатами выгребать ее на середину бункера под захват грейферного крана. Наклонные желоба, установленные у дробилок, имели малый угол наклона, измельченные кокс или руда не передвигались, а задерживались на них, образуя завалы. Все это было результатом ошибок, допущенных при проектировании завода, исправить которые было уже трудно, для этого потребовалось бы перестроить всю систему подачи материалов. Эту задачу в Челябинске решили иначе — поставили в таких местах рабочих с лопатами, и они передвигали дробленые материалы с желобов на ленты конвейера.

Оборудование часто выходило из строя, и небольшая ремонтная мастерская вскоре превратилась в большой ремонтный цех, с большим количеством станков и, конечно, с солидным штатом.

Так было на многих участках технологического процесса, особенно на вспомогательных операциях, на которые у нас обычно обращается мало внимания. А во многих случаях они-то и являются решающими, определяя себестоимость и качество продукции.

В курсе металлургии, который я слушал в стенах Московской горной академии, а позже читал его сам, — все эти печи носили иностранные наименования: Ренерфельда, Жиро, Стасанно.

В 1912 году из США в Европу для ознакомления с состоянием дела по использованию электроэнергии для производства стали и ферросплава была направлена большая группа экспертов. После возвращения в США этой группы там стали интенсивно развиваться работы по электротермии и, в частности, возникли крупные электротермические предприятия на энергии гидроэлектростанций, построенных на Ниагарском водопаде.

Когда это было? Еще до первой мировой войны. Тридцать лет в этой области работают европейцы, более двадцати лет американцы. За эти двадцать-тридцать лет у них сложился опыт производства, выросли квалифицированные кадры. Они имели возможность двигаться постепенно от простого к более сложному, от небольших печей к более крупным, от несложных агрегатов с ручным управлением они переходили к более совершенным конструкциям оборудования. Они постепенно оснащали свои печи новыми приборами и механизмами. По мере развития науки и техники заводские работники постепенно овладевали ею. Этот процесс происходил плавно, без скачков.

Совершенно по-другому дело обстояло у нас. Мы должны были шагать не постепенно со ступеньки на ступеньку, а буквально взлетать на целые этажи. Иногда сразу без оглядки на

самый верхний. Взлететь, не зная часто ни одной промежуточной ступени, ни одного марша той лестницы исторического развития, по которой постепенно прошло производство всех передовых стран мира.

Мы знали, что нам необходимо быстро овладеть самой передовой техникой — овладеть, не считаясь ни с какими трудностями. У нас многого тогда не хватало для строительства этих заводов, не было стали, цемента, не хватало кирпича. Чем мы в избытке владели — это безграничной верой в то, что все, что нами намечено, будет, безусловно, построено.

Чем мы были наполнены до края — это желанием быстрее реализовать свои планы, чтобы вывести страну в самые передовые страны мира. То, чего нам недоставало, дополнялось энтузиазмом.

Для строительства Челябинского ферросплавного завода нам не могли дать достаточного количества железа. Нет железа — заменили его деревом, устанавливали в плавильном цехе деревянные стропила.

Суровый климат Урала не останавливал строительных работ, даже зимой в сильные морозы. Сооружались тепляки, строящиеся цеха обшивались тесом, внутрь этого сооружения вводили паровозы и паром отапливали места производства работ.

Не было квалифицированных людей, — их здесь же при сооружении печей обучали и работе. Следы этого прошлого сохранились на заводе даже в технической терминологии. Рабочие — бывшие строители — называли руду черной и белой щебенкой, как называли они прежде дробленый камень, используемый при изготовлении бетона.

Трудности познания новой технологии сопровождались трудностями овладения сложным оборудованием, поступавшим к нам из-за границы. Мы заказывали самое новое, нередко уникальное оборудование. Нам хотелось создавать заводы, в которых были бы использованы все достижения мировой науки и техники.

Борьба за план

Постоянная тревога за план и за порученное дело объединяли людей.

Директора заводов знали один другого и оказывали друг другу помощь. Как-то в большую беду попал наш ферросплавный завод. Не помню, по какой именно причине, но были задержаны анализы выплавленного на заводе ферровольфрама. Самая дорогая продукция завода, скопившаяся почти за месяц работы, не могла быть отправлена потребителям.

Но вот наконец анализы сделаны, но оказалось, что весь ферровольфрам является браком — содержание марганца в нем значительно превышало установленные кормы. Удалить марганец из ферровольфрама нетрудно, но необходимо весь металл вновь переплавить.

Анализы ферровольфрама мы получили двадцать шестого декабря — конец года. На небольшой заводской печи переплавить весь металл в оставшиеся дни было технически невозможно. Под угрозой оказалось выполнение всего годового плана. А завод всегда свои планы выполнял.

Что же делать?

На соседнем абразивном заводе были установлены электропечи значительно большей мощности. Завод уже выполнил свой годовой план и две печи остановил на ремонт. Нам все это было известно. Вот тогда и возникла идея, попросить взаймы эти печи на три дня и весь ферровольфрам переплавить в них.

Было только одно сомнение: можно ли вообще изготовлять сплавы, подобные ферровольфраму, в печах такой большой мощности. В мировой практике такого опыта не было. Даже печи Челябинского завода в то время относились к числу наиболее крупных, они более чем в два раза превышали аналогичные печи европейских заводов. Однако другого выхода не было — или примириться с тем, что завод не выполнит годового плана, или идти на этот вынужденный риск.

Директор абразивного завода согласился уступить на три дня свои печи, а мы обещали ему помочь в проведении ремонтных работ, чтобы он смог уложиться в утвержденный ему график ремонта.

Опыт переплавки ферровольфрама привел к неожиданным результатам. Пёчи работали более спокойно, чем мы ожидали, расход энергии оказался ниже, качество полученного металла много выше, а отходы резко сократились. План был выполнен, и

коллектив завода приобрел новый бесценный опыт производства.

Мелочи жизни

В Челябинске руководящие работники заводов и городских организаций знали друг друга и часто встречались.

Воскресные дни, а также большие праздники мы нередко проводили вместе.

Во время этих встреч рассказывалось много забавных историй, веселых анекдотов, а большинство знаменитых охотничьих рассказов я впервые услышал здесь, в Челябинске.

Как-то с Власовым мы поехали по делам завода в Миас. На лесной дороге нас догнал на своей машине начальник Челябинской областной милиции.

— Закусывали? — спросил он после того, как мы поздоровались.

— Нет еще, — ответил Власов.

— А пора!

Мы остановили машины и расположились на полянке.

И у нас с собой и у него была обильная закуска и по бутылке вина. Выпив и закусив, начальник милиции поставил пустую бутылку из-под вина и спросил:

— Ну, кто попадет? — и вынул из машины мелкокалиберную винтовку.

Он считался по области лучшим стрелком. Не знаю почему, но я подошел к бутылке, вставил в горлышко прутик и сказал:

— В бутылку-то каждый попадет. Вы вот в прутик попадите!

Он бросил на меня взгляд, в котором одновременно было и сожаление о том, что интеллигентный человек в силу своей некомпетентности может предлагать такие несуразности, и чувство собственного превосходства.

— Ну знаете, это, может быть, там, за границей, где вы были, в такие мишени стреляют, а у нас люди разумные. Да вы сами сначала попробуйте!

Я взял винтовку. Стрелял я неплохо. Но, конечно, совершенно не думал, что в прутик можно попасть. Прицелился, нажал курок и был страшно поражен, когда увидел, что перебил прутик.

— Ну вот видите, как стрелять надо, — не моргнув глазом, сказал я ошарашенному начальнику милиции.

— Да-а… — Больше я от него ничего не услышал. Меня сочли снайпером.

Так вот иногда и создаются авторитеты на чистых случайностях.

Старатели

Как-то летом мы с Власовым поехали на машине на Златоустовский завод, там должно было происходить совещание по вопросам снижения себестоимости продукции заводов Главспецстали. Из Челябинска в Златоуст вела узкая вся в выбоинах грунтовая дорога. Ехали медленно. На полпути между Челябинском и Миасом, когда мы пересекали небольшую речку, я увидел в стороне от дороги троих работающих мужиков. Один из них бросал лопатой землю из кучи, второй качал ручной помпой воду из речки, а третий из телеги что-то разгружал. Я спросил Власова, что они там делают.

— Золото моют, старатели.

Я попросил его остановиться. Как добывают золото, я знал только по рассказам Джека Лондона. Подошли к старателям, поздоровались, и я спросил:

— Что, песок промываете?

— Какой песок, — сердито ответил один из них. — Пашню возим, не видите, что ли, ее моем. Здесь песку нет. Вот оно где золото-то лежит, — и он показал на распаханное поле. — Сверху пшеница растет, а в земле золото спрятано.

В это время один из тройки старателей подвез воз земли и стал лопатой разгружать ее в кучку на берегу. Все устройство для промывки «породы» состояло из двух деревянных желобов и большого эмалированного таза. Вода подавалась ручным насосом — помпой, сделанной из железной трубы диаметром около ста миллиметров. Под струю воды один из старателей бросал лопатой землю. По наклонной плоскости желоба вода относила все легкие частицы, стекая во второй желоб, стоящий немного ниже и далее — в эмалированный таз.

— Ну а когда золото вынимать будете? — спроси старателей.

— Да вот минут через десять. Мы уже давно мое;

— А сколько в день намываете?

— Когда как. Если повезет, то двадцать — двадцать пять граммов в день.

Старатели кончили промывку и смыли все тяжелые частицы, находившиеся на дне желобов, в эмалированный таз. Осторожно слили из него воду, выбросили всю наиболее крупную гальку, предварительно тщательно осмотрев каждый камешек. Потом из бутылочки вылили в газ ртуть и стали вращать блюдо, гоняя ртуть по блюду так, чтобы она проходила по находящемуся на дне осадку твердых частиц. Наконец старатель наклонил таз, а второй подставил пустую банку из-под консервов с опущенным в нее

куском тряпки. Он вылил ртуть на тряпку и стал отжимать ее в банку. Когда развернул тряпку, там лежали два белых кусочка.

— Ну, вот вам и золото.

Он положил кусочки на жестянку и пошел к горящему костру. Опустив жестянку с белыми кусочками золота над углями, старатель стал их нагревать. Кусочки пожелтели.

— Теперь все.

— Сколько же здесь по весу будет? — спросил я.

— В этом граммов пять, а в этом — более восьми.

Мы распрощались со старателями и поехали дальше.

В то время на всем Южном Урале фактически существовали две расчетные единицы — рубль и грамм золота. Золото можно было покупать у старателей по сорок рублей за грамм.

Как-то летом 1936 года нам вместе с Власовым пришлось побывать на рудниках, находившихся недалеко от станции Бреды. Машины у нас не было, и мы решили нанять лошадь. Обратились к одному из местных жителей.

— Что же, довезти можно. Почему не довезти. Заплатите, так довезу.

— Ну, а сколько возьмете? — спросил Власов.

— Да цена-то у нас до этих мест известная. Все мы одинаково берем — меньше я не возьму, а больше вы все равно не дадите.

— Сколько же все-таки?

— Шесть.

— Чего шесть?

— Шесть грамм.

— Чего шесть грамм?

— Золотишка шесть грамм. Чего же еще-то. На граммы у нас здесь золото да водку мерят.

— Но где ж я вам золота-то возьму?

— Да вам себя и утруждать не надо. Цена-то у нас тоже известная — сорок рублей за грамм.

В Челябинской области в то время старателей было очень много. Как только началась весна, они уходили на поиски золота. У нас на заводе было несколько ревностных золотоискателей. Еще на полях лежал снег, но им уже не терпелось и они просили дать им отпуск без сохранения жалования. Удержать их на заводе было невозможно. Это были люди, зараженные страстью золотоискательства, страдающие болезнью особого рода. Мне нередко приходилось разговаривать с ними. Один, питавший ко мне особое доверие, неоднократно предлагал ехать с ним. «Верное место знаю. Может быть, поедете со мной на золотишко. Мно-ого намыть можно», — убеждал он меня.

В сентябре после нескольких месяцев отсутствия я вновь

встретил его и еле узнал. Он был оборван, худ, оброс разноцветной щетиной. Мы поздоровались.

— Много намыли? — спросил я его.

— Ошибочку допустил. Надо было левее взять, но вот не догадался. Зря время испортил. Левее оно должно лежать. Некуда ему больше податься. Вот на будущий год туда направлюсь… Может быть, поедете, а?

Таких фанатиков золотоискательства не может сломить никакая неудача.

Доллар на заводской свалке

Среди прибывших в Златоуст на совещание был немецкий специалист инженер Криц. Во второй половине дня, после обеденного перерыва, совещание по себестоимости было продолжено, и перед его началом к директору завода подошел Криц и сказал:

— Я у вас на заводской свалке нашел доллар.

— Вероятно, рубль, — поправил инженера директор.

— Нет, доллар, — повторил Криц и развернул лежавший в руках сверток. В нем был графитовый ниппель — деталь, соединяющая два электрода.

— За этот ниппель вы заплатили фирме Ачесон в Америке доллар, — продолжал Криц. — Рубли я тоже нашел. Вы знаете, что один магнезитовый кирпич в Германии стоит две марки. Магнезитовые кирпичи мы, немцы, покупаем здесь, недалеко от вашего завода, в Садке. Там находится одно из лучших в мире месторождений магнезита. Когда мы отправляем такие кирпичи с одного завода на другой, то каждый фасонный кирпич заворачиваем в бумагу и пакуем в ящики. А там, на свалке, куда вы выбрасываете заводские отходы, я нашел не только много битого магнезитового кирпича, но даже и целые кирпичи.

У нас в Германии весь битый кирпич используется. Мы его измельчаем и вновь пускаем в дело. Ведь магнезит — превосходный огнеупорный материал, как же его можно выбрасывать? Это большое богатство. Конечно, вы очень богатая страна, у вас все есть. Но почему же вы это богатство не бережете?

Тевосян, слышавший этот разговор, обращаясь к директору, спросил:

— Ну, ты и теперь будешь упорствовать, что не можешь сэкономить полмиллиона в год? Да, если вы только явные потери устраните, уже это одно вам больше полмиллиона экономии даст.

Здороваясь со мной, Тевосян спросил:

— Вы как ферросилиций у себя на заводе получаете?

Я начал было рассказывать, но он перебил меня и сказал:

— Это старый способ. Вот здесь в Златоусте директор завода открыл более простой. Он сеет его. Получает от вас ферросилиций и разбрасывает по всей территории завода. По-видимому, ожидает получить хороший урожай. Так, что ли? — обращаясь к красному как рак директору, спросил Тевосян.

Директор молчал. Найденный на свалке ниппель стоимостью в американский доллар, выброшенный на свалку кирпич и

разбросанный по территории завода ферросилиций — все говорило об отсутствии на заводе порядка.

— Так сколько же берешься сэкономить в течение года? Я думал записать тебе полмиллиона, но вижу, что мало. Полмиллиона ты можешь сэкономить не думая. Вот что. Садитесь и хорошенько посчитайте, где и на чем можете сократить расходы, потом мы поговорим.

Премия за снижение себестоимости

В то время Серго ввел премиальную систему, в которую входило премирование не только за перевыполнение плана, но и за снижение себестоимости. Работники производственных цехов получали 10 % оклада за каждый процент снижения себестоимости.

Таким образом, действовали два стимулирующих фактора, что оказывало сильное влияние на изучение технологии производства и поиски решений таких задач, которые ранее всеми считались в условиях завода неразрешимыми.

В производстве ферросилиция на заводе первоначально использовался древесный уголь. Доставать его стало трудно, и он был дороже кокса. Количество древесного угля стали сокращать, заменяя часть его коксом, а затем и совершенно от него отказались.

В дальнейшем отказались от использования и крупного кокса, заменив его коксовой мелочью — коксиком.

— Зачем нам покупать крупный кокс — все равно его дробить нужно, — рассуждали мы. — Доменщикам как раз крупные куски нужны, а нам мелочь, которая не годится в домну. Вот эту мелочь, что у-доменщиков отходом считается, мы и должны забирать, она ведь дешевле кокса. Если мы заменим кокс коксиком — двойную выгоду будем иметь. Его и дробить не надо, и он дешевле.

На соседнем заводе, при выплавке абразивного материала — корунда получалось в качестве побочного продукта небольшое количество металла. Этот металл содержал три-четыре процента кремния и как отход производства вместе с другими заводскими отходами вывозился в соседний овраг, где была свалка.

А мы на ферросплавном заводе кремнистые сплавы — ферросилиций специально готовили. Правда, содержание кремния в ферросилиции было значительно выше, нежели в отходах абразивного завода.

Вот тогда-то и пришла мысль одному из работников завода использовать эти отходы в нашем производстве. Этот вопрос наряду с другими был поднят на производственно-технических совещаниях.

— На то, чтобы восстановить кремний из кварца, мы тратим электроэнергию, а тут рядом в овраге лежит этот кремний и как бы укоряет нас: ну до чего же вислоухие у нас работники на ферросплавном заводе. До сего времени не догадаются нагнуться и поднять то, что под ногами лежит, — говорил один из хороших опытных бригадиров завода Андрей.

Мы стали вывозить со свалки абразивного завода этот металл и сразу же установили, насколько это выгодно, — себестоимость ферросилиция заметно снизилась.

А затем мы решили договориться с директором абразивного завода о том, чтобы он вместо того, чтобы сбрасывать свои металлические отходы на свалку, разгружал их прямо у нас на заводе.

Переговоры были длительными. Директор абразивного завода насторожился. Казалось, во время нашего разговора он думал: как бы ему в чем-то не ошибиться.

— А зачем вам этот металл нужен? — спросил он.

— А почему он должен пропадать, если его можно в дело пустить? — ответил Власов.

— Погрузка его в вагоны и выгрузка у вас на заводе денег стоит. Кто же мне за это платить будет?

— Но ведь ты все время его погружаешь и разгружаешь. Разница только в том, что эти отходы вы разгружаете на свалке, а мы предлагаем тебе разгружать их на нашем заводе.

— Не могу.

— Почему же не можешь?

— Там я привез и сразу же все сбросил, а как это будет у вас — еще вилами на воде писано. То место для разгрузки не подготовлено, то еще что-нибудь случится и будут стоять вагоны и рабочие. Что я не знаю, что ли, как это бывает! Не могу. Сказал — не могу, значит, не могу.

В конце концов договорились на том, что мы будем оплачивать все транспортные расходы завода, а металл он будет отгружать бесплатно. Это было выгодно для обоих заводов. Но каждая сторона после окончания переговоров и соглашения все-таки считала, что несет некоторые убытки. Директор абразивного завода сожалел, что отдал нам бесплатно свой металл, а мы — что согласились оплачивать абразивщикам их затраты по транспорту.

На этом примере, а также многих аналогичных можно было видеть уже новое отношение к вопросам себестоимости. Развивался вкус к вопросам экономики производства.

Его привил Серго Орджоникидзе.

…Зима 1935 года была очень снежной. Метели, которые иногда длились неделями, заметали дороги, останавливали движение не только автомобильного, но и железнодорожного транспорта.

Запас хромистой руды на заводе был небольшим, а основной рудник, откуда поступала руда, оказался отрезанным от железной дороги. Выпал глубокий снег, и дорогу замело. На заводе было

большое количество мелкой руды. Эти запасы накопились в течение нескольких лет. Вся поступающая на завод руда дробилась, мелочь отсевалась и шла в отвал. Никто ее не считал за руду. Такую руду мы не умели перерабатывать и складывали ее, храня до того времени, когда на заводе будет построена фабрика для брикетирования рудной мелочи.

На заводе в то время было два цеха, занимавшихся производством феррохрома. На совещании с начальниками цехов я обрисовал положение с рудой и предложил переплавлять в печах рудную мелочь — отсевы.

Начальник первого цеха категорически отказался.

— Нельзя этого делать, мы все печи загубим. Я, откровенно говоря, и не знаю, как вести процесс плавки на мелкой руде. Вы ведь нам сами когда-то говорили, — обращаясь ко мне, напомнил он, — что в печи следует загружать кусковую руду, а не пыль.

Началась жаркая дискуссия, в ходе которой выкристаллизовались три предложения. Одно из них — остановить печи на ремонт раньше срока. Но оно вызывало возражения. У нас были срочные заказы на феррохром, и мы подвели бы ряд сталеплавильных заводов, прекратив его выплавку.

Второе — всех печей не останавливать, а запасы имеющейся на заводе кусковой руды передать первому цеху. Этого количества ему хватило бы на три-четыре недели, а за это время могли расчистить дорогу и доставить руду с рудника. А печи второго цеха можно временно переключить на выплавку другого сплава — ферросилиция.

И третье предложение — переплавлять мелкую руду.

Я стал настаивать на том, чтобы все-таки пустить в переработку скопившиеся на заводе запасы мелкой хромистой руды.

В качестве поощрения я предложил не считать стоимость руды при определении цеховой стоимости феррохрома. Стоимость всей этой мелкой руды была уже списана с баланса. В себестоимости же феррохрома руда составляла 20–25 %.

Начальник второго цеха сразу сообразил, что в случае удачи премия за низкую себестоимость металла будет большой. Он заявил, что попробует работать на мелочи.

Его опыт оказался удачным. Регулировать работу печей стало труднее, но все же вести плавку было можно. В первый же месяц работы второго цеха на мелкой руде заработок работников феррохромовых печей возрос в три-четыре раза. Это вызвало на заводе большой шум. Ко мне пришла делегация из первого цеха.

— Почему это вы в такие условия поставили второй цех?

— Но вы ведь отказались перерабатывать мелкую руду. Если хотите, то и вы можете ее переплавлять. Подумайте и скажите мне.

Первый цех также переключился на переплавку рудной мелочи.

В результате все отходы в количестве нескольких тысяч тонн были переплавлены, и завод не только вышел из трудного положения, но и получил большую прибыль. В результате этого успеха заводских работников буквально одолел какой-то зуд. Появилось много предложений — как, где и что можно сэкономить. Многие из предложений были или неверные или несвоевременные, но были и такие, что действительно вели к снижению расходов и осуществлялись нами.

Самые простые гвозди

Я уже писал, что при заводе был выстроен большой жилой поселок и особой остроты жилищный вопрос не представлял. Однако жильем все же приходилось много заниматься. В те годы многие рабочие отказывались идти в большие каменные дома. В квартиры, расположенные на первых этажах, еще шли, но поселиться выше многие наотрез отказывались.

— Куда же это я поросеночка-то поселю? Ну, сам-то еще туда-сюда, на третий этаж заберусь, но как с поросенком-то быть?

Почти во всех дворах выстраивались сараи, в которых жильцы держали самый разнообразный скарб или живность — поросят, кур, а некоторые даже коров.

На завод пришло много рабочих из деревень. Они еще не могли представить себе жизни без привычного занятия — выращивать скот и птицу. Тем более что это было значительным подспорьем к заработку, в особенности у низкооплачиваемых рабочих, не имеющих квалификации. На всех заводах Урала в старое время многие рабочие имели свои небольшие хозяйства. В 1929 году, когда я впервые попал на небольшой уральский заводик Пороги, я еще застал этих полурабочих-полукрестьян. Почти все они держали скот — и не только коров и свиней, но даже и лошадей. У них были большие огороды и сенокосные угодья.

В те времена даже металлургические заводы во время сенокоса останавливались. Директора заводов не могли ничего сделать, чтобы удержать своих рабочих на заводах, и вынуждены были на время сенокоса прекращать работу даже в основных цехах и производить разного рода ремонтные работы.

Среди рабочих ферросплавного завода также была тяга к земле, многие из них хотели иметь земельные участки, огороды, сады и держать живность. В то время это поощрялось, и наряду с жилищным строительством, которое вел сам завод, недалеко от заводской территории под индивидуальное строительство был отведен значительный земельный участок.

Завод оказывал строителям посильную помощь: выделял автомашины для доставки материалов, отпускал шлак и некоторые другие отходы производства. Но этого было недостаточно. К нам стали поступать сведения, что на индивидуальное строительство текут также заводские материалы, которые были дефицитными и для завода.

Когда же на заводе была поднята кампания за усиление режима экономии и стали интенсивно искать пути к снижению

расходов всех видов материалов, был поднят также вопрос и о том, что часть заводских материалов расходуется не по назначению. Как-то ко мне пришел начальник отдела снабжения завода и сказал:

— У нас большой расход гвоздей. На каждый ящик для упаковки ферровольфрама (а гвозди шли главным образом на изготовление ящиков) необходимо пятьдесят шесть гвоздей, допустим, шестьдесят. Сколько мы изготовили ящиков, известно, легко подсчитать, сколько требуется гвоздей на всю программу. А вы знаете, сколько мы гвоздей израсходовали? В четыре раза больше! Знаете, куда наши гвозди идут? На индивидуальное жилищное строительство. Весь поселок, что вырос за заводом, на наших гвоздях держится. Охрана в проходных многих задерживала и гвозди у них из карманов высыпала. Тащат наши гвозди!

Вопрос о гвоздях был поднят на производственно-техническом совещании. Когда Воронов привел свои расчеты о действительной потребности завода в гвоздях и повторил то, что говорил уже мне — тащат наши гвозди, кто-то из участников совещания спокойно произнес:

— И будут тащить! В продаже гвоздей нет. Что же строителям-то делать, как не воровать. И рады бы купить, да негде.

Вот тогда впервые и возникла мысль об организации на заводе гвоздильного производства, хотя бы полукустарного. Мы вместе с Вороновым решили собрать наиболее заинтересованных в получении гвоздей, тех, кто на выделенном около завода участке строил себе индивидуальные домики. Коротко рассказали, что происходит на заводе.

— Вообще расхитителей следовало бы отдать под суд. Кое-кого из сидящих здесь также задерживали в проходной и отбирали гвозди, — сказал Воронов.

— А вы продайте их нам, тогда и тащить никто не будет. Без гвоздя-то доски на крыше держаться не будут! Да их не только строители тащат. В любом хозяйстве гвозди нужны.

— Ну а если мы поставим небольшой станочек и на нем тонн десять-двадцать гвоздей сделаем — как вы думаете, хватит этого на ваше строительство? — спросил я.

— Да если бы и вдвое меньше дали, и то хватило бы, — с жаром сказал один из присутствующих на собрании.

А что, если проехать на Магнитогорский завод и выпросить там проволоку-путанку — брак? Когда я был на Магнитке, то у прокатного цеха видел целые кули путаной проволоки. Мне казалось, что ее можно выправить в на волочильном станке

перетянуть на более тонкую, а, имея проволоку различной толщины, на небольшом станочке можно наделать уйму гвоздей.

Все это я рассказал на собрании и спросил:

— Вот, если хотите, мы вам поможем, достанем проволоку, установим станочек, а вы поработайте. Надо будет проволоку править и протягивать ее. А будет проволока — будут и гвозди.

Все с радостью дали согласие.

«Теперь надо ехать на Магнитку и доставать проволоку», — подумал я, уходя с собрания.

Директором Магнитогорского завода был тогда Абрам Павлович Завенягин. Он был чрезвычайно инициативный и упорный человек. Если уж что-нибудь задумал, то не было, казалось, ни доводов, ни силы, которые заставили бы его изменить свою точку зрения.

К своим решениям он приходил путем глубокого анализа всех доводов «за» и «против». Он мог подолгу, внимательно выслушивать людей, тщательно взвешивать все их аргументы, никогда не обрывая собеседников. Совещания, которые он проводил, были длительными. Мне казалось, что нельзя так долго выслушивать порой очень скучные и нудные, а иногда и просто глупые речи.

— Надо же дать человеку высказаться, а может быть, он что-нибудь и путное скажет, — смеясь, говорил он иногда мне, когда мы вместе возвращались с таких длительных и утомительных совещаний.

В первой части этой книги я рассказывал о том, как в Горной академии, будучи одновременно и студентом и заместителем ректора, Завенягин, не прибегая к правительственным дотациям, сумел изыскать средства на оборудование лабораторий.

Тогда Завенягину было всего двадцать лет. В тридцать четыре года он был уже директором крупнейшего в стране Магнитогорского металлургического завода, кандидатом в члены ЦК партии и членом Челябинского областного комитета.

Мне было известно, как высоко ценил Тевосяна и Завенягина Серго Орджоникидзе и с каким особо глубоким уважением они оба относились к Серго.

Я знал, как тщательно и с какой любовью они выполняли все его поручения, Больше всего они опасались, как бы ненароком не подвести Серго. Не передоверяя никому, они сами тщательно следили за тем, чтобы все указания Серго неукоснительно выполнялись.

Серго также хорошо знал — эти двое его никогда не подведут, им можно безгранично верить.

Это был типичный пример хороших, здоровых отношений

между государственным деятелем старшего поколения, выпестовывающим новые кадры руководителей, и представителями новой молодой поросли. Отношения, основанные на глубоком уважении, доверии и взаимной заботе.

От Тевосяна я нередко слышал:

— Очень боюсь, что Серго расстроится. С производством листовой стали у нас дела не клеятся.

Или:

— Ну и порадуется Серго — нам удалось перекрыть все свои прежние рекорды по производству стали.

Завенягин приезжал в Челябинск на заседания обкома, и я с ним имел возможность встречаться.

После совещания относительно изготовления гвоздей я и решил переговорить с Завенягиным, прежде чем ехать на Магнитку.

— А я завтра в Челябинске буду, — сказал мне Абрам Павлович, когда я позвонил ему на завод. — В Челябинске мы и поговорим, кстати, и повидаемся, а то я тебя уже давно не видел.

С Завенягиным мы встретились на даче у Власова, я еще жил один — семья находилась в Москве. Жена болела. Власов предложил переночевать у него, и мы с Завенягиным расположились в одной комнате. Спать нам не пришлось, проговорили до утра. Вспоминали Горную академию, Гипромез.

— А помнишь, как тебе от Серго попало?

— Почему ты это вспомнил?

— Почему? Мне кажется, что Серго обладает каким-то особым даром поднимать настроение людей, зажигать их, вдохновлять. Он как аккумуляторная станция огромной мощности.

Даже тогда, когда он наказывал людей, он их вместе с тем и приподнимал.

— Ударить можно по-разному. Стукни человека по кумполу, у него голова опустится, и он, кроме своих сапог, ничего не увидит; ударь его по подбородку, у него голова приподнимется, и он увидит новые горизонты. Так, что ли?

Мы оба в темноте рассмеялись.

— А помнишь, какое у тебя настроение было, когда он объявил тебе выговор с опубликованием в печати, а после разговора с Серго ты все же приехал в великолепном настроении.

Историю с выговором Завенягину я помнил хорошо. Когда его назначили директором Гипромеза, дела там обстояли очень плохо. Сроки выполнения проектных работ затягивались, что ставило в трудное положение строящиеся заводы. Со всех концов страны в Наркомтяжпром шли одна за другой тревожные

телеграммы: «Отсутствие технической документации срывает начало строительных работ».

Однажды в газете «За индустриализацию» я увидел приказ Орджоникидзе, в котором Завенягину за необеспечение строительства металлургических заводов технической документацией объявлялся выговор с опубликованием его в печати. Прочитал приказ и Абрам Павлович, нахмурился и сказал:

— Не успели назначить, а уже выговор объявляется. Ну как при таких условиях можно работать?

Я был всецело на стороне Завенягина.

— А в чем здесь твоя вина? Разве можно было в такой короткий срок выправить положение с документацией?

— Сегодня же вечером поеду к Серго, буду просить его об отставке. Кто будет теперь со мной считаться, без выговора и то трудно было чего-либо добиться, а теперь это просто невозможно будет. Со мной никто и разговаривать-то больше не будет.

— Какие уж тут разговоры, — вторил я вконец разобиженному Завенягину.

Весь день Завенягин выглядел мрачнее черной тучи, а вечером выехал из Ленинграда в Москву. Через день он вернулся. Я ожидал его возвращения.

Вот я услышал, как хлопнула дверь в прихожей, и увидел… веселое лицо Абрама Павловича. Своего хорошего настроения он не мог скрыть, да, по-видимому, и не хотел.

— Был у Орджоникидзе?

— Конечно, был!

— Ну и как, что он сказал?

Завенягин рассмеялся и сказал:

— Сейчас все расскажу, дай только раздеться. Попал я к Серго вчера днем. С утра у него было совещание. Только оно закончилось, Семушкин говорит: «Заходите, я ему уже докладывал — он вас ищет». Открываю я дверь, вхожу, а у него в кабинете еще народ — главным образом члены коллегии. Увидев меня, Орджоникидзе подошел ко мне, поздоровался, положил руки мне на плечи и спросил: «Ну как дела, Завенягин?» — «Неважно, товарищ Серго. Работа, вероятно, мне не по плечу. Да ведь вы сами ее уже оценили, выговор мне объявили. По всей видимости, мне не справиться с этим делом».

Серго убрал руку с плеча, слегка толкнул меня вперед и, обращаясь к присутствующим, сказал: «Посмотрите на этого молодого человека! Его Серго обидел, а он на Советскую власть не хочет больше работать!» Я было к двери, а он: «Нет, Завенягин, подожди. А при чем тут, Завенягин, Советская власть? Ты вот на

что ответь мне!»

Потом, показывая на стул, сказал: «Садись!» Я сел. «Рассказывай, в чем у тебя основные трудности?» Говорю:

«Конструкторов не хватает, чертежники перегружены». «Сколько тебе дополнительно народа нужно?» — «Около двухсот человек». — «Так ты воюй за них. Сходи в Ленинградский обком, там поговори. Да поговори так, чтобы тебя и в Москве слышно было! Тебе теперь, Завенягин, терять нечего. Выговор у тебя есть, и об этом знает вся страна. Два выговора сразу один за другим не дают. Воспользуйся случаем — шуми, стучи кулаками, требуй. Говори там, в Ленинграде, что это выговор дали не тебе, а всей Ленинградской организации. Как, мол, вы могли допустить, чтобы молодой специалист начал свою деятельность с выговора. Поезжай назад в Ленинград и воюй за кадры, за план. Ну, и я тоже поговорю с обкомом, попрошу их помочь тебе. Желаю удачи, Завенягин». На этом у меня разговор с Серго и закончился.

Завенягин стал ходить по комнате и насвистывать.

— Сегодня же поеду в обком.

Вскоре раздался телефонный звонок. Из Гипромеза передавали, что по правительственному телефону звонил секретарь обкома и спрашивал Завенягина.

Через две недели в Гипромез было направлено с ленинградских предприятий около ста восьмидесяти новых работников. Через три месяца положение с технической документацией было выправлено и в газете «За индустриализацию» появился новый приказ Орджоникидзе, которым снималось наложенное на Завенягина взыскание…

— Абрам Павлович, не поможешь ли ты в одном деле? — спросил я Завенягина, боясь откладывать разговор о гвоздях до утра. — Прошлый раз, когда я был на Магнитке, у проволочного цеха я видел много проволоки-путанки. Не дашь ли ты нам тонн пятнадцать-двадцать, одним словом, платформу такой путанки?

— А зачем она вам понадобилась?

Я рассказал ему историю с гвоздями.

— Проволоку я, конечно, дам, но это не решение вопроса. Как все-таки нам много металла нужно, чтобы насытить страну! Надо новые заводы строить. Еще в Гипромезе мы думали о строительстве завода качественных сталей на бакальских рудах. Надо этот вопрос опять поставить, — проговорил он. — Ну, давай поспим немного, а то завтра голова будет болеть.

В дачном поселке пели уже петухи.

Через неделю из Магнитогорска к нам на завод пришла железнодорожная платформа толстой проволоки. А месяца через два на заводе прекратились всякие разговоры о расхищении

гвоздей. А ведь кое-кто из рабочих мог бы стать преступником, и в его документах значилось бы: «Имел судимость».

О шлаке

Шлак из цехов Челябинского ферросплавного завода вывозили в конец заводской территории и там сваливали под откос. Уборка тонны шлака стоила три рубля. Его нужно было погружать на железнодорожные платформы или автомашины, вывозить на свалку и разгружать там. Я решил посмотреть эту свалку.

По огромной шлаковой горе ходило несколько женщин и ребятишек. Они что-то собирали в ведерки и корзинки. Я подошел к ним и спросил:

— Что вы собираете?

— А что, запрет, что ли, какой наложен здесь ходить? — в свою очередь задала мне вопрос одна из женщин, обмотанная платком.

— Запрета нет, просто интересуюсь, может быть, и я вместе с вами собирать буду.

Все засмеялись.

— Уголь для самоваров да утюгов, больше ничего хорошего здесь не найдешь, сколько ни ищи, — произнесла женщина в платке.

Среди шлаковой массы, помимо кусочков древесного угля и кокса, кое-где блестели похожие формой на морскую гальку шарики феррохрома или «корольки», как их называют металлурги.

Самый дешевый сорт феррохрома в те годы стоил несколько более двух тысяч рублей за тонну. Я понимал, что нам следовало бы организовать переработку и сортировку шлака и извлечение из него всех металлических частиц. Но рабочих рук на заводе не хватало. Кроме того, разработка проекта такой переработки, утверждение его, получение разрешения и денег на строительство потребовало бы длительного времени.

«Сколько же пройдет времени, — подумал я, — пока мы практически сумеем решить вопрос?» А хотелось все делать быстро. Почему же не предложить вот им — этим женщинам выбрать весь металл из этой огромной шлаковой горы? Конечно, следует заплатить. Сколько? Рубль за килограмм? Почему рубль? Могут ведь потребовать обоснование. Стало как-то смешно. Обоснование только одно: легко будет считать: десять килограммов — десять рублей, сто килограммов — сто рублей. Завод сможет весь этот металл использовать и тоже будет не в накладе.

Опять, обращаясь к женщинам, я сказал:

— Вы бы лучше вот такой металл собирали вместо угля.

— А на кой ляд он нужен! В бабки, что ли, с тобой играть? Уголь-то я для самовара собираю.

— А я за этот металл заплачу по рублю за килограмм.

Женщина посмотрела на меня с недоверием и сказала:

— А не обманешь?

— Нет, не обману. Соберите побольше, а потом приходите вон в то здание, — и я показал на заводоуправление.

Через две недели секретарь, войдя в кабинет, сказал мне:

— Вас спрашивает какая-то женщина.

— Пусть войдет.

— Он самый и есть, — сказала вошедшая. — Ну, говорил, что по рублю за килограмм заплатишь? Теперь бери и плати. Я много этого металла насобирала.

Я вызвал Воронова и сказал ему:

— Возьмите под отчет деньги и поезжайте с этой женщиной. Заберите у нее весь феррохром. Взвесьте и заплатите по рублю за килограмм. Заплатите сейчас же, как только взвесите.

Мне важно было не допустить, чтобы за деньгами ходили неделю, а получателя гоняли за разного рода справками.

Воронов скоро вернулся и сказал:

— Туда с грузовиком ехать надо, там около двух тонн металла будет.

— Возьмите грузовик и главное — сразу же с ней рассчитайтесь.

На следующий день один из инженеров, зайдя ко мне, сказал:

— Вы не видели, что на шлаковом отвале делается?

— Нет, а что?

— Там полпоселка работает, всю шлаковую гору перекапывают.

Приходившая ко мне женщина получила от Воронова 1780 рублей. Ее муж работал на заводе и получал в месяц 620 рублей. Мы еле успевали принимать от сборщиков металл и, переплавляя его в печах, сильно увеличили производство. В Москве недоумевали: чем вызвано такое большое увеличение производства феррохрома?

Но здесь опять, оказывается, я сделал нарушение — так платить, как я платил, было нельзя. А как следовало платить — никто не мог сказать.

— Вам никто права устанавливать расценки и производить незаконные выплаты не давал, — услышал я гневные слова из Главка.

Открывшийся Клондайк пришлось закрыть.

Обойдемся

На заводе не все печи имели хорошую конструкцию. Одна из печей совершенно не подходила для производства ферросплавов, и на ней никто не хотел работать. Расход электроэнергии здесь был очень высоким, а производительность низка. Это была когда-то сталеплавильная печь, кое-как приспособленная для ферросплавного производства.

Как-то в разговоре с начальником ремонтно-механического цеха, опытным механиком, я спросил его:

— А не можем ли мы эту печь полностью реконструировать? Неужели у нас ума не хватит сделать такую же конструкцию, как эти, — и я показал на новые печи, полученные в свое время из Германии.

— Почему не сможем? Сможем. Надо только захотеть.

Новый корпус печи работники ремонтно-механического цеха сделали за месяц. Печь смонтировали, предварительно разобрав старую, и я, к своему удивлению, увидел на том месте, где обычно ставят эмблему фирмы, отлитые из алюминия буквы «ЧЭМК» — Челябинский электрометаллургический комбинат. Специалисты ремонтно-механического цеха с любовью изготовили все детали и даже отлили свою марку и закрепили ее на корпусе печи.

Когда я увидел печь и даже фабричное клеймо — «ЧЭМК», у меня забилось сердце. Я вспомнил, как нас хотели поставить на колени представители Сименса и «АЕГ», как они диктовали нам цены, как во время переговоров лениво потягивался Иост и всем своим существом показывал, что мы без них все равно не обойдемся.

Так и светилось в его надменном взгляде превосходство: «Вам некуда податься, все равно к нам придете. Без нас вам не обойтись».

И вот ответ: обойдемся!

В механических ремонтных мастерских завода сделана такая же печь, какие готовят на специализированном оборудовании лучшие заводы Германии. Да, они в то время являлись лучшими в Европе — печи Сименса я видел не только на немецких заводах, но также в Англии и Швеции.

Если мы отстанем, нас, безусловно, сомнут. Как они безжалостно мнут отстающих, даже своих, я это видел сам. Я даже, кажется, физически ощущал, как они будут сминать и затаптывать нас, если мы их не догоним.

Нет, мы их обязательно догоним и… перегоним.

А механик цеха, когда мы осматривали печь, стал разворачивать что-то завернутое в старую газету.

— Вот еще хочу вам показать, похвастаться.

В его руках была новая фреза. Тогда такие фрезы только что стали изготовляться Московским заводом «Фрезер», но их выпускалось мало и достать нашему заводу было практически невозможно (они шли на машиностроительные заводы).

— Ремонтные цеха могут пока обойтись и без такого инструмента, — отвечали нам на просьбы о фрезах.

— Сами сделали. В ноги никому кланяться не будем. Не хуже, чем завод «Фрезер» делает, — продолжал говорить механик.

В глазах его и улыбающемся лице можно было, как на страницах книги, читать все чувства — и радость удачи, и удовлетворение результатами решения поставленной задачи, и гордость.

— Мы их там, на Западе, обязательно догоним.

Только подумать, какими исполинскими шагами мы идем вперед! Ведь когда включили первые электропечи и из них полетел сноп искр, капли жидкого шлака и металла, раздался рев гигантских вольтовых дуг, а пламя слепило глаза и казалось, что в печь упал кусок солнца, — двое рабочих из пусковой бригады в страхе прыгнули с площадки прямо вниз. Они были так напуганы, что не могли работать, у них из рук вываливался рабочий инструмент. Прошло всего три года — и вот они же уверенно управляют печью.

Но это были чужие печи — мы еще не умели изготовлять своих. А вот теперь сами и печи делаем. Теперь нас не испугаешь и не остановишь тем, что нет инструмента. Нет — так сами сделаем, каким бы сложным он ни был.

Вспомнил старую шутку:

«Ты часы починить сможешь?»

«Смогу. Вот если бы только было где топорищем развернуться».

Зачастую мы обходились только тем, что было доступно. Не хватало самого необходимого. Нередко приходилось «развертываться топорищем» там, где нужен был специальный сложный инструмент. «Голь на выдумки хитра». Мы искали выход и находили его.

Рассматривая фрезу, я вспомнил проспект одной из немецких фирм, изготовлявших инструмент. На первой странице проспекта, отпечатанного на русском языке, стояло; «Догнать и перегнать Америку вы можете, пользуясь нашим инструментом».

Нет, мы догоним всех вас, пользуясь своим инструментом. Вот только бы нам не мешали! Как трудно быстро двигаться

вперед, держа в одной руке винтовку, а в другой — штурвал.

Ну ничего, выдержим!

Челябинский Архимед

Производительность реконструированной печи увеличилась вдвое. Но мы искали все новые возможности улучшения производства.

Кто-то вполне резонно заметил:

— У нас печи стоят очень низко, поэтому длина электродов очень велика, отсюда повышенный расход электроэнергии, а кроме того, электроды часто ломаются. Вот если бы можно было приподнять печи.

— Да как вы это сделаете? Вот кабы да во рту росли грибы.

Разговор происходил в цехе в присутствии бригадира по такелажным работам Муржина. Муржин был известным в Челябинске мастером своего дела. «Малограмотный человек с головой Архимеда» — так мне представили его в первые дни моего появления на заводе. Муржин всегда неожиданно оказывался там, где требовалось произвести какие-то особой важности такелажные работы. Нужно было убрать старую заводскую трубу — приглашали Муржина. Он внимательно осматривал трубу, расположенные рядом строения, тщательно все вымерял и потом спрашивал: «Ну вот, если я трубу сюда положу — вы довольны будете?» — и он аккуратно клал трубу точно на указанное место.

Сходил где-либо на станции или на заводской территории тяжелогруженый железнодорожный вагон — опять приглашали Муржина. Он внимательно осматривал поле деятельности, как военачальник, выбирал позиции для установки лебедок, блоков, и легко, без напряжения члены его бригады ставили вагон на рельсы.

Весной 1936 года около электростанции на реке Миас образовался ледяной затор. Решили лед взорвать и вызвали команду подрывников. Но взрыв провели не совсем удачно — сорвали одну из створок шлюза. Ее необходимо было быстро поставить на место.

Дирекция электростанции пришла к нам на завод в полном составе.

— Пришли к вам челом бить. Отпустите на два дня Муржина. Воды для котлов не хватает. Вас же подведем, если сократим подачу электроэнергии.

Мы были встревожены и, конечно, Муржина отпустили.

На следующий день я встретил Муржина, деловито шагающего по берегу реки Миас. Он своим глазом-ватерпасом уже определял, где ему укрепить лебедки и расставить блоки-

полиспасты.

— Ну, как дела, Муржин, скоро все на место поставите? — спросил я его, здороваясь. — За два-то дня управитесь?

— А что здесь два-то дня делать? К обеду все на месте стоять будет.

Вот и теперь Муржин подошел ко мне и спросил:

— А почему бы печи не поднять?

— Останавливать надо, а сколько мы потеряем металла за время остановки, вы знаете?

— А зачем останавливать?

— Как — зачем? А как же их поднимать? Нельзя же одновременно и металл в печах плавить и сами печи поднимать?

— А почему нельзя? — донимал меня Муржин.

Я знал его способности решать сложные задачи и недоумевал. Неужели он возьмется поднимать действующие лечи!

Как будто читая мои мысли, Муржин сказал:

— Доверьте, не ошибетесь. Мы вам работать не помешаем.

Обсудив возможность проведения сложной и смелой операции по подъему печей на ходу, мы решили пойти на этот эксперимент.

Тремя большими домкратами Муржин стал осторожно поднимать печь. Делал он это в то время, когда работа производилась на верхней площадке и внизу никого не было. При выпуске металла из печи, когда бригада собиралась внизу, Муржин убирал своих людей и прекращал работы. После того как печь была поднята, каменщики нарастили фундамент, и Муржин плавно опустил ее на новое основание.

Из осторожности договорились, чтобы, прежде чем поднимать все печи, проверить результаты сначала на одной и в случае успеха произвести такую операцию на всех остальных.

Первая же неделя работы показала все преимущества печи, установленной по-новому, и мы провели такие же работы на всех остальных печах цеха.

Но все-таки Муржин кончил плохо. Он увлекся, стал слишком самонадеянным, полагаясь только на свое чутье. Производить необходимые расчеты он не мог, так как не обладал необходимыми знаниями. Не имея ни опыта, ни знаний в области строительства, он взялся со своей бригадой установить на одной из строек стропила. Работу ему поручили, не проверив, в какой степени он подготовлен для выполнения таких работ. Слова Муржина были достаточным свидетельством о том, что он успешно справится.

Муржин взялся поставить стропила в невероятно короткий срок. Он спешил быстрее их установить, но но успела его бригада

закрепить поднятые стропила, как сильный порыв ветра опрокинул одну из них, а за ней, как карточный домик, повалились все остальные.

Несколько человек было изувечено. Были и убитые. Муржина, как руководителя работ, привлекли к судебной ответственности. Ему было предъявлено обвинение в нарушении основных правил техники безопасности.

Я не знаю, чем закончился этот судебный процесс — меня в это время уже не было в Челябинске.

Мне было жаль Муржина — это был самородок-алмаз. Если бы только дать ему инженерное образование, огранить его, он блистал бы в технике, как бриллиант.

Позже я встретился еще с двумя такими же яркими самородками.

Один из них работал на металлургическом заводе имени Ильича в Мариуполе. Я забыл его фамилию. Небольшого роста, худенький, ничем с виду не примечательный, с недостающим пальцем на левой руке — его оторвало при взрыве, — он был пиротехником, влюбленным в свою специальность.

В те годы, когда я его встретил, мы только что стали налаживать на заводе отливку крупных слитков весом более ста тонн. Никогда до этого ни один из заводов Советского Союза таких крупных слитков не отливал.

Для нас очень важно было разрезать вдоль первый же отлитый слиток и посмотреть его структуру. Но мы не знали, каким инструментом, на каких станках, используя какие приспособления и устройства, можно было бы провести эту трудную операцию резки.

И вот, когда мы стояли в сталелитейном цехе завода около огромного слитка и тоскливо смотрели на него, не имея возможности предложить что-то разумное и реальное, к нам подошел этот молодой пиротехник. Он, видимо, слышал наш разговор и спросил:

— Как вам требуется расколоть слиток?

Я взглянул на этого молодого с виду парня, с давно не стриженными волосами, торчащими во все стороны из-под рваной кепки. Меня немного заинтриговало произнесенное им слово «расколоть». Термин-то какой-то необычный, не применяемый в металлургическом производстве. Он, вероятно, думает, что разрезать эту махину так же просто, как расколоть деревянное полено.

Паренек поднялся на площадку мартеновских печей и вернулся к нам с куском мела в руке.

— Покажите, как его вам развалить-то требуется.

У меня начинало нарастать раздражение против этого молодого парня, так бесцеремонно вмешавшегося в наш разговор со своими словечками «расколоть», «развалить».

По я видел, с каким вниманием слушал его начальник цеха, а паренек протянул стоявшему рядом начальнику заводской лаборатории кусок мела и попросил его наметить, как требуется «расколоть» слиток.

Заведующий лабораторией прочертил белую линию по всей длине слитка и, обращаясь к нам, спросил:

— Вот так, что ли?

— Очень хорошо было бы разрезать слиток так, как вы начертили, но как это сделать?

— Ну что же, будет сделано, — сказал пиротехник.

Я не утерпел и спросил:

— Как же вы это сделаете, хотелось бы знать?

— Очень просто: пироксилиновыми шашечками взорву, вот и все.

Позже мне рассказали, что этот паренек просто чародей какой-то. На шихтовом дворе завода находилось много огромных забракованных слитков металла, старых чугунных изложниц, крупных стальных и чугунных деталей машин, вышедших из строя и присланных сюда на переплавку. Одним словом, за многие годы здесь скопился так называемый негабаритный лом.

Загружать его в печи было невозможно — слишком велики размеры. На металлургических заводах такой негабаритный лом обычно разделывают, разрезают на такие куски, которые практически возможно загружать в сталеплавильные печи. Резали металл газовыми горелками — струей пламени. Это была довольно сложная операция, а затраты составляли немалую величину.

— Вы знаете, он нам весь крупногабаритный лом разделал. Разложит свои шашечки, прижмет их куском железа, зажжет бикфордов шнур — взрыв, и слиток или деталь колется так, как он их разметил.

— А не опасно производить взрывные-то работы на заводе? Можно столько бед натворить, — спросил я.

— У него это так легко и, я бы сказал, красиво получается, что никаких опасений у меня лично не возникало, — сказал начальник цеха.

На следующий день мне показали «расколотый» слиток — обе его половины лежали рядом и белая меловая черта на одной половине тянулась вдоль всего разлома.

А спустя несколько месяцев на заводе взрывная техника стала применяться при ремонте сталеплавильных печей. Очень

трудным делом было удаление огнеупорного материала с пода печи во время ее ремонта. Пропитанный сталью огнеупорный материал пода представлял собой как бы особого рода железобетон. Разрушить его так, чтобы можно было удалить отдельные куски из печи, было невероятно трудно. Ремонтные работы обычно затягивались именно из-за этого.

Молодой пиротехник-чародей предложил для разрушения старого пода использовать взрывы. Заводские работники вначале опасались даже обсуждать этот метод ремонта. Но на завод приехал Тевосян, которому рассказали о предложении, и он распорядился опробовать его. Первые же опыты оказались успешными, и все опасения были рассеяны.

Когда я вспоминаю Муржина и мариупольского пиротехника, то всегда думаю: сколько же таких самородков хранит народ и как важно обнаружить их, помочь им и дать простор их творческой изобретательности!

Жизнь бьет ключом

Первого января 1936 года «Правда» в передовой статье, озаглавленной «Стахановский год», писала: «Мы живем в великую эпоху — и не мудрено, что каждый год в нашей стране полон исключительных событий. Но год, только что минувший, является особо выдающимся. Как много удалось сделать за эти 365 дней!

Как переменилась жизнь во всей стране!

Наиболее характерная черта прошедшего года состоит в том, что миллионы советских людей с особой реальностью ощутили результаты победы социализма. К великим завоеваниям первой пятилетки, уничтожившей безработицу в городе и нищету в деревне, прибавился теперь быстрый рост зажиточности рабочих и колхозников.

Советская страна быстрыми шагами идет к изобилию.

У нас уже нет недостатка в продовольствии. Товары хлынули на рынок мощным потоком. Заработки растут. Цены систематически снижаются.

…Многое пришлось перенести, немало вытерпеть, гигантские трудности пришлось опрокинуть, но зато — вот они, плоды социалистических побед: создано могучее, непобедимое государство без помещиков и капиталистов, без кулаков и спекулянтов, хозяйственная жизнь бьет ключом, жизнь широких народных масс круто пошла на улучшение.

Никогда страна не жила столь подпокровной жизнью, как сейчас. Бодрость, уверенность, оптимизм царят повсюду. Люди словно взлетели на крыльях. Страна идет к тому, чтобы стать не только самой богатой, но и самой культурной во всем мире.

…Ликвидация последнего капиталистического класса — кулачества и остатков эксплуататорских классов коренным образом изменила социальный облик страны.

Единство народа и государственной власти, единство наций, о чем тщетно мечтали и мечтают все буржуазные правительства мира, осуществлено в Советском Союзе правительством рабочих и крестьян.

…Новый год советская страна встречает с твердой уверенностью в том, что он принесет ей еще более блестящие победы, чем год прошедший.

Это будет год борьбы за изобилие продуктов и всего, чем красна жизнь людей. Это будет год полнокровного социалистического процветания».

Каждая строчка этой статьи подтверждалась фактами из жизни Челябинска. В городе в то время всего было много:

хорошая обувь ленинградской фабрики «Скороход», приличное верхнее платье, разнообразное продовольствие и особенно много мяса. Такого великолепного мяса я раньше никогда не видел. У здания обкома в новом, только что отстроенном универмаге был большой аквариум, и там всегда можно было получить живую рыбу.

Заводы перевыполняли установленные планы, и у всех завелись деньжонки. В магазинах всегда был народ, но очередей не было, люди понимали, что товары есть сегодня, будут и завтра и спешить с покупками не следует.

Новогодние газеты опубликовали сводку, говорящую об успехах нашей страны за три года второй пятилетки. СССР но производству электроэнергии перегнал Францию, Англию, Канаду и занял третье место в мире, уступая лишь Германии и Соединенным Штатам Америки; по добыче угля занял четвертое место, уступая лишь Германии, Англии и Соединенным Штатам; по выплавке чугуна перегнал Англию и Францию, оспаривая второе место у Германии, уступая лишь Соединенным Штатам; по выплавке стали перегнал Англию, заняв третье место после Соединенных Штатов и Германии; по ферросплавам перегнал Швецию, Канаду, Италию, заняв пятое место после Германии, Соединенных Штатов, Франции и Англии; по производству тракторов занял первое место в мире.

Эта сводка наполняла сердца гордостью.

Только 7 ноября 1929 года была заложен фундамент первого в нашей стране ферросплавного завода, а 25 июля 1931 года официально была введена в действие его первая очередь. Прошло менее пяти лет — и мы уже обогнали многие страны, создавшие это производство несколько десятилетий тому назад!

А в июне 1936 года, после Пленума Центрального Комитета ВКП(б), началось всенародное обсуждение проекта Конституции Союза ССР.

Народ близко к сердцу принимает проект Основного закона своей страны. Вносится много интересных дополнений и предложений. Предлагается точно определить конечную цель СССР — построение коммунистического общества.

Раздел об обязанностях дополняют пунктом о том, что «участие в секциях и других массовых органах советов, активная и непрерывная помощь органам власти является долгом гражданина СССР».

Вносится предложение о привлечении к уголовной ответственности родителей, не отдающих своих детей в в школы.

Шлифовальщик Московского инструментального завода Сретенский предлагает внести в Конституцию специальную

статью о том, что «граждане СССР привлекаются к выполнению государственных обязанностей в органах управления и к контролю над государственным аппаратом».

Проект Конституции обсуждают на фабриках, заводах, рудниках, в колхозах, среди научных работников. Выносятся резолюции, горячо одобряющие проект, а поправки и дополнения свидетельствуют о том, что культура советского народа высоко поднялась и грани между работниками физического и умственного труда начинают стираться.

Проект Конституции широко обсуждался и в нашей области. Мне пришлось выступать на многих собраниях, не только у себя на заводе, но и на других. В частности, выезжал я и на Кирпичный завод на самой окраине Челябинска. Везде чувствовался большой подъем и вера людей в то, что самые большие трудности пройдены и все задачи, которые приходится практически разрешать, безусловно будут разрешены.

Сложилось хорошее, здоровое отношение между руководством и коллективами. Появилась глубокая уверенность в том, что все мы, каждый на своем месте, понимаем стоящие задачи и знаем, на каких путях следует искать их разрешения и какие методы при этом использовать.

У нас на заводе мы планомерно снижаем брак. Думаем создать такую изоляцию изложниц, чтобы феррохром плотно не приставал к поверхности слитков. Если мы эту задачу решим, то устраним основные производственные помехи. Качество металла будет выше, отходов меньше и количество работающих на очистке слитков можно будет резко сократить. Мы искали новые пути, ставили опыты, создавали новые конструкции изложниц и пробовали новые огнеупорные материалы. В этот интенсивный процесс творчества были вовлечены все, им был захвачен весь коллектив.

Триумф советской авиации

Наиболее ярко успехи страны были видны в авиации. Она была барометром страны.

Весь 1936 год проходил под знаменем достижений советской авиации. Еще не заглохло шумное восхищение подвигами советских летчиков, спасших челюскинцев, как появились сообщения о новых дерзких планах дальнейшего покорения суровой Арктики. Третьего августа 1935 года в «Правде» появилась статья Сигизмунда Леваневского «Через Северный полюс». «Итак, мы летим из Москвы до Сан-Франциско через Северный полюс, без посадки.

…Еще никто до сих пор не отправлялся в столь дальний и столь трудный беспосадочный полет на аэроплане. Мы летим через царство холода, льдов и туманов. Из этого видно, насколько сложна наша задача. Половина нашего пути проходит над негостеприимным Ледовитым океаном.

…Экипаж самолета состоит из трех человек: первый пилот Сигизмунд Леваневский, второй пилот Георгий Байдуков, штурман Виктор Левченко.

…Зачем мы летим через полюс? Какова цель и значение нашего полета? Мы хотим проложить кратчайшую воздушную трассу между Европой и Америкой.

Расстояние от Москвы до Сан-Франциско через Атлантический океан составляет 14 000 километров, через Великий океан — 18 000 километров, а через Северный ледовитый океан — 10 000 километров. Перелет наш важен с точки зрения исследования Арктики».

Тогда Леваневскому не удалось завершить свой полет — он вынужден был вернуться, находясь уже над Баренцевым морем. При больших оборотах моторов стало выбрасываться масло. Леваневский вернулся и благополучно сел в Ленинградской области.

О трудности задуманного полета свидетельствует гибель американского летчика Поста, который в это же время предпринял полет из США в Советской Союз.

16 августа самолет Поста разбился, и летчик погиб. Полет Леваневского был перенесен на 1936 год.

20 июля 1936 года летчик Коккинаки поднялся на транспортном самолете с нагрузкой в 500 килограммов на высоту 11 458 метров, установив рекорд высотного полета с грузом.

А на следующий день — новый рекорд. Беспосадочный дальний перелет летчиков Чкалова, Байдукова и Белякова.

В «Правде» напечатана большая статья участников полета — «Наш полет».

«Зачем мы летим?» — ставят вопрос авторы и отвечают: «Исключительный интерес представляет сама трасса перелета. Отдельные этапы предстоящего нам пути уже посещались отважными советскими пилотами. Но еще никому не приходилось пролетать весь этот гигантский путь целиком.

Мы летим в начале полярного лета.

Значительная часть нашего пути пролегает над огромными пространствами северных морей — Баренцева, Карского, Лаптевых. По этим морям в ближайшие недели пойдут десятки судов Северного морского пути. Мы будем рады, если наши данные о состоянии льдов на этих участках помогут в арктической навигации 1936 года.

Наш самолет пойдет над малоисследованными, безлюдными районами Якутского Севера. Мы постараемся уточнить рельеф этой горной страны, и в частности выяснить конфигурацию хребта Черского, открытого проф. С. Обручевым несколько лет назад.

…Мы проверим в полете, насколько правилен график ведения самолета, определим дальность двусторонней связи, выясним поведение всех механизмов сложной машины в различных условиях».

Вся страна с огромным волнением следила за смельчаками. И вот наконец 23 июля на первой странице «Правды» — три большие фотографии Валерия Чкалова, Георгия Байдукова и Александра Белякова, а над фотографиями крупным шрифтом: «Отважные советские летчики Чкалов, Байдуков и Беляков блестяще завершили беспримерный в истории человечества дальний перелет, пройдя сквозь туманы и циклон, метель и пургу — над Арктикой, Становым хребтом, над океаном и морями.

…Экипаж самолета блестяще справился с поставленным заданием. Пробыв в воздухе 56 часов 20 минут, самолет покрыл расстояние в 9374 километра, из них 8774 километра по заданному маршруту и 600 километров на обход циклонов в районе Северной Земли и Охотского моря.

…В Охотском море на пути из Петропавловска на Николаевск АНТ-25 попал в исключительно сильный южный циклон, с густым туманом и сильной облачностью, что привело к сильному обледенению самолета.

…Как только Наркомтяжпром получил сообщение об исключительно тяжелых метеорологических условиях полета, народный комиссар тяжелой промышленности тов. Орджоникидзе, считая, что задание уже выполнено экипажем,

отдал командиру АНТ-25 тов. Чкалову по радио приказ прекратить дальнейший полет.

…В 13 час. 45 мин. тов. Чкалов с исключительным мужеством и мастерством, в сплошном густом тумане, совершил посадку самолета западнее Николаевска-на-Амуре, на маленьком прибрежном островке «Удд».

Это сообщение вызвало буквально всенародное ликование.

В те дни по окончании работы рабочие смен задержи вались в цехах, подводя итоги работы за смену, неизменно обменивались впечатлениями о наиболее ярких событиях этих дней — героических полетах советских летчиков. На рабочих собраниях в цеху, на производственных совещаниях, на партийных и профсоюзных собраниях неизменно говорилось о летчиках-героях.

Каждый номер газеты содержал сообщения о полете, летчиках, рассказы о них, статьи участников перелета и рассказы тех, кто создавал самолет. Печатались статьи конструкторов, механиков, директоров заводов, начальников цехов. В статье инженера ЦАГИ Е. И. Погоского говорилось: «А. Н. Туполев дерзнул осуществить такую конструкцию, на которую не решился ни один крупнейший авиаконструкционный специалист за границей».

В эти же дни празднования триумфа чкаловского перелета был совершен ряд других рекордных полетов в высоту.

28 июля газеты вышли с фотографиями летчика Алексеева, а текст извещал: «Выдающийся полет летчика-испытателя М. Алексеева. Самолет с грузом 1000 килограммов достиг высоты 12 123 метра. Летчик отлично приземлился».

На следующий день — новый рекорд. Летчик Коккинаки поднялся на транспортном самолете с нагрузкой 1000 килограммов на высоту 11 746 километров.

«Мы должны иметь много отличных самолетов, летающих далеко, высоко и скоро. Нам нужно поднять советские эскадрильи в заоблачные пространства, и мы это сделаем во что бы то ни стало», — писала 29 июля «Правда» в передовой «Все выше и выше!»

— А ведь и наш феррохром летает, — сказал мне один из бригадиров, когда мы встретились с ним у печи. Бригада только закончила загрузку. У бригадира из кармана торчала газета.

— Ну, что там еще пишут? — ставя лопату к стенке, спросил один из членов бригады.

Все рабочие хорошо знали, что большая часть нашего феррохрома идет на завод, где изготовляется сталь для авиации.

— Вот когда слышишь о таких делах, так все забываешь — и

усталость, и все свои заботы. От печи уходить не хочется. Без феррохрома-то ни одной тонны стали не выплавишь. В коленчатых валах и наш труд есть, — с гордостью произнес бригадир.

25 июля на первой странице «Правды» — постановление Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР о присвоении звания Героев Советского Союза В. П. Чкалову, Г. Ф. Байдукову и А. В. Белякову.

…А на следующий день новые потрясающие успехи советских летчиков захватывали так, что все остальное исчезало, как исчезают все тени в лучах ослепительно яркого солнца.

Новый рекорд высотного полета.

Летчик Коккинаки поднялся на транспортном самолете с нагрузкой в 500 килограммов на высоту 13 110,5 метра. Этим был побит международный рекорд, принадлежавший французскому летчику Синьерину.

И новые сообщения:

Перелет Героя Советского Союза Леваневского. Сигизмунд Леваневский и штурман Виктор Левченко начали свой перелет из Лос-Анжелоса.

В историю советской авиации входит еще одна победа. Советские летчики впервые в истории авиации охватили одним полетом Калифорнию, Орегон, Канаду, Аляску, Чукотку, Якутию, Сибирь, Москву. Позади остались 19 тысяч километров грандиозной воздушной трассы.

Через два дня — 14 сентября летчик Юмашев поднимается с грузом в 5000 килограммов на высоту 8102 метра. Через три дня он устанавливает новый рекорд — с контрольным коммерческим грузом в 10 000 килограммов достигает высоты в 6605 метров; пятого ноября новый успех летчика Алексеева — самолет с тонной груза поднялся на высоту 12 695 метров; 18 сентября — сообщение о полете Василия Молокова вдоль Северного морского пути.

«Ни одному полярному летчику, — писал он, — не приходилось пролетать весь Северный морской путь сразу. И мне давно хотелось пройти через всю Советскую Арктику — от самой восточной ее точки до западной». И Молоков этот путь совершил.

1936 год по праву можно было назвать годом отваги, героизма и рекордов в советской авиации.

Первая елка

Чем только не приходилось заниматься на заводе в эти два года. Случилось так, что на заводе я оказался единственным человеком, который видел елки — и в детстве, еще до революции, и всего год назад в Германии и Франции. Надо было помочь в устройстве елки. В детском саду, когда у директора собрались воспитательницы, я стал рассказывать, что представляет собой елка и как ее украшают.

— Ну а что, детишки-то у елки делать будут? Стоять как истуканы? — спросила одна из молодых воспитательниц, явно недовольная самой затеей — устройством елки.

Я уже забыл, что мы делали у елки в детстве, тем более что был на ней всего один раз. Помню, что дети танцевали, но я не умел и через минуту наступил своей партнерше-девочке на ногу, страшно растерялся и забыл обо всем на свете. Вспомнил я, что перед тем как уйти, каждый вынимал билетик с номером и по нему получал подарок. Мне достался мяч, похожий на апельсин. Это была единственная покупная игрушка, которую я имел за все свое детство. Вот и все, что я помнил. Для организации елки этого было явно недостаточно, но другие и того не знали.

Энергичная молодая воспитательница не успокаивалась:

— Это же надо будет заставить детишек рождение Христа прославлять! Елки-то устраивались на религиозной основе. Даже как-то странно слышать об этом, — она запнулась и закончила, — от… вас.

— А почему странно? Кто же предлагает Христа славить? Ведь это можно превратить в веселый детский праздник. Давайте приложим все усилия к тому, чтобы елка была нарядной.

— Ну и попадет нам когда-нибудь за эти усилия, — не унималась воспитательница. — Я думаю, этот вопрос следует сначала в парткоме обсудить.

— Рекомендация об устройстве детских елок опубликована в центральном органе партии «Правде», — сказали.

— В «Правде»? Так чего же вы нам об этом не сказали сразу? С этого и надо бы было начинать.

Новый год был не за горами, поэтому решили не терять времени и этим же вечером заняться елочными игрушками. Потребовался разноцветный картон и изобретательность авторов. Ну, конечно, наделаем пятиконечных звездочек, а дальше? Что навешивать на елку еще? А где взять свечи, и как их на елке закреплять? Положение спас приехавший из Москвы директор Власов. Он привез с собой несколько ящиков стеклянных елочных

украшений — в Москве к устройству елок уже готовились.

Власов привез с собой и свежие газеты. Я развернул «Правду» и разыскал небольшую статью Постышева, рекомендующую устраивать для детей елки.

Постышев писал:

«В дореволюционное время буржуазия и чиновники буржуазии всегда устраивали на Новый год своим детям елку. Дети рабочих с завистью через окно посматривали на сверкающую разноцветными огнями елку и веселящихся вокруг нее детей богатеев.

Почему у нас школы, детские дома, ясли, детские клубы, дворцы пионеров лишают этого прекрасного удовольствия ребятишек трудящихся Советской страны?

Какие-то, не иначе как «левые» загибщики ославили это детское развлечение как буржуазную затею. Следует этому неправильному осуждению елки, которая является прекрасным развлечением для детей, положить конец».

Предложение Постышева об организации для детей новогодних елок немедленно получило живой отклик.

Московский комитет ВЛКСМ разослал всем районным секретарям комсомола телеграммы за подписью секретаря ЦК и МК ВЛКСМ, в которых рекомендовалось под Новый год устраивать для пионеров и школьников елки в школах, детских домах, клубах, кинотеатрах и на катках. Секретарям райкомов комсомола было предложено организовать заготовку елок, закупку игрушек и украшений.

Таким образом, было положено начало ежегодному устройству большого детского праздника.

Елки в нашей стране не было 18 лет.

Директор должен быть директором

Не все возможности завода использовались. Это было связано с огромной централизацией руководства.

Несмотря на перебои со снабжением наших печей рудой и энергией, маневрировать производственными агрегатами не позволял жесткий номенклатурный план.

Уже значительно позже один работник Госплана рассказал мне, что планирование сверху пошло еще дальше.

— Мы теперь начинаем планировать поагрегатно, планы спускаем не только в целом по заводу, но и по отдельным крупным заводским установкам, например по крупным прессам.

— А для чего вы это делаете? Таким образом вы совсем на нет сведете роль заводских специалистов. Зачем они нужны будут на заводе?

С какими только трудностями не приходилось встречаться заводским работникам! Если бы можно было убрать эти трудности, сколько дополнительной продукции они могли бы производить! Сколько недоразумений и невольных преступлений было бы устранено! Как оздоровилась бы атмосфера!

Мне вспомнился такой случай. Из города к ферросплавному поселку прокладывалась трамвайная линия, но из-за отсутствия карбида кальция эти работы были приостановлены. Из Челябинского обкома позвонили нам и попросили изготовить для строителей три тонны карбида кальция. Начались длительные разговоры директора завода с одним из секретарей.

— Да мы не можем этого без разрешения Москвы сделать. Мы изготовляем ферросплавы, а не карбид кальция.

— Но технически вы можете его изготовить?

— Никогда раньше не изготовляли, но производство карбида кальция проще производства ферросплавов.

— Раз проще, то и изготовьте то, что просят строители.

— Поймите меня, — не могу я без разрешения Главка переводить печи с одного вида производства на другое, тем более что мы вообще карбидом кальция не занимаемся.

Лоб директора Власова покрылся мелкими капельками пота.

— Что же нам на обкоме ставить вопрос об отношении директора завода ферросплавов к нуждам области?

Власов сказал, что он подумает, что можно будет сделать, и сообщит в обком.

— И слева бьют, и справа бьют — куда теперь мужику податься, — сказал Власов, кладя телефонную трубку. — Если отказать обкому в его просьбе, то наживешь себе здесь недругов, а

если начнешь плавить карбид кальция, то из Москвы получишь нахлобучку. Но обком-то здесь, рядом, а Москва — далеко. От Москвы можно скрыть, что занимались не тем производством, что запланировано.

Одну из печей остановили, будто бы на небольшой ремонт, а на самом деле в ней стали изготовлять карбид кальция.

— А можно было бы эту задачу решить иначе?

— Можно. Для этого необходимо, чтобы директор завода был в действительности директором и мог распоряжаться всем тем, что находится на заводе.

В приведенном случае были в конце концов решены обе задачи: и план по ферросплавам выполнен, и карбид кальция изготовлен.

Во всех отчетах и ведомостях завода значилось, что одна из печей стояла на ремонте пять дней, в то время как она стояла всего один день. Электроэнергия, израсходованная на производство карбида кальция, была списала на производство феррохрома, что исказило действительные показатели. Карбид кальция пришлось отгрузить строителям бесплатно, так как его нельзя было провести по книгам производства и прочей заводской документации.

Множество проблем вызывало головную боль у нашего директора. Он отвечал за все и занимался всем. У него уйма самых разнообразных обязанностей, за выполнение которых он отвечает и перед коллективом завода и перед большим количеством различных организаций. Кроме чисто заводских функций, он выполнял массу других. Например, заботы о строительстве и эксплуатации жилых поселков со всеми необходимыми учреждениями — почтой, кино, школами, детскими садами, яслями, больницами, банями, клубами, стадионами.

Кто только не приходил на прием к директору. Каких только проблем здесь не разрешали. Некоторые были чисто административного характера, другие касались оказания материальной помощи, проведения ремонтных работ или приобретения разного рода инвентаря и оборудования и т. д. и т. п.

Директор советского предприятия является вожаком большого коллектива людей. В директорские обязанности, нигде в то время не записанные, входит не только выполнение этим коллективом производственных функций, но на нем лежит также и забота о том, чтобы все материальные и духовные потребности членов этого коллектива были удовлетворены.

В последнее десятилетие мне часто приходится бывать за

границей и, сопоставляя то, чем занимается директор советского предприятия с кругом обязанностей директора любого капиталистического завода, можно отчетливо видеть принципиальное различие.

В 1959 году я был на урановых рудниках и химических заводах в США — в штате Нью-Мексико. Места эти в некоторой степени напоминают Челябинскую область. На большом химическом заводе было всего несколько постоянных строений промышленного типа. Значительная же часть поселка состояла из передвижных домиков — трейлеров, если вообще трейлер можно назвать домиком. Это сооружение, напоминающее автобус, но без мотора и с одной входной дверью в центре. Его перевозят на прицепе автомобилем. На небольшой площади этого сооружения размещены: спальня, а иногда и две, столовая, кухня и прочее. Здесь достаточно места, чтобы спать, можно сесть за стол и пообедать, даже не одному, а небольшой семье. В крохотной кухоньке имеется газовая плита и даже холодильник. Но в этой «квартире» нет места, чтобы сделать хотя бы пару шагов — здесь можно только сидеть или лежать.

Я попросил разрешения зайти в один из трейлеров. Хозяйка, пожилая женщина, извиняясь, что у нее не прибрано, пригласила меня войти. Здесь жили две семьи — она с мужем и ее замужняя дочь. С обоих концов были спальни, все остальное размещалось в центральной части.

— Давно вы живете здесь? — спросил я женщину.

— Здесь три года. До этого мы жили в Колорадо.

— Ну, а что же вы вечером делаете? Есть здесь какой-нибудь клуб или кино?

— Здесь в поселке ничего нет. Но мы иногда ездим в кино в город.

— Далеко отсюда?

— Нет, не очень, около семидесяти миль.

— А школа здесь есть?

— Нет, школы нет.

— Но ведь в поселке многие живут с детьми, где же обучаются дети?

— Детей утром собирают и отправляют на автобусе в школу, а затем на автобусе же доставляют из школы в поселок.

— А где находится эта школа, далеко отсюда?

— Семьдесят миль.

— Детишкам, вероятно, тяжело приходится. Пока их везут до школы и обратно, из них всю душу вытрясут. Трудно им, вероятно, учиться-то в этих условиях?

— Что же делать? — женщина глубоко вздохнула. Вероятно,

она вспомнила, как обучалась ее дочь — ведь она в таких условиях живет, как мне сказала, около двенадцати лет. — Здесь есть школа-пансионат, но там много платить нужно.

(Я вспомнил, что национальная Лос-Аламосская лаборатория США, где были созданы первые атомные бомбы, была образована на базе такого же привилегированного пансионата.)

Дирекция рудников, а также заводов не несет никаких обязанностей по отношению к работающим. Рабочие выполняют работу — дирекция выплачивает им обусловленную плату.

И так везде, во всех странах западного мира. Перед владельцами заводов и шахт одна цель — больше заработать и делать только то, что необходимо для решения этой задачи.

Наша цель — создать современное промышленное предприятие и все необходимые условия для жизни и деятельности работающих на нем людей. Мы понимали, что сразу всего сделать нам не удастся, и поэтому во всех наших проектах предусматриваем возможности расширения как строящихся предприятий, так и жилых поселков.

Директор советского завода должен во всем разбираться и во все вникать. На него обращены взоры тысяч люден, и от этого пристального взора ничего не ускользает.

…В те годы трудное положение было на железнодорожном транспорте. Он не справлялся с растущим грузооборотом. Вагонов не хватало. В газетах ежедневно печатались сводки, которые напоминали фронтовые сообщения. В сводках указывалось, сколько вагонов по стране погружено за прошедший день. И это был действительно фронт, где происходили настоящие бон за наиболее рациональное использование вагонов, за их своевременную погрузку и разгрузку, за то, чтобы они быстрее передвигались и не простаивали. За задержку вагонов наказывали, виновных штрафовали, отдавали под суд.

А суровые зимы путали все карты и вносили свои коррективы, создавая такие трудности, о которых не имеют никакого представления директора европейских заводов. Зимой 1935 года нам пришлось пережить тяжелые дни.

На электродный завод пришли цистерны с каменноугольной смолой. В пути смола замерзла, и о том, чтобы слить ее из цистерны, нечего было и думать. А под слив смолы было отведено всего несколько часов, в течение которых необходимо было опорожнить все цистерны и вернуть их на железнодорожную станцию. Все попытки разогреть цистерны и довести смолу до жидкого состояния были тщетны. Сделать это удалось с огромным трудом.

Список проблем, над которыми директору приходилось

ломать голову, увеличился. Стало очевидно, что без хорошо разработанной системы приспособлений для разгрузки смолы в зимних условиях будет очень трудно.

В эту же зиму, с одной из обогатительных фабрик Урала на завод прибыл вагон хромистого концентрата. На фабрике концентрат был погружен в крытый вагон-теплушку с высоким содержанием влаги и он по дороге на ферросплавный завод смерзся. Выгрузить его из вагона было нельзя. Никаким инструментом, казалось, невозможно отбить даже кусок из этой огромной глыбы, занявшей весь вагон. Кто-то в отчаянии предложил сломать стенки вагона. Вставала новая проблема, которую требовалось решать.

Большим несчастьем для завода были аварии, особенно когда они сопровождались увечьем или чьей-то смертью.

В связи с ограничением в подаче энергии пришлось отключить две печи. Двое дежурных электриков, воспользовавшись остановкой, решили осмотреть высоковольтные изоляторы, установленные на крышке трансформатора, и протереть их. В то время как они находились на крышке трансформатора, ограничение в потреблении энергии сняли и печи можно было включать.

Третий электрик, заглянув в трансформаторную будку, крикнул:

— Никого в будке нет? Я включаю.

По всей видимости, работавшие на трансформаторе не слышали его, а он не видел снизу работавших на трансформаторе людей. Оба моментально были убиты. С трансформатора были сняты два трупа.

Этот случай заставил обратить особое внимание на технику безопасности. Мы еще раз напомнили о необходимых правилах, на собрании зачитали все положения, по заводу был издан приказ, в котором со всеми подробностями указывалось, как вести себя в помещениях, где находятся шины под высоким напряжением.

Как будто бы были приняты все необходимые меры, но через две недели — новый несчастный случай со смертельным исходом. Стало быть, одного внимания, осторожности и знания инструкций было еще недостаточно — необходима какая-то система защитных приспособлений, действующих автоматически. Ведь во многих случаях недостаточное внимание или рассеянность людей были причиной их увечья или смерти.

Уже много лет спустя, когда я работал в атомной области, то обратил внимание на систему, созданную при работе с радиоактивными веществами. Эта система так тщательно

отработана, что не идет ни в какое сравнение с тем, что имеет место в старых, давно сложившихся производствах. Объясняется это тем, что атомная промышленность складывалась, когда наука получила уже значительное развитие и можно было использовать все современные средства техники.

Аварии и травматизм на заводе всегда доставляли много горя и вызывали большие неприятности. Неприятностей этих не знают хозяйственные руководители зарубежных стран.

Во время моего пребывания в Германии мне довелось познакомиться с одним рабочим-сталеваром, с которым мы вместе работали у печей.

Потом я из цеха перешел в лабораторию и не видел его несколько месяцев. Как-то встретив его на улице, я заметил, что левый рукав пиджака у него как-то свободно болтался.

— Что же это у вас с рукой-то? — спросил я.

— А вы разве не слышали?

И он мне рассказал печальную историю.

— Это случилось уже к концу рабочего дня. Только мы скачали шлак и завели новый, я поскользнулся, упал и левой рукой попал в жидкий шлак. В себя пришел в больнице. Руку по локоть пришлось ампутировать. Фирма хорошо обошлась со мной. Не выгнали с завода, а определили сторожем. Теперь я снова работаю. Так что я не безработный. Жить можно.

Со вторым случаем я столкнулся на том же заводе Круппа в кузнечно-прессовом цехе. Рабочему оторвало молотом фалангу пальца. Раздался крик, началась беготня. Товарищи отвели пострадавшего. К молоту подошел начальник цеха.

— Was ist los?[120]

— Ein Pech![121] — и мастер рассказал о происшедшем.

Я услышал гневный голос начальника, а его слова по-русски можно было перевести примерно так:

— Давно надо было бы выгнать этого растяпу.

С Власовым мы хорошо сработались и научились с полслова понимать друг друга. Я высоко ценил его как организатора, а он доверял мне как специалисту. Его любили на заводе, а Серго Орджоникидзе его уважал и оказывал большое доверие, поручая решение трудных и важных задач.

В начале 1937 года Орджоникидзе вызвал Власова в Москву. Мы уже знали, что имеется намерение направить его директором Красноуральского медеплавильного завода в Свердловскую область. Так это на самом деле и случилось.

Когда Власов вернулся из Москвы, он рассказал о своем разговоре с наркомом.

— Серго начал мне подробно рассказывать, как важно сейчас

увеличить производство меди и какие большие возможности имеются на Красноуральском заводе, которые, к сожалению, не используются. Он предложил мне, не откладывая дела в долгий ящик, ехать на завод и знакомиться с производством.

— Вы не решайте пока вопроса, не давайте мне согласия и не отказывайтесь также от моего предложения. Сначала познакомьтесь с заводом, а потом мы с вами поговорим, — так сказал мне Серго на прощание. — Был я в Красноуральске. Какой же это интересный завод! И какие огромные возможности, сколько еще не решенного! Я пробыл там всего несколько дней. Хочу рассказать только об одном эпизоде и вы поймете меня, и я уверен, что у вас глаза загорятся, и сердце в груди застучит, а в руках зуд появятся.

Завод этот медеплавильный, но никто не удосужился проверить, а что делается с золотом, которое содержится практически во всех уральских рудах. Ну, конечно, было известно, что при плавке руды золото переходило в медь и его при электролизе меди извлекали. Но что происходит с золотом на технологических операциях до плавки — об этом никто не думал. А на заводе большой цех по обогащению руды — получению из нее концентрата. Одним словом, промывные воды из обогатительной фабрики системой деревянных желобов сбрасываются в речку, и никто не удосужился проверить, что же эти воды несут с собой.

А одному из бывших старателей пришло в голову по пути движения этих вод поставить фильтры. Он соорудил деревянные рамочки, заполнил их старым тряпьем и укрепил в деревянных желобах по пути движения воды.

Каждую субботу он снимал с рамок тряпье, заменял его другим, а снятое сушил, сжигал и извлекал, таким образом, пятнадцать-двадцать граммов золота еженедельно. Золото он сдавал в пункт золотоскупки.

Зарабатывал он на золоте столько, что его зарплата не шла ни в какое сравнение — она была для него деньгами на карманные расходы… Завод очень интересный, конечно, — заключил Власов, закончив свой рассказ.

— Так вы что же, туда решили уйти?

— Из Красноуральска я опять выехал в Москву, как просил Серго, — продолжал свой рассказ Власов. — Ехал я со смешанными чувствами. С одной стороны, очень не хотелось уезжать из Челябинска, сроднился я здесь со всем. А с другой, очень хотелось, откровенно говоря, поработать и в Красноуральске. Но все-таки я больше склонялся к тому, чтобы остаться в Челябинске.

Все колебания прекратил Серго. Вошел я к нему в кабинет, поздоровался, положил он мне руку на плечо и сказал: «Так я и знал, Власов, что согласишься!» Ну после этого что мне оставалось делать? Согласился ехать в Красноуральск. Не могу я отказать Серго. А вы бы могли?

Весь коллектив завода жил интересной, интенсивной жизнью. Расширяли производство, осваивали новые виды сплавов, строили жилье. У завода появился свой кинотеатр. На берегу горного озера построили хороший пионерский лагерь.

Серго Орджоникидзе установил директорский фонд, который складывался за счет сверхплановых накоплений. В распоряжение директора отчислялось 50 % от этих сверхплановых сумм. А они достигали нескольких миллионов. Часть этих средств шла на премирование, приобретение путевок в санатории и дома отдыха, на жилищное строительство, строительство пионерских лагерей и других детских учреждений.

В обсуждении плана использования средств директорского фонда принимали участие представители общественных организаций, и это создавало дополнительные стимулы для увеличения производительности труда.

На Западе собирается гроза

Не прошло и двух лет с тех пор, как я выехал из Германии. Иногда мне казалось, что я все еще слышу звук сапог марширующих по улицам гитлеровских солдат и их хриплые голоса. Видимо, поэтому все, что писалось о Западе в наших газетах, мною воспринималось острое В 1936 году угроза германской и японской агрессии стала более ощутимой, чем это было в 1935 году.

Выступая в Лиге Наций, Литвинов говорил: «Мы должны сознавать, что в настоящее время нет ни одного государства, большого или малого, которое не подвержено угрозе агрессии, и что если ближайшая война и пощадит то или иное государство, то оно рано или поздно привлечет к себе вожделение вышедшего победителем из войны агрессора».

Газеты этих дней много пишут о военных планах Германии. Известная французская журналистка Женевьева Табуи писала, что «осуществление германских планов в отношении Чехословакии, намечавшихся ранее на осень 1937 года, неожиданно перенесено на осень текущего года. …Германский план, по-видимому, включает организацию мятежа в немецких округах Чехословакии против центральной власти, а также создание «автономного правительства».

Первого августа — в международный и антифашистский день все газеты вышли со статьями, посвященными проблемам войны и мира.

Войны, собственно, уже идут. Италия послала войска в Абиссинию, в Испании франкисты подняли мятеж против республики при полной поддержке и помощи из Италии и Германии.

Четвертого августа в Москве на Красной площади состоялся митинг солидарности с испанским народом. На митинге присутствовало сто двадцать тысяч трудящихся Москвы.

Открывая митинг, секретарь Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов Шверник сказал:

«Трудящиеся всего мира с глубочайшим волнением и тревогой наблюдают за событиями в Испании. Это чувство тревоги всего трудящегося человечества вызвано тем, что вокруг событий, происходящих в Испании, объединяются и борются два непримиримых лагеря. С одной стороны, лагерь фашизма, лагерь ничем не прикрытой зверской реакции, мракобесия и форсированной подготовки новой братоубийственной мировой войны.

С другой стороны — лагерь демократии, лагерь свободы, лагерь сторонников мира, отстаивающий жизненные интересы всего человечества, лагерь, объединяющий под знаменами единого фронта всех, кому дороги все лучшие завоевания человеческой культуры.

…Вот уже пять лет с 1931 года, как в Испании идет борьба революции и контрреволюции».

На митинге выступали рабочие, ученые, писатели, волнующие речи произнесла писатель Фадеев и академик Ферсман.

Такие же митинги прошли в Ленинграде, Киеве, Минске. В адрес президента Испанской республики Асанья и председателя Совета Министров Хираля направлялись телеграммы с выражением глубокого сочувствия и пожеланиями успехов в борьбе против реакции.

Все это говорило о нарастании накала борьбы и свидетельствовало о дальнейшем росте военной опасности. Мир неукоснительно двигался к войне.

Проверка партийных документов

В течение двух лет по всей стране проводились два больших партийных мероприятия — вначале проверка партийных документов, а затем их обмен. Как проверка партийных документов, так и обмен выявили в партии много чуждых людей, а также и прямых врагов, проникших в отдельные партийные организации.

Когда я прибыл в Челябинск, то на заводе проверка партийных документов еще полностью не закончилась, и на одном из открытых партийных собраний шло рассмотрение всей прошлой деятельности одного из членов организации.

Он был коренным жителем Челябинска — здесь в городе родился и за всю свою жизнь из Челябинска никуда не выезжал.

— Ну, а где ты был, когда казаки захватили власть в городе? Тогда все члены партии были мобилизованы для борьбы с казаками?

— За два дня до этого я уехал на охоту. И эти дни меня в городе не было, — ответил проходивший проверку.

— Все члены организации были предупреждены об опасности положения, как же ты это на охоту собрался в такое время? — последовал новый вопрос. — Струсил, что ли? Тогда так и скажи, чего же молчишь?

Спрашиваемый — один из работников отдела снабжения — высокий, худой человек, стоял опустив голову и переминался с ноги на ногу.

Кто-то из присутствовавших на собрании вполголоса произнес:

— Если бы мы все знали, что такие вопросы нам задавать будут — тогда наверное и проступков бы многих не совершали. А сколько ему в то время лет было?

Последняя фраза долетела до председателя.

— Ты какого года рождения? — И сам же ответил, перелистав лежавшие перед ним бумаги — 1900-го. Уже вполне сознательным был. За свои поступки мог отвечать.

Я сидел и думал — знаем ли мы всех тех, с кем ежедневно встречаемся, разговариваем, участвуем в общем процессе производства вот этого сложного завода.

Нет, не знаем. Только небольшая часть огромной массы людей нам знакома — остальных мы не знаем совсем. В стране недавно закончилась гражданская война. Где они были тогда? Все ли тогда находились по одну сторону баррикад. Что они тогда делали?

— Ну, а как он работает у себя в отделе?

Раздалось сразу несколько голосов:

— Хорошо, он один из самых старательных…

— Ну что же, будем считать проверенным.

…В одну из встреч с Тевосяном он с большой тревогой в голосе оказал:

— Боюсь, как бы дров не наломали.

В Челябинске те же самые опасения высказывал Власов. Как-то он пришел из обкома явно расстроенный.

— Что-нибудь случилось? — спросил я.

— Неприятный разговор был с Рындиным.

Я знал, что секретарь обкома Рындин не благоволил Власову.

— На совещании он вдруг обратился ко мне с вопросом, — стал рассказывать мне Власов о том, что было в обкоме. — «Как же это к вам на завод троцкистка пролезла?» и назвал фамилию одной учительницы. Я сказал, что, как вам известно, кадры в школах подбираются гороно, а не нами. И в это время один из членов обкома, поддерживая Рындина, сказал: «Мы знаем Власова как волевого человека. Когда он не хочет, например, выполнить просьбу обкома, так он такую энергию развивает, что просто диву даешься, а здесь троцкистка преподает в школе, где обучаются дети рабочих завода, и он отгораживается от этого чисто формальными рассуждениями». — «Я эту учительницу знаю, никогда она троцкисткой не была, правда, дружила с одной действительно троцкисткой, но это было еще до дискуссии с троцкистами. Да откуда вы взяли, что она троцкистка?» — в запальчивости спросил я. «Ну, откуда мы взяли — это нам знать. А вот почему вы не интересуетесь своими кадрами и раскрываете двери для троцкистов, этим нам, видимо, надо поинтересоваться». Так что, по-видимому, мной будут интересоваться, — тихо проговорил Власов. — Здесь можно легко и голову потерять. Вы знаете, как ко мне относится Рындин.

Перед этим разговором с Власовым я прочитал в «Правде» статью Бориса Левина «За что человека посадили в тюрьму?»

И я напомнил Власову об этой статье — мне кажется, что начинают обращать серьезное внимание на допущенные ошибки, и этот разговор в обкоме объясняется, видимо, тем, что Рындин вообще вас недолюбливает.

— Может быть.

А статья, опубликованная третьего августа в «Правде», выделялась из всего того, что в течение последних двух лет печаталось в газетах.

«Бывают всякого рода ошибки. В том числе и судебные, — писал Левин.

Но дело Есюнина — это не ошибка, это двойное преступление людей, которые находятся на партийных и судебных постах.

Конюха Кардяжской бумажной фабрики Ивана Есюнина исключили из партии за сокрытие социального происхождения. Он скрыл, что у отца до революции в деревне была бакалейная лавка. Правда, сам Иван Есюнин ползал тогда еще двухлетним пискуном под столом.

Не только лавки, но, пожалуй, и вывески торгового заведения своего отца Иван Есюнин не запомнил. Вот что скрыл при вступлении в партию Есюнин, написав в анкете, что он сын середняка.

Райком отобрал партийный билет. Но бдительность в Зуевском районе Кировского края блюдет не только райком, но и энергичный народный судья. Может быть, у этого народного судьи в работе летнее затишье и попросту делать нечего.

Может быть, жаркая погода мешает нормально осуществлять высокие судебные функции. Но судья Фофанов принялся за дело Есюнина со страстностью и горячностью необычными и удивительными. Учиняется длительное следствие. Вызываются десятки свидетелей для выяснения социального прошлого конюха Есюнина. Заводится дело. Пишутся протоколы дознания, и в заключение — скорый и далеко не милосердный приговор:

…Есюнина Ивана Александровича на основании ст. 169-й 2 ч УК подвергнуть мере наказания — лишению свободы сроком на полтора года…

Бдительность — до конца! Не откладывая, человека отправили в тюрьму.

Есть строгие директивы партии о том, что человек после исключения из партии за проступки, не порочащие его как беспартийного работника Советского государства, не лишается прав, которыми пользуется любой беспартийный в нашей стране, и в частности права на труд.

В Зуеве, видимо, проводят партийные директивы, ставя их вниз головой, извращая и уничтожая их.

В Зуеве конюха Есюнина, виновного только в том, что он исключен из партии, лишили работы и посадили в тюрьму. Посадили в тюрьму честного рабочего, ударника, пять раз премированного.

…Посадили в тюрьму отца пяти малых ребят. И никто в большом районе, никто из партийных, советских руководителей не подумал о том, что это — вопиющее безобразие.

Кто же после этого поверит судье Фофанову, что приговор «окончательный».

Нет не окончательный. Мы не сомневаемся, что

окончательный приговор будет гласить:

За издевательство над честным человеком, за грубейшее извращение директив партии — народного судью Фофанова лишить права судить людей.

Ибо не только судить, но и заводить дела нужно с головой».

От редакции в конце статьи стояло:

«Обращаем внимание прокурора СССР на грубейшие искажения линии партии в судебной практике, допущенные в деле И. Есюнина. Имеющиеся у нас материалы говорят о том, что случай с Есюниным далеко не единичный. Так по Гурьяновскому округу Казахстана осуждены по аналогичным делам десятки исключенных из партии. Судья Дангазского района этого округа Зиновьев осудил на разные сроки лишения свободы 37 исключенных из партии по мотивам сокрытия социального происхождения при вступлении в партию».

…Власова на некоторое время оставили в покое. По-видимому, это было результатом второй статьи, появившейся в «Правде» 17 сентября 1936 года. Статья «О большевистской бдительности и усердствующих дураках» шла от редакции, без подписи. Она начиналась словами: «Революционная бдительность — неотъемлемое качество большевика. Бдительность необходима на любом участке, во всякой обстановке, она должна пронизать каждый шаг и каждое действие коммуниста…»

А далее в статье приводятся примеры извращения этого призыва к настороженности.

…«Легче всего, понятно, написать резолюцию о бдительности, размахнуться и бить всех, кто попадет под руку, из-за пустяков исключать людей из партии, лишь бы самому жить спокойно.

Таких случаев, к сожалению, немало.

Вот, например, Шестов, секретарь Меловатского райкома Воронежской области.

Услышал он, что председатель райисполкома тов. Морозова, отдыхая в Сочи, совершенно случайно оказалась в одной комнате с женой впоследствии разоблаченного троцкиста. И пошла мутить дурацкая голова непутевого секретаря. В два счета исключается из партии тов. Морозова, а заодно и секретарь райисполкома тов. Путилин.

За что, спрашивается? Откуда такая легкость в отношении к членам партии?

И это называется бдительностью! Головотяпство это, глупости, а не бдительность.

Такой секретарь способен только плодить врагов и наносить вред партии».

Позже я часто вспоминал эти предупреждения центрального органа нашей партии о необходимости внимательного отношения к людям.

Серго пятьдесят лет

28 октября вся страна очень тепло отмечала пятидесятилетие Орджоникидзе.

Газеты заполнены приветствиями, статьями о Серго и его деятельности как на фронтах гражданской войны, так и в промышленности.

Первая страница «Правды» занята приветствиями: от Центрального Комитета партии, от ЦИКа СССР, Совета Народных Комиссаров. Серго приветствуют летчики — Герои Советского Союза Каманин, Ляпидевский, Леваневский, Доронин, Молоков, Водопьянов, Слепнев, Громов, Чкалов, Байдуков, Беляков.

Газеты приводят исторические документы, связанные с прошлой деятельностью Серго, телеграммы времен гражданской войны, посылаемые им Ленину, и телеграммы Ленина Орджоникидзе.

Надежда Константиновна Крупская в очень теплом письме пишет: «Дорогой Серго. 50 лет Вам исполняется. Будет чествовать Вас завтра вся страна. Хочется и мне пожать Вам крепко руку. Не умею я говорить великоторжественных слов. Вы всего себя отдаете великому делу строительства социализма, в этом все…»

Демьян Бедный написал стихи:

Полвека прожито. Геройский пройден путь.
В привете нелегко осилить эту тему.
Родной Серго, большой поэт когда-нибудь
Из биографии твоей создаст поэму.

…В 1936 году Серго очень много выступал на разного рода совещаниях представителей основных отраслей тяжелой промышленности.

Каждое такое совещание оставляло глубокий след — на них поднимались основные вопросы промышленности и намечались пути их решения.

В середине 1936 года были ликвидированы коллегии наркоматов, а вместо них созданы советы при наркомах. В советы при наркомах были привлечены руководители предприятий, крупные инженеры, передовые мастера и рабочие.

29 июня, выступая на первом заседании совета при народном комиссаре тяжелой промышленности, Серго поднял вопросы, которые являются главными вопросами нашей промышленности сегодня — через тридцать лет!

Серго говорил: «Качество наших машин до сих пор заставляет желать очень многого. Качество, товарищи, становится одним из краеугольных вопросов нашего дальнейшего развития».

На этом же совещании он поднял вопрос о недостатках нашего планирования: «Пора нам отказаться от планирования выполнения плана по валовой продукции.

Надо планировать выполнение программы не по валовой, а по товарной — сколько готовой продукции мы выпустили для нашего населения, для нашего народного хозяйства».

Все участники совещания шумными аплодисментами горячо поддержали оба предложения Серго.

Но он их, к сожалению, не смог осуществить — смерть помешала этому.

Но не всегда все шло гладко

Как-то уже поздно вечером только что я возвратился с завода, отпустил машину и, не успев еще снять пальто, услышал телефонный звонок. Звонили из первого цеха. Там в эти дни на одной из больших печей производили первые плавки 75 %-ного ферросилиция — это было новое производство, и управлять печами было очень трудно. Звонил заместитель начальника цеха.

— Не можем с печью справиться, приезжайте. Мы за вами послали дежурную машину.

Пришлось возвращаться на завод. Когда я подошел к зданию цеха, то у входа увидел группу рабочих, которые что-то оживленно обсуждали. Войти в цех было невозможно. Из огромной печи, как из кратера вулкана, летели куски оплавившегося кварца, кокс и брызги жидкого металла. Закрывая полой пальто лицо, я буквально влетел на площадку печи, а с нее в будку управления печью. Там сидела бледная, со следами слез на щеках, девушка-регулировщица.

— Что случилось?

— Не знаю! Печь работала все время не очень спокойно, и нагрузка сильно колебалась, а теперь и совсем управлять нельзя.

В будку вбежали и мастер и заместитель начальника цеха. Что делать? Если выключить печь, все застынет и тогда скоро ввести ее вновь в действие будет невозможно. Стекловидная масса кварца станет не электропроводной. Тогда надо будет вырубать сплавившийся кварц, а это означает остановку на несколько дней и связанные с этим потери производства.

Но думать долго тоже нельзя.

— Переходите на низкокремнистый сплав, грузите железную стружку и уберите из шихты кокс, замените его древесным углем, снизьте количество восстановителя в шихте.

Эту ночь спать не пришлось.

К утру зигзагообразная кривая нагрузки на приборах стала спокойной, проплавили все, что было загружено. После того как процесс наладился, стали разбирать причину «вулканической» деятельности печи.

В чем же дело? Неправильная загрузка шихты — вот и все. Внизу много кварца, а сверху кокс, перекрытый опять кварцем.

После ряда неполадок наконец овладели и этим процессом и перешли к производству еще более сложных продуктов — девяностопроцентного ферросилиция и чистого кремния.

На заводе любили новые производства, и интерес к ним был настолько велик, что забывали обо всем. Это была какая-то

неуемная страсть, и она захватывала всех.

Помню, как-то поздно ночью — было около трех часов — раздался телефонный звонок. Телефон стоял у меня на тумбочке рядом с кроватью. Звонок в такой поздний час говорил обычно о неблагополучии на заводе. Я поднял трубку, и знакомый голос одного из инженеров спокойно спросил меня:

— Я вас не разбудил?

— Конечно, разбудил, а в чем дело?

— Мне в голову пришло объяснение, почему все-таки реакция восстановления хрома идет не до конца.

Мне сначала было досадно, что по такому вопросу он мне звонит на квартиру поздно ночью, а затем стало радостно. Молодец — не может до утра дождаться.

Это хорошо!

В течение этих двух лет я часто задерживался на заводе на сутки и даже больше. В особенности когда мы осваивали новые сорта феррохрома с очень низким содержанием углерода. Это было очень трудным делом. Процесс не ладился. В какой-то бригаде, вероятно, нарушалась технология. Нужно было установить, кто нарушает и что именно. Я решил сам просмотреть работу всех бригад. Ведь я одно вижу, а другой — другое. Если кому-либо поручить, он сможет и не заметить то, что вижу я, так же как и я могу не обратить внимание на то, на что другой обращает. Ничего не случится, если пробуду у печи сутки. Нет, не сутки, ведь надо пробыть во всех четырех бригадах, каждая работает по восемь часов — это тридцать два часа нужно будет пробыть у печей и поймать в конце концов то, что ускользает от нашего внимания.

…Сменились уже три бригады и вернулась в цех опять первая, а я все находился у печи.

Еще не принимая смены, ко мне подошел бригадир и с какой-то особой нежностью в голосе спросил:

— А вы совсем не уходили? Так и свалиться можно.

Мы вам сейчас лежак принесем к печи. Вы хоть немного прилягте. Если заснете, мы вас разбудим. Слово вам даю, что разбудим.

Эта человечность и какая-то особая теплота трогала до глубины сердца, и хотелось сделать все, чтобы быть достойным такого отношения.

Производственный план 1936 года закончили досрочно со значительным перевыполнением. Все были довольны и успехами на производстве, и всеми условиями как дома, так и на работе. На заводе велось интенсивное жилищное строительство, большинство работающих было неплохо устроено, и открывались

перспективы дальнейшего улучшения жилищных условий. Коллектив был крепко спаян общими интересами большого, нового производства.

Празднование Нового года решили провести всем инженерно-техническим коллективом вместе. Такие встречи мы проводили уже не раз, и на заводе действовал неписаный закон. Если директор мог позволить себе на вечере немного выпить, технический директор в этот вечер ни капли спиртного в рот не брал. Если на вечере выпивал главный механик или главный энергетик завода, то их заместители не притрагивались к рюмке. Все чувствовали ответственность за дела на заводе, и кто-то из руководства должен был быть готовым руководить производством.

Кстати сказать, среди руководящих работников завода никто не имел пристрастия к спиртному.

В этот новогодний вечер дежурными по заводу был я вместе с заместителем главного механика Сюткиным. Сюткин был очень интересный человек. Большого роста с красивой окладистой русой бородой и правильными крупными чертами лица, он напоминал мне былинного русского богатыря. Спокойный и сильный человек — Сюткин уже самой своей внешностью внушал доверие. Он обладал большими природными способностями и богатым жизненным опытом.

Как-то, рассказывая о своем детстве, он поведал мне о том, что за всю свою жизнь в школе был всего один день и выучился грамоте дома самоучкой. В день начала занятий в школе, когда он вернулся с первых уроков, отмечая начало его учения, домашние устроили праздничный чай и опрокинули на него самовар с кипятком. Он долго проболел и после этого уже в школу не пошел.

Итак, на этот вечер в «горячем резерве», как это называлось, были мы с Сюткиным. И вот, когда мы сидели за новогодним столом в клубе завода, ко мне подошел Сюткин и, чтобы не расстраивать других, наклонившись, тихо сказал:

— На заводе авария. Только что звонили, надо ехать. — И мы вместе с Сюткиным вышли из-за празднично убранного стола.

— В чем дело? — на ходу спросил я Сюткина.

— По всей видимости, прорвало магистральную трубу, питающую завод водой. Я звонил на насосную станцию, у них все в порядке, все насосы работают, а на печах воды нет. Что же еще может быть? Надо ехать на линию. Все печи отключены.

Водоснабжение для ферросплавного завода было так же важно, как и электроснабжение. При ограничении в подаче электроэнергии, так же как и при недостаче воды, мы вынуждены

были отключить часть электропечей.

Мы поехали к месту, где проходили магистральные трубы водопровода.

Стояла лунная ночь. На небе ни облачка, и в чистом морозном воздухе особенно ярко светили звезды. Мороз достигал тридцати двух градусов.

Когда мы подъехали к месту аварии, перед нашими глазами открылась фантастическая картина. В месте соединения двух труб пробило прокладку, и фонтан воды под большим напором бил вверх на высоту нескольких десятков метров и падал в сторону железнодорожной ветки, по которой доставлялся уголь на районную электростанцию. Падающие струи воды немедленно замерзали, образуя нагромождения льда причудливой формы. Была серьезная опасность, что лед перекроет полотно железной дороги и прекратится подача угля на станцию. Тогда авария примет районный масштаб.

Сюткин сразу оценил опасность и крикнул шоферу:

— Топор!

У каждого шофера на заводе в багажнике всегда лежал топор.

«Зачем ему топор?» — мелькнуло у меня.

— Скорее топор, — повторил Сюткин, обращаясь к замешкавшемуся шоферу.

Выхватив из рук шофера топор, он подбежал к поленнице дров и быстро затесал одно из полен на конус и бросился к бьющему фонтану. Сильным ударом обуха Сюткин вогнал клин в щель, из которой била вода, и течь прекратилась.

Весь мокрый, с сосульками замерзшей воды на бороде и бровях — он был похож на какого-то сказочного деда-мороза из детской сказки.

Сюткин снял шапку, вытер варежкой лицо и, улыбаясь, сказал:

— Ну вот, теперь можно и обсуждать, как аварию ликвидировать будем. Теперь для рассуждений у нас есть время. Печи-то включать можно, — сказал он мне.

Мы пошли на завод к печам. Сюткин быстро разработал план аварийных работ, дал необходимые указания ремонтникам и потом предложил мне вернуться в клуб.

— Вы идите, а то волноваться будут — весь праздник им испортим. Теперь никакой опасности нет. А я пойду переоденусь.

В интенсивной деятельности протекала жизнь, и один день не был похож на другой.

В течение 1936 года завод нередко навещали разного рода делегации. С завода Круппа прибыла небольшая группа специалистов. Одного из них — Кютнера — я знал лично, мы с

ним встречались в Эссене. Они побывали не только на заводе, но и в окрестностях Челябинска. Когда мы подошли к берегу озера Смолина и Кютнер увидел на нем плавающих диких гусей, он буквально замер от удивления.

— Неужели это на самом деле дикие? — спросил он меня. (Кютнер был охотником.) — Признаться, когда вы мне рисовали эти картины Челябинска там у нас, в Эссене, я не верил, что здесь, на окраине большого города, может быть нечто подобное.

Завод посетила группа работников из профсоюзов Чехословакии. Прибыли комбайнеры из Кустаная. Многие из делегаций мне приходилось сопровождать по заводу и знакомить с производством.

Один из комбайнеров по дороге, когда мы шли от заводоуправления к плавильному цеху, рассказывал мне о трудностях работы на комбайне:

— Машина грохочет, кругом пыль летит, а солнце жарит, глаза пот застилает, а ее, машину-то, вести надо, глаз от нее отводить нельзя.

Когда же мы поднялись на площадку печи и он увидел ослепительно белое пламя ревущих вольтовых дуг и снующих около них в валенках и войлочных шляпах рабочих, которые железными прутьями шуровали в печи, мой рассказчик замолк.

Он не сводил глаз с тех, кто уверенно орудовал около печей, управляя потоком расплавленной массы металла и шлака.

При выходе из цеха он спросил меня:

— Они все время вот так и работают?

— Да, все время.

— А я думал, что труднее нашего дела нет ничего на свете.

Комбайнер долго еще оглядывался назад — туда, где среди огненной стихии ревели электропечи, а около них двигались люди.

…Один из членов чехословацкой делегации, посетившей завод, — старый, высокий и худой литейщик сказал мне, когда мы закончили осмотр цеха:

— А в других странах такие заводы не показывают. Таких заводов в мире не много. Никто не хочет делиться секретами своего производства, а вы вот показываете.

Потом мы пошли осматривать жилые дома. Старик литейщик из Чехословакии обращал мое внимание на каждую деталь, не упуская из виду ни одну мелочь.

Кое-что ему явно не нравилось.

— А вот так мы уже у себя в Чехословакии проводку больше не делаем. Она у вас идет на роликах по стенам, а мы ее утапливаем в стены, и на стенах ничего не болтается, все

спрятано. Зачем вы так делаете?

И мне стало как-то не по себе и от его вопроса и от пристального осуждающего взгляда.

Потом он подошел к окну, посмотрел на форточку и сделал новое замечание:

— Вертушки эти тоже плохие, их надо вам заменить.

И я чувствовал, что эго говорит со мной не представитель другой страны, а свой человек, которому дорого все, что делается у нас, что он печется о том, чтобы из нашей страны не ушли секреты производства, а качество нашего строительства и всего того, что мы делаем, было бы отличным.

О бдительности

Не одними только вопросами производства приходилось в то время заниматься. В 1936 году перед нами был остро поставлен вопрос о повышении бдительности.

Начальник охраны Якушин очень энергичный человек, любивший на собраниях поговорить, развил кипучую деятельность. Он пересмотрел все инструкции по охране завода, подготовил новые, наметил установку дополнительных постов и потребовал, чтобы на всех пропусках на завод были наклеены фотокарточки. Но в это время из главка пришло указание сократить штаты. Стали думать, как же решить задачу. Якушин предложил сократить ряд сторожей и завести собак.

— Мы численность людей сократим, а содержание собак пройдет совершенно по другой статье расходов.

Идея Якушина многим понравилась. В заводской охране было занято много людей. Завод стал скупать собак — немецких и кавказских овчарок. Но собак надо было где-то держать и кормить. И вот в самом конце заводской территории под руководством Якушина возвели «собачин городок», как его прозвали рабочие. Помещение для собак, кухня для приготовления пищи, помещения для хранения продуктов, инвентаря и много разных других.

Но разводка собак по постам, приготовление для них пищи, кормление и прочее потребовало выделения людей. В результате всего штаты охраны остались прежними, а расходы возросли.

На одном из собраний Якушин выступил с большой речью о необходимости особое внимание уделить вопросам повышения бдительности. Он приводил многочисленные примеры того, какие методы используют враги в своей враждебной деятельности, как иногда маскируются шпионы и диверсанты, засылаемые иностранными державами на территорию нашей страны.

Далее он перешел к тому, какие меры им были приняты, чтобы закрыть на заводе все щели. Он подробно рассказал о том, какие инструкции по охране завода были им разработаны и как тщательно их изучили все работники охраны. У него даже комар без пропуска на завод не проскочит.

В этот самый момент поднялся один из молодых рабочих и громко крикнул:

— Хватит тебе хвастаться-то. Ты бы лучше как следует порученным делом занимался, а не чесал язык о бдительности! Товарищи! Вот Якушин говорит, что он по охране завода такой порядок установил, что даже комар будто бы без документа в цех

попасть не может. А я, товарищи, уже второй месяц на завод хожу по пропуску, на котором вместо своей карточки у меня наклеена фотография бабушки. Ничего, пропускают. За это время меня даже и не остановил никто.

— Ну, это ты уж слишком. Как говорится — ври, да знай меру! — крикнул Якушин.

— На, вот, смотри сам, — и рабочий протянул свой заводской пропуск.

Документ пошел по рукам. Действительно, с замасленной картонки пропуска смотрело лицо старухи с седыми волосами. В зале начался шум и смех. Якушин махнул рукой и отошел от стола президиума собрания.

И все же проявлять разумную настороженность основания были.

Здесь, в Челябинске, жили и люди, которые за свои прегрешения были высланы из центральных областей Советского Союза. Они расселились по городам и селам области и некоторые из них, затаив обиду, могли вредить. С одним из таких «бывших» мне довелось встретиться тогда чисто случайно.

Памятуя советы Тевосяна о необходимости организовать обучение работающих на печах технологии производства, мы решили создать курсы мастеров социалистического труда.

Нам удалось подобрать весь преподавательский персонал из числа заводских работников, но трудно было найти заведующего учебной частью, на которого мы хотели возложить также и преподавание русского языка.

Было решено дать объявление в местную газету «Челябинский рабочий». Через несколько дней ко мне пришел благообразный брюнет лет сорока пяти с бородкой клинышком. Таких в Челябинске я еще ни разу не встречал.

— Вам требуется заведующий учебной частью курсов и преподаватель русского языка?

— Да, требуется.

— Могу предложить свои услуги.

— Простите, а вы раньше педагогической работой занимались?

— Да, конечно.

— Где ж вы преподавали раньше?

Мой посетитель несколько замялся, а затем произнес:

— В Ленинграде. Собственно, еще в Петрограде. Я был учителем в одной из гимназий и преподавал русский язык. Затем уже после революции я был заведующим учебной частью одной из школ второй ступени, уже в Ленинграде.

«Чего же нам еще желать? — подумал я. — Бывший

преподаватель из столичной школы, да ведь это клад!»

— А где вы работаете в настоящее время? Как вы попали сюда, в Челябинск?

Я видел, что мой посетитель ожидал этого вопроса.

— Я выслан сюда без права проживания в Москве и Ленинграде, — тихо произнес он.

— За что же? — спросил я, и этот вопрос вырвался у меня как-то непроизвольно.

— Мы, группа преподавателей, издавали подпольную газету, но едва нам удалось выпустить три номера, как нас накрыли и всех принимавших участие в этом издании выслали из Ленинграда. И вот я попал в Челябинск.

— Что же это у вас была за газета?

Бывший учитель вновь замялся.

— Мы излагали в ней некоторые соображения, которые не были пандан общей направленности политики. Я предлагаю свои услуги, но я не уверен в том, что мне будет разрешено преподавать у вас на заводе. Вы должны будете это проверить.

Мы распрощались, и мой необычный посетитель ушел. Я задумался. Мы ведем отчаянную борьбу за то, чтобы вывести страну в число передовых стран мира. А чего добиваются они — эти «учителя»? Чего им надо? О, как же они надоели со своим вечным скепсисом, непрестанным недовольством и ворчанием. Нет, я не могу его допустить даже до преподавания русского языка, зачем он нам нужен? Чему он будет обучать? Нам нужны те, кто будет вдохновлять, поднимать настроение, да так, чтобы мы не чувствовали тех тягот жизни, которые сейчас нас окружают. Нет, он не подойдет.

Но эта встреча все же оставила след. Есть, оказывается, еще один мир — он мизерный в количественном отношении, но ведь и у змеи мешочек яда очень небольшой, но он очень опасен. Чирий на шее занимает немного места, но как иногда трудно бывает повернуть голову, когда такой чирий вскочит.

Наряду с теми неполадками, которые можно было объяснить неизученностью технологических процессов, перебоями в снабжении рудой, коксом, ограничениями в электроэнергии, недостаточной подготовкой кадров, на заводе случались и такие аварии, которые нельзя было объяснить только этими причинами.

В 1936 году произошли два случая, которые заставили задуматься. На одной из печей для выплавки феррохрома вышел из строя мотор, поднимающий и опускающий механизм электрододержателя. Каретка электрододержателя не передвигалась.

— Вероятно, что-нибудь попало между направляющей и

роликами каретки. Сейчас посмотрим, — сказал механик цеха и вытащил из зазора между кареткой и стойкой небольшой болт.

Печь эту недавно ремонтировали, и кто-то из рабочих сказал, что, по-видимому, во время ремонта один из болтов откуда-то выпал и застрял между кареткой и стойкой электрододержателя, заклинив детали. Поэтому каретка не могла передвигаться, а механизм подъема продолжал работать, и от перегрузки у мотора перегорела обмотка. В то время электромоторы, как и все электрооборудование, были дефицитны и мотор трудно было достать. Выход из строя мотора означал простой электропечи.

Вынутый из зазора болт был доказательством небрежной работы слесарей ремонтной бригады. Но кто-то обратил внимание на то, что конец болта был заточен на конус, то есть умышленно обработан так, чтобы он хорошо держался в зазоре там, где он был обнаружен. Тщательное изучение этого злополучного болта обнаружило на его конусной части явные следы заточки напильником. Нет, он не смят на конус, а умышленно заточен на конус! К этому выводу пришли все, кто осматривал болт.

— Но кто же в таком случае это сделал?

Примерно через две недели произошел второй необъяснимый случай, уже более тяжелый. При аварии был убит один из рабочих.

Хромистая руда к печам подавалась сложной системой конвейеров, элеваторов и устройством, носящим наименование «скиповой подъемник». Он напоминал большую чашу ковша и перемещался вверх и вниз на стальном тросе. Концы троса закреплялись по обе стороны ковша специальными стальными «державками», укрепленными на болтах.

Когда нагруженный рудой ковш стал подниматься, рабочий, занимавшийся погрузкой руды, открыл заграждение с тем, чтобы вымести просыпавшиеся кусочки руды. Но тут ковш сорвался с троса, и рабочий был моментально убит упавшим на него ковшом, заполненным рудой.

Этот случай стал предметом уже более тщательного расследования, так как он был связан с гибелью человека. Изучение причин аварии показало, что один болт, прикреплявший конец троса к ковшу, отсутствовал и конец троса был вырван из своего гнезда.

Вначале причина аварии объяснялась очень просто. По всей видимости, рабочий, производивший загрузку ковша рудой, перегрузил его, и при подъеме очень большого груза конец троса был вырван со своего места — болт вылетел и ковш сорвался.

Все как будто бы говорило о том, что процесс именно так и

протекал. Решили разыскать болт и осмотреть его. Но болта нигде найти не могли, а резьба гнезда, где он находился, была чистой, и ни один виток не был поврежден. Это не вязалось с предложенной схемой объяснения аварии.

Где болт? А не вывернул ли его кто-либо умышленно? Вспомнили аварию на феррохромовой печи. Там явно кто-то вложил в механизм заточенный на конус болт. Может быть, здесь то же лицо вывернуло болт, что и повело к аварии?

Месяца через три все разъяснилось — на заводе был арестован один из механиков. Как оказалось, он прибыл в Челябинскую область с Северного Кавказа. Будучи сыном одного из раскулаченных, он пытался бежать за границу, был задержан на границе Ирана, судим, выслан, но бежал с места поселения и с фальшивыми документами прибыл в Челябинск. А когда закончилось строительство ферросплавного завода и происходил массовый набор рабочих и среднего технического состава, мастеров и техников, он устроился на завод.

На заводе он был малозаметен, никогда никто его нигде не замечал, на собраниях он редко выступал и свои короткие речи ограничивал небольшими разъяснениями обычно тех вопросов, которые были прямо обращены к нему.

Никто не мог предполагать, что этот механик может быть злоумышленником. Со всеми материалами по его аресту и всем его прошлым был ознакомлен Власов, который проинформировал обо всем и меня.

Вот оно вредительство, о котором нам было известно до этого только из сообщений печати и выступлении докладчиков на некоторых собраниях и совещаниях. Часто произносимое на собраниях выражение: «Мы производим строительство социализма во враждебном нам капиталистическом окружении» получало особое звучание.

Первые тревоги

С начала 1937 года в городе поползли слухи о враждебной деятельности некоторых лиц.

На партийных активах говорили о диверсиях, уже бывших, а также готовившихся, но вовремя раскрытых. Приводились результаты закончившейся проверки партийных документов, из которых явствовало, что в некоторые партийные организации пробрались чужие люди.

На одном из таких собраний было, в частности, рассказано о том, что при проверке партийных документов в Троицке у одного из членов партии, занимавших ответственный пост, был обнаружен подложный партийный билет, а дальнейшее разбирательство этого дела повело к раскрытию целой группы.

Член комиссии по проверке партийных документов рассказал тогда на партийном активе о том, что колчаковцы, отступая из этих мест, оставили здесь своих людей. Они снабдили их специально сфабрикованными партийными документами. Эта группа лиц должна была будто бы представлять собой партийную организацию, работавшую в тылу Колчака.

На партийном активе подробно говорилось о том, как члены этой группы поддерживали друг друга и продвигали один другого на высокие должности в советских и партийных организациях.

Мы слушали всю эту историю как криминальный роман, не имея никаких оснований не верить ей. Невольно возникали мысли и рождались разного рода сомнения я подозрения.

А кто же окружает меня? Свои или чужие?

Мы собрались сюда со всех концов страны. Если в Троицке имела место такая история, почему не могло быть подобной и в других местах — там, где находились Деникин, Врангель, Юденич?

…И вдруг ко всем прочим тревогам на всех нас обрушилось тяжелое горе.

19 февраля 1937 года утром, когда я еще был дома, не успев выехать на завод, раздался телефонный звонок, Я поднял трубку и услышал голос дежурного по заводу. Медленно, как будто бы говоривший был тяжело болен, дежурный передал полученное из Москвы сообщение.

Я продолжал держать около уха телефонную трубку, хотя дежурный свою уже положил.

— Ты что не едешь? — услышал я как будто бы откуда-то издалека голос жены. — Да что с тобой?

Говорить я не мог и только с большим трудом выдавил из

себя единственное слово: «Серго».

— Что Серго? Умер? — с ужасом в глазах и закрывая рукой рот, вскрикнула жена.

Я молча опустил голову.

Серго не стало…

На заводе произошла история, всколыхнувшая всю заводскую общественность.

Одна женщина подала в районный комитет партии заявление на электрика завода. В заявлении было указано, будто она сама слышала, как Нечаев, выходя вместо с каким-то матросом из пивной, говорил вражеские речи.

Секретарь райкома предложил заводской партийной организации рассмотреть это заявление на общем партийном собрании в присутствии женщины, подавшей его. Когда секретарь парторганизации Хитров прочитал заявление, Нечаев вскочил с места, растерянный и бледный как полотно и, озираясь по сторонам, стал кричать:

— Товарищи! Все это ложь, ложь все это!

— Ты не кричи, а вот когда я тебе слово предоставлю, тогда и будешь объяснять, где и с какими матросами ты дружбу ведешь, — останавливая Нечаева, сказал ведущий собрание Хитров.

Нечаева на заводе хорошо знали, и он пользовался большим уважением. Раздались выкрики:

— Пусть Нечаев объяснит нам все, как было дело.

— Товарищи, — опять начал Нечаев, — все знают, что я за всю жизнь ни разу ни в одной пивной не был. Я ничего не пью. Это всем известно.

В объяснении того, почему он не пьет, он несколько раз повторил:

— Мне врачи запретили пить. Запретили мне. У меня язва желудка. Это все знают.

Представитель райкома сказал:

— Но ведь она вас видела, как вы из пивной выходили. Она ведь тоже член партии.

И, обращаясь к присутствующей на собрании, никому из нас не знакомой женщине, спросил ее:

— Это он?

— Как будто бы он, только тогда он в кепке был.

Нечаев опять вскочил с места и крикнул:

— У меня и кепки-то нет! Я всю жизнь в шляпе хожу!

А женщина, словно загипнотизированная, тихо повторяла:

— Это он, как будто бы он. Только тогда на нем кепка была и

с ним рядом матрос стоял. Они вместе из пивной выходили.

Я посмотрел на заявительницу. Она производила странное впечатление какого-то безликого человека и говорила каким-то странным голосом, без интонаций, медленно, тихо повторяя одни и те же как бы заученные фразы.

В большом помещении клуба, где происходило собрание, яблоку негде было упасть. Мест не хватало, и многие стояли у стен и дверей. Сразу во многих местах поднялись желающие что-то сказать. Раздавались негодующие голоса:

— Что она как попугай затвердила: «как будто бы да как будто бы».

Слесарь Микулин кричал с места:

— Вы знаете, что Нечаев все время ко мне придирается, но я должен прямо сказать — врет баба. Надо ее освидетельствовать, она свихнулась, наверно.

— Да кто она? Откуда взялась?

Эти вопросы, обращенные к секретарю партийкой организации Хитрову, вывели его из себя. Он обозлился.

— Не этот вопрос обсуждается, откуда она взялась, а обсуждается заявление гражданки… — ее фамилии Хитров не назвал.

— А Нечаева надо внимательно изучить. Вот и прошлый раз он не все партийной организации о себе рассказал. Скрыл от нас, что у него по прошлой работе выговор был.

Опять начался шум. Председатель долго стучал по столу, пытаясь навести порядок, а когда шум несколько стих, поднялся один из лучших бригадиров завода Андрей.

Его я хорошо знал. Это был старый член партии. Он вступил в организацию вскоре после Февральской революции. Дрался с Колчаком, а когда закончилась гражданская война, поселился в Челябинске. На заводе он работал с самого начала строительства. Андрея на заводе все хорошо знали и звали по имени. Многие не знали даже его фамилии. Рассудительный и спокойный человек, он многим давал полезные советы, и его вразумительные короткие речи производили большее впечатление, нежели длинные и цветистые выступления красноречивых ораторов.

Андрей поднялся, одернул для чего-то рубашку и оттянул воротник.

«Что-то он скажет? Видимо, волнуется», — подумал я.

— Не дело ты затеял, товарищ Хитров, — внешне спокойно произнес Андрей.

В зале стало тихо.

— Когда мы тебя в секретари выбирали, ты таким не был. Ну, что ты пристал к человеку. Говорил нам Нечаев о выговоре. Я как

сейчас это помню. Он рассказывал нам, что на заводе, где он раньше работал, несчастный случай произошел — током человека убило. Хоть сам он и не виноват в этом, но раз под его началом работы велись, ему и отвечать. Вот его и наказали. Да вы все, наверное, помните это, — обратился он к собранию, — тогда Нечаеву даже вопросы задавали. Говорил ведь Нечаев о выговоре? — опять обратился Андрей к сидящим в зале.

— Говорил, говорил! — раздалось сразу несколько голосов.

— Ну вот, видишь? — и Андрей в упор посмотрел на председателя. — Как же это получается?

Хитров явно растерялся и буркнул:

— Ну, значит, я позабыл.

А Андрей продолжал дальше:

— Да нет, ты не забыл. Дай бог, чтобы у всех была такая память, как у тебя. Ты скажи лучше, зачем вы человека хотите утопить? Вот что на собрании надо обсуждать. Утопить Нечаева мы не дадим, Хитров! — тихо, но твердо произнес Андрей. — Не дадим! Ты это знать должен.

Речь Андрея произвела потрясающее впечатление. Все вдруг почувствовали огромную силу — силу партийной организации большого завода. Об этой несгибаемой силе большой правды напомнил Андрей.

— Если у тебя, товарищ Хитров, есть какие-то сомнения в том, что сказал Нечаев, давай проверим. Поручим группе товарищей все как следует проверить, тогда и решать будем. Выберем вот сейчас трех-четырех человек и проверим. Да я и сам могу, если вы доверите и поручите мне участвовать в этой проверке. А зря наговаривать на людей нельзя. Нечаев не первый год в партии. Он Деникина в восемнадцатом году бил. Я — Колчака, а он — Деникина.

Предложение Андрея было принято.

Когда расходились с собрания, по дороге домой я подумал: «Почему мы не избрали секретарем партийной организации Андрея? Многие его тогда при перевыборах называли. Нет, не согласились. Он нужен на производстве. Его трудно будет заменить. А руководить заводской партийной организацией разве легче? Где важней иметь таких людей, как Андрей? Ошибку допустили, что секретарем Хитрова выбрали. Нельзя было этого делать». С этими тяжелыми думами я вернулся домой.

— Тебе с завода звонили несколько раз. Просили, чтобы позвонил, как только с собрания придешь, — сказала жена.

Когда я позвонил, дежурный по заводу сказал:

— Пришла телеграмма из Москвы.

— Прочитайте, — попросил я дежурного.

— «Открепляйся в Ростокинский райком партии. Выезжай в Москву. Решение состоялось. Завенягин, Тевосян».

Абрам Павлович Завенягин в то время был уже первым заместителем наркома тяжелой промышленности. Иван Тевадросович Тевосян только что был утвержден главным инженером Главного управления по кораблестроению вновь организованного Наркомата оборонной промышленности. Но на этом посту Тевосян пробыл недолго. Через пару месяцев состоялось новое назначение — его назначили начальником этого управления, а еще через месяц утвердили заместителем наркома оборонной промышленности.

Еще до получения телеграммы я получил от Тевосяна письмо, в котором он сообщил мне о том, что готовится решение об образовании нового наркомата, который должен будет объединить все производство военной техники. В письме говорилось о том, что в новом наркомате значительное место будет отведено организации производства металлов для вооружения и он, вероятно, перейдет на работу в новый наркомат.

И вот решение состоялось. Получил назначение не только Тевосян, но и я. Какое же назначение? Что я должен буду делать в наркомате? Завод было жалко бросать.

Но телеграмма была приказом. В каждом положении отыщется что-нибудь утешительное, если хорошо поискать, как утверждал Даниель Дефо. Одним словом, я стал готовиться к отъезду. Проводил в Москву семью, а когда из Москвы приехал Михаил Юрьевич Байчер, который должен был занять мое место, то сборы значительно ускорились.

Из Челябинска в Москву

В купе я пока один. Может быть, так до Москвы и доеду. Открыл было книгу, но читать не могу.

И вновь, как тогда, два года назад, погрузился в волны пережитого. Но тогда я возвращался в Москву из «их» мира. Я видел его вблизи, а свою страну издали.

— Большое художественное полотно надо рассматривать издали, — это сказал мне итальянский инженер три года назад на заводе в Аосте. Как он тогда хотел поехать к нам и принять участие в нашем строительстве!

И вот теперь я снова возвращаюсь в Москву, но уже оттуда, где происходит исторический процесс создания материальной базы нового общества, о котором пишут газеты всего мира, о котором говорят во всех странах друзья с чувством радости и надежды, враги — со злобой и тревогой.

Перед глазами проходят люди и события. Как же быстро у нас все меняется: и города, и люди, вся их жизнь и деятельность. Эти изменения отчетливо видны особенно в таких местах, как Челябинск.

Селяба — по-башкирски яма. Челябинск и был раньше ямой в прямом и переносном смысле. Еще в 1929 году, когда я впервые после окончания Горной академии вместе со своими однокашниками Николаем Блохиным и Володей Языковым прибыл в Челябинск, мы увидели эту яму. По дороге с вокзала в центр города извозчик, который вез нас, застрял посредине улицы в грязи и долго не мог вытащить свой тарантас.

В городе была одна небольшая гостиница, с затхлыми номерами, рассчитанными в свое время на купцов.

С тех пор прошло шесть лет. Город нельзя узнать — центр застроен большими каменными домами, а по асфальтовым улицам идут вереницы автобусов, автомобилей. В городе открылись не только новые средние учебные заведения, но и высшие. На окраине города возникли заводы, известные ныне всему миру. Они как бастионы окружают город со всех сторон. Заводские трубы, как стволы дальнобойных орудий, устремлены в небеса. Старое быстро исчезает. То, что в Европе совершалось в течение столетий, здесь происходит буквально на глазах.

Еще совсем недавно и люди были другими. Здесь, в Челябинской области, на заводах работали полукрестьяне-полурабочие. Они смотрели на завод как на место, где можно подработать, но своим кровным, родным делом признавали только личное хозяйство.

Теперь для них завод стал своим. Они близко к сердцу принимают все успехи и неудачи производства. Как горят у всех глаза на собраниях и совещаниях, когда говорят о перевыполнении планов, об освоении производства новых сплавов. Какое негодование раздается, когда рассказывают о браке или авариях. Все — и неудачи и успехи-принимается близко к сердцу. Все стали своим. Все это не далось даром. Сюда вложен большой труд, изобретательность многих людей, их энергия. Все это выстрадано и поэтому особо дорого.

За эти два года мне приходилось бывать на многих заводах области, и везде одно и то же. Этот процесс происходит по всей стране одновременно. На разных уровнях, в разных условиях, но это единый процесс — стремительное движение страны вперед. У людей появилась исключительная смелость, уверенность. Даже высшее проявление этой смелости — дерзость.

В народе разбужены все чувства — бесстрашие, неуемная инициатива, страстное желание творить, не только ничего не бояться, но выискивать беспокойные решения. Не уходить от трудностей, а идти им навстречу.

— Ну и что же, что трудно, но ведь так лучше будет, — часто слышится в цехах и на производственных совещаниях.

Вот они проходят передо мной — не люди, а буревестники. Бригадиры Подивилов, Колпаков, Волжанин, Подлужный, Карнаухов и много, много других. Вот он стоит передо мной, бригадир Волжанин. Волга — могучая река страны. Он ее сын. В нем что-то от Пугачева и от Стеньки Разина, и от великой русской реки — Волги. Волжанин! Он и его бригада всегда перевыполняют план. На них можно полагаться. Не подведут. Но как трудно ими управлять. Их надо знать! Они не только преодолели страх перед неведомой им ранее огненной стихией, они не только овладели управлением сложным, физически грудным и изнурительным технологическим процессом производства, но они покорили его. Они управляют им. Было очень трудно. Нужно было побороть себя. Осилит!» свои чувства. Понять непонятное, преодолеть все препоны и победить.

Люди, простые советские люди поднялись на верхние этажи. Мы видим дальше. Смелости стало больше. Больше уверенности. Вот только бы голова не закружилась. Кое-кто из плавильщиков на завод пришел неграмотным. Не только не разбирался в технике производства, но не мог ни читать, ни писать. За эти годы ими изучена не только сложная технология производства, по они осилили все премудрости грамоты. Некоторые из них стали лауреатами Государственных премий, как например Карнаухов.

Мы поднимаемся все выше. Задачи, которые предстоит

решать, становятся все сложнее, многограннее.

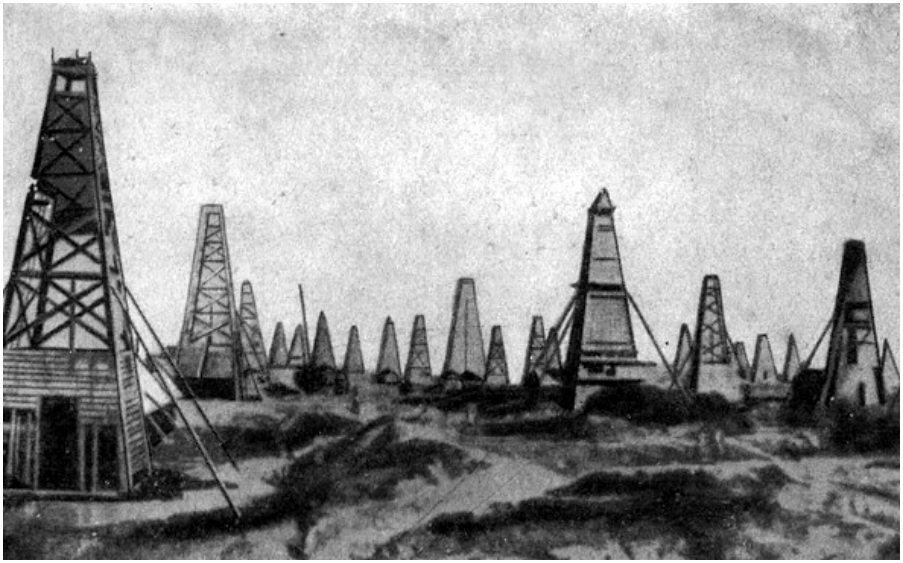
Таких многообразных, быстро протекающих процессов не знает история ни одной страны. Сами наши планы вызывают изумление своей грандиозностью. Многие там, на Западе, отказываются верить в их осуществимость. Но эти планы не только выполнялись, а значительно перевыполнялись. Только план доходил из Москвы до завода в Челябинск — как тут же у всех, на каждом участке производства возникало непреодолимое желание не только выполнить его, но и обязательно перевыполнить. От одного к другому перебегают эти импульсы неуемного творческого порыва. Они так возбуждают, что люди не знают покоя ни днем, ни ночью. Не замечают ни холода, ни жары, ни жажды, ни голода. Ищи такие решения, чтобы быстрее выполнить то, что намечено планом, — это стало руководящим побуждением всех действий.

Там, на Западе, я никогда и нигде не видел ничего подобного. У них этого не может быть. Там другой мир. Только социализм мог раскрыть эти возможности, уничтожив границы сугубо личных интересов и личных владений.

…Через окно вагона передо мной мелькают картины строительства. Оно идет на протяжении всего пути.

Наиболее продуктивным изобретением за всю историю цивилизации человечества было создание колеса. На колесе все быстро завертелось, а скорость все возрастала от телеги к паровозу, затем к автомобилю и наконец к самолету. Наши колеса вертятся все быстрее. Теперь нас уже остановить нельзя. И как бы подтверждая это, колеса вагона выстукивают: «Да, это так, так, так».

Иллюстрации

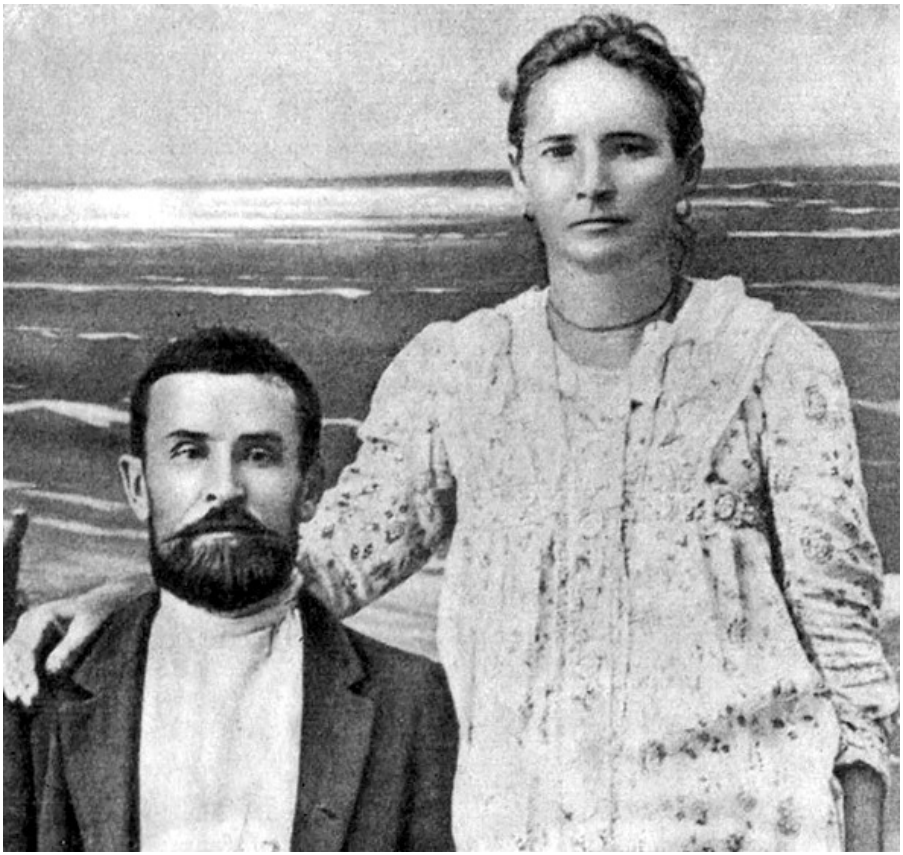


Нефтяные промыслы в Баку в начале века

В. Емельянов в тех же местах в 1964 г.

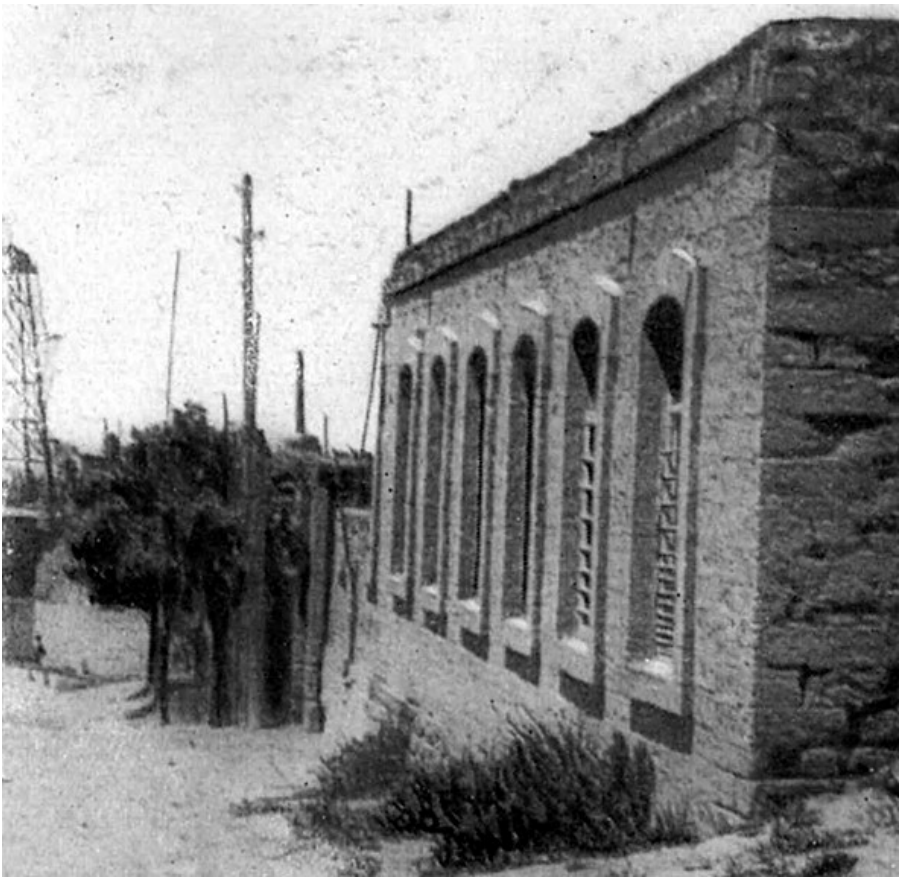
Баку. 1908 г.

В таком доме жили родители В. Емельянова



Отец и мать В. Емельянова — Семен Петрович и Анна Васильевна

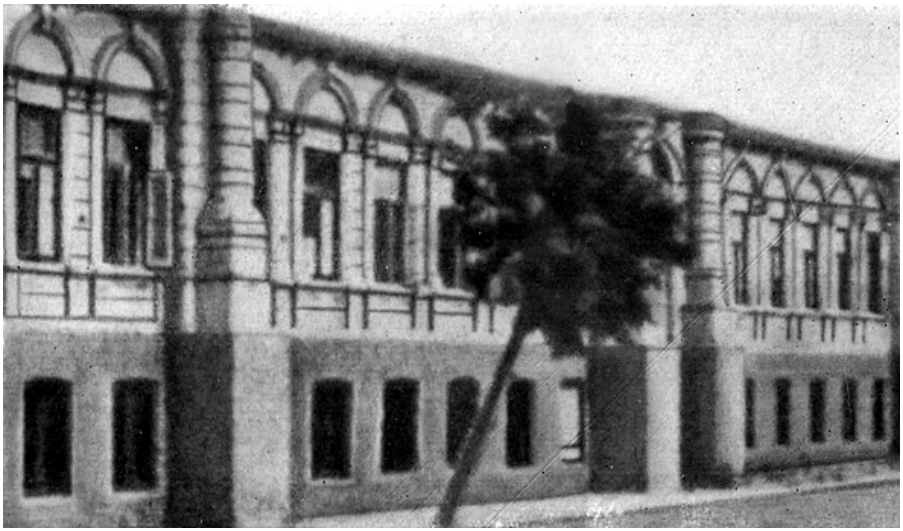
Вася Емельянов с отцом. 1912 г.



Дом на нефтяных промыслах в Сураханах. 1913 г.

Дети на промысле

Анна Петровна Емельянова с подругой. 1914 г.



Балаханское реальное училище. Теперь здесь строительный техникум

В. Емельянов в классе, где он учился 50 лет назад

С. Киров, С. Орджоникидзе, А. Микоян среди красноармейцев, освободивших Баку. 1920 г.

Т-во Э. Ф. БЕРИНГЪ и К°
БАКУ.

РАЗСЧЕТНАЯ КНИЖКА

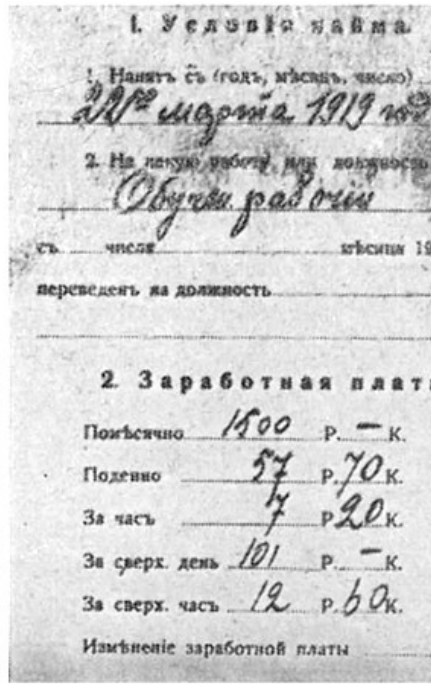
№ 47

Выдана 5-го марта 1920 г.

Фамилія Емельяновъ

Имя и отчество Василій Семеновичъ

БАКУ
Первое Типографское Товарищество.



I. Условія найма.

1. Нанятъ съ (годъ, мѣсяцъ, число)
22-го марта 1919 г.

2. На какую работу или должность
Обучен. рабочій

съ числа мѣсяца 19

переведенъ на должность

2. Заработная плата

Помѣсячно 1500 р. — к.

Поденно 57 р. 70 к.

За часъ 7 р. 20 к.

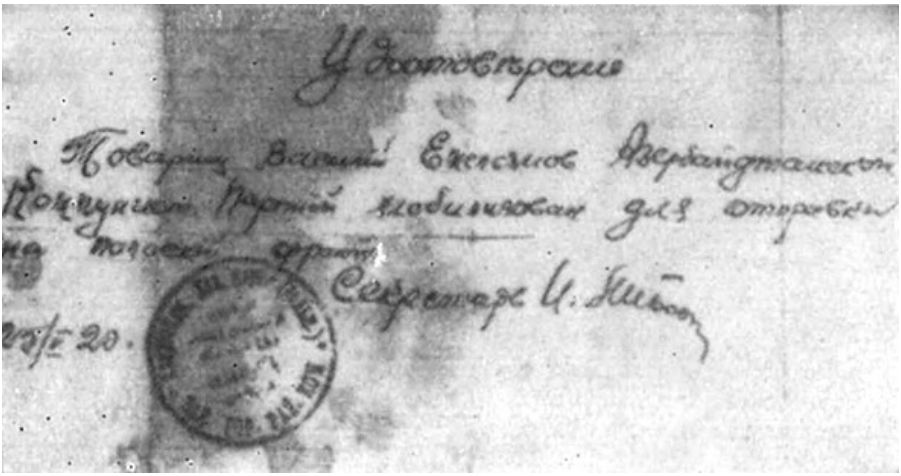
За сверх. день 101 р. — к.

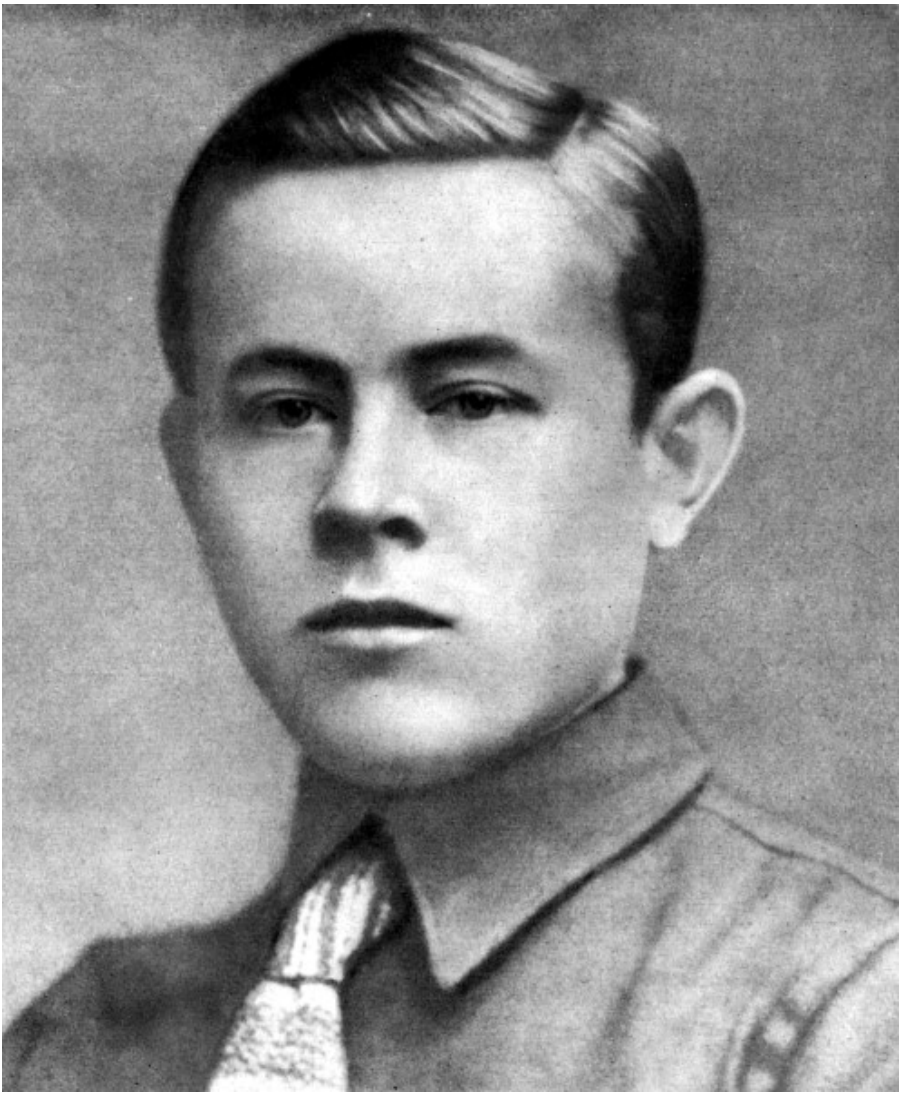
За сверх. часъ 12 р. 60 к.

Измѣненіе заработной платы

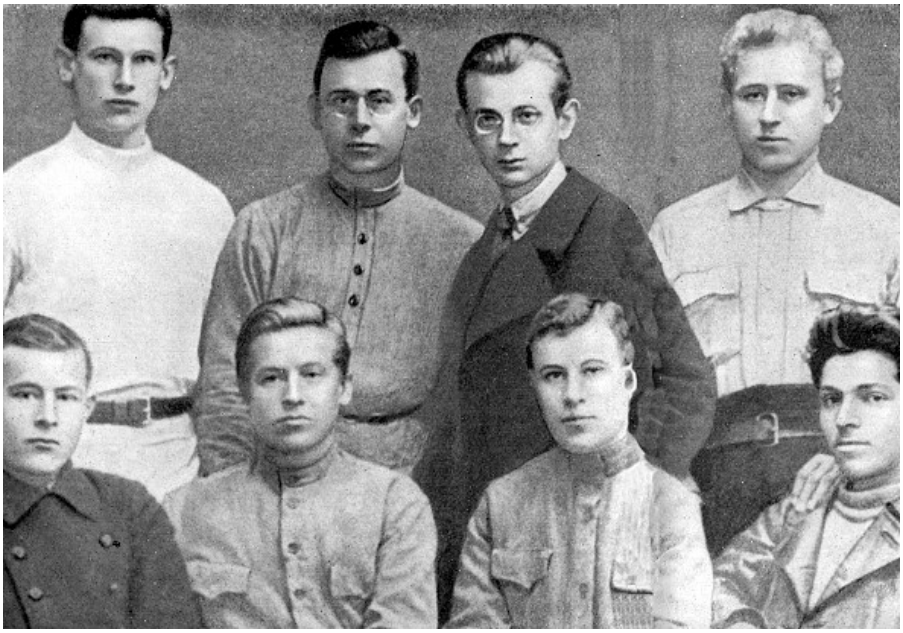
Расчетная книжка В. Емельянова на телефонной станции в Баку. 1920 г.

Перед отправкой на польский фронт. Сидит (во втором ряду слева) В. Емельянов. 1920 г.

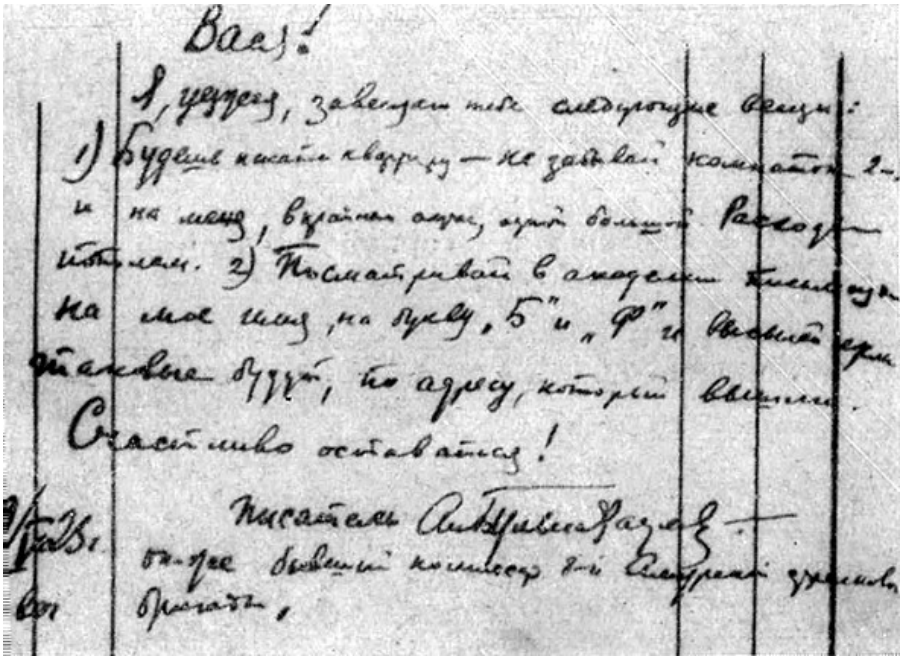

Удостоверение



Студент Московской горной академии В. Емельянов. 1922 г.



Группа студентов Московской горной академии. Стоят (слева направо): А. Фадеев, А. Блохин, Ф. Зильбер, И. Белецкий; сидят: В. Емельянов, И. Апряткин, Н. Блохин, И. Тевосян. 1923 г.



Вам!

Я, уходя, завещаю тебе следующие вещи:

1) Будешь писать квартиру — не забывай комнату 2-
и на меня, в хорошем адрес, ругай больших Расходу-
ющимся. 2) Посматривай в академии [illegible]
на мое имя, на букву „Б" и „Ф" и всякий
[illegible] будет, по адресу, который [illegible].

Счастливо оставаться!

Писатель Александр Фадеев

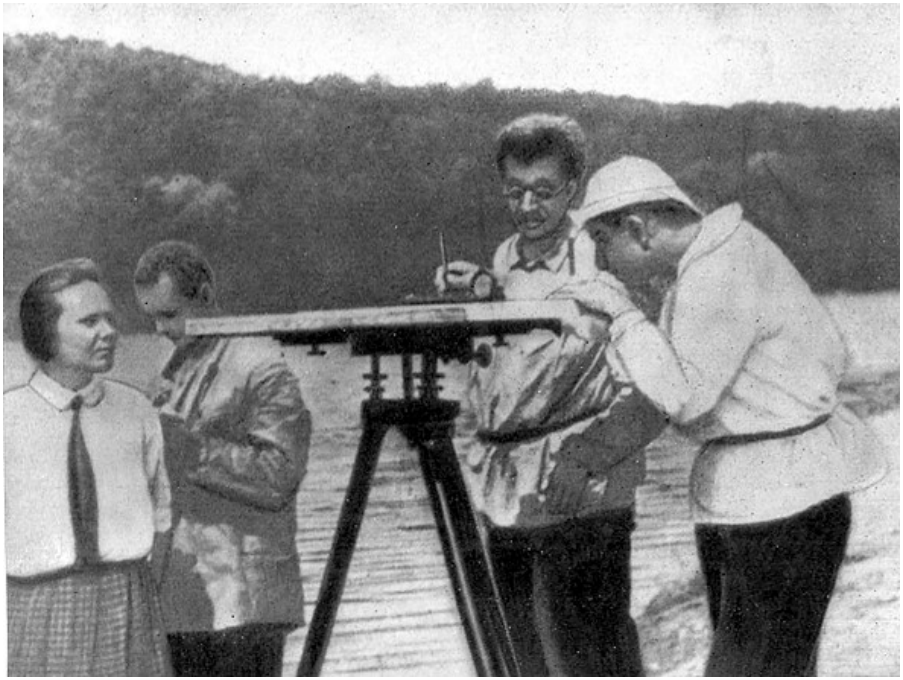
Адрес бывшего комиссара 1-й Сибирской дивизии,
Омск

Записка А. Фадеева

Здание общежития Московской горной академии. 1923 г.

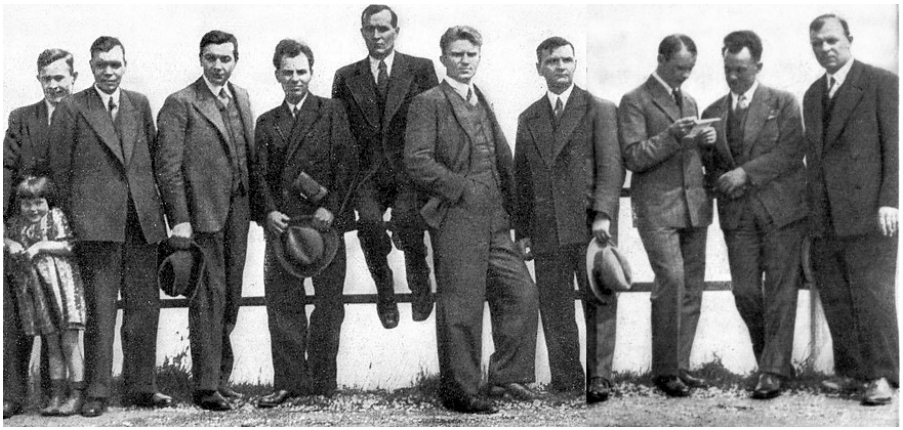
М. Калинин (в центре) среди студентов Московской горной академии

Во дворе общежития Московской горной академии. Сидят (слева направо): И. Виноградова и Е. Виноградова; стоят: В. Емельянов с женой Наталией Арсеньевной. 1925 г.



А. Фадеев (справа) на геологической практике. 1923 г.

Группа студентов Московской горной академии. В центре — ректор И. Губкин и И. Тевосян. Сидит (крайний справа) В. Емельянов



Советские практиканты в Эссене. Слева В. Емельянов с дочерью Надей. 1933 г.

В. Емельянов, его жена Наталия Арсеньевна и Д. Анашкин в окрестностях Эссена. 1935 г.

Lettre avec valeur declarée pour mille cinq cents roub (1500r)

Essen – Zemeljanoff.

Quittung

1) Billet Intourist-Moskau N° 001855 – 200r

2) Billet Intourist-Moskau N° 001856 – 200r

3 Billet Intourist Moskau N° 001857 200r

4 Billet Intourist Moskau N° 001858 200r

5) Billet Intourist Moskau 001859 200r

6) Quittance Intourist " — 003705 100r

7) Quittance "Intourist" — 003706 100r

8) Quittance "Intourist" — 003704 100r

9) Quittance " Intourist " " 003703 100r

10) Quittance " Intourist " — 003702 100r

28/II 31 (mille cinq cents roub. 1500r

Письмо с проездными билетами побывало в руках гестапо

С. Орджоникидзе и Б. Ванников. 1935 г.

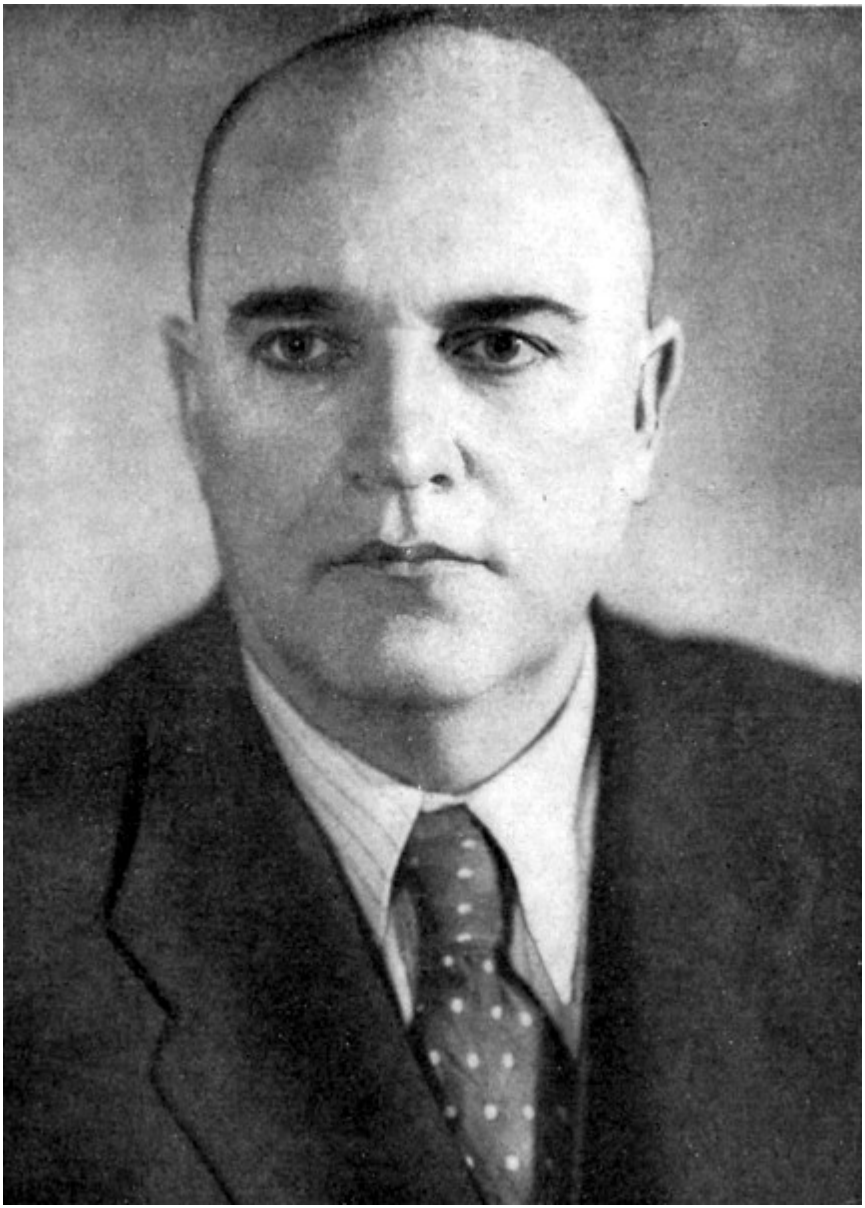
РАСПОРЯЖЕНИЕ

ДИРЕКТОРУ ФЕРРОСПЛАВНОГО ЗАВОДА.

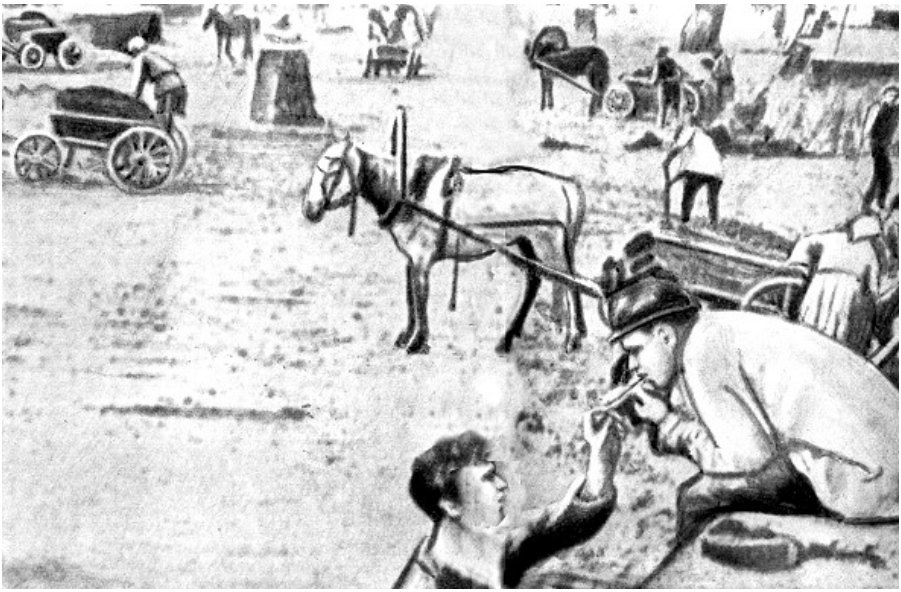
Разрешаю Директору завода половину прибыли полученной во втором полугодии 33 года, от снижения себестоимости продукции сверх плана расходовать на улучшение бытовых условий рабочих и И.Т.Р. завода.

НАРКОМ ТЯЖЕЛОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

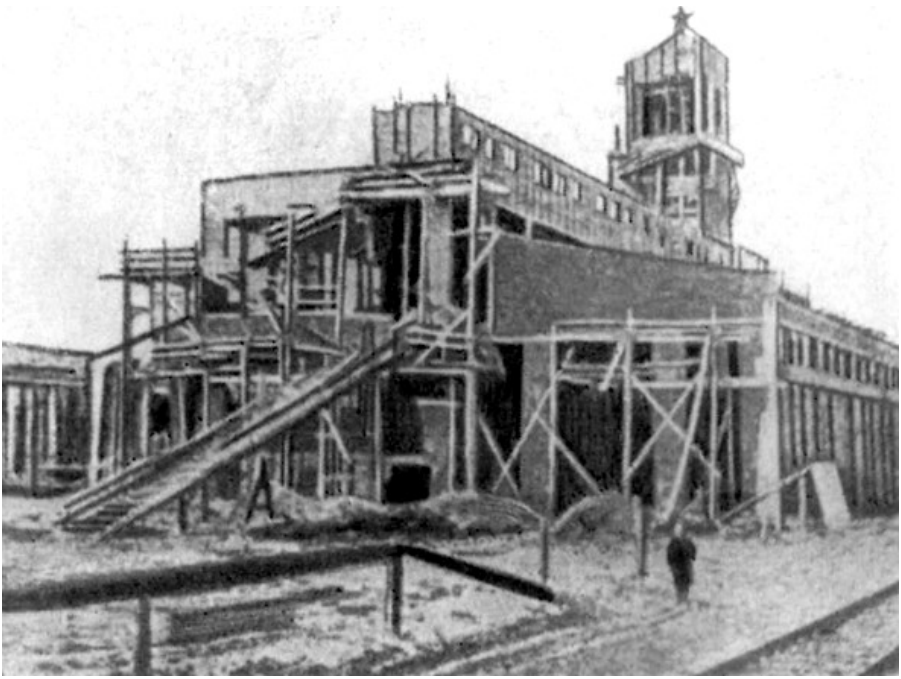
Распоряжение С. Орджоникидзе



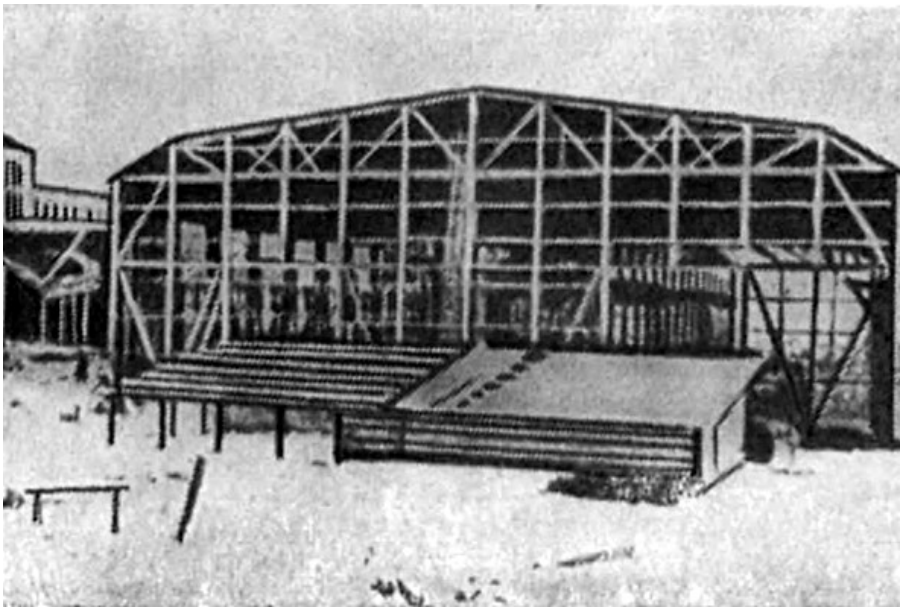
Л. П. Завенягин



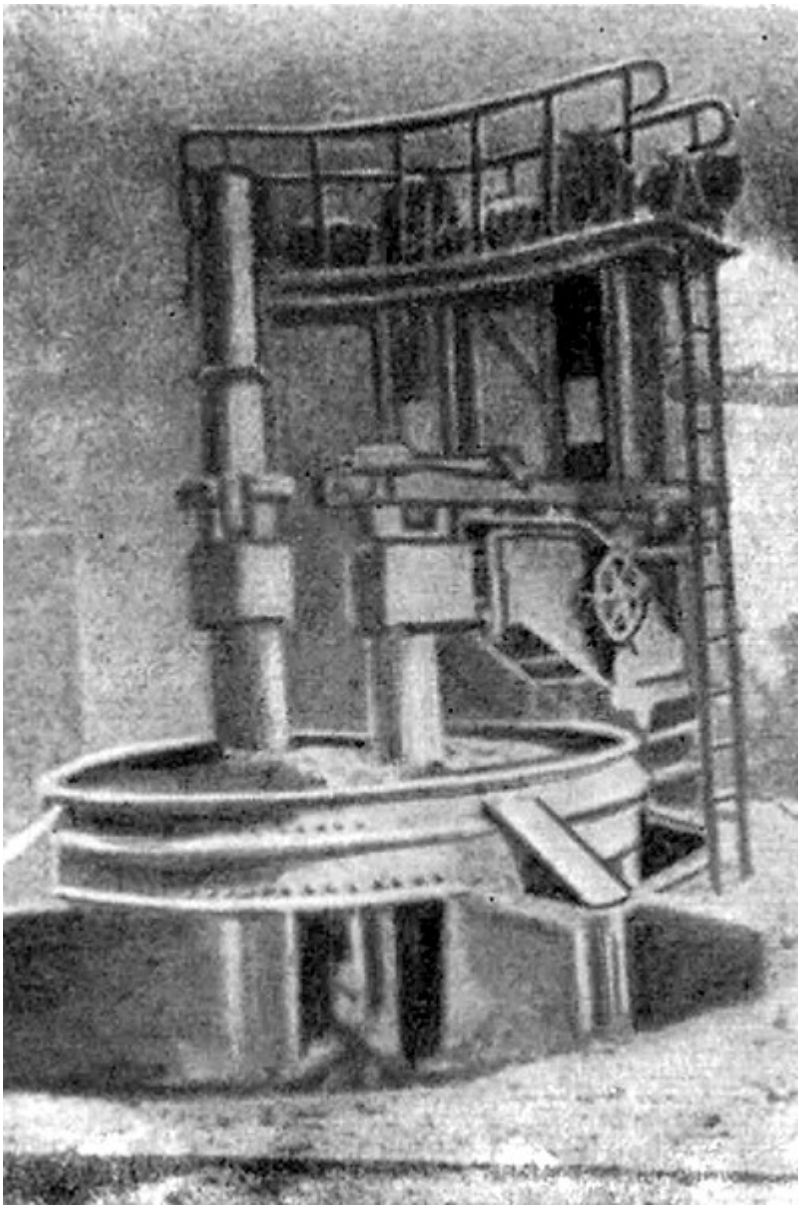
Так начиналось строительство Челябинского ферросплавного завода. 1929 г.



Плавильный корпус



Шихтовый двор



Плавильная печь. 1932 г.

С. Орджоникидзе и И. Тевосян на Челябинском ферросплавном заводе. 1933 г.

notes

Примечания

1

— Контроль паспортов!

2

— Но ведь у меня есть французская виза!

3

— Есть ли у вас сигары, сигареты, табак, коньяк, духи?

4

— Нет.

5

— Дайте мне, пожалуйста, порцию ветчины и стакан чаю.

6

— У нас нет стаканов, только чашки.

7

— Чашка.

8

— Тогда я не буду пить.

9

— Не «я хочу», а «я желаю».

«Я желаю тетрадь».

11

— Достаточно или больше?

— Достаточно.

«Экономьте свет».

14

Король стали.

15

— Здравствуйте.

16

— Как поживаете?

17

— Много дела.

18

— Что вы здесь делаете? Разве вы еще в Эссене?

19

— Селедка по Бисмарку.

20

— Селедка по Гитлеру.

21

Червячки.

22

«Исследовательское помещение сталеплавильного производства».

23

— Поднимай!

24

— Поднимай!

Спасибо.

26

— Как обычно, седьмой номер?

27

— Третий номер, пожалуйста.

— Перезарядите, пожалуйста.

29

— Черт возьми.

30

— Сколько?

31

— Бесплатно, бесплатно — без оплаты. Что вы сделали — это волшебство.

32

— Папа безработный уже четыре года. Мама больна. У нас нечего есть. Не можете ли вы нам помочь?

— Это очень много.

— Типичное немецкое лицо.

— Но она приехала сюда из «голодающей» России.

36

«Почему вы не танцуете?»

37

— Почему вы сидите один?

38

— Почему вы не танцуете?

39

— Хотите вы еще что-нибудь заказать?

40

— Закажите для меня, пожалуйста, стаканчик коньяку.

41

«Вы из Чека?»

42

Доброе утро.

43

Доброе утро.

Гостиница *(нем.)*.

45

Гостиница «Золотой олень».

— Приятного аппетита.

— Вы не здешний?

— Нет.

49

— Откуда вы?

— Как вы думаете?

— О-о, я думаю, вы из Берлина.

— Немного дальше.

53

— Откуда же?

— Из Москвы.

55

— Вы явились сюда, чтобы делать революцию?

— Конечно.

— Вы из Чека?

— Само собой разумеется.

— А также кружку пива, пожалуйста.

— Салат из огурцов с пивом?

61

— Почему нет?

— Это не идет.

— Это не идет.

— Но я думаю, что пиво всегда идет.

— Да, да, конечно.

— Войдите.

67

— Доброе утро.

68

Наш удар.

69

Сдается комната.

70

Сдается квартира.

71

Быть или не быть.

— Понимаешь?

«Шлейхер свергнут».

Планируются строгие меры против КПГ.

«Третий выпуск».

— Сумасшедший, что вы делаете.

— Мы простые люди.

Другие времена, другие птицы,
Другие птицы, другие песни.
Они понравились бы мне, быть может,
Если бы я имел другие уши.

Я не знаю, что это означает,
Что я так опечален.

80

Член гитлеровского союза молодежи.

81

Еврейский магазин.

82

Кто ариец?

— Да, да, я полагаю.
— Что вы полагаете?
— Извините, пожалуйста, но я потерял голову.

Вы знаете, что значит «народные границы»?

«Народные границы»

— Вы поняли, что означают слова «народные границы»?

87

— Это война!

— Войдите.

89

Тайная государственная полиция.

«Дорога назад». Она вышла у нас под названием «Возвращение».

— Садитесь, пожалуйста.

92

У меня нет автомобиля, У меня нет рыцарского имения, У меня только любовь для тебя.

93

— Гитлер ничто. Вильгельм — вот это был настоящий человек.

— Да здравствует Москва!

95

— Доброе утро.

Секретарь окружной национал-социалистической организации.

— Вы Емельянов?

— Да.

— Не знаю.

100

Смирно. Сидите смирно.

101

Склонение глагола «иметь».

102

— Есть у вас русские газеты?

103

Лес. *(фр.)*

104

Скорый поезд на Эссен.

105

— Пойдемте с нами.

— Да.

— Пожалуйста.

— Вот это человек!

109

Мы иностранцы.

— Мы иностранцы.

111

Советско-немецкое общество по торговле нефтепродуктами.

112

Низложение Рема.

113

Вилла Рема.

Акция по чистке закончена.

115

Кто там? *(нем.)*.

116

Зоологический сад.

117

— Что вам угодно?

118

Кто захочет с нами вступить в борьбу, если нами командует Гитлер.

119

И когда рвутся ручные гранаты, сердце в груди хохочет.

120

— Что случилось?

121

— Несчастье!